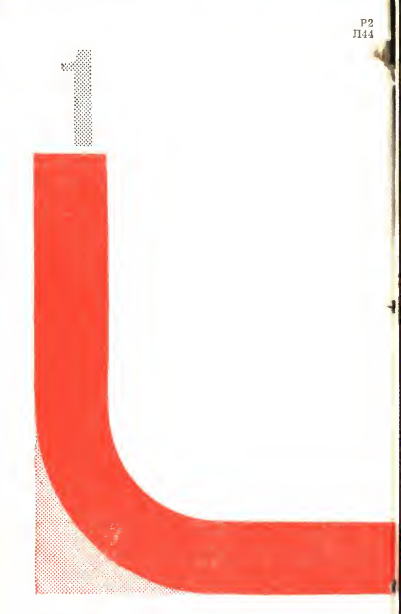

библиотека
приключений

библиотека

приложение к журналу
"сельская молодежь"

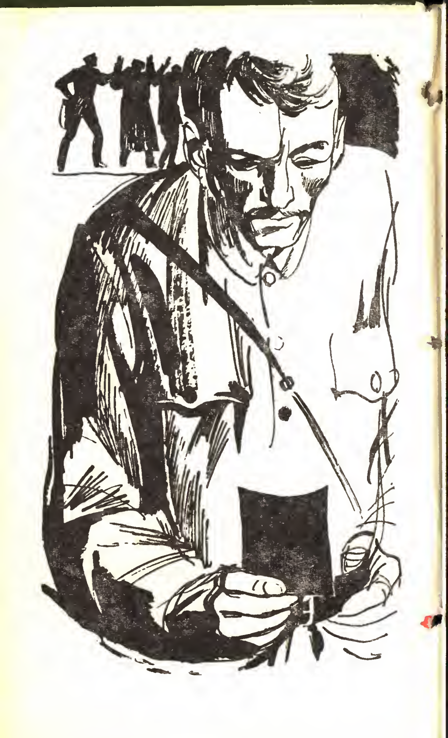

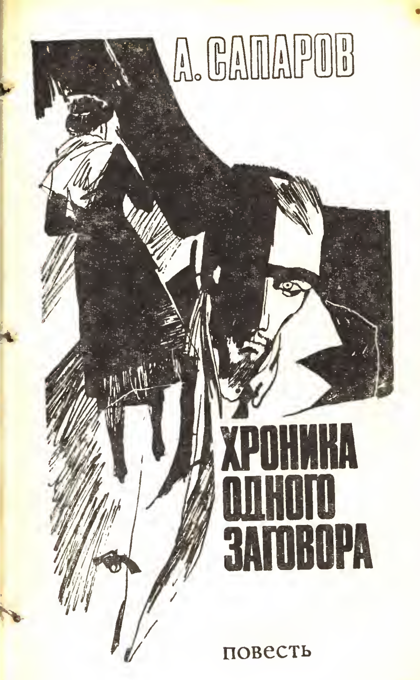

издательство цк влксм "молодая

А. САПАРОВ
А. ЗЛОБИН

гвардия"
москва 1969

повесть

1

В погожий солнечный полдень, какие случаются иногда и в октябре, на передовые позиции изволил прибыть Николай Николаевич Юденич. До Гатчины главнокомандующий Северо-Западной армией доехал в роскошном императорском салон-вагоне, разысканном для него услужливыми интендантами, а далее кортеж штабных автомобилей двигался под эскортом лихих конников из личной сотни Юденича, которые на сытых своих конях умудрялись не отставать от машин.

Как всегда, главнокомандующий был хмур и неразговорчив. Кряжистый, почти квадратный, с замкнутым наглухо лицом солдафона и с крутой бычьей шеей, он и впрямь был похож на кирпич, подтверждая данное ему острословами прозвище.

Наступление армии развивалось успешно.

Ехавшие вместе с Юденичем генерал Родзянко и в особенности Глазенап, только что

произведенный в генералы и заранее назначенный петроградским градоначальником, всю дорогу шутили, пытаясь его развеселить, а он лишь топорщил моржовые вислые усы и, взобравшись на вершину горы, где солдаты саперного взвода устроили наблюдательный пункт, не произнес ни слова. Стал чуть впереди многочисленной свиты, по-наполеоновски скрестил руки, молча рассматривал открывшуюся с горы панораму.

А внизу, в прозрачной осенней дымке, повисшей над широкой приневской равниной, лежал Петроград. Весь разом, весь будто на ладошке, такой доступный и близкий. С закопченными трубами заводов, с жалкими хибарками деревянных окраин, с барственным великолепием дворцов, гранитных набережных и неповторимо прекрасных площадей.

На правом фланге наступающих частей, очевидно у Царского Села, гремела ожесточенная артиллерийская перестрелка. В глуховатые ее голоса изредка врывались отчетливо слышные пулеметные очереди.

— Господа, кажется, я различаю Невский проспект! — крикнул Глазенап, отрываясь от окуляров полевого бинокля.— Бог ты мой, красотища-то какая! И купол святого Исаакия вижу! И Адмиралтейскую иглу! Не угодно ли полюбоваться, ваше превосходительство?

Юденич не ответил и не взял протянутого ему бинокля.

Наступила неловкая пауза. Все начали переглядываться, поведение Кирпича было необъяснимо загадочным.

— А зачем нам, собственно, бинокли? — нашелся Родзянко, решительно прервав затянувшуюся паузу. Племянник бывшего председателя Государственной думы Александр Павлович Родзянко считал себя искусным политиком, которому волей-неволей надо выручать этого провинциального бурбона, по ошибке назначенного в главнокомандующие.— Нет уж, увольте, господа, обойдемся без биноклей! Дня через два сами будем разгуливать по

Невскому, успеем еще налюбоваться... И руками даже пощупаем...

Родзянко громко захохотал. Облегченно заулыбались и в свите. Ревельский корреспондент «Таймс», единственный из журналистов, кого Кирпич пригласил в эту поездку на фронт, что-то записывал, одобрительно посматривая на Родзянко. Тогда и до главнокомандующего дошло, что последнее слово надо оставить за собой.

— Насчет гуляний вы рановато заговорили, любезный Александр Павлович,— солидно произнес Юденич.— Но Питер мы на этот раз возьмем. Всенепременно возьмем!

И медленно направился к ожидавшим у подножия горы автомобилям, дав понять, что рекогносцировка закончена. Корреспондент «Таймс», чуточку отстав от других, записывал историческую фразу главнокомандующего.

На обратном пути в Гатчину Юденич снова непроницаемо молчал, углубившись в свои размышления. Канонада на правом фланге после полудня заметно усилилась. Время от времени, с равномерной методичностью, грохали тяжелые разрывы, напоминающие обвал в горах.

— Главный корабельный калибр! — озабоченно сказал Родзянко. — Похоже, бьют, негодяи, с «Севастополя», он у них поставлен в порту, в Гутуевском ковше...

Кирпич поднял седеющую коротко стриженную голову, прислушался. И, опять помедлив, произнес одну из своих странных фраз, над которыми так любили потешаться завистники и недоброжелатели главнокомандующего:

— Обойдется. Всякому фрукту свой сезон...

Родзянко и Глазенап, не сговариваясь, посмотрели друг на друга, ожидая разъяснений, но главнокомандующий ни слова не прибавил и упорно молчал всю дорогу.

Завистники генерала Юденича, а их насчитывалось изрядное число, весьма приблизительно разбирались в этом тугодумном и медлительном старике. Принято было считать его недалеким служакой с довольно, впрочем, известным в офицерских кругах

именем. Как-никак герой Эрзерума, генерал от инфантерии, полный георгиевский кавалер. Кого другого мог выбрать адмирал Колчак в военные предводители похода на Петроград? Вот сделает свое солдатское дело, завоюет с божьей помощью столицу и пусть подает в отставку, а судьбы государства будут вершить другие, более искушенные в тонкостях политики.

Кирпич знал об этих настроениях и не очень-то беспокоился. Пусть себе болтают, а с избранного пути он все равно не свернет. И посмотрим еще, чей будет верх в итоге, кто кого перепляшет.

Руководила им не столько забота о восстановлении монархии, как думали иные, сколько неутоленная жажда власти и почестей. Правда, осторожности ради он не признавался в том никому, изображая из себя ревностного монархиста. Собственной жене и той не доверял тщеславных своих замыслов, но жена понимала его без слов. Вот и вчера, провожая на ревельском вокзале, перекрестила на прощание и с дрожью в голосе шепнула на ухо: «В добрый час, Николенька!»

Старуха права, это был добрый для него час. И уж теперь он не промахнется, своего не упустит, как случилось с ним в зимнюю кампанию 1916 года, когда войска его штурмом овладели эрзерумской твердыней турок. Дудки, милостивые государи, дураков нет! Ему и тогда казалось, что наступил, наконец, долгожданный час триумфа. «Русские чудо-богатыри, слава вам, повторившим и приумножившим подвиг генералиссимуса Суворова!» — написал он в приказе, надеясь, что новым Суворовым нарекут его, Николая Николаевича Юденича. Однако львиную долю пирога отхватил другой Николай Николаевич. Не заурядный пехотный генерал, а великий князь, дядюшка государя императора, числившийся наместником на Кавказе. Истинного триумфатора незаметно оттерли в сторону.

Ну что ж, дважды на одной кочке спотыкаться нельзя. Именно по этой причине всю подготовку к походу на Петроград он прибрал к своим рукам. Извините, подвиньтесь, господа, а хозяина столицы российской никому не удастся отпихнуть в сторону, как отпихнули его придворные шаркуны. Пока

Колчак и Деникин канителятся, пока суд да дело, он молниеносным рывком успеет захватить Петроград, а победитель, как известно, при любых обстоятельствах бывает прав. И с волей его вынуждены будут считаться все. И еще неизвестно, кого назовут истинным спасителем России...

Юденича одолевали военные заботы.

С ревнивой стариковской неуступчивостью держал он под личным контролем все подробности оперативного замысла. И в первую голову все деликатнейшие обстоятельства, так или иначе связанные с операцией «Белый меч». Сам, никому не доверяя, прочитывал шифровки, поступавшие из Петрограда, а потом, запершись в кабинете, часами советовался с начальником контрразведки.

Операция эта начнется по сигналу, который он даст в надлежащий момент. Начнется и моментально парализует всю оборону большевиков. Никаких баррикадных боев в черте города не будет — в этом весь смысл «Белого меча».

Падет Смольный институт, ставший оплотом комиссаровластия. Верные люди быстро захватят телеграф, радиостанцию, вокзалы, склады с оружием и, само собой, здание на Гороховой улице, где разместилась «чрезвычайка». И двенадцатидюймовые орудия «Севастополя», с божьей помощью, будут повернуты против красных, дайте только срок. Все произойдет по плану.

У англичан, к сожалению, нервы не выдержали. Уж на что расхваленное учреждение Интеллидженс сервис, а опытный их агент, говорят, подкачал. Не смог с перепугу закончить всех необходимых приготовлений, струсил перед могуществом чекистов.

И все же операция «Белый меч» состоится.

Вовремя дать сигнал — вот что важнее всего прочего. Ни часом раньше, ни часом позднее. Эффект «Белого меча» зависит от своевременности удара.

Возвратившись в Гатчину, Юденич беседовал с начальниками дивизий, вызванных с боевых участков.

Обстановка на фронте за истекшие сутки несколько осложнилась, но это не смущало главнокомандующего. Начальника первой дивизии свет-

лейшего князя Ливена, встревоженного возросшими потерями и обилием резервов, получаемых противником, Кирпич нашел нужным оборвать со свойственной ему грубоватой бесцеремонностью:

— Попрошу, князь, докладывать без истерики... У страха глаза велики, разве вам это не ведомо?

На следующий день в лондонской «Таймс» была опубликована пространная телеграмма ревельского корреспондента. Сообщалось в ней, что доблестная Северо-Западная армия одерживает под Петроградом победу за победой, что путиловские рабочие уже выслали к Юденичу депутацию с хлебом и солью и что комиссары из Смольного спешно пакуют чемоданы.

Упоминал корреспондент и историческую фразу, произнесенную главнокомандующим у стен русской столицы. И родзянковскую шутку насчет бесполезности биноклей приписал заодно Юденичу, вызвав у ревнивого Александра Павловича приступ бешенства.

«Дни красного Петрограда сочтены»,— уверенно предсказывала «Таймс».

2

Бурный успех Юденича, всего за неделю достигшего ворот Петрограда, создал смертельную угрозу городу Октября. Потрепанные в неравных боях полки Седьмой армии отступали, связь нарушилась, управление войсками стало затруднительным.

Причиной этих неудач была внезапность вражеского удара. Ожидалось, что противник предпримет обходное движение на Новгород и Чудово, замыкая город в широкий полукруг. В связи с этим была предпринята некоторая перегруппировка сил. Но Юденич в последний момент изменил свой план и ударил по кратчайшей прямой, взломав нашу оборону у Ямбурга.

Немалую роль сыграли и английские танки. Их было немного, всего восемь или десять, но двигались они впереди боевых порядков вражеской пехоты, и лишь прямое попадание снаряда могло пробить их стальную броню.

Петроград был объявлен на осадном положении.

Закрылись театры и кинематографы. Телефоны действовали лишь в некоторых учреждениях, на фабриках и заводах. С восьми часов вечера улицы города становились безлюдными.

17 октября 1919 года в «Петроградской правде» было опубликовано письмо Ленина. «Мне незачем говорить петроградским рабочим и красноармейцам об их долге», — писал Владимир Ильич, выражая уверенность, что защитники города сумеют отбить яростный натиск белогвардейцев.

Ленин всю жизнь непоколебимо верил в питерских пролетариев и ни разу в них не ошибся. Не ошибся он и в этот грозный час испытаний.

Без паники, с прославленной питерской организованностью наращивал город свои оборонные усилия. Подрывники минировали мосты через Неву, на улицах строили баррикады, окна и балконы домов, особенно на ключевых перекрестках, превратились в огневые точки.

Характерная подробность. 17 октября белогвардейцы захватили Красное Село и вплотную приблизились к Лигову, угрожая ворваться в город. 20 октября на рассвете они заняли Царское Село, с ходу принявшись за разграбление дворцовых ценностей. Именно в эти дни, когда смерть глядела прямо в глаза, Петроград с энтузиазмом проводил очередную «партийную неделю». Ряды коммунистов пополнили тысячи рабочих.

Навстречу врагу уходили добровольческие коммунистические отряды. Доблестно и самоотверженно бились с белогвардейцами красные курсанты, совсем еще молодые люди из рабочих и крестьян, будущие командные кадры Красной Армии.

Вечной славой овеяли себя в этих жестоких боях балтийские революционные моряки. Экспедиционные отряды, сформированные на кораблях и фортах Кронштадта, посылались обычно на самые тяжелые участки обороны.

Умельцы Обуховского завода за короткий срок изготовили два танка, направив их на фронт прямо из мастерских. Это были первые советские танки. В мастерских Путиловского завода днем и ночью готовили бронепоезда и бронеплощадки. Подбитый ар-

тиллерией врага бронепоезд «Черноморец» путиловцы сумели восстановить за одни сутки.

И еще одна красноречивая подробность тех грозных дней.

19 октября в Гатчине вышел в свет первый номер белогвардейской газетки «Приневский край». Редактором ее, увы, назвался А. И. Куприн, объявивший себя «пламенным бардом Северо-Западной армии».

Просуществовала эта маленькая газетка недолго, была злобствующей, как все издания подобного рода, однако и в ней, между прочим, легко обнаружить весьма ценное свидетельство очевидца. «Красные курсанты дрались отчаянно,— признавал ее редактор в обзоре военных действий.— Они бросались на танки с голыми руками, вцеплялись в них и гибли десятками».

Фронт под стенами Петрограда ревел и грохотал, подобно ненасытному чудовищу. Это был фронт, видимый каждому, требующий все новых и новых подкреплений. Горячее его дыхание врывалось в дома, заставляя браться за оружие и старых и малых.

Был, однако, и другой фронт — в самом Петрограде, в глухом подполье, за непроницаемо зашторенными окнами буржуазных особняков. Фронт незримый и неслышный, фронт ожесточенной тайной войны.

К осени 1919 года напряжение классовой борьбы в стране достигло высочайшего накала. Поджоги, взрывы, убийства из-за угла, саботаж, спекулятивные махинации с продовольствием — все средства использовали против Советской власти ее враги.

25 сентября в Москве, в особняке графини Уваровой, где размещался Московский комитет партии, взорвалась бомба, брошенная анархистами. «Наша задача — стереть с лица земли строй комиссародержавия!» — провозглашали они в своем нелегальном листке «Анархия», открыто объявляя Советской власти «динамитную войну».

Двумя неделями раньше петроградским чекистам удалось предотвратить диверсию на железнодорожном мосту через Волхов. Подосланные врагом диверсанты хотели таким образом затруднить связь Петрограда с Москвой.

В Ревеле и в Гельсингфорсе, в ближайшем со-

седстве с революционным Петроградом, успели к этому времени образоваться довольно активные и многочисленные центры белой эмиграции. Естественно, что Петроградской ЧК нужно было с неослабным вниманием наблюдать за всеми происками этой озлобленной публики.

Чекистам был известен состав «Особого комитета по делам русских в Финляндии», возглавленного князем Масальским, герцогом Лейхтенбергским, бароном Таубе и другими видными контрреволюционерами. Известны были и суммы, собранные комитетом для нужд армии Юденича.

Немалый интерес представила информация о некоторых скандальных подробностях образования «Северо-Западного правительства», которое англичане породили с неприличной поспешностью. Стенографическая запись коротенькой речи бригадного генерала сэра Джорджа Марша не оставляла ни малейших сомнений в марионеточном характере этого «правительства».

Особое внимание Петроградской ЧК по причинам, о которых будет сказано несколько позднее, привлекала английская секретная служба — Интеллидженс сервис. И не случайно поэтому задолго до наступления Юденича на Гороховой начали накапливаться оперативные материалы, получившие вскоре название «Английской папки».

Целый ряд фактов, подчас едва приметных и вроде бы несущественных, подсказывал, что в Петрограде зреет новый вражеский заговор и что возглавляет его некий англичанин.

ЧК располагала и некоторыми приметами этого агента английской секретной службы, правда, до крайности противоречивыми, неопределенными. По одним данным выходило, к примеру, что он молодой еще человек, высокий, чуть сутуловатый, с худощавым бритым лицом, в красноармейской шинели и в стоптанных русских сапогах. Другие источники утверждали некое сходство агента с Иисусом Христом, каким пишут его на иконах: густая вьющаяся бородка, удлиненные черты лица, грустные глаза. По третьим источникам, получалось, что это талантливый пианист, что он хорошо известен в артистическом мире.

Заговорам в ту беспокойную пору никто не удивлялся. Требовалось быстрее их обнаруживать и, главное, неспешно обезвреживать.

Тем привычнее были заговоры в Петрограде, справедливо названном десницей и шуйцей революции.

За первые два года после победы Октября красный Петроград отправил по партийным мобилизациям около трехсот тысяч лучших своих сынов и дочерей. Петроградские коммунары сражались на фронтах гражданской войны, работали в совдепах, чрезвычайных комиссиях, продовольственных и заградительных отрядах. Не было в республике самого захолустного уезда, где бы не нашлось закаленных в классовых битвах петроградских пролетариев. Все это, естественно, ослабило город и его партийную организацию.

В то же самое время Петроград, как недавняя столица российской империи, буквально кишел «бывшими» людьми. Промышленники, купцы, помещики, изгнанные с насиженных мест, враждебно настроенное офицерство, родовитая знать — вся эта публика служила отличной питательной средой для бесконечных интриг и провокаций против власти трудящихся.

Поначалу «Английская папка» не отличалась чрезмерной обстоятельностью накопленных в ней материалов. Всего лишь разрозненные факты, предположения, гипотезы. Явно не хватало ниточки, позволяющей приступить к практическим действиям. Пусть тоненькой, это неважно, но все же ниточки, которая рано или поздно должна навести на верный след.

Коллегия Петроградской ЧК поручила «Английскую папку» сотруднику Особого отдела Эдуарду Отто.

— Вот что, дорогой Профессор, садись-ка и размышляй на досуге,— сказал ему Николай Павлович Комаров, начальник Особого отдела ЧК.— Рекомендую взглянуть еще разок на дело Кроми, свяжись с Москвой, а самое важное — побольше думай. Себя попробуй поставить на их место, это иногда бывает полезно.

Профессор осторожно заметил, что чекист он

еще недостаточно опытный и что вернее, пожалуй, доверить «Английскую папку» кому-нибудь из более квалифицированных товарищей.

— Э-э, батенька, пустые это разговорчики,— поморщился Николай Павлович.— Все у нас неопытные, все учатся, негде брать профессионалов... Давай, давай, впрягайся по-настоящему...

Профессором Эдуарда Морицевича Отто прозвали еще в 1905 году. Заведовал он тогда динамитной мастерской в Риге, снабжал самодельными гранатами вооруженные рабочие дружины, а после того как военно-полевой суд вынес ему смертный приговор, умудрился подготовить и благополучно совершить неслыханно дерзкий побег из ревельской тюрьмы. С тех пор партийная кличка частенько заменяла ему и имя и фамилию.

Профессор внимательнейшим образом заново изучил прошлогоднее дело английской миссии. Но увы, среди выловленных и успевших исчезнуть агентов Интеллидженс сервис человека с внешностью Иисуса Христа не оказалось. Не было среди них и музыкантов, тем более не было виртуозов пианистов.

Запрос, посланный Профессором в Москву, прибавил немногое. Из Всероссийской Чрезвычайной Комиссии ответили, что помочь пока бессильны, материалов соответствующих не имеется. Далее следовали обычные советы и рекомендации, а их у Профессора хватало. Не было у него ниточки, за которую можно уцепиться.

Впрочем, появилось вскоре нечто похожее на ниточку. Дала ее начавшаяся ликвидация «Национального центра» — крупнейшей антисоветской организации кадетского подполья.

Следствие установило, что, помимо связей с разведками Колчака и Деникина, «Национальный центр» усиленно налаживал контакты с английской секретной службой. Арестованные вожаки организации признались, что к ним в Москву приезжал из Петрограда полномочный эмиссар Лондона. Приметы его заставили Профессора насторожиться: лет тридцати с небольшим, высокий, тонколицый, в красноармейской шинели, свободно изъясняется по-русски, лишь изредка обнаруживая незначительный акцент.

«Национальный центр» остро нуждался в деньгах, со дня на день ожидая специального курьера от Колчака. Руководители его не подозревали, что курьер этот перехвачен чекистами и миллион рублей золотом, который он вез из Сибири, давно сдан в Госбанк.

Англичанин пообещал, как выяснилось, помочь финансированием, оговорившись, что предварительно обязан запросить согласие Лондона и что уйдет на это недели две.

Еще следствие установило, что вместе с англичанином в Москву приезжала немолодая женщина, назвавшая себя Марьей Ивановной. Вся в черном, сухая, жилистая, некрасивая, глаза злые и властные, нос с заметной горбинкой. Прощаясь, англичанин предупредил, что замещать его будет Марья Ивановна.

Профессор воспрянул духом: это уже было кое-что. Нелегко, понятно, найти в Петрограде женщину в черном, со злыми и властными глазами или высокого англичанина, свободно говорящего по-русски, но ценность этой информации заключалась в том, что она подтверждала материалы «Английской папки». Выходит, заговор действительно готовится и во главе его — агент английской разведки.

Еще очевиднее сделалось это после сенсационной истории с шифровками.

На границе с Финляндией, в сосновом бору близ станции Белоостров, патруль пограничной стражи окликнул неизвестного мужчину. Тот кинулся бежать, пытался переплыть пограничную реку, и красноармейцам не осталось ничего другого, как открыть огонь.

Неизвестный был убит, никаких документов при нем не нашли, а ввинченную в каблук сапога маленькую свинцовую капсулу немедленно доставили на Гороховую.

В капсулу были вложены два листка тонкой рисовой бумаги, сплошь испещренные ровными столбиками цифр. Шифровальщики ЧК принялись их изучать. Довольно легко удалось подобрать ключ к русскому тексту.

Юденичу докладывала какая-то Мисс:

«Последним курьером я имела честь сообщить, что важное лицо из высокопоставленного командного состава Красной Армии, с которым я знакома и чувства которого мне хорошо известны, предлагает помочь в нашем патриотическом предприятии. На ваше усмотрение сообщается следующий план...»

План этот был коварен.

На заранее согласованном участке фронта изменники предусматривали затеять митинг, требующий возвращения по домам, после чего должны были последовать физическое уничтожение комиссаров и открытый мятеж. Затем ударные отряды белогвардейцев, воспользовавшись беспорядками, должны были опрокинуть нашу оборону и ворваться в тылы, сея панику и смятение. В заключение автор этого плана просил Юденича заблаговременно указать удобный участок фронта, чтобы можно было сосредоточить на нем силы заговорщиков.

Несколько труднее поддавался расшифровке другой листок, пока не догадались в ЧК, что написан он по-английски.

На маленьком листочке умещалось шпионское донесение генеральному консулу Великобритании в Гельсингфорсе господину Люме. Всего пять предельно четко сформулированных пунктов. Информация самая разносторонняя — о минных полях на подступах к Кронштадту, о строительстве оборонительных рубежей на Карельском перешейке, о совершенно конфиденциальных решениях, принятых недавно в Смольном. Последний пункт донесения кратенько излагал суть московских переговоров с «Национальным центром» и просьбу заговорщиков о срочном финансировании. Чувствовалось, что составлял донесение весьма опытный разведчик.

Профессора удивила несколько странная и непривычная подпись: «СТ-25». Ничего схожего Интеллидженс сервис еще не практиковал, это был новый код.

— Дело-то гораздо сложнее, чем мы с тобой думали,— сказал Николай Павлович, вызвав Профессора к себе на второй этаж.— А посему нужно сосредоточиться на этом англичанине. И Мисс нужно обезвредить — шустрая, видать, дамочка...

3

Поймать «СТ-25» было непросто.

Дом складывается по кирпичику, и когда подведут его под крышу, трудно даже вообразить, как он вымахал на столько этажей. В руках Профессора были лишь отдельные кирпичи, а то и обломки кирпичей.

Впрочем, рассказывать нужно по порядку.

30 августа 1918 года, в пятницу, на Дворцовой площади в Петрограде был злодейски убит Моисей Урицкий, председатель коллегии Петроградской ЧК. Убийца, эсер Канегисер, пытался скрыться на велосипеде, но был задержан.

В тот же день, спустя несколько часов, на заводе Михельсона в Москве эсерка Фанни Каплан стреляла отравленными пулями во Владимира Ильича Ленина.

Враги революции перешли к открытому террору.

Внутренняя взаимосвязь этих выстрелов для всех была очевидна, но далеко не все знали тогда, что следы ведут в английское посольство, в этот чинный и благопристойный особняк на набережной Невы, глядящий зеркальными окнами на Петропавловскую крепость. Точнее, в бывшее посольство, где размещались остатки прежнего его персонала, именуясь миссией Великобритании.

Утренним субботним поездом в Петроград приехал Феликс Эдмундович Дзержинский.

В распоряжении Дзержинского находились неоспоримые доказательства, изобличающие английских дипломатов в преступных действиях против Советской власти. Известно было, что на субботний вечер назначена тайная встреча с вожаками белогвардейского подполья и что проводить ее будет Сидней Рейли, один из наиболее ловких сотрудников Интеллидженс сервис.

Чрезвычайность сложившейся обстановки потребовала от председателя ВЧК чрезвычайных мер. Лишь внезапный обыск в здании английской миссии позволял спутать карты дипломатов-преступников.

Обыск этот начался со стрельбы и кровопролития.

Буржуазные газеты впоследствии извели горы бумаги, всячески извращая инцидент на набережной Невы. Истошными голосами вопили они о произволе дикарей-большевиков, нарушивших международные правовые нормы, о злонамеренном умерщвлении ни в чем не повинного бедняги Кроми.

Но у лжи короткие ноги, и вскоре истина взяла верх. Засвидетельствовал ее, кстати, сам Брюс Локкарт, незадачливый организатор известного «Заговора послов». В своей книге «Буря над Россией» он признал, что «Кроми бросился навстречу пришельцам с револьвером в руке и после того, как убил одного из них, был застрелен на площадке лестницы».

А было все это так.

В назначенный Дзержинским час оперативная группа чекистов окружила посольское здание, заблокировав все выходы. В парадный подъезд вошли шестеро комиссаров во главе с Иосифом Стадолиным, старым большевиком-подпольщиком, долгие годы прожившим в эмиграции и отлично знавшим английский язык.

От чинной благопристойности в посольском особняке не оставалось и помину. Где-то в глубине дома громко хлопали двери, кто-то на кого-то истеричным голосом кричал. Видно было, что с лихорадочной поспешностью сжигаются бумаги. На беломраморную лестницу вырывались из комнат хлопья пепла и дыма.

Стадолин и его друзья догадались о причинах переполоха. Дипломаты спешили уничтожить доказательства своих преступлений. Но едва комиссары начали подниматься по лестнице, как с верхней площадки хлопнул выстрел.

— Немедленно прекратите стрельбу! — по-английски крикнул Стадолин.— Мы уполномочены произвести...

Договорить он не успел. Пуля сразила его, и Стадолин упал на светлую ковровую дорожку лестницы. Следом за ним были тяжело ранены еще двое сотрудников ЧК.

Хладнокровным стрелком, на выбор расстреливающим наших людей, как позднее выяснилось, оказался военно-морской атташе Великобритании

Френсис Ален Кроми. Разумеется, он слышал и прекрасно понял обращенные к нему слова Стадолина. И все же продолжал стрелять, пока сам не был сбит ответным выстрелом.

Что же произошло в этот дождливый августовский вечер и почему дипломат взялся за пистолет?

Капитан Кроми никакого отношения к дипломатии не имел. Паспорт военно-морского атташе служил ему прикрытием истинных его занятий в посольстве.

Светские знакомые этого удачливого яхтсмена и умелого игрока в крикет, ставшего впоследствии командиром подводной лодки, были, вероятно, удивлены несколько странными зигзагами биографии Кроми. В самом деле, был человек морским офицером, каких в королевском флоте великое множество, и вдруг получил назначение по ведомству Форин Оффиса, да еще с внеочередным повышением в звании!

Между тем ничего странного в этой метаморфозе не было. В русскую столицу капитан Кроми приехал с особым поручением Интеллидженс сервис. Иначе говоря, назначили его шефом разведывательной сети англичан в России.

Сеть эта на громадных пространствах Российской империи создавалась десятилетиями, сделавшись особенно обширной в годы войны. Это была превосходно законспирированная, четко действующая и поразительно разветвленная сеть всеобщего шпионажа, который в наши дни называется тотальным. С ее помощью Лондон узнавал русские тайны значительно раньше русских министров.

В субботний тот вечер грянула беда.

Капитана Кроми предупредили о намеченном чекистами обыске — имелись у него осведомители на Гороховой, о чем стало известно несколько позднее,— но предупредили, что называется, в самую последнюю минуту. Некогда было отменить намеченную встречу с главарями белогвардейского подполья, не оставалось времени надежно припрятать компрометирующие документы. Вот тут-то, потеряв привычное самообладание разведчика, и взялся он за оружие. Пытался хоть как-то отсрочить неминуемый разгром, а главное — предупредить Сид-

ней Рейли и других гостей, еще не пришедших в посольство.

Попутно следует заметить, что через год после своей смерти капитан Кроми вновь появился на русской земле. На этот раз без охранительного дипломатического паспорта, но зато в неуязвимой танковой броне.

Случилось это воскрешение из мертвых в грозные октябрьские дни, когда армия Юденича приблизилась к воротам Петрограда. Красные курсанты из последних сил сдерживали натиск английских танков. Первым, как бы собираясь взять реванш за прошлогоднюю неудачу, двигался на их окопы «Капитан Кроми».

Реванша не вышло.

Не предотвратили разгрома шпионских гнезд и выстрелы живого капитана Кроми. Разгром начался сокрушительный.

Отборные агенты Интеллидженс сервис, великолепно замаскированные, многоопытные, в совершенстве знающие свое ремесло, проваливались один за другим.

Раньше других ЧК арестовала фон Мейснера.

Собственно, это был не фон и не Мейснер. Это был сын крупного астраханского рыбопромышленника Николай Николаевич Жижин, бывший ротмистр Таманского гусарского полка, бессовестный авантюрист, шулер и мошенник, изгнанный с военной службы решением офицерского суда чести «за неприличное поведение».

— Если угодно, я могу быть полезным Чрезвычайной Комиссии! — развязно предложил бывший гусар на первом допросе.— Уверяю вас, жалеть не придется. Весь вопрос в том, какой гонорар способны вы гарантировать. И какой паек.

Допрашивал его Профессор. Человек он был находчивый, за словом в карман никогда не лез, а тут лишь брезгливо поморщился, ничего не сказав в ответ.

Чуть позже был схвачен бывший корреспондент газеты «Утро России» при царской ставке Александр Николаевич фон Экеспарре, публиковавший обычно свои статьи под благозвучным псевдонимом Александр Дубовской. Он же, между прочим, был

князем Дмитрием Шаховским, гатчинским мещанином Никодимом Оргом, помощником присяжного поверенного Александром Эльцем и купцом второй гильдии Елизаром Платоновичем Плотниковым.

Взяли журналиста на Манежной площади, в квартире бывшей генеральши Бурхановской, где снимал он меблированную комнату с отдельным выходом, выдавая себя за последнего отпрыска старинного княжеского рода.

— Ваше сиятельство, да что же это означает? — в ужасе всплеснула руками генеральша, когда чекисты извлекли из тайника набор воровских отмычек, пузырьки с жидкостью для невидимых донесений, целую коллекцию поддельных документов и прочие шпионские принадлежности.

«Князь Шаховской» галантно поклонился своей квартирной хозяйке:

— Это означает, мадам, что ваш покорный слуга влип...

Журналист оказался крупной птицей, что доказывалось и суммой гонорара: платили ему англичане вдвое больше, чем гусару. И не зря, видно, платили. Однажды, к примеру, он подобрал отмычки и раздобыл на ночь секретнейший план минных заграждений в Финском заливе, хотя сейф, в котором хранился план, считался недосягаемым для злоумышленников. В другой раз с ловкостью циркового манипулятора выкрал чертежи новых морских орудий, еще не сданных Адмиралтейством на военные заводы.

Работа у чекистов сложная, и сталкиваться им доводится с самыми неожиданными историями. Однако и бывалых сотрудников ЧК немало поразил этот редкостный прохвост, заявивший вдруг, что намерен писать собственноручные показания, поскольку страшно возмущен черной неблагодарностью бывших своих хозяев.

Но удивляться в подобных обстоятельствах просто нет времени, да и не положено по службе. Журналиста оставили в одиночестве, снабдили бумагой и чернилами, и вскоре появился на свет божий довольно занятный человеческий документ.

Вот он.

«После скандального провала английской мис-

сии работа моя необычайно затруднилась. Я пробовал найти кого-либо из оставшихся на свободе английских деятелей, но это было практически неосуществимо из-за усиленного наблюдения со стороны ЧК. Вполне понятно, что я чувствовал озлобление против этих глупцов, допустивших разгром организации. И в то же время не мог не оценить по достоинству государственного ума той власти, которая сумела нанести столь громовой удар.

В конце сентября мне стало известно об освобождении англичан из Петропавловской крепости. С трудом я дозвонился, и к телефону подошел мистер Бойс, ближайший сотрудник покойного Кроми. Между нами состоялся следующий разговор (дословно):

— Кто у аппарата?

— Это я, Никодим Орг. Поздравляю с благополучным окончанием неприятностей. Мне необходимо вас видеть...

— Свидание сейчас невозможно. Позвоните как-нибудь...

— Повторяю, мне очень важно видеть вас без промедлений!

— Нет, нет, это невозможно! Я не могу с вами встретиться. Позвоните на той неделе...

— Когда?

— В понедельник вечером.

Разговор наш происходил в среду. Вновь я позвонил в понедельник на следующей неделе. Мне ответили, что миссия уехала в Англию еще в пятницу. Таким образом, они удрали, не сочтя своим джентльменским долгом облегчить тяжелое положение своего сотрудника и предоставив мне расхлебывать кашу самому. Иначе говоря, эти подлецы спасали свою шкуру и свою подмоченную репутацию, позабыв об элементарной порядочности».

После провала капитана Кроми шефом английской разведки стал Джон Меррет, скромный и неприметный с виду владелец фирмы «Меррет и Джонс». Вариант этот считался запасным и в случае осложнений вступал в действие автоматически.

Джон Меррет появился в Петрограде года за три до войны. Белокурый плечистый великан, каких нередко увидишь среди таежных сибирских охотни-

ков, он называл себя по-русски Иван Иванычем. Внедрялся весьма усердно, по всем правилам инструкции. Честнейшим и аккуратнейшим образом выполнял заказы, принятые его фирмой, подчеркнуто чуждался политики и лишних знакомств. В общем, как и задумано было в Лондоне, работал под занятого своим бизнесом дельца, вполне лояльного иностранца.

Кто знает, возможно, в другую пору и сошел бы он за преемника капитана Кроми. Восстановил бы потихоньку оборванные связи, уберег бы от провалов уцелевшую агентуру. Однако после нашумевшей истории с Брюсом Локкартом это стало практически неосуществимым.

С Ивана Иваныча не спускали глаз, откровенно контролируя каждый его шаг в Петрограде. Вдобавок нагрянули к нему с обыском, переворошили все конторские бумаги, все контракты и чертежи, и лишь счастливая случайность помогла ему избежать разоблачения.

Резидент, угодивший в поле зрения контрразведки, не стоит и ломаного гроша.

В Лондоне это понимали. К тому же наглядным примером служил крах Сиднея Рейли, считавшегося до того баловнем удачи. Ловкий коммерсант из Одессы, достойный отпрыск папаши Розенблюма, которого завистливые конкуренты прозвали Счастливчиком, Сидней Рейли принял английское подданство, выгодно женившись на дочери ирландского богатея Рейли Келлигрена. И фамилию позаимствовал у тестя, не только приданое. Отлично знал русский язык, нравился женщинам, умело вовлекая их в свои комбинации, был достаточно нахален и изобретателен. Но в конце концов зарвался и едва унес ноги из Москвы после раскрытия заговора Локкарта.

Нет, новому резиденту требовалось совершенно новое обличье. Не мог он быть дипломатом, как капитан Кроми, или вполне легализованным бизнесменом, как владелец фирмы «Меррет и Джонс». И азартная игра Сиднея Рейли не подходила больше к новым условиям, сложившимся в России.

Тогда-то и появился в Петрограде тайный агент «СТ-25». Случилось это в ноябре 1918 года.

4

Комбинация с «СТ-25» была многоходовой, дальновидно рассматриваемой во времени и пространстве.

Не полыхала еще на российских просторах кровопролитная гражданская война. Не было ни осеннего наступления Юденича на Петроград, ни тайной операции «Белый меч», на которую поставил главную свою ставку Кирпич.

Была новогодняя ночь. По-русски морозная и метельная, с тонкими восковыми свечками на празднично разукрашенных елках, с ряжеными и нищими, с лихими тройками и с сентиментальными святочными рассказами в иллюстрированных журналах.

Вступил в свои права 1909 год.

До полуночи оставалось час с четвертью. К пограничной станции Вержболово подкатил курьерский поезд.

Таможенные формальности, как ни спешили чиновники, изрядно подзатянулись. В тесном, жарко натопленном зальце станционного буфета было многолюдно и по-новогоднему оживленно. Пассажиры с нетерпением поглядывали на часы.

— Господа, с Новым вас годом! С новым счастьем! — провозгласил жандармский офицер, оказавшийся в центре довольно пестрой компании у буфетной стойки.

Мгновенно захлопали пробки шампанского. Из рук в руки передавались бутылки с добротным шустовским коньяком. Незнакомые люди спешили наскоро отметить наступление Нового года, заставшее их в пути.

— А вы чего зеваете, милостивый государь? — весело обратился жандарм к высокому молодому человеку в коротеньком клетчатом пальто, одиноко стоящему возле столика с закусками.— Прошу к нашему шалашу, присоединяйтесь!

Обращение было ни к чему решительно не обязывающим, а молодой человек вздрогнул, точно стегнули его хлыстом, и это, разумеется, не укрылось от жандарма.

В буфетное зальце вошел станционный служитель в тулупе, дважды тряхнул колокольчиком.

— Второй звонок курьерскому поезду, отправление на Санкт-Петербург! Второй звонок, господа! Второй звонок!

Неловко поклонившись и стараясь не глядеть на жандарма, молодой человек заторопился на перрон.

Странное его поведение, признаться, насторожило представителя власти. Вполне возможно, что последовал бы он за этим пассажиром и проверил бы его документы с обычной своей подозрительностью, но сосед жандарма у буфетной стойки, солидный толстяк в богатой енотовой шубе, перехватил его взгляд:

— Оставьте, любезнейший, пустое... Это англичанишка один, в гувернеры едет устраиваться...

— Вы с ним знакомы?

— Калякали давеча на остановке, познакомились. Юноша бедный, юноша бледный! — хохотнул толстяк, весело подмигивая жандарму.— Мало ли кормится ихнего брата на вольготных русских хлебах? Англичанишки, французики, немчура пузатая... И все едут, все едут... Пропустим-ка лучше посошок на дорожку, это вернее...

Жандарм с удовольствием согласился пропустить посошок. Если уж признаться по совести, вовсе не молодые иностранцы занимали его и не к ним он принюхивался, внимательно листая паспорта пассажиров курьерского поезда. Выискивал зловредных врагов престола, шарил в багаже марксистскую нелегальщину.

А жаль, между прочим...

Догадайся жандарм в ту новогоднюю ночь об истинных намерениях молодого путешественника в коротеньком клетчатом пальто — и запросто могла сорваться сложнейшая комбинация его многоопытных хозяев. Либо по крайней мере пришлось бы начинать все сызнова, изобретая новые ходы.

Но у жандарма хватало своих забот, и в положенное расписанием время курьерский поезд медленно вполз под застекленные своды столичного вокзала.

Всю дорогу до Петербурга молодой англичанин не сомкнул глаз, ругательски ругая себя за непростительную слабость. Сидел в вагоне третьего класса, забившись в угол, хмурился, размышлял.

На вокзале никто его не встретил. Забрав свой легенький баульчик и отказавшись от услуг носильщика, он вышел на просторную площадь.

Перед ним был Санкт-Петербург. Город блистательный и неповторимый, полночных стран краса и диво.

В этом заснеженном холодном городе начнет он новую свою жизнь. Шаг за шагом, не торопясь и не тратя время попусту, будет становиться похожим на русского. Это основная его обязанность в ближайшие годы — сделаться похожим на русского. Научиться говорить и думать, как они, изучить их нравы и обычаи, их экономику и искусство.

Конфузная история в станционном буфете пусть послужит предостережением и уроком. С чего было нервничать? В языке он не силен и все же успел сообразить, что жандарм приглашал его из обычной любезности. Нужно было подойти, учтиво улыбнуться, выпить с ними рюмочку коньяку, а он кинулся наутек, как ошалевший с перепугу карманный воришка. Глупо и непростительно.

День выдался по-январски морозный.

В розоватой дымке, повисшей над городскими крышами, сдержанно поблескивала тонкая золотая игла. «Адмиралтейство, а левее должен быть золоченый шлем святого Исаакия»,— подумал приезжий. К путешествию своему он готовился добросовестно, немало вечеров просидел в библиотеке и теперь с интересом проверял свои познания, отгадывая знакомые по книгам приметы русской столицы.

У портье дешевенькой и достаточно провонявшей кухонным чадом гостиницы «Селект» молодой человек записался Полем Дюксом, уроженцем графства Сомерсет.

Минует бурное десятилетие, и английский король вручит ему в Бэкингемском дворце орден Британской империи. Сделается он достопочтенным сэром, рыцарем удачи, чьи хлесткие статейки о большевистских ужасах перепечатываются из респектабельной «Таймс» десятками буржуазных газет.

Еще через десятилетие на книжных прилавках появится, мгновенно сделавшись модным бестселлером, «Исповедь агента «СТ-25». Любители детективного чтива найдут в ней увлекательные похож-

дения шпиона в красной России, состоящие главным образом из нескончаемой серии благороднейших поступков молодого джентльмена, без устали помогающего униженным и оскорбленным. Лишь немногие люди будут знать истинную цену этому весьма своеобразному «благородству».

Профессора к тому времени в живых не будет, и прочесть «Исповедь» ему не доведется. Впрочем, если бы и прочел он эту книжку, то вряд ли захотел бы комментировать. Усмехнулся бы в пожелтевшие от табака усы, почесал бы за ухом и взялся бы за очередные неотложные дела.

5

В Лондоне молодого путешественника предупредили, что первым долгом следует обзавестись видом на жительство. Русские полицейские порядки достаточно строги, и нарушать их никому не рекомендуется.

В канцелярии петербургского градоначальника, куда он обратился и где вели учет иностранцев, обошлись с ним приветливо. Наверно, потому, что документы у него были в полном порядке. Родился в Бриджуотере, колледж окончил в Кэтерхеме, сын почтенных и состоятельных родителей. К тому же имеет рекомендательные письма к влиятельным и уважаемым в столице персонам. Словом, вполне благонамеренный молодой человек.

Вскоре он уже служил в доме известного петербургского богача лесопромышленника. Натаскивал сыновей хозяина в английском, помогал составлять деловые бумаги, а по вечерам, запершись в своей комнатке в мансарде, ревностно зубрил неподатливую русскую грамматику.

Дом был устроен на английский манер, в те годы это становилось поветрием среди состоятельных людей. Обедали по-лондонски, в седьмом часу вечера, любили покейфовать возле камина, восхищались палатой общин, Вестминстерским аббатством, рослыми бобби, которым не чета мужланы городовые, и даже туманной погодой Альбиона, находя петербургские доморощенные туманы недостаточно

изысканными. Хвалить что-либо отечественное в этом доме считалось дурным тоном.

Платили ему прилично, обращались с ним подчеркнуто ласково, и все же он был недоволен. Раздражало англофильство хозяев, ему требовалось нечто совсем противоположное.

Весной, поблагодарив недоумевающего лесопромышленника, он перебрался на Ильмень-озеро, в усадьбу некоего старого русопетствующего чудака, чей адресок вместе с рекомендательным письмом вручили ему еще в Лондоне. Тут все было наоборот: сплошная русская патриархальщина с расписными полотенцами, деревянной посудой и непременным хлебным квасом к обеду.

Жилось ему в усадьбе вольготно. Два часа занятий с глуповатым внуком старого барина, а все остальное время — сам себе господин. Читай Достоевского и Пушкина, записывай лукавые сельские пословицы, подолгу беседуй с прислугой, настойчиво избавляясь от акцента.

Русским языком он вскоре овладел вполне сносно, и звали его теперь Пашенькой, а в официальных случаях Павлом Павловичем.

Деревенскому периоду в объемистой «Исповеди» отведены всего полторы странички, и это легко объяснимо. О чем, собственно, было писать, если день за днем наполнены будничной черновой работой?

Актеры эту работу называют вживанием в образ. Не скоро еще вызовут тебя на ярко освещенную сцену, не пробил еще твой час — вот и накапливай драгоценные подробности бытия. Они ни с чем не сравнимы, эти достоверные подробности, они надежнее любого документа. Залихватская озорная частушка, какие только на Ильмене и услышишь, хлесткое мужицкое ругательство, непереводимая игра слов — все это пригодится, все сослужит службу, когда наступит твой черед.

Между тем годы шли, а черед все не наступал. Из помещичьего новгородского захолустья он перебрался в столицу, жил в лучших домах, обзавелся полезными знакомствами. И новое появилось в его жизни: подолгу и очень охотно он музицировал, обнаружив недюжинные способности пианиста.

— Поступайте, милый, в консерваторию,— советовали ему знакомые. — Грешно губить божий дар...

Он отшучивался, называл себя посредственным любителем, смеясь, уверял, что божьего дара нет и в помине, а сам начал всерьез задумываться.

Дернула же его нелегкая подписать ту злополучную бумажку, в которой сказано, что никто и никогда не освобождает секретного агента от добровольно принятых обязательств. Теперь бы он, понятно, избрал карьеру получше. Разве это плохо — поучиться в прославленной консерватории, чьи питомцы известны всему миру?

Иногда ему начинало казаться, что достопочтенные джентльмены с Кингс кросс забыли о нем и, следовательно, он вправе распоряжаться собой по собственному усмотрению. Быть может, они просто пошутили тогда, немножко с ним позабавились?

Джентльмены с Кингс кросс, конечно, не забыли. Они ничего и никогда не забывают, эти безукоризненно вежливые и сдержанные старые джентльмены разыщут тебя хоть на краю света.

Нашли его не на краю света. Нашли в многолюдном вестибюле Нардома на Петроградской стороне, на субботнем шаляпинском концерте по общедоступным ценам. В антракте к нему неслышно приблизился серенький невзрачный субъект в старомодном сюртуке. Вежливо склонил бледную лысину, тихо произнес давным-давно условленный пароль.

— Вам рекомендовано записаться нынче осенью в консерваторию, — сказал субъект и, как бы не заметив его смятения, растворился в толпе.

Это был приказ. И хотя приказ совпадал с его собственным желанием, он растерялся. Всего он ждал, готовясь к своему часу, ко всему старался себя заранее приучить, а тут растерялся. Или они и впрямь волшебники, чтобы угадывать на расстоянии чужие мысли? Нет, у них, понятно, свои резоны, благотворительность не в их правилах.

Не дослушав Шаляпина, он вернулся к себе на Кирочную улицу и принялся взвешивать эти резоны. И понял, что им, в сущности, плевать, будет он пианистом или не будет. Им важно, чтобы корни у него стали еще крепче, чтобы сделался он

неуязвимым, а в срок, который они сочтут удобным, вексель будет предъявлен к оплате.

Осенью в столичной консерватории появился новый студент. Учились тут немцы, учились французы, отчего бы не появиться и англичанину?

И снова потекло быстротечное время.

На полях Европы гремели пушки, Россия и Великобритания сделались союзниками по оружию, Санкт-Петербург называли теперь по-русски Петроградом, а немецкие магазины на Васильевском острове зияли вдребезги разбитыми витринами.

К нему все это не имело отношения. Ему приказали учиться, и он учился, поражая своих профессоров усидчивостью. И ждал приказа, не поддаваясь больше наивным иллюзиям.

А приказа все не было. В ожесточенных битвах изнемогали миллионные армии, английский и германский флоты караулили друг друга на морях, избегая решающего сражения, усилилось влияние Гришки Распутина при царском дворе, еще заметнее возросла дороговизна, а он, полный сил, двадцатипятилетний, все учился, все сдавал экзамены, стараясь быть на хорошем счету.

Необыкновенные, почти сказочные перемены внес в его существование приезд в Петроград знаменитого дирижера Альберта Коутса. Произошло настоящее чудо — сам Коутс заметил вдруг скромного английского студента. И не только заметил, но и горячо рекомендовал в императорский Мариинский театр.

О подобном успехе он и не помышлял. Ему поручили сценический оркестр — привилегия, которой добиваются обычно годами, затем стал он концертмейстером, каждое утро встречаясь со звездами русской оперной сцены.

Сам Федор Иванович Шаляпин здоровался с ним теперь за руку, а однажды до того был милостив, что прихватил с собой в гастрольную поездку. В грозные свои минуты, правда, кричал, обзывая стоеросовой дубиной и еще по-всякому, но это были неизбежные издержки славы. Шаляпин, случалось, и на великих князей гневался.

Все у него шло как нельзя лучше, и джентльмены с Кингс кросс, казалось, потеряли к нему инте-

рес. Во всяком случае, требований никаких не предъявлялось, точно сценическая его карьера и была их главной заботой.

А время летело вперед. Самодержец всероссийский подписал манифест об отречении от престола, у полицейских участков запылали костры из казенных бумаг, на Невском и на Литейном шумели манифестации с красными флагами. И он вместе с другими студентами счел за благо прицепить к лацкану пальто алый бант.

Регулярно посещал большевистские митинги и к Финляндскому вокзалу отправился, где встречали приехавшего из эмиграции Ленина. В круг его обязанностей это не входило, но зато было полезно для ориентировки.

«Неужто и теперь они будут безмолвствовать?» — думал он с тревогой, когда грянуло Октябрьское вооруженное восстание. Положение в стране становилось серьезным, пора было вступать в игру.

Но заговорили они только через год. Видимо, удручающе скандальный провал капитана Кроми заставил их вспомнить о припрятанных козырях. В России образовалась пустота, пришло время вводить свежие силы.

Ему было приказано прибыть в Лондон. Сперва он отказывался верить, настолько рискованным и сложным выглядело подобное путешествие. Это ведь не тихие довоенные времена, не сядешь в Питере на пароход, чтобы благополучно высадиться на Темзе. Попробуй-ка поезди, если и транспорта никакого нет!

Но приказ есть приказ. Волей-неволей пришлось пробираться в Мурманск, выскакивать на ходу из теплушек, спасаясь от облав, топать десятки верст пешком, прячась в лесных чащобах, вконец оборваться и зарасти библейской бородищей. Слава всевышнему, что хоть в Мурманске хозяйничали англичане, и дальше все пошло несравненно проще.

На лондонском вокзале его встретили, молча усадили в закрытый автомобиль с глухими черными шторками на окнах и привезли в знакомый сумрачный дом.

— Эта растительность вам к лицу, — вместо приветствия сказал шеф и, секунду подумав, под-

нялся ему навстречу. — Надеюсь, добрались благополучно? Если нет возражений, давайте побеседуем...

С этого осеннего лондонского вечера навсегда перестал существовать Пашенька, любознательный гувернер и любитель русской старины. Не было больше и Павла Павловича Дюкса, недоучившегося студента консерватории, которому благодаря таинственным прихотям фортуны удалось сделаться своим человеком в лучшем императорском театре Петрограда.

Для начала стал он Филиппом Макнейлом, молодым коммерсантом из Манчестера. Вскоре он отправился в Стокгольм. Внимательный наблюдатель заметил бы, пожалуй, что все стокгольмские торговые интересы этого негоцианта ограничились коротенькой беседой в кафе с неким господином в штатском, очень уж смахивающим на переодетого офицера, но подобные мелочи никого в этом городе не интересовали. Стокгольм не зря славился как крупнейший центр международного шпионажа.

Погостив в шведской столице всего неделю, Филипп Макнейл сел на пароход, отплывающий в Гельсингфорс. И в столице Финляндии он не задержался, перебравшись в Выборг, а оттуда поближе к советской границе, к берегам реки Сестры.

Темной беззвездной ночью, под холодным секущим дождем вперемежку с мокрым снегом переправится он через пограничную реку на вертлявом рыбачьем челне и, обходя сторожевые дозоры, уверенно зашагает к ближайшей железнодорожной станции. Будет на нем потрепанная фронтовая шинель, какие носят миллионы мужчин в России, старенькие сапоги, фланелевое солдатское белье с грубыми тесемками. И удостоверение у него будет припасено на имя Иосифа Афиренко, сотрудника Петроградской ЧК. Достаточно ловко сфабрикованное, с печатью и с неразборчивой подписью соответствующего начальства.

За десять месяцев нелегального пребывания в Петрограде использует он множество поддельных документов, помогающих сбить со следа советскую контрразведку. Назовется Пантюшкой, уподобившись мелкому уголовнику, назовется Ходей, Ми-

хаилом Ивановичем Ивановым, Сергеем Ильичом, Карлом Владимировичем, Павлом Павловичем Савантовым и просто Мишелем, неотразимым душкой-соблазнителем. Несколько тревожных ночей проведет в качестве безымянного бродяги, нашедшего приют в заброшенном могильном склепе купца первой гильдии Никифора Силантьевича Семашкова, будет со страхом прислушиваться к ночным шорохам Смоленского кладбища, куда, к сожалению, не догадаются заглянуть поисковые группы ЧК...

Всякой всячине пайдется место в похождениях этого рыцаря плаща и кинжала. И предательству, и вероломству, и искусно разыгранной страсти к пожилой женщине, и соучастию в отвратительных уголовных преступлениях.

Позднее в его «Исповеди» все это будет изображено в несколько более мягких, почти акварельных тонах. Предательство окрасится в цвета чистого благородства, а измена станет как бы образцом джентльменской верности долгу.

На Гороховой, в служебном кабинете Эдуарда Отто, будут тем временем накапливаться материалы «Английской папки».

Однажды Профессор получит достоверную информацию о том, что «СТ-25» пользуется служебным удостоверением на имя Александра Банкау, сотрудника политотдела одной из дивизий Седьмой армии, и что умудрился проникнуть даже на заседание Петросовета.

Сигнал этот, сам по себе достаточно тревожный, заставит работников Особого отдела провести огромную исследовательскую работу. Однако и самая строгая проверка не поможет установить, кто же снабдил англичанина столь важным документом. И не воспользуется он им больше, точно издали почует опасность.

Затем из пограничной комендатуры поступят сведения о каком-то иностранце, обморозившем якобы ноги во время нелегального перехода границы.

Приметы иностранца почти полностью совпадут с приметами «СТ-25»: высокого роста, нервное худощавое лицо, по-русски изъясняется с незначительным акцентом. Чтобы найти его в Петрограде, по-

требуется срочно разыскать финна-проводника, помогавшего ему добраться до города. И вот, когда поиски эти почти увенчаются успехом, старого финна обнаружат на глухом пустыре с перерезанным горлом.

И наконец, при загадочных обстоятельствах исчезнет из Петрограда, будто сквозь землю провалившись, Владимир Владимирович Дидерикс, сынок известного царского адмирала, имеющий кличку Студент. Про Студента будет точно известно, что это давний английский шпион, состоявший в подручных еще у капитана Кроми. Исчезнет он буквально за полчаса до ареста, а из найденных при обыске бумаг будет очевидна его связь с «СТ-25».

Охотно подтвердят эту связь и простодушные соседи, чьим телефоном пользовался «СТ-25», назначая свидания Студенту. Известна будет условная фраза, означавшая приглашение на очередную встречу: «Не продаются ли у вас стеариновые свечи?»

Засада, оставленная на квартире сбежавшего Студента, окажется безрезультатной. Не поможет и круглосуточное дежурство у телефона: никто больше не спросит стеариновых свечей.

Профессора все эти досадные осечки заставят призадуматься. Не слишком ли часто они повторяются? И нет ли у этого «СТ-25» облеченных доверием ЧК помощников, выручающих его в минуты опасности?

6

На след Студента вышел молодой следователь Особого отдела Петр Адамович Карусь, человек редкостного упорства и доходящей до самоистязания щепетильности.

Года через три, сам того не подозревая, Петр Карусь сделается объектом злобных и несправедливых нападок. Сбежит из Петрограда Александр Амфитеатров, выпустит в эмигрантском издательстве вонючую книжонку, в которой обывательские сплетни будут настояны на густом наваре из желчи и бессильного злопыхательства. И в качестве приме-

ра комиссарского произвола выберет как раз Петра Адамовича. Допрашивал, дескать, его на Гороховой некий следователь Карусь, тупица, оловянные глаза, безграмотная скотина, все жилы вымотал дурацкими расспросами.

До чего же слепит иногда злоба! Был Амфитеатров человеком не бездарным, выпускал интересные книги с точными литераторскими наблюдениями, а тут не сумел ничего разглядеть, ни в чем не разобрался. Ведь освободили его из-под ареста как раз благодаря проницательности следователя Каруся, сумевшего отмести шелуху ложных обвинений.

Конечно, если бы не длительная возня с самозваным графом Клео де Бриссаком, оказавшимся в конце концов Ленькой Карпасом, ловким аферистом из Одессы, возможно, и раньше вышел бы на след Студента Петр Адамович Карусь, человек редкостного упорства. Но откладывать начатую работу, а тем более комкать ее, толком не разобравшись, было не в правилах молодого чекиста.

Между тем распутывание истории «графа» потребовало настойчивого труда.

Ленька Карпас всю жизнь был мошенником, но весьма осторожным, умеренным. Передергивал по маленькой в игорных клубах, исчезал на другой день после свадьбы, слегка обобрав очередную жену, умел чистенько подделать любую подпись. И не решился бы никогда на крупную аферу, да уж больно велик оказался соблазн.

Из достоверных источников Леньке стало известно, что на Съезжинской улице живет вдова богача. Сравнительно молодая, при солидных капиталах, которых не коснулась национализация банков, поскольку деньги хранятся дома. Плюс к деньгам — роскошная обстановка, картины, хрусталь, столовое серебро.

Еще узнал Ленька, что безутешная вдова не прочь выйти замуж, но за кого попало не пойдет. Жених должен быть непременно знатного рода, желательно из бывших аристократов.

Соблазн был очень велик. Кругом кипела гражданская война, Петроград голодал, а тут богатая вдова, фамильное серебро, сытость, благополучие.

И Ленька срочно превратился в графа Клео де

Бриссака. Умело подъехал к вдове, произвел впечатление, а при первом подходящем случае доверительно раскрыл свою тайну.

Никакой он не Леонид Осипович Карпас, это только внешняя оболочка, а урожденный граф и последний отпрыск известного аристократического испанского рода. Отец его, увы, был игроком, в пух и прах проигрался в Монте-Карло и, не найдя другого выхода, пустил себе пулю в лоб. Красавица жена осталась после него с малюткой сыном на руках и тоже была на грани самоубийства. К счастью, в Монте-Карло оказался господин Карпас, сказочно богатый виноторговец с юга России. Он женился на внезапно овдовевшей красавице и усыновил малютку, дав ему приличное воспитание.

Врал Ленька вдохновенно, вдова слушала с раскрасневшимся, пылающим лицом, вопросов не задавала, и невозможно было разобраться — верит или не верит.

Дня через три стало ясно, что в основном верит, но несколько сомневается. Скромно потупившись, вдова пожелала увидеть какой-нибудь документ, подтверждающий знатное происхождение жениха.

Возникла, казалось, непреодолимая преграда. Но не таков был Ленька Карпас, чтобы склонять голову перед формальностями. Поехал на извозчике в испанское консульство, пошептался с чиновниками, сунул кому следует и вырвал нужную бумажку.

Дальше все пошло в ускоренном порядке. Сыграли свадьбу, вдова сделалась графиней, а деньгами ее по мужнему праву завладел Ленька Карпас, он же граф Клео де Бриссак.

Месяц спустя на Гороховую примчались встревоженные родственники новоиспеченной графини. Исчез «граф», исчезла «графиня», исчезли также столовое серебро и картины итальянских мастеров, висевшие в кабинете покойного богача.

Начисто обворованная «графиня» вскоре была найдена в психиатрической больнице, куда поспешил упрятать ее муженек. Чуть позднее обнаружился и Клео де Бриссак.

Петр Адамович не скрывал радости, разыскав своего «графа» среди активных деятелей кооператива «Заготовитель». Как раз этим фиктивным коопе-

ративом ему предстояло заняться. Выходило, что оба интересующих его дела сливаются воедино.

Кооперативы, в особенности продовольственные, росли в ту пору, точно грибы после дождя. И нередко присасывались к ним ловкачи и комбинаторы.

Товарищество «Заготовитель» на первый взгляд было вполне добропорядочным кооперативом. Зарегистрированный в Совнархозе устав, солидная контора на Караванной улице, надлежащее количество пайщиков. И цель вполне достойная, заслуживающая поддержки Советской власти: заготовка сельскохозяйственных продуктов и топлива.

Однако Петра Каруся не напрасно считали грозой ворья. В отличие от многих своих товарищей по Особому отделу имел он за плечами долголетний опыт службы в коммерческом банке, а до того работал письмоводителем (пятнадцать рублей в месяц, спать в канцелярии, харчи свои) у известного петербургского стряпчего, большого знатока купеческих торговых секретов. Легче, чем другим, Петру Адамовичу удавалось докапываться до всех тонкостей преступных махинаций, как бы благовидно они ни выглядели.

Истинное лицо «Заготовителя» раскрылось благодаря неторопливой и обстоятельной настойчивости молодого следователя.

Прежде всего Карусь установил, что председателем правления кооператива состоит вовсе не Антон Иванович Лопатинский, как значилось по документам, а бывший генерал Николай Степанович Аносов, которого разыскивали еще со времен корниловского мятежа, посчитав в конце концов сбежавшим из Петрограда. Маскировки ради генерал отрастил окладистую бороду, покрасил волосы, переоделся в штатское платье и даже фамилию сменил, сделавшись Лопатинским.

В масть председателю были и члены правления — барон Стюарт, крупный домовладелец и лесопромышленник Дверницкий, биржевой маклер Абилевич, помещик Бениславский.

С подпольным миллионером Мечиславом Мечиславовичем Бениславским и его любовницей Еленой Зоргенфрей, по кличке Темная Кобылка, Петру Адамовичу пришлось повозиться даже больше, чем

с «графом» Клео де Бриссаком. Ушло месяца три напряженной работы. Зато принесли они много открытий.

— Интересно, сколько же здесь денег? — спросил Петр Адамович, когда миллионера, ударившегося в бега, но быстро пойманного, доставили на Гороховую, а на письменный стол следователя водрузили объемистый кожаный чемодан, битком набитый крупными купюрами.

— Затрудняюсь сказать, придется вам пересчитать,— вздохнул Бениславский, тоскливо поглядывая на свой чемодан.— Деньги делают деньги, а для этого им нужно находиться в движении...

— Каким же это образом?

— Да вы и сами знаете,— еще горестнее вздохнул Бениславский.— Который уж месяц ведете следствие...

Карусь, конечно, знал. Деньги делали деньги путем взяток и подкупа должностных лиц.

Была у Бениславского золотая жила, на поверку оказавшаяся небольшим дровяным складом. Всего-навсего с тысячу кубометров сырого осинового долготья, сложенного в аккуратные поленницы. Вот ее-то, эту золотоносную жилу, и эксплуатировал предприимчивый жулик, прикрывшись вывеской «Заготовителя».

Сперва продал долготье кооперативу «Оптоснабжение», получив не за тысячу, а за десять тысяч кубометров, затем, не переводя дух, перепродал Темной Кобылке, а та от своего имени заключила сделку с трамвайным управлением Петрограда, уплатившим уже за пятнадцать тысяч кубометров. Затем начался второй круг продаж, затем третий.

Поленницы сиротливо мокли под осенним дождем, нанятый жуликами сторож распахивал складские ворота перед бесчисленными комиссиями и подкупленными «экспертами», а Мечислав Мечиславович и Темная Кобылка загребали шальные миллионы.

Аферы «Заготовителя» были опаснейшим воровским делом. На Гороховой такие дела расследовались нередко. Но у Петра Адамовича было подсознательное чувство, что должно за всем этим скрываться и нечто более серьезное, чем воровство. Уси-

лилось это чувство, когда «граф» Клео де Бриссак вспомнил на допросе Студента, который будто бы пользовался конторой «Заготовитель» на Караванной улице. Это и заставило Петра Адамовича новыми глазами взглянуть на своих воров и жуликов. И совсем уже он встревожился, узнав, что Бениславский усиленно искал возможности перевести свои капиталы за границу и что Студент будто бы собирался связать его с заинтересованными английскими кругами.

— На каких же условиях хотели вы помещать свои капиталы? — спросил Карусь подпольного миллионера.

Мечислав Мечиславович нехотя признал, что должен был отдать деньги под честное слово джентльменов.

— Да что вы, Бениславский! Неужто без гарантий?

— Видите ли, какая штуковина... Студент обещался познакомить меня с солидными людьми... Сказал, что возвращать долг будут в устойчивой валюте...

— А когда? Надо думать, после победы Юденича?

— Нет, этого он не говорил! — испуганно поправился подпольный миллионер.— И вообще, гражданин следователь, я сожалею, не нужно было заводить этого разговора...

Дело «Заготовителя» приобретало новую окраску. Отложив допрос подпольного миллионера, Петр Адамович пошел советоваться с Профессором. Чем черт не шутит, быть может, за дровяными этими аферами нападешь на самого резидента?

Выслушав Петра Адамовича, Профессор согласился, что надо немедленно действовать. В тот же день был подписан ордер на арест Студента, но тот, словно кем-то предупрежденный, успел исчезнуть из Петрограда.

7

Немало волнений доставили Профессору в те дни английские связные катера.

Еще в середине июля 1919 года береговые посты

засекли в Финском заливе загадочное суденышко, обладавшее необыкновенной скоростью. Приходило оно со стороны Териок по утрам, перед восходом солнца, и молниеносно исчезало, оставив позади себя огромный пенный бурун.

Подозрительное суденышко несколько раз обстреливали, но без результата. Не удались и попытки перехватить его в море. Приглашенные на Гороховую артиллеристы единодушно утверждали, что скорость суденышка превышает сорок миль в час. Ничего подобного в ту пору на флотах еще не знали. Профессор высказал предположение, что приходит оно на связь. С ним, однако, не согласились. К кому на связь? Ведь ни в одном из прибрежных пунктов суденышко замечено не было.

Вскоре тайна раскрылась.

18 августа, в пасмурный предрассветный час, англичане учинили разбойный налет на кронштадтскую гавань. Налет был старательно подготовлен и преследовал далеко идущие цели. В головном эшелоне, явно отвлекая внимание, шли самолеты. Следом в гавань ворвались маленькие суденышки.

Это были торпедные катера — новинка английской судостроительной промышленности. С четырехсотсильными моторами, с торпедным вооружением и пулеметными установками на борту, а также с предусмотрительно вмонтированными в каждый катер мощными взрывпатронами. Экипажам было приказано в случае чего взрываться, чтобы не раскрыть секрета нового оружия.

Англичане рассчитывали одним ударом ликвидировать линейные корабли Балтфлота. И просчитались, не достигли поставленной цели.

Наткнувшись на прицельный огонь балтийских комендоров, в особенности убийственный с эсминца «Гавриил», пираты бросились врассыпную. Больше половины катеров было потоплено. Катерников вылавливали в воде. Никто из них не захотел взрываться вместе со своими секретными катерами.

Следствие по этому делу вел Особый отдел Балтфлота. Но уже на другой день Профессора вызвал к себе Николай Павлович.

— Твоя правда,— сказал он, протягивая Эдуарду Отто тоненькую следственную папку.— Потолкуй,

пожалуйста, с этим господином... Наверно, знает он многое...

Командир английского торпедного катера лейтенант Нэпир дал на следствии очень важные показания.

— Мне известно,— заявил Нэпир,— что два катера нашего отряда регулярно поддерживали сообщение с красным Петроградом, перевозя туда и обратно пакеты с корреспонденцией. Ходили катера в устье Невы, где встречались с неизвестным мне лицом. В Териоках они брали курьеров, чтобы доставить их в Петербург. Курьеры сами устанавливали день, когда надо за ними вернуться.

Лейтенанта Нэпира привезли на Гороховую.

Сперва он не прибавил ничего нового. Отряд у них строго засекреченный, особого назначения, а в чужие дела, естественно, соваться не следует. Ходили слухи, что некоторые экипажи возят курьеров — вот и все, что ему известно.

Но Профессор умел расспрашивать, и постепенно начали выясняться существенные подробности. Отрядом торпедных катеров, оказывается, командует лейтенант Августус Эгар, который к тому же подписывается не фамилией своей, как все люди, а кодовым знаком «СТ-34». В графстве Эссекс, когда они занимались испытанием секретного оружия, Эгара не было и в помине, назначили его перед отъездом в Финляндию. В отряде поговаривают, что это совсем не кадровый моряк, а сотрудник специальной службы.

— Какой службы?

— Полагаю, Интеллидженс сервис...

— А вы уверены, что подписывается он кодовым знаком?

— Своими глазами видел!

Под конец беседы, совсем уже освоившись, Нэпир принялся расхваливать безукоризненное произношение своего следователя. Признаться, у них в Англии бог знает что говорят про ЧК, и поэтому вдвойне приятно встретить здесь столь любезного и хорошо воспитанного человека. Не объяснит ли, кстати, господин Отто, где он выучился английскому языку?

Это уже граничило с нахальством. Следовало,

пожалуй, одернуть лейтенантика. А впрочем, шут с ним, пусть спрашивает! Не объяснять же ему, что занимался он в свое время транспортами с литературой и до петухов, бывало, просиживал, изучая английский.

Окончив разговор с Нэпиром и твердо пообещав лейтенанту, что возвращение на родину гарантируется после окончания гражданской войны, Профессор решил устроить маленький перерыв.

Очень это помогает, пройтись хотя бы четверть часика по аллеям Александровского сада. Шуршат под ногами сухие осенние листья, в лицо дует порывистый балтийский ветер, и как-то яснее становится голова.

Самодовольство не было ему присуще, и он, понятно, не мог удовлетвориться достигнутыми результатами. Слишком медленное продвижение вперед, слишком много времени ушло на проверку разных неоправдавшихся вариантов.

Похоже это на уравнение со многими неизвестными. Пробуешь одно решение и, убедившись в его непригодности, отбрасываешь в сторону, берешь второй, пятый, десятый варианты, а время уходит, и противник твой все еще имеет фору в этой затянувшейся игре. Серьезный, видно, противник, искушенный в конспирации, достаточно самоуверенный. И ходит, возможно, рядышком, плетет паутину своих интриг.

Сперва Профессор думал, что «СТ-25» свяжется с Борисом Савинковым. Вполне логично было предположить такую связь. На кого же и опереться англичанину, по крайней мере в начале своей деятельности, как не на эсеровское подполье?

Борис Викторович Савинков имел в Петрограде свои конспиративные квартиры и явки. Были у него опытные люди, были необходимые связи. Вполне мог он взять англичанина под свое покровительство.

Но савинковский вариант не подтвердился. Конспиративная квартира на Бассейной улице, та самая, в которой скрывался когда-то Керенский, давно пустовала. Парикмахерская Луи Рейделя на Невском, служившая эсерам пунктом связи, была закрыта. Да и сам Савинков, как удалось точно установить, бежал из Петрограда еще осенью 1918 года.

Не сработали и другие варианты, принятые Профессором за рабочие гипотезы. Ушло на них время, а результатов не было.

Ну что ж, тем больше внимания фактам.

Вот, к примеру, любопытная информация, поступившая с Миллионной улицы. Еще недавно она была попросту немыслима: жили на Миллионной главным образом титулованные особы, а пролетарским элементом и не пахло.

Активисты домового комитета бедноты с возмущением сообщали ЧК о безобразиях фабриканта Вахтера, бывшего владельца мануфактурной фирмы «Вахтер и К°». Домовой комитет поприжал этого недорезанного эксплуататора, отобрав у него четыре комнаты, но и в оставшихся ведет он разгульную жизнь. Недавно вот закатил вечеринку, сплошные собрались князья и графья. Румынский оркестр был, пьянствовали, пели песни под гитару. И что самое подозрительное — вспомнили почему-то Кронштадт. Войдем, дескать, в него с черного хода...

Профессор навел справки. Фабрикантовы гости оказались личностями довольно приметными. Прежде всего его сиятельство князь Оболенский, известный петербургский англофил, друг и собутыльник капитана Кроми. За этаким гусем, как говорится, нужен глаз и глаз. Баронесса Марья Игнатьевна Бенкендорф, приятельница самого Локкарта, которую хоть и выпустили после заговора послов, но присмотреться к ней нелишне. Затем граф Мусин-Пушкин, помещица Высокосова, путавшаяся с английским послом сэром Бьюкененом. И остальные все как на подбор.

С какой стати вздумалось им горланить про Кронштадт как раз в канун английского налета? Торпедные катера ворвались в гавань 18 августа на рассвете, а эти типы веселиться начали с вечера 17 августа. И песенка была какая-то непонятная, настораживающая:

Ура! Ура! Палят в Кронштадте,
Мы черным ходом к ним войдем...

Легче бы легкого доставить всю компанию на Гороховую. Извольте, дескать, господа, объясниться: что это значит — «войдем с черного хода», и откуда вам известны замыслы англичан?

Только вряд ли это верный ход. Начнут крутить, от всего отопрутся. Нет, правильнее было понаблюдать, не вспугивая раньше срока.

На Гороховой в ту пору готовились к массовым обыскам в Петрограде. Явственно возросла угроза нового наступления Юденича, нужно было очищать город от враждебных элементов, обезопасить тыл.

Впервые обыски в буржуазных кварталах Чрезвычайная комиссия организовала еще летом 1919 года, в период первого похода белогвардейцев. Участвовало в этих обысках почти двадцать тысяч добровольных помощников ЧК, и операция была поистине грандиозной. Коммунисты, балтийские моряки, рабочие и работницы с крупных заводов, они взяли на себя главную тяжесть работы, а аппарат ЧК лишь руководил проческой города. И результаты обысков были отличные. Нашли тайные склады оружия, обезврежено было немало отъявленных врагов Советской власти.

Про себя Профессор надеялся, что в сети новой облавы попадет и тот, кто интересовал его больше всего. Желательно вместе с помощницей, с этой таинственной Мисс, состоящей в переписке с самим Юденичем.

Особых оснований для подобных надежд не было, и все же он надеялся. Сам пошел на инструктаж руководителей поисковых групп, подробно рассказал о приметах высокого англичанина и немолодой женщины с властными злыми глазами.

Квартиру фабриканта Вахтера решено было не трогать. Заодно решили не беспокоить и весь ближайший квартал на Миллионной.

Осенняя проческа города прошла организованно и вполне себя оправдала. Оружия, правда, нашли меньше, чем летом, но зато удалось задержать изрядное число ушедших в подполье врагов.

Двор дома на Гороховой к утру заполнили арестованные. Кого только не было среди этой тайно ненавидящей и угодливо заискивающей толпы! Бывшие сенаторы и тайные советники с фальшивыми документами, генералы и казачьи атаманы, не успевшие удрать к Деникину, высшие жандармские чины, банкиры, валютчики, бойкие содержательницы ночных притонов — все они наперебой доказы-

вали свою приверженность идеям Советской власти, все клялись, божились, беззастенчиво врали и, получив направление на оборонные работы, отправлялись копать окопы.

«СТ-25» среди них не было.

И как же досадовал Профессор, узнав чуть позднее, что выручила английского резидента оплошность наших людей. В доме на Васильевском острове, где он ночевал, происходил обыск. В последнюю минуту «СТ-25» прикинулся эпилептиком, довольно искусно разыграл припадок. И сердобольные моряки решили воздержаться от проверки документов «тяжелобольного».

В октябре началось наступление Юденича. Работы на Гороховой неизмеримо прибавилось. Многие сотрудники Чрезвычайной комиссии были отправлены на фронт, многие были ранены, а многие и головы сложили в трудных боях с врагом.

Профессор по-прежнему занимался «Английской папкой».

8

Автором комбинации в Ораниенбауме был Александр Кузьмич Егоров, начальник Особого отдела береговой обороны.

В архивах уцелела его докладная записка, сообщающая итоги этой комбинации. Документ, естественно, официальный, строгий, без какой-либо эмоциональной окраски.

«Военмор Д. Солоницын сообщил нам, что из Петрограда прибывает некий гражданин к начальнику ораниенбаумского воздушного дивизиона и что он, военмор Солоницын, должен переправить его к белым с каким-то секретным материалом. В связи с вышеизложенным мы разработали соответствующий план оперативных мероприятий...»

Мероприятия эти оказались полностью в егоровском духе. Такой уж он был, Александр Кузьмич Егоров: во всякое, даже простенькое дело стремился внести свою неистощимую выдумку.

Началось все, когда до Октябрьской годовщины оставалось меньше недели. Впрочем, праздника никакого в Ораниенбауме не чувствовалось. Да и что за праздник, если Юденича еще не отогнали от Пет-

ограда? К тому же англичане подкинули в поддержку белякам свой монитор «Эребус». Бьют непрерывно из чудовищных пятнадцатидюймовых орудий, аж по всему городу сыплются стекла.

— Ох и несладко нашим на позициях! — сокрушался дежурный по отделу, прислушиваясь к тяжелым стонущим разрывам. — Долбят и долбят, паразиты...

Криночкин рассеянно согласился с дежурным. Какая уж сладость от снарядов монитора! Криночкину до зарезу требовалось заскочить к Александру Кузьмичу, и думал он совсем не об английском обстреле побережья. До вечернего поезда в Петроград оставалось с полчаса, а настырный этот морячок все не выходил от Егорова.

— А что, если мне заскочить на минутку?

— Валяй заскакивай, — разрешил дежурный. — Только шуганет он тебя за здорово живешь...

Василий Криночкин был самым молодым сотрудником Особого отдела. Не по возрасту, понятно, по стажу чекистской работы. Взяли его из коммунистического отряда особого назначения вскоре после ликвидации мятежа на форте Красная Горка и пока что придерживали на второстепенных поручениях: съездить с секретным пакетом на Гороховую или в Реввоенсовет флота, навести порядок на пристанционных путях, где с ночи скапливаются мешочники. Одним словом, пустяки, мелочишки. Начальник, правда, сказал ему несколько обнадеживающих слов, но было это уже давно. «Привыкайте, Криночкин, присматривайтесь, — сказал тогда Александр Кузьмич. — И будьте наготове. Чекист, он вроде патрона, загнанного в патронник: если понадобится — обязан выстрелить без осечки».

Но сколько же времени можно ждать? Другие товарищи, такие же, между прочим, не какие-нибудь особенные, ездят на серьезные операции, отличаются, лежат в госпиталях после ранений, а он, Василий Криночкин, все фильтрует шумливые спекулянтские толпы: у кого законных два пуда согласно декрету товарища Ленина, тот проезжай без задержки; кто везет для продажи — попрошу пройти в комендатуру. От тихой жизни и патрон

может отсыреть, разве начальник этого не понимает?..

И все же Криночкин поступил разумно, не сунувшись к Александру Кузьмичу без спросу. До вечернего поезда оставалось всего минут десять, и тут Егоров сам выбежал из кабинета. Чем-то страшно озабоченный, нетерпеливый.

— Григорьева — ко мне! Одна нога здесь, другая там! — приказал он дежурному и, увидев Криночкина, поспешно добавил: — Вы тоже будете нужны, далеко попрошу не отлучаться!

— Мне сегодня ехать на Гороховую...

— Отменяется! — коротко отрубил начальник, снова скрывшись в своем кабинете.

Далее развернулись события, каких в Особом отделе еще не случалось.

Военмора Солоницына — а это он был засидевшимся у начальника посетителем — отвели в нижний этаж, в отдельную комнатку с зарешеченным окном. Обращались с ним вежливо, но со строгостью. Накрыли чистой простыней койку, принесли из кухни тарелку овсяной каши и ломоть хлеба. Желаешь — отдыхай, желаешь — садись ужинать, только будь на месте, никуда не ходи без разрешения.

Изрядно задержался у начальника и Федор Васильевич Григорьев, правая его рука. Никто, понятно, не знал, о чем они толковали, закрывшись вдвоем. Вероятно, о чем-то важном, потому что вид у Федора Васильевича, когда он вышел от Егорова, был задумчивый.

Первым делом Григорьев попросил дежурного раздобыть зеркальце, критически осмотрел свою изрядно заросшую физиономию, нахмурился и велел принести ему бритву поострее.

Когда на улице стемнело, Криночкин вздумал выйти покурить. Поручений ему опять не дали, поездку в Питер отменили — вот он и решил побыть на свежем воздухе, беседуя с часовым о всякой всячине. Часовой был его земляком, тоже с Псковщины.

И тут к воротам Особого отдела бесшумно подкатил черный как вороново крыло «мерседес-бенц». Это был единственный на весь Ораниенбаум легко-

вой автомобиль, принадлежавший местному совдепу.

Знакомый шофер, разглядев в темноте Криночкина, поинтересовался, скоро ли собирается выйти товарищ Григорьев. Криночкин ответил, что ничего об этом не знает, но может пойти и узнать. И, придавив каблуком окурок, направился к Григорьеву.

То, что он увидел, войдя к Григорьеву, заставило его вздрогнуть от неожиданности. Перед зеркалом, внимательно себя разглядывая, стоял заместитель начальника. Но какой — вот в чем вопрос. В щегольском френче добротного сукна, на плечах старорежимные погоны, грудь вся в орденах, а на голове молодцевато заломленная офицерская фуражка с золоченой кокардой. Ни дать ни взять — форменный белогвардеец, а вовсе не известный всему городу товарищ Григорьев, которого едва не расстреляли заговорщики на Красной Горке.

— Ну, что скажешь, соответствую? — спросил Федор Васильевич, не обращая внимания на удивленный вид Криночкина. — Похож на ваше благородие?

— Автомобиль вам подан, — уклончиво сказал Криночкин.

— Очень хорошо! — воскликнул Федор Васильевич и прищелкнул каблуками, отчего серебряные шпоры тоненько зазвенели. — Иногда неплохо прокатиться на авто!

Накинув на плечи кавказскую бурку, какие любили носить свитские офицеры, Григорьев проследовал мимо остолбеневшего Криночкина. Затем с улицы донесся шум отъезжающего «мерседес-бенца», и все стихло.

К счастью, вслед за тем наступила очередь самого Криночкина, так что долго удивляться ему не пришлось. Его и еще Сашу Васильева вызвал к себе Егоров.

Задание они получили в высшей степени деликатное, требующее немалых актерских талантов. Обоим Егоров приказал переодеться, как и Федору Васильевичу, чтобы в условленном месте встретить курьера белогвардейцев. При этом у курьера не должно было возникнуть ни малейшего подозрения.

— Остальное все объяснит Григорьев. Советую

поменьше разговаривать с этим сволочугой, — предупредил Егоров. — «Так точно» и «никак нет» — вот весь ваш разговор, поскольку вы оба в нижних чинах. Пусть он думает, что попал к своим...

— А к чему вся эта мура? — недовольно поинтересовался Васильев. — Забрать бы его, как явится, и доставить сюда...

Егоров осуждающе покачал головой.

— Забрать, тащить, не пущать! Эх, товарищ Васильев, товарищ Васильев! Да разве для той цели существует Чрезвычайная комиссия? Действовать нам надо по-умному, с соображением. Они что, потвоему, глупей нас с тобой? А где у тебя гарантия, что курьер не отопрется? Вы его схватите, а он скажет: «Позвольте, дорогие товарищи, с чего вы кидаетесь на людей?»

Гарантий у Саши Васильева не было, и он ни о чем больше не спрашивал, молча согласившись с начальником. Да и спросил-то, видать, потому только, что до смерти не хотелось ему надевать на себя погоны.

Курьер прибыл в Ораниенбаум утром.

Прибыл он не как-нибудь крадучись, а в легковой машине штаба Петроградского округа, да еще с важным седоусым старикашкой, очень уж смахивающим на старорежимного генерала. Был курьер совсем еще молодым человеком, тонколицым, горбоносым, плотненьким, в серой охотничьей куртке и в высоких сапогах с широкими голенищами-раструбами, какие надевают, собравшись на осенних уток. Держался самоуверенно, не нервничал.

Информация военмора Солоницына, таким образом, полностью подтверждалась. Автомобиль с гостями из Петрограда остановился у дома, где квартировал командир воздушного дивизиона. Попив чайку с дороги и посекретничав с хозяином, старикашка укатил обратно, а молодой человек остался. Весь день лежал на диване, читал какую-то книжку.

Обо всем этом начальнику Особого отдела доложили, не успела еще машина скрыться из виду. Удалось выяснить и фамилию старикашки. Это и впрямь был генерал, ставший ныне военспецом и

ведавший воздушной обороной Петрограда. «Ну погоди, господин военспец, мы тебя на чистую воду выведем», — думал Егоров, разъяренный слишком уж наглыми действиями заговорщиков.

Криночкина и Саши Васильева в то утро уже не было в городе. Ночью они ушли к Федору Васильевичу, обосновавшемуся в заброшенной лесной сторожке верстах в десяти от Ораниенбаума. И хлопот у них хватило на весь день.

Совсем это не легко и не просто — из крохотной избушки соорудить хоть какое-то подобие штаба. Пришлось раздобыть в соседнем имении поясной портрет бывшего государя императора Николая Романова, водрузив его на закопченную стену. Понавесили погуще разных проводов, на стол поставили полевой телефон. Помимо того, нужно было присматривать за тропкой, ведущей к сторожке, а то еще, не дай бог, увидит кто-нибудь «белогвардейцев» — и вся секретность операции моментально раскроется.

Самое трудное началось с наступлением темноты, когда отправились они встречать курьера. Ночь, к счастью, выдалась сухая, без дождя. Изредка из-за туч появлялась луна, скупо освещая мохнатые придорожные ели.

Ждали они недолго. Часов около десяти вечера из темноты показались две неясные фигуры. Впереди — это они сразу определили — шагал военмор Солоницын.

— Стой! — грозно окликнул Саша Васильев и, как наставлял их Федор Васильевич, щелкнул затвором берданки. — Кто идет?

— Православные мы, истинно православные! — тихо произнес в ответ Солоницын.

Это был пароль, все было правильно.

— Аминь! — по-условленному отозвался Саша Васильев.

И тут началось самое интересное.

— Господи, неужто проклятущая Совдепия позади! — не то всхлипнул, не то рассмеялся курьер, высунувшись из-за спины своего проводника. — Миленькие вы мои, до чего же я счастлив! Дайте хоть обниму вас на радостях, золотые мои, ненаглядные!

— Молчать! — цыкнул на него Саша Васильев, и Криночкин с тревогой почувствовал, что товарищ его готов закипеть. — Оружие при себе имеете? Прошу сдать!

Дальше они тронулись гуськом. Наган, взятый у курьера, Саша Васильев засунул за ремень. Замыкающим шел Криночкин.

В лесном «штабе» комедия продолжалась полным ходом. От новенького ли мундира Федора Васильевича или от царского портрета, едва различимого при тусклом свете керосиновой лампы, но курьер и вовсе ошалел. Скинул шапку, принялся размашисто креститься, а потом вдруг вытащил из-за пазухи дольчатую английскую гранату с вставленным запалом.

— Вот, господин поручик, до последней минуты берег... Коли что, думал, взорву себя к чертовой бабушке и большевичков заодно! Теперь-то она мне не потребуется...

— Совершенно верно, — подтвердил Федор Васильевич, забирая у него гранату. — Теперь вам опасаться некого... Приступим, однако, к делу, если не возражаете?

Курьер сразу его понял, сел на пол и стал стаскивать правый сапог. Федор Васильевич кивнул было Криночкину, чтобы помог, но помощи никакой не потребовалось. Сложенная в маленький квадратный пакетик карта-трехверстка была зашита в голенище сапога, и курьер, достав складной нож, принялся его распарывать.

— Здесь наши друзья изобразили дислокацию красных, самую последнюю, свеженькую... А вообще наиболее конфиденциальное мне поручено доложить устно...

— Устно, значит? — оживился Федор Васильевич. — Это хорошо, давайте докладывайте...

Торопясь, будто кто-то мог ему помешать, курьер принялся рассказывать. Криночкин и Саша Васильев стояли в сенях за дверью, слушали.

— Сообразил теперь, ради чего начальник замыслил весь этот бал-маскарад? — шепотом спросил Криночкин.

Саша Васильев не ответил. На скулах у него зло поигрывали упругие желваки.

9

Как ни бесхитростна была простенькая ораниенбаумская комбинация, а она помогла чекистам ухватиться за ниточку, которой так недоставало в «Английской папке».

Механик воздушного дивизиона Дмитрий Солоницын пришел к Егорову с весьма важным сообщением.

Не большевик, а пока лишь сочувствующий, как он себя называл, Солоницын еще с весны начал догадываться, что командир воздушного дивизиона совсем не тот, за кого старается себя выдать. Точно два лица было у Бориса Павлиновича Берга: одно — для начальства из Реввоенсовета флота, где считают его энергичным и преданным летчиком, а другое — неведомо для кого.

Сперва Солоницын собирался пойти со своими подозрениями в Особый отдел, но тут же и передумал. А вдруг чекисты ему не поверят? Скажут, что все пустяки, что брешет он на преданного Советской власти командира? Нет, прежде надо было собрать побольше доказательств, а потом можно и пойти.

Рассудив так, Солоницын решил сблизиться с командиром дивизиона. Высказывал как бы невзначай свое недовольство существующими порядками, критиковал потихоньку комиссара и мало-помалу сделался у Берга своим человеком. Однажды даже выполнил сугубо доверительную просьбу командира дивизиона — сходить в Финляндию с секретным пакетом. Выполнил, правда, переиначив задание по-своему. В Финляндию не пошел, отправился к себе в деревню, погостив там недельку и хорошенько припрятав пакет, а воротясь в Ораниенбаум, насочинял Бергу, как рискованно было на границе и как обстреляли его патрули красных.

Безвыходное положение создалось для Солоницына, когда командир дивизиона приказал сопровождать курьера. Тут уж, поверят или не поверят, надо было подаваться в ЧК.

— Эх ты, Шерлок Холмс неумытый! — рассердился Егоров, выслушав исповедь механика. — Он, видите ли, надумал во всем разобраться один! А мы что, по-твоему, лаптем щи хлебаем?

Но сердиться было уже поздно. И тогда Егоров, стараясь ускорить следствие, придумал свою комбинацию с лесным «штабом».

А развязка там наступила довольно быстро. Курьер сам себя обезоружил, устные свои сведения рассказал — спектакль приближался к финалу.

— Сейчас прибудет авто, и вас отвезут для доклада его высокопревосходительству, — объявил Федор Васильевич.

— Неужели? Это такая высокая честь! — взвился от радости курьер. — Меня представят Юденичу? Я это заслужил?

— Заслужили, — сухо подтвердил Федор Васильевич.

Вслед за тем совдеповский «мерседес-бенц» доставил курьера в Ораниенбаум, к воротам Особого отдела.

О дальнейшем догадаться нетрудно. В первые мгновения курьер обомлел и лишился дара речи, увидев вместо генерала Юденича довольно сердитого мужчину в кожаной комиссарской куртке, а перед ним был, конечно, Александр Кузьмич Егоров, с нетерпением поджидающий гостя в своем кабинете. Потом курьер впал в истерику и, взвизгивая, требовал немедленного расстрела — все равно он ни словечка не скажет, хоть режьте его на куски. Потом, как и следовало ожидать, быстро обмяк, притих и начал отвечать на вопросы, интересующие начальника Особого отдела.

Сам по себе этот молодой человек ничего не значил. Единственное чадо крупного питерского домовладельца, недоучившийся студент, прапорщик военного времени, от мобилизации в Красную Армию прятался, поочередно ночуя у знакомых. Вдобавок, если верить ему, и курьерские обязанности принял с тайной целью дезертировать в Америку — там у него богатая невеста, которая ждет не дождется своего женишка.

— Умоляю, товарищ начальник, поймите мои поступки правильно! — бормотал он, заламывая руки и страдальчески морщась. — Я решительный противник всякого кровопролития, я с детства исповедую учение графа Толстого...

— Вот-вот, оттого и гранатой запаслись, — не

удержался Егоров, брезгливо разглядывая этого сморчка.

Гораздо важнее и интереснее были показания курьера о пославших его хозяевах. Не все принимал Егоров на веру, и все же получалось, что в пользу белых активно действуют весьма авторитетные лица из петроградских штабных учреждений — начальник воздушной бригады особого назначения Лишин, начальник оперативного отделения штаба Балтфлота Медиокритский и другие.

Распорядившись о немедленном аресте командира воздушного дивизиона Берга, Александр Кузьмич помчался в Петроград, на Гороховую. Надо было обо всем доложить членам коллегии ЧК, кустарничать было слишком рискованно.

Профессора к ораниенбаумскому делу подключили после того, как Борис Берг написал первое свое собственноручное показание.

Показание это было неслыханным.

— Я — главный агент английской разведки в Петрограде, — утверждал Борис Берг, всего за месяц до того подавший заявление о приеме в партию. — Инструкции получал из разведывательной конторы в Стокгольме. Имею также постоянную связь с английским генеральным консулом в Гельсингфорсе, посылал к нему курьеров.

Ничто человеческое не было чуждо Профессору, и поначалу он откровенно возликовал. Да и как было не радоваться, когда наконец-то разоблачен проклятый «СТ-25», доставивший ему столько беспокойств! Сам во всем сознается, решил, видимо, прекратить игру.

Но радость Профессора была недолгой, уступив место привычному сомнению, которое заставляло проверять и перепроверять каждый факт. Что-то уж больно бесхлопотно все выходит, если это действительно резидент Интеллидженс сервис! Уж не суют ли ему подсадную утку?..

— Послушай, Александр Кузьмич, — спросил он Егорова, — а в Москву ездил твой Берг?

— Когда?

— Ну, весной нынче, летом...

— Нет, не ездил, — подумав, сказал Егоров. — Некогда было ему раскатывать, дивизион на нем ви-

сел... У нас все время околачивался, сучий сын, в Ораниенбауме...

Это заставляло насторожиться. Еще больше возросли сомнения Профессора, когда он сам увидел Берга. Допрос вел Егоров, с обычной своей нетерпеливостью спешил выяснить все подробности, а Профессор пристроился в сторонке, наблюдал молча.

Перед Егоровым, что-то уж очень нервничая, сидел плотный, широкоплечий здоровяк. Черноволосый, с профессорскими залысинами на крутом лбу, лицо скуластое, чуть-чуть монгольского типа. В общем на «СТ-25» нисколько не похожий. То вздрагивал, нервно потирая руки, то начинал пыжиться: он, дескать, был главной персоной, ему за все и отвечать.

— При каких обстоятельствах и где именно познакомились вы с капитаном Кроми? — быстро спросил Профессор по-английски.

Вопроса Берг не разобрал. Видно было, что лишь фамилия Кроми дошла до его сознания.

— Простите... В морском корпусе мы скверно занимались языками, и я не совсем улавливаю...

— Иначе говоря, — перешел Профессор на русский, — я хочу знать, кто именно и когда велел вам в случае провала принимать все на себя?

— Никто мне не велел...

— Вы лжете, Берг! Лжете без всякой надежды на успех! Кроми вас завербовал, нам это известно, и чужую роль вы играете отнюдь не по доброй воле... Только какой вам смысл брать на свою голову лишнее?

— Я говорю правду, я действительно главный агент англичан...

— Подумайте, Берг, хорошенько. И советую вам не надуваться сверх меры, можете лопнуть...

Думал Берг четыре дня. И в конце концов понял, что нет ему смысла изображать из себя резидента. Признал, что работать начал еще с капитаном Кроми, что знакомство у них завязалось в военные годы, в ресторане «Донон», а после разгрома английской сети был передан в распоряжение нового резидента.

Фамилии его, к сожалению, не знает. Это худощавый мужчина лет тридцати, высокий, спортив-

ного вида, до чрезвычайности осторожный, никому обычно не доверяющий. Зовут его по-разному. Иногда Михаилом Иванычем, иногда Пантюшкой.

Последняя встреча состоялась в августе, числа двадцатого, вскоре после налета на Кронштадт. Встреча была заранее обусловленной. В садике у Зимнего дворца, на крайней от набережной скамейке. Пантюшка сказал тогда, что уезжает ненадолго в Гельсингфорс, новой встречи не назначил. Тогда же было у них условлено, что в случае каких-либо неприятностей Борис Павлинович должен изображать главную персону, а из ЧК его выручат, пусть не сомневается. Гарантировал это Пантюшка честным словом джентльмена, похваставшись, что и на Гороховой у него верные люди.

— А ведь ты как в воду глядел! — прибежал к Профессору Егоров. — Набрехал, чертов контрик, никакой он не резидент! Приказано было ему взять все на себя...

К удивлению Егорова, эта новость не вызвала у Профессора особой радости. Спокойно записал он несколько фактов на отдельный листок бумаги, затем уточнил насчет свидания у Зимнего дворца.

— Продолжай работу, Александр Кузьмич, — посоветовал Профессор. — Не будем преувеличивать значение этого мерзавца, но не будем и преуменьшать. Берг тебе еще кое-что должен сказать. Словом, желаю удачи, действуй. А теперь извини меня, очень я занят...

— Ладно, ладно, мешать не буду, — чуточку обиделся Егоров. — Но ты учти насчет «своих» людей на Гороховой. Это ведь не шуточное дело...

— Учтем, товарищ Егоров, — сказал Профессор и вновь посмотрел на часы. — Все будет в порядке, не надо нервничать...

10

Егоров не знал о важных изменениях в обстановке. Пока он возился с Борисом Бергом, настойчиво добиваясь правды, бурным потоком нахлынули новые события.

Перелом был достигнут на фронте. Об этом-то,

конечно, Егоров знал, вместе со всеми радуясь изгнанию войск Юденича из Царского Села и Павловска. Воодушевленные первыми успехами, наши дивизии продолжали свое контрнаступление.

Не менее внушительную победу удалось одержать и в тайной войне. Именно в эти ненастные ноябрьские дни с треском провалилась операция «Белый меч». Только, как и принято в безмолвных схватках специальных служб, до поры до времени немногие были посвящены в эту тайну.

10 ноября, в понедельник, на Мальцевском рынке в Петрограде с утра началась облава. Как обычно, начали ее неожиданно, выходы все перекрыли вооруженными патрулями, и всем, кто занимался в то утро коммерцией, пришлось предъявлять документы. Правда, задерживали лишь крупных тузов черного рынка, а всех прочих отпускали с миром.

Смуглую эту девчонку в невзрачном осеннем пальтишке, с повязанным на голове дырявым шерстяным платком никто бы, разумеется, задерживать не стал. Что в ней особенного? Притулилась в углу, торгует игральными картами. И карты подержанные, засаленные, хоть суп из них вари...

Увидев милиционеров, девчонка попыталась выбросить револьвер — вот что осложнило дело. Револьвер был маленький, изящный, похожий на игрушку — с дорогой перламутровой отделкой на ручке. И коробочка патронов была к нему, двадцать штук. Патроны девчонка не выбросила: надеялась, наверно, что обыска не будет.

Назвалась она Жоржеттой Кюрц. Лет ей всего шестнадцать, документов никаких, живет с отцом, преподавателем французского языка. Бедствуют они страшно, голодают, оттого и надумали продавать старые вещички. Не обязательно на деньги, лучше в обмен на продукты.

Но карты эти никого, понятно, не интересовали. Не заинтересовал никого и найденный у девчонки дневник. Маленькая книжечка в кожаном переплете, и записи в ней какие-то пустяковые, девчоночьи. Непонятно было, откуда револьвер. Разве не читала она распоряжений об обязательной сдаче оружия?

Жоржетта плакала и сквозь слезы все твердила, что не виновата. В оправдание свое рассказала весь-

ма наивную романтическую историю. Будто возвращалась однажды из кинематографа, где шла фильма с участием Веры Холодной, а возле Владимирского собора догнал ее молодой человек, спросив, как пройти на Боровую улицу. Будто понравились они друг дружке с первого взгляда и стали встречаться ежедневно, пока не уехал ее возлюбленный из Петрограда. Уезжая, оставил на память револьвер, вот этот самый, просил сохранить до возвращения. Она понимает, что нарушила приказ, но очень хотелось выполнить просьбу дорогого ей человека.

— А звать его как?

— Семой...

— Фамилия?

— Фамилии не знаю, — пролепетала Жоржетта.

— А адрес знаешь?

— Нет, и адреса не знаю... Он не сказал, а я не спросила...

— Врешь ты все, мамзелька! — рассердился старший патруля. — Ладно, возиться нам с тобой некогда... Подумай как следует, а в участке советую говорить правду...

Пока Жоржетту вели на Моховую улицу, в шестнадцатый участок милиции, она, видимо, сообразила, что объяснение у нее получилось никудышное. И взамен прежней, горько плача, выложила новую версию.

Правильно, револьвер «бульдог» никто ей на хранение не передавал и никакого Семы она не знает. Испугалась на рынке — вот и насочиняла, что пришло в голову. Револьвер она нашла. Гуляла в Летнем саду, любуясь осенними красками деревьев, и вдруг нашла. Лежал он под скамейкой, завернутый в тряпочку. Сперва она хотела сдать его в милицию, как положено, а после передумала: испугалась, как бы у папы не вышло из-за этого неприятностей. Кроме того, если уж во всем сознаваться, она решила, что «бульдог» ей самой нужен...

— Это для чего же? — полюбопытствовал следователь.

Вместо ответа Жоржетта заплакала еще безутешнее. С трудом удалось выяснить, что девчонка, оказывается, успела разочароваться в жизни. Давно

хочет покончить с собой, вот только папочку жалко: слишком большое будет для него горе.

— С чего же ты разочаровалась, глупенькая? — сочувственно спросил милиционер, доставивший ее в участок. Да и сам следователь, пожилой дядька с красным бантом в петлице, какие носили бывшие красногвардейцы, поглядывал на нее с участливым вниманием. Влюбилась, поди, дуреха... У них, у гимназисток, насчет этого остановки не бывает...

Словом, проканителься свидетель еще немного — и отпустили бы Жоржетту к папочке. Выругали бы напоследок, велели бы выбросить из головы дурные мысли. Где это слыхано, чтобы в шестнадцать лет стрелялись? Ремня надо хорошего за такие фортели...

Свидетелем, по доброй своей воле прибежавшим в милицейский участок, был старый токарь с «Айваза» Никифор Петрович Уксусов. Это он заметил, как выбросила револьвер Жоржетта. Прибежал бы и раньше, да его и самого сцапали по ошибке. Придрались, черти полосатые, что торгует зажигалками. Того не примут во внимание, что надо же как-то семью кормить. Мастерская у них день работает, а неделю на простое — поневоле тут начнешь мастачить зажигалки.

Что же касаемо шустрой этой девчонки, то она свидетелю не понравилась. Еще до облавы не понравилась, пока все было тихо. Судите сами, дорогие товарищи! Стоит вроде бы скромненько, торгует подержанными колодами, а на самом-то деле сигнализацию кому-то строит, и торговля тут придумана для отвода глаз. Откуда это известно? А вот откуда. Он к ней в аккурат сунулся, хотел было купить картишки для домашних надобностей. Ну, поговорили, поторговались, а в цене не сошлись. Потом он сунулся к ней второй раз, в третий — все надеялся, что уступит. И что же вы думаете? Чудеса какие-то, форменный цирк! Вроде бы сам лично перетасовал картишки, пока торговались, а сверху колод опять дама треф...

Жоржетта не встретилась с Никифором Петровичем в милиции. Следователя вызвали из комнаты, а она осталась с милиционером, заранее радуясь благополучному исходу своих неприятностей. Рас-

сказывала, до чего скверно живется им с папочкой: ни еды в доме, ни дровишек на зиму, а холода уже начались. Милиционер слушал, понимающе вздыхал: опять, видно, предстоит тяжелая зима.

Минут через двадцать следователь вернулся в комнату, и сразу все неузнаваемо переменилось. Прежнего сочувствия на лице следователя не было.

— Доставишь гражданку на Гороховую! — приказал он милиционеру и стал укладывать в газету отобранные у нее вещи.

— За что? — крикнула Жоржетта. — Я ни в чем не виновата!

— Там разберутся, — не глядя на нее, сказал следователь и приказал милиционеру не мешкать.

Разбираться в рыночном этом инциденте довелось ближайшему помощнику Профессора Семену Иванову.

В отличие от начальника своего был он еще молод, физически очень крепок и, как большинство молодых людей того времени, чрезвычайно прямолинеен в суждениях. Искренне делил, например, все человечество на таких, как он сам, братишек, то есть на «своих в доску», и на злонамеренных прихвостней мирового капитала, чьи темные махинации требуют зоркого присмотра. От души удивлялся и недоумевал, если вдруг выяснялось, что находятся человеческие особи, явно не подходящие ни к одной из этих четких категорий, считал это печальным недоразумением природы.

Биография Семена Иванова была похожа на биографии многих молодых чекистов, ставших работниками Чрезвычайной комиссии по партийной мобилизации. На эскадренном миноносце «Константин» пришлось ему, обыкновенному машинисту, председательствовать в судовом комитете, после этого дрался он в рядах красногвардейцев, устанавливал Советскую власть, с экспедиционным отрядом балтийцев побывал под Нарвой, где моряки преградили дорогу немцам, а затем с полгода возглавлял «чрезвычайку» в Шлиссельбургском уезде, пока не направили его на Гороховую.

На Гороховой работы было сверх всяких человеческих возможностей. Иной, менее устойчивый, давно бы, видно, свалился, не выдержав чудовищ-

ной нагрузки, а он безропотно нес свой тяжкий крест. Вот только глаза предательски слипались от постоянного недосыпания, воспаленные, красные, и частенько надо было бегать к умывальнику, чтобы ополоснуть лицо холодной водой.

Узнав, что привезли какую-то барышню, задержанную на рынке с револьвером, Семен Иванов мысленно выругался. Бездельники все же засели в милиции! Где бы самим выяснить, что к чему, так нет же: норовят свалить свои обязанности на других!

Беседа с Никифором Петровичем заставила его по-другому взглянуть на это рыночное происшествие. Уединившись в кабинете Профессора, он подробно расспрашивал старого токаря и даже попросил разложить на столе колоды примерно таким же образом, как лежали они у барышни. Дневник ее Семен Иванов перелистал бегло, без особого любопытства. Записки были сугубо домашнего свойства. Кто когда пришел, кто когда ушел — кому это интересно...

Как и Никифору Петровичу, Жоржетта ему чем-то не понравилась. Вернее, как-то насторожила. Была в ней, в этой рано повзрослевшей девчонке, некая затаенная двойственность. На первый взгляд смертельно перепуганная, несчастная, а глаза внимательные, цепко все оценивающие. Решает, поди, в уме и никак не решит самую важную для себя задачу: с чего вдруг доставили ее в ЧК?

— Давайте знакомиться, — начал Семен Иванов, наскоро перечитывая коротенький милицейский протокол. — Значит, вы будете Жоржетта Кюрц? Рождения 1903 года? Проживаете на Малой Московской, четыре?

Жоржетта всякий раз кивала головой.

— Оружие нашли, значит, в Летнем саду, под скамейкой? Вот оно что, даже в тряпочку было завернуто... На рынке, значит, торговали картами?

И вдруг он вскинулся, посмотрел на нее в упор:

— А с Пантюшкой давно виделись?

Позднее он и сам не мог объяснить, почему спросил об этом. Вероятно, потому, что не выходила у него из головы «Английская папка» со всеми ее

проклятыми загадками. Бывает так, занимаешься разными делами, а в голове будто заноза засела...

Спросил он просто так, на всякий, как говорится, случай, и сам не поверил нежданному эффекту своего вопроса. Губы девчонки дрогнули, что-то смятенное, застигнутое врасплох мелькнуло на лице.

— Я не понимаю... Наверно, это недоразумение... Я никакого Пантюшки не знаю...

— Ну что ж, недоразумения тоже бывают, — поспешно согласился он, торопясь выиграть время. — Тогда так, гражданочка. Бери вот бумагу, садись и пиши...

— Что писать?

— А все по порядку. Кто такая, на какие шиши живешь, откуда раздобыла револьверчик, в кого собиралась стрелять... И предупреждаю, баловаться у нас нельзя! Пиши одну правду, понятно? На исповеди у попа бывала?

— Бывала...

— Вот и валяй, как на исповеди. Без вранья, одну правду...

Теперь можно было собраться с мыслями. Жоржетта писала за столом, изредка на него поглядывая, а он сидел напротив, лихорадочно пытаясь сообразить, что же все это должно означать.

Дам трефовых девчонка не зря клала сверху — это яснее ясного. Про револьвер врет — это тоже ясно. И теперь вдруг выясняется, что известна ей кличка англичанина. Не смутилась бы иначе, ясно — известна. Но откуда — вот в чем вопрос, что у них может быть общего? Неужто этот сверхосторожный тип допустил промах, доверившись такой пигалице?

А что, если?.. Но это слишком маловероятно! Нет, нет, этого быть не может, иначе давно бы провалился! Хотя, если глянуть с другой стороны, почему бы и нет? В жизни всякое случается, а барышня молоденькая, привлекательная. Надо еще раз посмотреть на ее дневник, что-то многовато в нем фамилий... Приходил такой-то, приходил этакий, что у них там — собрания устраиваются?..

Оставив дверь кабинета приоткрытой, Семен Иванов поспешил в комендантскую. Никогда еще не чувствовал он такой нужды в рассудительном со-

вете Профессора, а Профессора, как нарочно, не было на Гороховой. Дежурный комендант глянул в свою шпаргалку и сказал, что вернется товарищ Отто не скоро.

Тогда Семен Иванов решился проверить свою догадку. Пришел в кабинет, рассеянно просмотрел исписанные Жоржеттой листочки бумаги и сердито швырнул их в корзину для мусора.

— За кого нас принимаешь? — спросил он, укоризненно покачав лохматой головой. — Выходит, за дурачков, которые должны верить твоему нахальному вранью? Нет, барышня, не выйдет! Учти: мы полностью в курсе дела, а тебе я советую подумать о своем будущем. Чистосердечное признанье — вот что требуется в настоящий момент...

— Но я написала правду...

— Брехня это, а не правда! И вообще, барышня, неужто ты думаешь, что никто ничего не соображает? Ты вот сидишь с утра на рынке, выложила напоказ своих трефовых дамочек, мерзнешь, а Пантюшка, между прочим, и знать тебя не желает...

Удар пришелся в точку, вновь дрогнули ее губы.

— Соображать бы пора, не маленькая... Пантюшку в данный момент интересует другая женщина...

— Кто? Кто его интересует? — вырвалось вдруг у Жоржетты.

— Сама знаешь кто — Марья Ивановна!

— Но она же в командировке, в Москве!

— И он там с ней прохлаждается, — быстро нашелся Семен Иванов, чувствуя, что обязан использовать удачу до конца. — Обманули тебя, дурочку, облапошили... Мерзни, мол, на рынке, а мы поедем в Москву любовь крутить...

— Это неправда, она же старая! — крикнула Жоржетта сквозь слезы. — Безобразная, некрасивая! Она старше его на двадцать лет!

— А это значения не имеет! — сказал он безжалостно. — Что ты, не знаешь нашего брата мужика? Мало ли что некрасивая, зато помощница...

— Ах, помощница! — в голос заревела Жоржетта. — Сволочь она, интриганка, вот кто! Мерзкая, отвратительная баба! Я бы ее своими руками могла пристрелить...

Вот так у них было. По крайней мере так впоследствии объяснял Семен Иванов своим друзьям, если его расспрашивали об этом необычном допросе с припадком ревности. «Вскружил, подлюга, голову барышне», — хмуро говорил Семен Иванов, осуждая резидента английской разведки, точно у того не было на совести ничего другого, кроме этой провинности.

11

Вволю наплакавшись, Жоржетта принялась рассказывать все по порядку. Семен Иванов изредка перебивал ее уточняющими вопросами, но больше слушал.

Да, она признает, что рассчитывала встретиться со своим Мишелем. Пантюшкой его редко называют, чаще Михаилом Иванычем или просто Мишелем, а вообще-то он Поль Дюкс, англичанин. Правда, не хочет, чтобы об этом знали посторонние.

Что сказать о нем? Красивый, стройный, высокий, прекрасно играет на рояле. Многие вещи, особенно хорошо — Шопена и Чайковского. Да нет у него никаких примет! Интересный мужчина — вот и все, какие могут быть приметы!

Встретиться решила с ним, чтобы объясниться, наконец, и предупредить насчет этой подлой старухи. Папа об этом, конечно, не знает, сама решила и пошла на рынок. Как-то Мишель заметил, что если вдруг понадобится, в особенности если срочно, пусть она пойдет на Мальцевский рынок под видом торговки игральными картами. Сверху, сказал он, обязательно должна лежать дама треф. Ему об этом сообщат, и он сам найдет способ встретиться.

Насчет «бульдога», конечно, она наврала. Это подарок Мишеля. Правильнее сказать, она сама его выпросила. Мишель однажды сказал, что интересным молодым девушкам опасно появляться на улице без оружия, в Петрограде властвует анархия, — вот она и начала просить. С собой револьвер брала исключительно ради самообороны. В последнее время, правда, все чаще думала, что когда-нибудь прикончит свою соперницу.

Марья Ивановна — ее псевдоним. Еще ее называют Мисс. Вы не находите, что это просто смешно? Старуха противная, кожа да кости остались, и вдруг — Мисс!

Нет, настоящего имени она никому не сообщает, особа на редкость скрытная. И никому не разрешает себя провожать, уходит всегда одна.

Живет где-то на Васильевском острове. Мишель, разумеется, знает адрес, он у нее квартировал. Прошлой зимой у него были обморожены ноги, и она делала ему массаж.

Внешность? Ну, высоченная, как каланча, горбоносая, костлявая, носит черный жакет и черную юбку, а глаза сверлящие, ужасно неприятные. В общем ведьма.

По профессии она докторша, муж у нее, говорят, знаменитый профессор. Из тех чудаков, которые не видят, что у них творится под носом. Если бы видел, разве впустил бы к себе в дом молодого мужчину?

Все ее боятся отчаянно. Всерьез считают, что способна подсыпать яду или подослать наемных убийц. И папа, между прочим, боится, хотя человек не трусливый. Один полковник не боится ее, даже презирает. Ей самой пришлось слышать, как он сказал однажды, что не хочет иметь с Мисс каких-либо отношений. И добавил при этом, что женщине неприлично лезть в военные дела. Мужчины как-нибудь разберутся сами. Всем его резкость пришлась по вкусу, и все рассмеялись, а громче всех хохотал папа.

Какие военные дела — она сказать не в состоянии. Просто не знает. Скорее всего, связанные с наступлением Юденича. Теперь об этом все болтают, в каждом доме.

Папа у нее — преподаватель французского языка, это правильно, но интересуется политикой. Слабость у него такая, вообразил себя тонким дипломатом и политиком. Да ему, если на то пошло, даже предлагали пост товарища министра внутренних дел.

Нет, не в царское время, а совсем недавно. Возможно, конечно, и в шутку, она не знает. А вот что папа отказался наотрез, это ей известно. Поблаго-

дарил за доверие, но отказался. Зачем ему быть товарищем министра? Он вообще считает, что делить шкуру неубитого медведя могут только авантюристки вроде Марьи Ивановны.

Фамилия у полковника какая-то нерусская, а зовут Владимиром Яльмаровичем. Похоже, что крупная шишка, служит где-то в штабе. Ездит всегда в автомобиле, с охраной и личным адъютантом. Мужчина рослый, очень представительный.

С папой у него деловые отношения, и они обычно уходят в папин кабинет. Какие дела, она, конечно, не знает, а подслушивать не в ее правилах.

Настроения полковника? Наверно, в пользу белых. Он ведь военспец, так это теперь называется. Советской власти служит за паек, а сочувствует, понятно, Юденичу.

Думайте как угодно, но она ничего дурного в этом не видит. А чего еще ждать от полковника? Он из дворян, кончал при царе академию генерального штаба, почему же ему должны нравиться большевики?

Вот Марья Ивановна — это хамелеонка. Настоящая, стопроцентная. Сама же хвастается, что коммунистка, что на хорошем счету в своей партячейке, а более озлобленной ненавистницы Советов нигде не найдешь.

Как-то у папы собралось общество, недели две назад. Говорили о будущем Петрограда. Ну, в том смысле, что белые могут занять город и что тогда делать с комиссарами. Разговор был самого общего характера, и тут вдруг вмешалась Марья Ивановна. Вы бы посмотрели на ее лицо в ту минуту и все бы сразу поняли. «Будем вешать без разбора! — сказала Марья Ивановна. — Как Булак-Балахович вешал в Пскове — на трамвайных столбах, на деревьях, на балконах, где придется!» И вдобавок набросилась на папу, когда тот заметил, что виселицы не лучшее средство борьбы. «Вы тряпка, а не мужчина! — кричала Марья Ивановна. — Порядок хотите навести в белоснежных перчатках!»

Хотите — верьте, хотите — не верьте, но предостеречь Мишеля было ее обязанностью. Женщина эта просто отвратительна, ее нужно остерегаться, как ядовитой змеи. Интриганка, кривляка, вся на-

сквозь пропитана фальшью. Между прочим, старшему ее сыну почти столько же, сколько и Мишелю. Представляете?

Да что вы! Мишель вовсе не шпион! Это она может утверждать наверняка. Скрывается он из-за того, что к англичанам теперь подозрительное отношение. Ну, после истории с Локкартом, вы же сами знаете...

Мишель любит Россию и все русское, он прожил здесь много времени. И учился, кстати, в Петербурге, кончил здесь консерваторию.

Ночевал у них не часто. Всего пять или шесть раз, не больше. Правильно, зимой ходил с бородкой. Очень ему, кстати, к лицу, жалко, что сбрил.

Наиболее сильное свойство его натуры — это скрытность. Появляется он и исчезает всегда внезапно, прямо как призрак. И вообще любит всякую таинственность. Если спрашивают, где его найти, вежливо помолчит, улыбнется, но не скажет. Или скажет: «Я сам вас найду, пожалуйста, не затрудняйтесь».

Последний раз видела его уже давно. В конце августа или в сентябре, в том-то и дело. А эту стерву — на прошлой неделе. В четверг, а может, и в среду. Заходила она к папе и, прощаясь, заметила, что собирается в Москву, в командировку по службе. Что и Мишель с ней едет, конечно, умолчала. Я же говорю, ужасная женщина.

Нет, это не дневник. Просто разные записи для памяти. Папа ее, между прочим, ругал, требовал, чтобы прекратила записывать, но у нее эта привычка с гимназии.

Кто такой «генерал Б.»? Это и не генерал совсем, а один старый англичанин, большой друг Мишеля. Генералом его называют, наверно, за солидность, а фамилия, кажется, Буклей или что-то в этом духе.

Княгиня — это соседка наша Марья Александровна. Она служит в военной цензуре. Папа знаком с ней много лет, у них какие-то общие дела.

Александр Родионов — просто один офицерик. Тип неприятный, непонятно, зачем его папа приглашает. Страшный хвастун, воображала. Работает где-то в штабе. Не помню точно, кажется, в штабе

обороны Петрограда. А может, и врет — может, в другом месте.

Хорошо, раз это необходимо, она постарается написать про каждого в отдельности. Только кто где живет, вспомнить нельзя, народу у них бывает много...

12

В первом часу ночи Семен Иванов прервал затянувшуюся беседу. Профессора, с которым бы необходимо ему посоветоваться, все еще не было.

Каждая минута промедления казалась Семену Иванову преступлением, и он отправился на второй этаж. Его долг — немедленно рассказать обо всем, а начальник Особого отдела пусть сам решает, важно это или неважно.

Несмотря на поздний час, у Комарова было полно людей. Николай Павлович только вернулся с гатчинского участка фронта и, окруженный ждущими его товарищами, снимал задубевшую от мороза шинель.

— Учти, у меня срочное, — шепнул Семен Иванов секретарю и совсем уж тихо прибавил: — «Английская папка»...

Выслушал его Николай Павлович с обычной своей неторопливой обстоятельностью. Не перебивал вопросами, не хмурился, не поглядывал на часы. Лишь в самом начале сказал, чтобы пригласили Ивана Петровича Павлуновского, приехавшего накануне из ВЧК.

Семен Иванов в душе преклонялся перед Профессором, с которым работал, невольно копируя все его манеры. Революционер, приговоренный царскими сатрапами к смертной казни, да еще сумевший вырваться из тюрьмы, был для Иванова достойным примером.

Меньше знал он Николая Павловича Комарова. Слышал, что Комаров из той же когорты профессиональных революционеров, что коренной питерский металлист с Выборгской заставы, что бывал в тюрьмах и ссылках, нажив там чахотку, а в дни Октября находился при Военно-революционном комитете.

Еще он слышал, что у Комарова чрезвычайно тренированная память. Об этом на Гороховой рассказывали всяческие небылицы, утверждая, что помнит он решительно все на свете. Однажды и сам Иванов был ошеломлен, когда, выступая с докладом на первомайском собрании сотрудников отдела, Николай Павлович вдруг увлекся и долго декламировал стихи Пушкина, да так здорово декламировал, что звучали они как бы специально сочиненными к пролетарскому празднику международной солидарности.

И слушать умел Комаров как-то по-своему, не похоже на других. Сидит, прикрыв глаза ладонью, постукивает карандашом по столу, точно запятые и точки расставляет. Лишь когда Семен Иванов стал объяснять про смутную свою догадку и про то, как разыгрались ревнивые чувства девчонки, Николай Павлович добродушно усмехнулся.

— Ты погляди, товарищ Павлуновский, какие великолепные психологи у нас завелись...

— Молодчина, правильно работает, — сказал Павлуновский.

Комаров прищурился:

— Кюрц... Кюрц... Слушай, Иван Петрович, ты хорошо знаешь Питер, может, встречал эту фамилию?

— Что-то не припомню.

— А я, представь, где-то встречал... Вот что, проверим-ка, пожалуй, в делах Военконтроля... Не там ли случайно...

Николай Павлович крутнул ручку настольного телефона, связался с дежурным по отделу, а Семен Иванов продолжал свой рассказ о беседе с Жоржеттой.

Из всего, что наболтала эта влюбленная барышня, самым существенным считал он упоминание о некоем полковнике. Не худо бы проверить, что это за фигура и в каком из штабов сумел окопаться. Зовут полковника Владимиром Яльмаровичем, а фамилию Жоржетта не помнит. Явный, судя по всему, изменник.

— Вероятно, это начштаба Седьмой армии Владимир Яльмарович Люндеквист, — тихо сказал Николай Павлович и сморщился, как от зубной бо-

ли. — Точнее, бывший начштаба. По телеграмме Троцкого откомандирован в Астрахань, в Одиннадцатую армию... Если не ошибаюсь, на ту же самую должность...

— Вот это номер! — вырвалось у Семена Иванова. — В Питере нашкодил, а теперь примется в Астрахани?

— К чему же такая поспешность, товарищ Иванов? — мягко поправил его Комаров. — Торопиться с обвинениями не следует. Прежде проверим, это наша с вами обязанность. Меня, признаться, больше занимает гостеприимный хозяин дома... Очень уж пестрая публика собирается под его крышей... И потом, что означает это распределение правительственных постов?

— Забавлялись они от нечего делать, — сказал Семен Иванов. — Известное дело, голодной курице просо снится...

— Вы в этом убеждены? А ты как считаешь, Иван Петрович?

Павлуновский не успел ответить. В дверь кабинета постучался дежурный по Особому отделу.

— Разыскали! — объявил он, протягивая через стол тонкую синюю папочку личного дела. — Хорош гусь, ничего не скажешь! Понять не могу, как мы его не взяли на заметку...

И вновь дала себя знать цепкая память Николая Павловича. Папочка Кюрца хранилась, оказывается, в архиве Военконтроля, работавшего в тесном контакте с царской контрразведкой. Архив этот все собирались изучить, да все не доходили до него руки.

Начинались материалы папочки, как и положено, с двух стандартных фотографий секретного агента. В фас и в профиль. Мужчина лет сорока с несколько выпученными рачьими глазами и с остроконечными усами-пиками а-ля Вильгельм. Кличка была странноватой — Китаец, а по паспортным данным — Илья Романович Кюрц, 1873 года рождения, незаконнорожденный сын князя Гедройца. Личное дворянство, потомственный почетный гражданин, воспитывался в парижском лицее Генриха Четвертого, куда принимали лишь сыновей аристократов.

Далее шли сведения сугубо деловые. Служба в контрразведке Юго-Западного фронта, поездки с секретными миссиями в Швейцарию, Францию, Грецию, Румынию. Прикрытием обычно была корреспондентская карточка, но журналист посредственный, звезд с неба не хватает. Налицо, отмечало начальство, склонность к авантюризму. Хвастлив, неискренен, любит деньги и живет обычно не по средствам.

Наиболее важное было упрятано в конец, на последних страницах. В Бухаресте завел, оказывается, подозрительные связи с немецкой агентурой. Удовлетворительных объяснений представить не смог.

Двойная игра осталась недоказанной, но доверия лишен. Закончилась вся эта история высылкой в Рыбинск, под надзор полиции.

— Да, ситуация, видно, серьезнее, чем казалось. — Николай Павлович отодвинул синюю папочку, задумался. — Действительно, жаль, что мы так безбожно запаздываем с изучением материалов Военконтроля. Товарищ Иванов, а когда была задержана дочка этого прохвоста?

— Часов в девять утра.

— Скверно. Как бы не ускользнул, чутье у них собачье, у этих ловких господ... Ну что ж, давайте поспешим, пока еще не поздно... Арестовать придется всех упомянутых в дневнике этой девицы... Ничего, если не виноваты, извинимся и выпустим... В квартирах оставим засады с летучими ордерами... Особенное внимание квартире этого Китайца: задерживать всех, кто к нему придет... Товарищ Иванов, свяжитесь сейчас же с особистами Седьмой армии, прикажите срочно выяснить, где Люндеквист... Если выехал в Астрахань, нужно послать шифровку... Англичанина оставим за Профессором, пусть срочно проверит консерваторские его связи... С Феликсом Эдмундовичем я поговорю сам...

Настенные часы пробили два раза. За окнами хлестал нескончаемо долгий ночной дождь вперемежку со снежной крупой. На прохудившихся петроградских крышах гремел железными листами порывистый ветер с Балтики.

Нелегко было Николаю Павловичу отдавать по-

добные распоряжения. Нелегко и непросто. Понимал он, конечно, что засады в квартирах — отнюдь не лучшее средство, которым должна пользоваться Чрезвычайная комиссия. И летучие ордера на арест, дающие право задерживать всех подозрительных, не служили гарантией от досадных ошибок и неоправданных арестов.

Но что же оставалось делать? Время было слишком суровым, и опасность была слишком велика. Неудержимо стремительное наступление Юденича удалось приторможить, на фронте произошел перелом, но белые еще угрожали Петрограду. Яростные их контратаки у Гатчины и у Волосова не прекращались вот уже несколько дней.

13

Ночь выдалась напряженная, без сна и отдыха.

В пятом часу утра, задолго до рассвета, на Гороховую привезли Илью Романовича Кюрца. Был он похож на служебные свои фотографии, разве что немного состарился и обрюзг. Рыжеватые усы-пики топорщились непримиримо, в выпученных рачьих глазках светилась упрямая решительность.

— Это беззаконие, уважаемые товарищи! Это произвол и превышение власти! — возмущенно тараторил он, не замолкая ни на секунду. — Среди ночи вытаскивают человека из постели, везут в «чрезвычайку», но позвольте вас спросить: за что, за какие провинности? Я всего лишь куратор трудовой школы, преподаю детям французскую грамматику... И я вынужден протестовать! Вы слышите: я протестую самым категорическим образом!

— Успокойтесь, господин Китаец! — спокойно возразил Комаров. — Это нам следовало бы возмущаться и даже протестовать, но мы, как видите, молчим. В вашем доме плетутся нити антисоветского заговора, вы почти в открытую занимаетесь шпионажем, и все равно мы воздерживаемся от протестов. Бесполезное это занятие, господин Китаец. И давайте, как деловые люди, не будем терять время понапрасну...

— О да, время, конечно, дорогой продукт...

Но почему вы решили переименовать меня в какого-то Китайца?

— И опять вы отвлекаетесь от разговора по существу. Об этом нужно было спрашивать штабс-капитана Тхоржевского из известного вам учреждения Юго-Западного фронта... Помните этого господина?

— Пардон, я что-то не пойму...

— А что тут непонятного, Илья Романович? У штабс-капитана была, по-видимому, небогатая фантазия — вот и окрестил вас Китайцем. И давайте не ворошить прошлое... Интересует меня совершенно конкретный вопрос: давно ли знакомы вы с полковником Люндеквистом?

— Впервые слышу о нем...

— Полноте, Илья Романович! Нельзя же впадать в детство... Полковник — свой человек в вашем доме, а вы говорите: «Впервые слышу». Этак, чего доброго, вы и с господином Диксом не знакомы?

— Понятия не имею. Кто это такой?

— И Мисс не знаете?

— Побойтесь бога, товарищ комиссар! Человек я семейный, у меня взрослые дети...

Дождь за окнами хлестал и хлестал, не собираясь униматься, в рачьих, выпученных глазках Китайца светилось злое упорство, и видно было, что много потребуется нервов, прежде чем выжмешь из него хоть крупицу правды.

Николай Павлович был нездоров, хотя и не жаловался никогда и по привычке своей старательно избегал встреч с докторами. Разламывалась чугунно-тяжелая голова, воздуха все время не хватало, и на лбу выступал холодный липкий пот. Это у него начиналось каждую весну и каждую осень, мешая жить и работать, и тянулось обычно до тепла либо до первых крепких заморозков, когда сразу становится легче дышать.

Чертовски хотелось выругаться и свирепо прикрикнуть на этого напыщенного самодовольного болвана, вздумавшего от всего отпираться, но кричать он себе запретил еще в то весеннее утро, полгода тому назад, когда направили его работать на

Гороховую. Кричать и стучать кулаками по столу любили жандармы, а он не жандарм, он коммунист. Надо, чтобы этот Илья Романович начал беспокоиться за свою собственную шкуру, иначе от него толку не будет.

— Ваше право отрицать все подряд, — сказал Николай Павлович. — В конце концов всякий ведет себя сообразно своим представлениям о здравом смысле. Прошу, однако, учесть, что компаньоны ваши значительно умнее. Например, Владимир Яльмарович Люндеквист. В итоге что же может получиться и как это будет выглядеть? Вы подумайте, Илья Романович, вы же человек неглупый...

Намек вроде бы достиг цели. Китаец заерзал на стуле.

— Не считайте, пожалуйста, Чрезвычайную комиссию совсем уж безответственной организацией. Если мы решили арестовать вас и привезти сюда ночью, то, право же, с вполне достаточными основаниями. Мне вот, грешному, очень хотелось лично познакомиться с будущим товарищем министра внутренних дел...

— Это клевета! — подскочил на стуле Китаец. — Нельзя же из глупой обывательской болтовни делать столь серьезные выводы! Мало ли о чем говорят люди...

— Вот вы и расскажите нам, о чем они говорят. И какие именно люди...

Китаец надолго задумался, потом, словно решившись, перешел на угрожающе-трагический шепот:

— Прекрасно! Вас, стало быть, интересуют сплетни? В таком случае я сам все напишу... Могу я это изложить на бумаге?

— Сделайте одолжение...

Уселся Китаец за низенький столик машинистки. Обмакнул перо в чернила, откинулся на стуле, подумал и начал писать.

По-прежнему бушевала снежная буря, барабанила по крыше и по оконным стеклам. Николай Павлович медленно прохаживался из угла в угол комнаты, так ему было легче.

Писал Китаец размашистой и торопливой скорописью возбужденного человека, обильно разбрыз-

гивал чернила. Свел все к невинным застольным беседам карточных партнеров. Собираются, дескать, у него старые знакомые, главным образом бывшие ученики, от нечего делать играют в преферанс.

Знакомство с полковником признал. Это обычное светское знакомство. Изредка, в свободное от служебных занятий время, полковник заезжал к нему на чашку чаю.

Кто именно и когда изволил пошутить, что из него, из Ильи Романовича Кюрца, получился бы неплохой товарищ министра внутренних дел, он решительно припомнить не может. Просто не придал шутке никакого значения.

— Почерк-то у вас анафемский, — покачал головой Комаров, кладя на стол исписанные красными чернилами листки. — Или вы нарочно так, чтобы ничего было не разобрать? Должен, однако, заметить, что все написанное вами — сплошная ложь. Опасаюсь, как бы не обскакали вас другие, более сообразительные...

Усевшись за столик машинистки во второй раз, Китаец нехотя приписал, что знаком с одним английским журналистом. Фамилия его, кажется, Дюкс или Чукс, в общем что-то в этом роде. Знакомство у них чисто профессиональное, ни к чему не обязывающее. Иногда английский коллега забегал на огонек...

— Он что ж, нелегал, этот ваш коллега?

— Понятия не имею...

— А какой орган прессы представляет в Петрограде?

— Я как-то не интересовался...

— Допустим. А почему же вы ни слова не написали про Марью Ивановну? Она тоже корреспондентка?

— Никакой Марьи Ивановны я не знаю...

— Бросьте прикидываться, Илья Романович! Разве вы еще не поняли, что игра начисто проиграна? Ваша дочь Жоржетта и то успела это понять...

— О мое бедное дитя! — запричитал Китаец. — Значит, она в темнице ЧК? О, я так и думал, сердце мне подсказывало! Несчастная малютка! Могу я ее видеть?

— Всему свой срок, — отрезал Николай Павлович, начиная против своей воли сердиться. — Так когда же вы познакомились с Марьей Ивановной и какого характера было это знакомство?

И снова уселся Китаец за столик машинистки, снова выдавливал из себя осторожные полупризнания.

За окнами начало светать. Звенели утренние трамваи, с Невы донесся протяжный пароходный гудок.

В половине восьмого позвонили из Седьмой армии. Полковник Люндеквист, как удалось выяснить, к месту новой службы не выезжал. Находится на излечении в лазарете по поводу простудного заболевания. Болезнь, судя по некоторым признакам, явно дипломатическая.

Следом позвонил Иван Петрович Павлуновский, с ходу включившийся в работу.

Новость была важной. Соседка Китайца, бывшая княгиня Марья Александровна Воейкова, ни минуты не упорствуя, призналась, что выполняла некоторые щекотливые поручения Ильи Романовича. Дала, к примеру, список и адреса лиц, чья корреспонденция на контроле военной цензуры, снимала копии с особо интересных писем фронтовиков. Клянется, что понятия не имела о шпионаже. Илья Романович заверил ее честным словом дворянина, что требуется это для журналистских его занятий.

— По-моему, это многое проясняет, — сказал Николай Павлович в телефонную трубку. — Ты успокой княгиню, Иван Петрович. Безвинных мы в тюрьме держать не будем...

Китаец внимательно прислушивался к разговору.

— Вам нечего добавить, Илья Романович? — спросил Комаров. — Тогда прервем нашу милую беседу до другого раза. И рекомендую вам поразмыслить на досуге, да не слишком-то опаздывать... Хуже нет — оказаться последним...

Дождавшись, пока уведут Китайца, Николай Павлович собрался прилечь на узкую свою койку, поставленную за ширмой в углу кабинета, но отдохнуть ему не дали.

Позвонил Профессор. Оказывается, «генерал Б.»,

фигурирующий в дневнике Жоржетты, свыше двадцати лет прожил в России. Был управляющим Невской ниточной мануфактурой, долго работал в Союзе сибирских кооперативных обществ. И главное, это глубокий старец, очень болезненный человек. И сейчас тоже хворает.

— Что же ты предлагаешь?

— Надо бы, видимо, допросить...

— Подождем. Присмотрим за ним, а допросить, если нужно будет, успеем. Ты уж не сердись на меня, дорогой Эдуард, но я, пожалуй, прилягу на часок... Что-то муторно мне сегодня...

И опять не удалось ему отдохнуть. Из лазарета на Суворовском проспекте доставили Люндеквиста. Допрашивал изменника Профессор, а Комаров не утерпел, поднялся с койки, пришел и сел сбоку, наблюдая, как петушится этот рослый мужчина с барственно-надменным лицом.

Впрочем, надменности хватило ненадолго. Начал Люндеквист с преувеличенно бурного негодования, требовал связать его по телефону с Москвой, с Реввоенсоветом республики, где не в пример петроградским властям умеют ценить военных специалистов, но быстро сдал позиции. Слишком многое знали на Гороховой, не было резона отпираться.

— Я всегда думал, что кончится это расстрелом! — сказал Люндеквист и опустил стриженную под ежик голову. — У меня с самого начала было предчувствие...

Дальнейшее пошло обычным своим ходом. Профессор деловито уточнял фамилии, адреса, явки, стараясь отделить главное от второстепенного, Люндеквист отвечал ему по-военному немногословно.

— Минуточку, Владимир Яльмарович, — вмешался Комаров и подсел поближе к столу. — Какого рода рекомендации давались вами штабу Юденича?

— Прямой связи с Юденичем я не имел...

— Это неважно, какая у вас была связь — прямая или через третьих лиц. Меня интересует, каковы были ваши рекомендации чисто военного характера?

— Летом нынешним предлагался один план...

— Организовать мятеж на указанном Юденичем

участке фронта? Это нам известно. А план наступления на Петроград вами предложен?

— Об этом был разговор у Ильи Романовича. Говорили, что выгоднее ударить на Гатчину... Но я не убежден, что Илья Романович успел сообщить...

— А переброска частей с ямбургского участка — ваша идея?

— У штаба армии были соображения на этот счет... Мы считали...

— Правильно, вы считали, что нужно ослабить участок, где будет наноситься главный удар...

Допрос продолжался. Посидев еще минут пять, Николай Павлович вышел из комнаты и медленно побрел к себе на второй этаж.

Не хватало воздуха, ломило в висках. И не мог он, просто физически не мог присутствовать при самом разоблачении изменника, которому недавно еще верил, с которым встречался в Смольном и пожимал руку, как товарищу. Таким он был, так был издавна устроен. Предательство во всех его видах, ложь, притворство, неискренность вызывали в нем чувство омерзения.

Не дойдя еще до своего кабинета, Николай Павлович узнал, что с ним желает увидеться Китаец. Пока в комендатуре оформляли наряд на отправку в тюрьму, пока брали отпечатки пальцев и фотографировали, Илья Романович успел передумать.

— Настойчиво требует, — хмуро доложил комендант. — Собрался будто бы давать ценные сведения... Никому, говорит, доверить их не могу, одному только товарищу Комарову...

— Черт с ним, ведите! — устало сказал Николай Павлович.

Китаец и впрямь был неузнаваем, всем своим видом доказывая, что за час с небольшим способен превратиться в полную свою противоположность.

— Вы предостерегали меня, и вы были, безусловно, правы! — затрещал он еще с порога. — Спектакль окончен, занавес опустился, огни рампы погашены, и я готов по мере своих возможностей служить Чрезвычайной комиссии...

— Бросьте паясничать, Кюрц!

— Слушаюсь! Я постараюсь, я буду говорить ответственно... Но у меня, гражданин начальник, по-

корнейшая просьба к властям... И даже, если хотите, маленькое предварительное условие... Я все сделаю, все вам расскажу, только сохраните мне жизнь! Мне и моей бедной девочке, моей глупенькой Жоржетте, которая ни в чем не виновата...

— Ваше раскаянье будет учтено трибуналом... Ничего другого обещать не могу... И нельзя ли ближе к делу?

— О да, о конечно! Разрешите написать обо всем собственноручно?

Что было делать? Пришлось разрешить. И вновь, теперь уж в четвертый раз за эту ночь, Китаец уселся за низенький столик машинистки.

14

Не прошло и суток, а общая структура заговора начала проясняться, быстро обрастая множеством подробностей.

Заговор был опасным. Принимая во внимание обстановку и положение на фронте, самым, наверно, опасным из всех заговоров, с какими имели дело петроградские чекисты.

Все было рассчитано и довольно тщательно спланировано. Опоздай ЧК с ответными ударами, и Юденич получил бы активную поддержку своей агентуры, окопавшейся в городе. За спиной защитников Петрограда должен был вспыхнуть мятеж.

Главную силу «Белого меча» составляли вооруженные отряды заговорщиков. Это им, каждому на заранее выбранном участке, предстояло дезорганизовать и расстроить внутреннюю оборону путем захвата важных ключевых позиций.

Параллельно, как установило следствие, велась и политическая подготовка мятежа. Еще в сентябре, перед началом наступления белогвардейской армии, заговорщики получили приказ сформировать правительство из «патриотически настроенных элементов».

Специальный курьер привез им шифрованную записку генерала Владимирова, начальника контрразведки Северо-Западной армии. «Наши либералы никуда не годятся, — писал генерал, подразумевая

так называемое «Северо-Западное правительство», которое было создано в Ревеле по настоянию англичан. — Соблаговолите заблаговременно позаботиться о формировании кабинета, подобрав вполне надежные кандидатуры. Правительство будет утверждено главнокомандующим в день взятия Петрограда».

На словах курьер сообщил, что всех своих министров, едущих в обозе армии, его высокопревосходительство генерал Юденич намерен перевешать в Петрограде как вольнодумцев и красных разбойников.

— Смотрите, господа, не оплошайте, — предупредил курьер, собираясь в обратную дорогу. — Выбирать надо достойных...

По-разному вели себя заговорщики на следствии.

Люндеквист старательно открещивался от политики. Человек он, дескать, военный и занят был исключительно разработкой плана операции, а все остальное его не касалось.

«Боевая сторона нашего предприятия выглядела вполне обеспеченной, — признал он на допросе. — Илья Романович заверил меня, что рассчитывать следует примерно на полторы тысячи вооруженных участников дела, и я считал, что для акций чисто партизанского свойства этого количества должно хватить. Помимо того, он сказал, что имеет в персональном своем распоряжении специальные группы, назвав их почему-то «мои хулиганы». На последнем совещании, происходившем у него дома, важное заявление сделал адмирал Бахирев, объявив, что гарантируется участие линкора «Севастополь». «В чьем распоряжении двенадцатидюймовые орудия «Севастополя», тот и хозяин в Петрограде», — сказал адмирал. Несмотря на известную категоричность этого заявления, я с ним согласился: линкор стоит в черте города и действительно способен подвергнуть бомбардировке все жизненно важные объекты. Что же касается политической стороны, то я в нее совершенно не вникал. Предложенное мне сотрудничество с Марьей Ивановной, якобы уполномоченной формировать правительство, я безоговорочно отверг».

Вице-адмирал Михаил Каранатович Бахирев, бывший командир крейсера «Рюрик», изгнанный с корабля по требованию судового комитета, устроился в Военно-морскую академию на скромную должность архивариуса. Признав, что у Ильи Романовича бывал и действительно говорил о возможном участии «Севастополя» в мятеже, Михаил Каранатович отказался отвечать на дальнейшие вопросы.

— Почему же вы не хотите отвечать? — удивился Комаров. — Как человек военный, вы, надеюсь, понимаете, что авантюра ваша сорвалась?

— Докапывайтесь сами, я вам помогать не намерен! — зло оскалился бывший адмирал, ставший архивариусом.

— Докопаемся, Михаил Каранатович! — заверил его Комаров. — Непременно докопаемся!

Китаец, хоть и клялся помогать следствию, старательно изображал из себя мелкого платного агента, выполнявшего отдельные поручения своих хозяев. Попутно старался представить их в оглупленном виде, особенно Марью Ивановну.

— Мисс слывет женщиной большого государственного ума, но я лично считаю, что это ошибка. Интриговать она умеет, это верно, но ума я не замечал. Тем не менее Михаил Иваныч расценивал ее как важную фигуру русской контрреволюции. Злые языки, между прочим, утверждали, что Мисс его любовница. Удивляюсь, что он нашел в этой старухе...

Любопытны были подпольные министры.

На Гороховую их привозили одного за другим, еще тепленькими, заспанными, не понимающими, что заговор раскрыт. И каждый допрос непременно заканчивался покаянным заявлением об отставке.

— Поверьте, я отказывался и многократно выражал сомнение в своей пригодности! — чуть не плача говорил министр финансов Сергей Федорович Вебер. — У меня застарелая подагра, прошу убедиться — я не могу пошевелить пальцами...

— Считайте мое согласие необдуманным легкомысленным поступком, — просил министр просвещения Александр Александрович Воронов.

— Меня обманом вовлекли в эту грязную ком-

бинацию! — истерически кричал министр транспорта Николай Леопольдович Альбрехт.

Профессора Технологического института Александра Николаевича Быкова, видного деятеля кадетской партии, допрашивал сам начальник Особого отдела. Быков держался степенно, с достоинством, как и полагается без пяти минут премьер-министру.

— Я еще могу как-то понять ваше согласие на премьерство, хотя и не одобряю методов формирования нелегального правительства, — задумчиво произнес Николай Павлович. — Но объясните мне, пожалуйста, что за возня была у вас с пироксилином?

— Никакой возни не было...

— А о чем же в таком случае говорили вы с Кюрцем? Помните, в тот вечер, когда дали согласие стать премьер-министром?

— Разные обсуждались темы...

— Нет, меня интересует именно разговор о взрывчатых веществах. О чем вас просил Кюрц?

— Ну... чтобы мы изготовили пироксилин в нашей институтской лаборатории...

— Для какой цели?

— Право, не помню...

— Позвольте, но ведь это взрывчатое вещество! Не мыло хозяйственное и не порошок против клопов! Разве можно забыть это?..

— Представьте, забыл...

Китайца так и не успели отправить в тюрьму. Сидел он в комендантской, усердно дополнял свои показания, дожидаясь вызовов на очные ставки.

— Как же, как же, был разговорчик! — подтвердил он не без удовольствия. — Профессор Быков высказались в том смысле, что не худо бы взорвать железнодорожный мост у станции Званка. Мост этот считается стратегическим...

— Стало быть, не вы попросили профессора изготовить пироксилин, а он сам выдвинул идею взрыва моста?

— Именно, именно, так и было! Не надо смотреть на меня сердитыми глазами, господин профессор... Се ля ви, как говорят французы...

— Разрази меня гром, но я действительно отказываюсь постичь вашу логику, — вздохнул Нико-

лай Павлович, когда Китайца увели. — Вы соглашаетесь быть главой правительства, следовательно, отдаете себе отчет в том, где, когда, в каких исторических условиях должны работать вместе со своими министрами. В голодном, в холодном, в сыпнотифозном Петрограде, среди чудовищной разрухи, нищеты, среди народных бедствий... И вы же готовите диверсию на железной дороге... Позвольте вас спросить, как же это совмещается в одном лице?

Профессор молчал, лицо его было отчужденным и замкнутым. Да и что, собственно, мог он сказать, если все его «правительство» на поверку оказалось трусливым сбродом случайных людишек? То интриговали, без конца ссорились из-за министерских портфелей, а грянула беда — и затряслись, подобно стаду овец.

— Понимайте, как вам будет угодно, — произнес Быков угрюмо. — Я вижу, что мы снова в проигрыше, и готов нести ответственность за свои поступки...

Николай Павлович не стал уточнять, что означает это «мы». Вероятно, профессор Быков подразумевал свою кадетскую партию, не раз и не два остававшуюся в проигрыше. Да и готовность Быкова отвечать за свои поступки длилась недолго: из тюрьмы он прислал длинное покаяние, умоляя о прощении его грехов.

15

Следствие расширялось. Тонкая «Английская папка», которой занимался Профессор, стала в эти дни заботой всей Петроградской ЧК, превратившись в многотомное следственное дело.

Надо было выявить и быстро обезвредить вооруженных участников заговора. Полторы их тысячи, как хвастался Люндеквисту Китаец, или несколько меньше — это, в сущности, значения не имело. Надо было найти каждого, кто ждал сигнала к началу операции «Белый меч».

На границе с Финляндией удалось задержать бывшего поручика Виктора Яковлевича Петрова,

командира роты одной из дивизий карельского участка фронта. Это его рота, насчитывавшая сто шестьдесят штыков, должна была подняться по тревоге и поступить в распоряжение руководителей мятежа.

Сперва Петров прикинулся дурачком. На границу, мол, попал случайно, пошел за клюквой и заблудился, а Илью Романовича Кюрца действительно знает, случалось к нему забегать по причине чисто житейской — «на предмет обмена хлеба на чай».

Лицо у поручика было глуповатое, каждый вопрос он непременно переспрашивал, так что Китаец даже рассердился на очной ставке, сердито заорал:

— Какой чай, Виктор Яковлевич! Разве вы не видите, что все лопнуло и мы банкроты?

Запирался Петров и после очной ставки, пробовал путать, намеренно оттягивая следствие, пока не увидел, что полностью разоблачен. Тогда только выявилась картина подготовки «моих хулиганов», как с гордостью называл Китаец своих головорезов.

Отбирали в роту надежных людей — бывших жандармов, полицейских, гостинодворских приказчиков, уголовную шпану — и заранее, чтобы не возбуждать подозрений у военкома, сочиняли каждому вполне «пролетарскую» биографию. В результате удалось незаметно сколотить готовую на все шайку «моих хулиганов».

Мятеж должен был вспыхнуть в ночь на 11 октября. Как раз в эту ночь, вернее, на рассвете, в семь часов утра, прорвав фронт у Ямбурга, хлынула на Петроград армия Юденича.

Главари заговора с вечера собрались у Китайца на Малой Московской. Распределили обязанности, договорились о средствах связи, утвердили первоочередные объекты, отметив их на карте Петрограда белыми флажками — Смольный, здание ЧК, гостиница «Астория», Центральная телефонная станция, штаб Седьмой армии.

Люндеквист, а он был военным руководителем, распорядился привести в боевую готовность вооруженные группы. Роте поручика Петрова, квартировавшей в Осиновой Роще, предстояло безотлагательно двинуться на Петроград.

— Разрешите, ваше превосходительство, отправить связного? — обратился к Люндеквисту Петров.

— Человек, надо полагать, верный? Приказ вы зашифровали?

— Так точно, ваше превосходительство!

— Действуйте, штабс-капитан! — помолчав, согласился Люндеквист, а оторопевший от неожиданного производства в штабс-капитаны Петров бегом кинулся выполнять его распоряжение,

Связной мотоциклист уехал в Осиновую Рощу. По условленному сигналу головорезы Петрова готовы были двинуться к намеченным для них объектам.

Осечка вышла в крайне неподходящий момент. Совещание близилось к концу, обо всем уже договорились, когда вдруг у Китайца появилась сама Мисс, обычно предпочитавшая не показываться на многолюдных сборищах.

— Отмена, господа! — объявила она своим грубоватым голосом старой курильщицы. — Получены новые директивы...

Как всегда, Мисс уклонилась от разъяснения подробностей. Откуда директивы, каким образом доставлены в Петроград — об этом можно было ее не спрашивать, все равно промолчит.

Важно было другое. Главнокомандующий считает, сказала Мисс, нецелесообразным одновременное с армией выступление, решено ударить в тыл петроградской обороны на более позднем этапе.

— Сигнал, господа, будет дан, как только передовые части достигнут Обводного канала... Вероятно, это произойдет через неделю, самое позднее через десять дней...

Поневоле пришлось играть отбой.

Неприятнее всего получалось с ротой Петрова, поскольку связной мотоциклист уже умчался с приказом. Преждевременный марш роты на Петроград мог вызвать нежелательные последствия.

— Какого черта вы расселись тут! — прикрикнул на Петрова обычно сдержанный Люндеквист.— Берите мой автомобиль и немедленно езжайте в Осиновую Рощу! Любой ценой надо предупредить ваших людей! Обождите, я сам с вами поеду!

Вскоре после этого переполоха Петров получил

новое задание. Его роте было приказано захватить здание ЧК на Гороховой. «Ваша задача нанести ошеломляюще внезапный удар, а комиссары сами разбегутся», — инструктировал его Люндеквист.

— Стало быть, вот это самое здание вы и собирались захватить? — усмехнулся Николай Павлович. — А нам всем положено было разбегаться?

— Выходит так, — мрачно подтвердил Петров.

Часть своих сил, примерно с полсотни наиболее надежных людей, Петров должен был направить на штурм линкора «Севастополь». План этой ночной операции, разработанный адмиралом Бахиревым, был отчаянным, пиратским: подойти ночью к линкору вплотную, разместившись на маленьком портовом буксирчике, взять корабль на абордаж и водрузить на нем андреевский флаг. Коммунистов и комиссаров, конечно, — в Неву в завязанных накрепко мешках, а из двенадцатидюймовых орудий «Севастополя» — огонь по городу.

— Цели вам указали?

— Нет, огонь надо было открывать беспокоящий...

— Что это значит?

— Вызвать, одним словом, панику...

Адмирала-архивариуса по распоряжению Николая Павловича привезли на очную ставку с Петровым. Сообразив, что запирательство бессмысленно, Бахирев нехотя признал свое авторство: да, это с его участием подготавливался захват «Севастополя».

— Таким образом, вы сознательно шли на огромные жертвы среди мирного петроградского населения?

— Лес рубят — щепки летят! — пожал плечами Бахирев.

Выстрейшее выявление всех вооруженных участников заговора было делом совершенно безотлагательным, и чекистам пришлось работать круглосуточно.

Профессору достался некий Александр Николаевич Родионов, тип весьма любопытный, своего рода мелкая разменная монета в большой шпионской игре.

Прежде чем пролезть в адъютанты штаба внут-

ренней обороны Петрограда, где он, естественно, был находкой для заговорщиков, Александр Родионов успел послужить в трех разведках.

Первым приметили и завербовали его немцы. Случилось это в столичном офицерском лазарете, причем с молниеносной скоростью, так что он не успел и дух перевести.

Лежал на лазаретной койке прапорщик Устюжнинского пехотного полка, втайне от товарищей любовался своей Анной третьей степени и красным темляком, ждал внеочередного производства в подпоручики. Все было хорошо, пока не сел играть в двадцать одно. Проигрался раз, проигрался в другой и в третий, навыдавал векселей, а там уж пришлось подписывать и обязательство, именуясь впредь Синим Френчем.

После немцев Александра Родионова подобрали американцы, сделав курьером своего посольства в Петрограде. Курьерские обязанности были только ширмой, задания давались самые разнообразные. Во время немецкого наступления ездил он на станцию Торошино близ Пскова, выяснял, будут ли немцы соблюдать условия мира с большевиками. Ездил также в Москву, в Мурманск, в Вологду, возил тяжелые посольские мешки с пломбами, в которых вместо дипломатической почты переправлялись за границу скупленные по дешевке произведения искусства.

Перед окончательным отъездом из Петрограда советник посольства Имбри передал своего агента англичанам, небрежно предупредив Синего Френча, что к нему, возможно, обратятся и он должен будет оказать кое-какие услуги «нашим английским друзьям».

Англичане не заставили себя ждать. Строгий, неулыбчивый мужчина в красноармейской шинели, назвавшийся Александром Банкау, отыскал его и без церемоний объявил, что отныне Синий Френч поступает в личное его распоряжение. Даже робкая попытка неудовольствия была пресечена самым решительным образом. Александр Банкау сухо заметил, что шутить ему некогда, и, если Синий Френч намерен упорствовать, он прикажет вывести его из игры.

— То есть ликвидировать?

— Конечно! И мне пришлось подчиниться...

— Как выглядел Банкау?

— Очень высокого роста, сухощав, гладко выбрит, руки чрезмерно длинные, а пальцы, как у музыкантов, тонкие и нервные. Носил иногда пенсне с темными очками, летом одевался в тужурку из солдатского сукна...

— Кроме информации из штаба обороны, что еще от вас требовали?

— Банкау велел мне ходить на связь с Марьей Ивановной...

— Опишите ее внешность. Где вы встречались?

— Марья Ивановна носит обычно черную вуаль. Никогда не видел ее лица, курить — и то умудряется под вуалью... Очень властная женщина, говорить много не любит и возражений не терпит... Встречались мы чаще всего на углу Садовой и Невского, около здания Публичной библиотеки. В первое свидание я должен был узнать ее по белой сумке, из которой торчал уголок красной косынки...

— А с Банкау где встречались?

— Всегда в разных местах. У Казанского собора, на набережной у Летнего сада, на Троицком мосту... Он сам назначал место и приходил с небольшим опозданием, потому что должен был убедиться, нет ли за мной хвоста... Субъект он, по-моему, необыкновенно осторожный...

Военный руководитель заговора Люндеквист разыгрывал у следователей мелодраматические сцены, уверяя, что изводит себя угрызениями совести. Сочинил и просил передать в Смольный покаянное письмо, в котором доказывал, что до роковой своей встречи с Китайцем «совершенно лояльно работал в рядах Красной Армии, ни единым помыслом не намереваясь на какие-либо активные действия в пользу противника».

Одного только не говорил Люндеквист: сколько еще остается на свободе вооруженных заговорщиков.

Синий Френч знал, понятно, меньше. Английский резидент и его помощница встречались с ним на улицах, использовали на отдельных мелких поручениях. И все же именно Синий Френч нечаянно

помог выявить еще одну неизвестную чекистам группу.

Это была группа Пьера. Возглавлял ее, готовясь по первому сигналу вывести из подполья, скромный делопроизводитель Совнархоза Эмиль Божо. Впрочем, делопроизводителем он заделался из соображений конспирации, а в самом деле был агентом французского разведывательного бюро.

Входили в группу Пьера лица самые разные — от купеческого сынка Сергея Маркова, недоучившегося инженера-путейца, грабителя и сутенера, до полковника Георгия Ивановича Лебедева, инспектора артиллерии запасных войск Петроградского военного округа.

Люди Пьера имели свои склады оружия, свою курьерскую службу, позволявшую регулярно сноситься с Гельсингфорсом и Ревелем, проникли они даже на радиостанцию.

Сигналом к мятежу, кстати, была назначена условная радиограмма: «Время твое, Эмиль». И принять ее должен был начальник радиостанции «Новая Голландия» Николай Эмильевич Рейтер, завербованный самим руководителем группы.

16

Как и другие, Китаец всячески юлил на допросах, сваливая с себя ответственность. И особенно настойчиво утверждал, что с Джоном Мерретом, английским резидентом, познакомился при посредстве «генерала Б.», что старый этот английский делец втянул его в контакты с Интеллидженс сервис.

Пришлось выписать ордер на арест Буклея. И тут нежданно открылись обстоятельства совершенно непредвиденные.

Виктор Буклей доживал последние свои часы. У постели его круглосуточно дежурили врач и сиделка. Окна в комнате были настежь распахнуты, в них врывался холодный ветер, и все равно умирающему не хватало воздуха.

Профессор, приехавший с ордером на квартиру Буклея, решил возвращаться к себе на Гороховую. Но старый англичанин заговорил вдруг сам, подозвав его поближе к постели.

— Я догадываюсь, вы оттуда... из «чрезвычайки»... Мне скоро крышка, я это понимаю... Не перебивайте, лучше послушайте... Мне хочется напоследок снять с души этот тяжкий грех... Да, грех... Я не хочу с ним уходить... Русские не сделали мне ничего дурного, а я виноват перед ними...

Говорить ему было трудно, он задыхался, подолгу отдыхал, набираясь сил для следующей фразы, а Профессор сидел рядом, слушал исповедь умирающего.

Уговорил его Джон Меррет, когда собрался бежать из Петрограда. Долго и настойчиво уговаривал. Сказал, что это жизненно необходимо для Великобритании и что Буклей, если он любит свою родину, должен взять на себя кое-какие пустяковые обязанности, просто не имеет права от них отказываться.

Но обязанности были отнюдь не пустяковыми, и он ими тяготился с первого дня. К счастью, вскоре прибыл другой резидент, так что продолжалось это недолго.

— Поль Дюкс? — спросил Профессор.

— У него масса разных имен, и я не знаю, какое настоящее... Вы еще не поймали этого субъекта?

— Почему это вас интересует?

— Поторопитесь... Это оборотень, человек без чести и совести... Я высказал ему все в лицо, он должен меня ненавидеть...

Задыхаясь, с огромным усилием выжимая из себя каждое слово, старик успел рассказать и о грязных делишках, которые творятся под вывеской «Английского благотворительного комитета».

Благотворительный комитет был создан вскоре после отъезда посольства Великобритании для оказания помощи проживающим в России подданным английской короны.

Мистера Леонарда Гибсона, секретаря и казначея «Английского комитета», допрашивали на Гороховой в присутствии стенографистки. Материалы допроса полагалось немедленно отправить в Москву — таков был незыблемый порядок, установленный Дзержинским в отношении иностранцев.

Копия стенограммы этой любопытной беседы сохранилась в архиве:

«Следователь. Чем занимался ваш комитет и был ли он действительно благотворительным?

Гибсон *(с гордостью).* Мы обслуживали все нужды английских подданных и давали в этом смысле рекомендации представителю голландского посольства, защищавшему интересы Англии.

Следователь. Из каких источников черпались ваши средства?

Гибсон. Мы брали в долг у частных граждан.

Следователь. Одалживали вам лица состоятельные?

Гибсон. Не всегда.

Следователь *(усмехается).* Быть может, вы просили в долг у петроградских рабочих? Или у наших красноармейцев?

Гибсон. Вы же знаете, что нет...

Следователь. В таком случае вы брали деньги у недобитых нами капиталистов, обещая возвратить их после свержения Советской власти?

Гибсон долго молчит, переспрашивает переводчика.

Следователь. Так или не так?

Гибсон. Да, так...

Следователь. Знаете ли вы господина Дюкса?

Гибсон молчит.

Следователь. Я повторяю свой вопрос: знакомы ли вы с Полем Дюксом, агентом английской секретной службы?

Гибсон. Мне представили его в голландской миссии как уполномоченного британского Красного Креста. Я не знаю ничего о его секретной службе...

Следователь. Оказывали вы господину Дюксу материальную помощь?

Гибсон *(долго молчит, дважды переспрашивает переводчика, а тот повторяет вопрос следователя).* Однажды Дюкс зашел ко мне в контору и сказал, что сильно поиздержался после своей поездки в Москву...

Следователь. Короче, пожалуйста. Просил он денег?

Гибсон. Да...

Следователь. Сколько же вы ему дали?

Гибсон. Не помню точно. В последний раз он взял тысяч сто, а всего около миллиона...

Следователь. Какие суммы выдавались обычно нуждающимся англичанам?

Гибсон. В пределах тысячи рублей.

Следователь. Понятно... Теперь скажите, знакомы ли вы с Марьей Ивановной?

Гибсон. Если это та дама, которую Дюкс представил мне как свою сотрудницу, то знаком. Дюкс сказал, что она является доверенным лицом английского правительства и выданные ей суммы будут погашены...

Следователь. Сколько она у вас получила?

Гибсон. Около трехсот тысяч рублей.

Следователь. Под расписку?

Гибсон. Нет, оправдательных документов не было...

Следователь. Занятно... Стало быть, вы, деловой человек, давали деньги на веру? Теперь объясните, пожалуйста, для каких целей понадобился вашему благотворительному комитету шифр?

Гибсон *(смущен, мнется, долго размышляет, прежде чем дать ответ).* Видите ли, комитету, собственно, шифр был не нужен... Как бы вам это объяснить? Словом, однажды Дюкс посоветовал сноситься с ним при посредстве шифрованных записок...

Следователь. И вы последовали доброму совету? Ясно... Теперь попрошу вас коротко резюмировать собственные показания. Итак, для чего же был создан ваш так называемый благотворительный комитет? Каково было его истинное назначение?

Гибсон *(с горячностью).* Уверяю вас, господин следователь, мы не имели отношения к шпионажу... Намерения у нас были благородные и возвышенные... Прошу верить честному слову английского джентльмена...»

На этом стенограмма обрывается. Нет к ней никаких комментариев, нет и оценки следователя. Да и что в подобных случаях скажешь? Ругаться бессмысленно. Тем более не имеет смысла и напоминать о правилах элементарной порядочности. Ми-

стер Леонард Гибсон знал, что делал и что говорил...

Правда, не один Гибсон бессовестно жонглировал честным словом. Врали, запутывая следствие, почти все заговорщики. Старательно прятали истину, изворачивались, плели хитроумные петли, и нужно было трудиться, забыв о сне и отдыхе, чтобы распутать этот черный клубок лжи.

Китаец извел кипу бумаги, клятвенно заверяя в своей полной искренности. Пытался даже изображать себя этакой безвольной жертвой злодеев из английской разведки.

И ни словом, разумеется, не обмолвился о тайнике, оборудованном в букинистическом магазине на Литейном проспекте.

Тайник был устроен искусно. На книжных полках магазина поблескивали золотым тиснением переплетов редкостные издания, у прилавков с утра толпились книголюбы, а за тяжелым шкафом хранился запрятанный в стену железный ящичек. Достаточно было нажать кнопку, и шкаф медленно отодвигался в сторону, открывая доступ к тайнику шпиона.

Из железного ящичка чекисты извлекли полный набор разведывательных донесений Ильи Романовича Кюрца. Аккуратно переписанных под копирку, пронумерованных, с почтительной надписью в верхнем углу каждого донесения: «В собственные руки его высокопревосходительства».

За неделю до ареста Китаец докладывал генералу Юденичу:

«Мои сотрудники и сотрудницы, занимающие места различной важности в большевистских правительственных учреждениях, сообщают следующее: представители высшей власти в Петрограде потеряли голову, думают лишь о бегстве. Население голодает, у армии нет пищи, и она умирает от холода, не имея зимней одежды. Результаты боев за последние дни разочаровали самых фанатичных комиссаров. Дисциплина в партии покачнулась, высшие начальники теряют авторитет. Сообщают также, что коммунистки, записавшиеся в Красный Крест, получили ядовитые вещества, чтобы отравлять безнадежно раненных».

Характерна была одна из инструкций, полученных заговорщиками из штаба Юденича.

«Вам надлежит завести особые синодики, в которые записывать все звезды большевизма по степени их величины, — приказывал начальник контрразведки генерал Владимиров. — За корифеями большевизма установите особое наблюдение, чтобы они не сумели ускользнуть. Это даст нам возможность радикально уничтожить большевизм. Предупреждаю, что в этом деле не должно быть проявлено ни малейшей сентиментальности».

Китайца доставили на новый допрос, предъявив ему содержимое тайника.

— Потрудитесь назвать имена своих сотрудников и сотрудниц из правительственных учреждений...

Как обычно, Илья Романович начал юлить и изворачиваться. Признал со вздохом, что частенько ему недоставало информации и нужно было употреблять фантазию, выдавая желаемое за действительное. Что же касается коммунисток, якобы снабженных ядами, то эти сведения были получены им от Марьи Ивановны.

— Подумайте сами, не мог же я ей не доверять! Она сама, между прочим, состоит в санитарном отряде...

— В каком?

— Вот этого, к сожалению, не знаю... Но она хвастала, что состоит...

— И вам действительно не известно, где сейчас находится Марья Ивановна?

— Увы, гражданин комиссар, не известно...

Похоже было, что хоть на этот раз Китаец не врет. Уж кого-кого, а ненавистную ему Мисс выдал бы он с потрохами.

17

Всего неделю назад, когда в лесу под Ораниенбаумом возник наскоро оборудованный белогвардейский «штаб», следствие можно было сравнить с тоненьким лучом света, прорезавшим кромешную темень. Теперь их, этих ярких лучей, было множество, и каждый день напряженного труда чеки-

стов помогал все полнее осветить общую картину вражеского заговора.

Арестовано было и в полном составе доставлено на Гороховую так называемое «Продовольственное совещание». Входили в него завербованные Китайцем сотрудники комиссариата снабжения Петрокоммуны. «Продовольственное совещание» заранее обдумывало порядок снабжения жителей города на случай захвата Петрограда войсками Юденича. Брались на учет все продовольственные склады, искусственно и изощренно подстраивались трудности с выдачей пайков.

На Смоленском кладбище, в фамильном склепе купца первой гильдии Семашкова, удалось обнаружить еще один тайник. На этот раз самого «СТ-25». Были здесь найдены груды фальшивых «керенок» сорокарублевого достоинства, грубо сработанных, на скверной бумаге, судя по упаковке, лондонского происхождения. Еще нашли в тайнике револьвер, маску из черного бархата, набор париков и пузырьки с какой-то бесцветной жидкостью. Эксперты без труда установили, что это сильнодействующий яд.

Следствие шло вперед, обрастая новыми материалами, но еще скрывался где-то сверхосторожный английский резидент, еще не удалось схватить таинственную Мисс, хотя на вокзале дежурили оперативные бригады чекистов. Не известно было даже, кто действует под этой конспиративной кличкой.

Помогла засада, оставленная на Малой Московской улице, в квартире Ильи Романовича Кюрца.

Ранним утром в дверь этой квартиры постучалась неизвестная женщина. Точнее говоря, стукнула она трижды с довольно длинными паузами и, увидев в квартире посторонних, кинулась бежать, но была задержана.

— Срочно везите ее сюда! — распорядился Николай Павлович, которому по телефону сообщили об этом происшествии.

Спустя полчаса на Гороховой разыгралась сцена, почти в точности повторившая недавнее самозванство Бориса Берга, этого «главного агента английской разведки».

— Я Марья Ивановна, которую вы разыскиваете по всему Петрограду! — сказала женщина. —

Ни о чем больше не спрашивайте, отказываюсь отвечать на ваши вопросы...

И действительно, сколько с ней ни бились, она молчала. Тонкие бескровные губы были сердито поджаты, в глазах сверкала фанатическая решимость упорствовать до конца. Одета была эта женщина во все черное, ростом невысока, круглолица, светловолоса и больше смахивала на одержимую религиозную кликушу, чем на властную руководительницу заговора, перед которой трепетали мужчины.

Неизвестно, чем бы все это кончилось. Николай Павлович был твердо убежден, что перед ним вовсе не Мисс, и скорей всего отправил бы ее в тюрьму, если бы к нему в кабинет не заглянул Профессор.

— Батюшки светы, да никак госпожа Орлова! — удивленно воскликнул Профессор, увидев женщину в черном. — Вот уж не думал, что встретимся в ЧК!

За много лет до этого хмурого ноябрьского утра в камере смертников ревельской тюрьмы происходило весьма необычное и довольно тягостное для его участников свидание. К Эдуарду Отто, опасному государственному преступнику, с минуты на минуту ожидающему казни, пожаловала молодая элегантно одетая дама. Смущаясь и краснея, назвала себя Анастасией Петровной, супругой прокурора Орлова, который вел его процесс и настойчиво добивался смертного приговора. Еще более смутившись, начала, волнуясь, объяснять, что явилась просить осужденного примириться с всевышним и не отказываться от облегчающего душу святого причастия. Муж ее тоже обещал помолиться за преступника, хотя по служебному своему положению должен карать врагов престола и отечества. И его она умоляет о смирении, это ее христианский долг, потому и пришла...

Тяжкий это был разговор, утомительный и бесплодный. Оттого, видимо, и запомнился он Профессору на долгие годы. Дама рыдала, становилась перед ним на колени, совала какую-то жестяную ладанку, а он, изо всех сил сдерживая себя, не мог дождаться, когда же, наконец, она уйдет. Как раз в ту ночь должен он был бежать и, естественно, дорожил каждой минутой.

И вот новая нежданная встреча в Петрограде на Гороховой. Изрядно потускнела и изменилась госпожа Орлова за эти годы, а глаза такие же, как тогда, в камере смертников, и светится в них что-то одержимое, фанатичное.

— Я не знаю вас, — сказала она, мельком посмотрев на Профессора. Сказала и сразу отвернулась.

— Помилуйте, Анастасия Петровна, как же так не знаете! А ревельскую тюрьму забыли? Ведь это мою душу собирались вы спасти, я-то вас прекрасно помню...

— Вы?! — отшатнулась она в страхе и смятении. — Вы живы? Вы здесь, в этом храме сатаны? Господи, неужели и ты за большевиков?

— О позиции господа бога мы не будем говорить, — без улыбки сказал Профессор. — Думаю, что должен он стоять за народ, если существует. А вы, Анастасия Петровна, против народа, заодно с его смертельными врагами... Иначе зачем бы вам понадобился этот дешевый фарс с переменой имени?

— О господи, спаси и помилуй! — шептала она, закрыв лицо руками.

— Но вы заблуждаетесь, Анастасия Петровна, если думаете, что уловками своими можете помешать нам! Жестоко заблуждаетесь! Марья Ивановна стояла во главе заговора против Советской власти, и мы ее обязательно найдем... Вот вернется в Петроград, и пригласим для объяснений...

Госпожа Орлова долго молчала, низко опустив голову.

— Видно, вы правы, — сказала она, тяжело вздохнув. — От судьбы, видно, не скроешься никуда... Приезжает Марья Ивановна завтра, так было у нас условлено... А зовут ее...

18

Звали ее Надеждой Владимировной.

Китаец заблуждался, принимая ее за неумную женщину, способную только на мелкое интриганство.

Надежда Владимировна была достаточно умна и смекалиста, чтобы быстро оценить обстановку.

Раз уж добрались до нее — значит дело плохо и запирательство становится совершенно бесполезным.

Не стала упорствовать, не изображала из себя невинной жертвы, по ошибке угодившей на Гороховую. Едва ее арестовали на Московском вокзале и привезли в кабинет Комарова, тотчас во всем призналась.

Да, это ее конспиративная кличка, «Марья Ивановна». И шифрованное донесение Юденичу отправила она, подписавшись условленным заранее псевдонимом «Мисс». Кроме того перехваченного чекистами донесения, были, понятно, и другие. Сколько всего — она не помнит, штук пять или шесть.

К военным вопросам она касательства не имела, а формирование правительства было поручено ей, это правда. Завершить всю работу не удалось, однако главные портфели были распределены.

И вообще она согласна отвечать на все вопросы следствия. Если нет возражений, она предпочла бы делать это в письменном виде, так ей легче сосредоточиться.

Следствие не выясняло, была ли Надежда Владимировна Вольфсон лично знакома с эсеркой Фанни Каплан, стрелявшей отравленными пулями во Владимира Ильича Ленина. Возможно, и не знали они друг друга, длительное время подвизаясь в рядах одной партии, но схожего в биографиях этих бывших «революционерок», ставших оголтелыми врагами революции, было много.

Схожего и вместе с тем несхожего. Так или иначе, Надежда Владимировна от террора не отказывалась, но считала его устаревшим оружием. Главную ставку делала на более действенные средства борьбы. Что террор с комариными его укусами! Ей нужно было организовать вооруженное выступление против большевиков, свалить их любой ценой, в сговоре с любыми союзниками — о меньшем она не хотела и думать.

Жизненная тропка этой некрасивой, рано увянувшей женщины с несколько мужеподобными чертами лица представляла собой как бы круто выгнутую спираль, на одном конце которой едва ли не святая простота и наивность, а на другом — черная

пропасть измены, предательства, изощренного двурушничества.

Юной восторженной курсисткой вообразила она себя участницей революционного движения. Подруги бегали на свидания, получали любовные записки, а она прятала в отцовских книжных шкафах нелегальные брошюрки, благо, родитель ее, преуспевающий петербургский адвокат, считался господином вполне благонамеренным и на примете у филеров не состоял. Конечно, и она бы предпочла получать любовные записки, но увы, чего не было, того не было...

Были встречи на конспиративных квартирах, были явки и пароли. И в «невестах» она числилась одно время, страшно этим гордясь, — так называли тогда хождение в тюрьму к ждущим суда политическим заключенным. «Невесте» разрешались свидания с «женихом» и передачи.

Однажды — это случилось за Невской заставой — ее чуть было не выследили шпики. В другой раз она была арестована на студенческой демонстрации и отсидела четыре дня в полицейском участке, освободившись под отцовское поручительство.

Напоминало все это увлекательную, волнующую и не очень-то опасную игру в революцию. И, как всякая игра, быстро прошло.

Окончательно отрезвела она после баррикад и виселиц 1905 года. На смену былой восторженности пришел отчаянный страх.

Собственно, отрезвление началось у нее гораздо раньше, задолго до сполохов революционной бури. Нагрянула вдруг любовь. Никто и смотреть не хотел в ее сторону, считали дурнушкой, и вдруг — любовь. Роковая, как принято было говорить, неотвратимая. С мимолетными встречами на сырых от весенних дождей каменноостровских аллеях, с выматывающими сценами ревности, примирения и новых ссор. «Пропади все пропадом, не хочу никого видеть и знать, лишь бы он был вечно моим», — шептала она как молитву, торопясь на очередное свидание.

Но возлюбленный бросил ее, вернувшись к законной жене. Бросил безжалостно, без предупреж-

дения. И совпало это с полосой массовых репрессий, с лихим безвременьем военно-полевых судов.

На самоубийство не хватило духу. Пришлось возвращаться в отчий дом.

— Я не сомневался, что ты сделаешь меня посмешищем! — кричал адвокат, искоса посматривая на кривые, рахитичные ножки незаконнорожденного внука. Правда, кричал недолго, скоро успокоился, приказав ей выбросить из башки всю дурь. — Доучивайся, сударыня, выращивай сыночка, коли уж родила, а в политику больше не лезь!

И она последовала отцовскому совету. Благополучно окончила курс в медицинском институте, служила затем в приюте для неимущих женщин, а спустя три года, несказанно удивив всех знакомых, выскочила замуж. Удивляться и впрямь было чему: этакая страхолюдина, один нос торчит на лице, да еще с «приданым», нагулянным бог знает в каких подворотнях, а сделалась вдруг законной супругой подающего надежды молодого ученого.

Все вроде бы стало на свое место. Имела она семью, родила еще сына и дочку, врачебной практики хватало с избытком. Иногда захаживали к ней старые партийные друзья. Попить чайку, поболтать, обогреться в уютной гостиной. Политических разговоров с ней не заводили, остерегались.

Жить бы да жить, как говорится. Но жить было мучительно, потому что сжигал ее грудь огонь неутоленных страстей. Ей все думалось, что смолоду была допущена ошибка, что рождена она для великих свершений, а тихое семейное счастье — лишь временное пристанище, где отсиживаются до поры до времени.

Час наступил, когда явился к ней на прием некий молодой пациент. Пожаловался на головные боли, передал привет из Архангельска, от ее племянника, неизвестно каким образом очутившегося у англичан, и сказал, со значением подчеркнув последнее слово, что надеется не только на врачебную помощь, главным образом на сотрудничество.

Вот эта самая встреча, а также все, что за ней последовало, и интересовало ЧК. В особенности Профессора, который лучше других знал, кем был молодой ее пациент.

— Итак, к вам пришел Поль Дюкс? О чем же он просил и какая помощь была ему нужна?

— Обождите, я все вам расскажу по порядку. Верьте в мое раскаяние, полное и безоговорочное... Я сама жажду помочь ЧК...

И действительно, рассказала Надежда Владимировна многое, изо всех сил стараясь завоевать доверие. Собственноручные ее показания, обдуманные, хладнокровные, написанные без единой помарки ровным, уверенным почерком, составили целый том следственного дела.

По ним можно представить, как возник и формировался этот крупнейший заговор петроградского контрреволюционного подполья и как были расставлены силы в ожидании сигнала к началу операции «Белый меч». Подробнейшим образом описывает Надежда Владимировна маршруты курьеров, технику шифровки, запасные, ни разу не испробованные, каналы связи. К примеру, через Ладожское озеро, на рыбачьих баркасах, где заранее были оборудованы тайники на берегу с точным расписанием выемки шпионской корреспонденции.

Никого она не щадила, пытаясь завоевать доверие ЧК.

— Вы нагло лжете! — жестко обрывала Надежда Владимировна своих недавних сообщников, когда ее приглашали на очные ставки. — Вы до сих пор не разоружились перед Советской властью!

Изворотливого Китайца она без труда приперла к стенке, заставив сообщить еще неизвестные следствию имена его осведомителей. Люндеквист после недолгого препирательства вынужден был признаться, каким нежелательным оказалось его назначение в Астрахань и как лег он в лазарет, придумав себе простуду.

Никого она не щадила, никого... За исключением тех особых случаев, когда откровенность внезапно ей изменяла и когда принималась она петлять, старательно уходя от правды.

Таким исключением был «СТ-25».

Надежда Владимировна не отрицала своего знакомства с англичанином. Наивно было бы отрицать это, если Профессору все известно. Верно, он пришел к ней вскоре после своего нелегального появле-

ния в Петрограде. Передал приветы от племянника, ради предосторожности назвался русским именем, но она-то сразу догадалась, что он иностранец. Верно, отлеживался у нее на квартире, и она лечила ему обмороженные ноги. Что-то вышло у него за городом, переходил какую-то речку, провалился под лед, обморожение было довольно серьезным. Насчет убитого проводника-финна она впервые слышит, нет ли тут случайного совпадения обстоятельств.

Общий язык они находили постепенно. Да, сперва Поль Дюкс отрекомендовался корреспондентом одной из социалистических газет, просил помочь в сборе информации для своих статей. Лишь месяц спустя признался, что имеет задания секретной службы. На шпиона нисколько не похож. И вообще, если следствию интересно ее мнение, это глубоко порядочный и, безусловно, честный человек, который просто не способен на преступление. Истинный английский джентльмен. Близко принимает к сердцу страдания русского народа, готов помочь нуждающимся...

Это был явный перебор, и Профессор почувствовал, что сдерживаться ему невозможно. На столе у него лежала папка с «персональными» материалами на Поля Дюкса.

— Прекрасно, Надежда Владимировна. Характеристика ваша весьма любопытна... Не расскажете ли, кстати, как этот безукоризненно честный джентльмен распространял фальшивые деньги?

— Я не понимаю... О каких деньгах идет речь?

— О тех самых, которые прислали из Лондона. Вы их собственноручно изволили пересчитывать... Фальшивые керенки сорокарублевого достоинства, на полмиллиона рублей... Хотите видеть образец?

— Ах, вот вы о чем! — не смущаясь, «припомнила» Надежда Владимировна. — Так ведь их не удалось реализовать...

— Совершенно верно... Реализовать не удалось, слишком топорная была работа... Ну, а что вы скажете насчет приговора господину Покровскому?

Самообладание, надо отдать должное, редко ее покидало. И глазом не моргнула — не то чтобы растеряться. Впервые, дескать, слышу, никакого господина Покровского знать не знаю.

Снова пришлось вызвать Китайца. Тот охотно подтвердил: действительно, по настоянию англичанина и самой Марьи Ивановны полковника Покровского, входившего в организацию, решено было уничтожить. Имелись якобы неоспоримые доказательства его связей с ЧК. Приговор должен был выполнить он, Илья Романович Кюрц, хотя ему и не хотелось этого делать.

— Неправда! — крикнула она в ярости, решив отпираться до конца. — Не было этого! Не было!

— Полноте, Марья Ивановна, напрасно гневаетесь, — вздохнул Китаец и покосился на Профессора. — Они же не дураки... Яд, который вы мне изволили вручить, найден ими при обыске...

— Вот пузыречек с ядом, — усмехнулся Профессор. — Узнаете?

Мисс не ответила.

Другим исключением из правила был старший ее сын. Тот самый, которого привела она в отцовский дом после крушения своего романа.

Немало воды утекло с того дня. Сын вырос, окончил гимназию, записался в университет. Недоучился, правда, с головой влез в водоворот революционных событий, сделавшись коммунистом. Взяли его на работу в политотдел Седьмой армии, доверили ответственный пост. Настоящая его фамилия Ерофеев, но переименовал себя на французский лад, зовется Вилем де Валли.

Однако биографические эти подробности не очень интересовали Профессора. Гораздо больше занимало его раскрытие одной из тайн английского резидента. Наконец-то сделалось понятным, каким образом заполучил «СТ-25» политотдельское удостоверение на имя Александра Банкау. К тому же и в шпионских донесениях Китайца было немало точных сведений о состоянии Седьмой армии — дать их мог лишь хорошо осведомленный человек.

Виль де Валли был арестован следом за матерью.

— Заклинаю вас всем, что для меня свято! Он не виноват! — твердо сказала Надежда Владимировна. — О моей работе в организации сын не подозревал... Если уж хотите, я могу признаться... Несмотря на свой возраст и положение, мой сын все

еще порядочный шалопай — такова правда... Любитель поухаживать за девицами, ходить в гости, выпить с друзьями... Вечно возвращался домой слишком поздно, и из-за этого у нас происходили неприятные стычки...

— Но позвольте, Надежда Владимировна, ведь сын ваш жил вместе с вами, на одной квартире! Как же он мог не видеть, что у вас днюет и ночует Поль Дюкс?

Вопрос Профессора был резонный, и Надежда Владимировна сообразила, что трудно будет выдавать политотдельца за беззаботного шалопая, не замечавшего, что творилось у него под носом. Нужно было как-то выкручиваться.

— Хорошо, я скажу вам всю правду, — согласилась она, немного поразмыслив. — Только разрешите отложить этот разговор на завтра. Боже мой, вы, наверно, и вообразить не можете, что творится сейчас в материнском сердце!

Профессор согласился подождать.

На следующий день Надежда Владимировна разыграла в его кабинете одну из самых душераздирающих своих сцен, эффектно изобразив непримиримый конфликт между матерью и сыном. И Профессору, сказать по совести, понадобилась вся его выдержка, чтобы спокойно ее дослушать, не рассмеяться и не возмутиться раньше времени.

Дело в том, что Надежда Владимировна усердствовала впустую. Карты ее были раскрыты, но она не знала об этом.

Рано утром Профессору позвонили из тюрьмы, где содержались заключенные по этому делу. Перехвачена была записка Виля де Валли, которую тот пытался передать матери.

«Когда ты вступила в организацию, я не знаю, — писал сын, подсказывая матери, что и как говорить на допросах. — Зимой я заметил, что несколько раз приходил к нам какой-то таинственный незнакомец. Сначала ты мне объяснила, что это больной, потом — что это английский корреспондент, собирающий материалы для книги о России. Лишь спустя некоторое время ты призналась, что это разведчик. Я протестовал, но ты сказала, что покончишь самоубийством, если я его выдам.

По этому поводу у нас были частые ссоры, и я стал избегать дома. Сам я никакого участия в организации не принимал».

Такой была эта записка, не оставлявшая сомнения в причастности Виля де Валли к заговору. Профессор велел снять с нее копию, а оригинал передать по назначению.

И вот Надежда Владимировна сидит перед ним, изображая убитую горем мать. Обдуманы каждый жест и каждое слово, по щекам текут слезы.

— Вряд ли вы поверите, но сегодня ночью я не сомкнула глаз... Ведь положение мое было ужасным... Насколько мой муж ничего не видел и не замечал, всецело поглощенный своими научными занятиями, настолько у старшего сына оказался какой-то обостренный нюх... Он очень честен, мой мальчик... И кончилось это тем, что однажды он в категорической форме потребовал, чтобы я объяснила, кто же к нам ходит... Поколебавшись, я сказала, что это английский журналист, вынужденный по воле обстоятельств скрываться от Чрезвычайной комиссии... Сын был, конечно, возмущен. Кричал на всю квартиру, что не потерпит эту сволочь, что я обязана немедленно с ним порвать и не впускать его больше в дом... Потом сын уехал в Новгород, где размещался тогда штаб армии, а из Новгорода в Царское Село... Когда он вернулся, разговор этот неизбежно возник снова... Поверьте, я была в страшном отчаянье, понимая, что, как верный коммунист, сын непременно решится на крайнее средство... Я металась по квартире, не зная, что делать, что предпринять...

— Почему же вы не знали, Надежда Владимировна? — впервые подал голос Профессор, глянув ей прямо в глаза. — А угроза самоубийством? Какой же сын из любви к матери не согласится молчать? Разве вы забыли шпаргалку?

— Какую шпаргалку? — обомлела Надежда Владимировна. — Я вас не понимаю...

— Шпаргалку вашего сына. Этого верного, как вы утверждаете, коммуниста, который, кстати, снабжал английского шпиона политотдельскими документами... Хотите, напомню? — Профессор вы-

двинул ящик стола, достал записку. — Да у вас и у самой неплохая память...

Впервые за все эти дни Надежда Владимировна потеряла самообладание. Искаженное лютой ненавистью, бледное, с потухшими глазами, лицо ее было страшно.

Из всех живущих на земле людей только двое были по-настоящему дороги этой женщине, только за них она отчаянно боролась — за сына и за любовника. И оба теперь были для нее потеряны.

— Комедия, как видите, окончена, — сказал Профессор. — И я хочу вас спросить в последний раз: будете вы говорить правду или нет? Нас прежде всего интересует, где сейчас находится Поль Дюкс.

Что-то в ней надломилось, в этой властной и беспощадной Мисс, считавшейся у заговорщиков образцом выдержки.

— Не ищите его, не теряйте даром время, — тихо сказала она, глядя на Профессора и не видя его. — Дюкса в Петрограде нет... Нет его и в России... Он уехал... Он бросил меня, он... постыдно удрал...

И впервые дала волю душившим ее слезам.

19

Профессор сперва не поверил. Как удрал? Слишком это невероятно, да и не вяжется с обликом профессионального разведчика, а «СТ-25» казался ему самым хладнокровным и умелым из всех английских агентов, каких знавал он за время работы в ЧК. Не может этого быть! Вероятно, Мисс снова разыгрывает комедию, пытаясь помочь возлюбленному.

Но факты подтвердили вынужденное признание Надежды Владимировны. «СТ-25» действительно удрал.

Сработала оставленная Профессором зацепка на Миллионной улице. Выяснилось, что бывший фабрикант Вахтер поддерживает какие-то связи с мисс Кейд, учительницей английского языка и бывшей управительницей бюро английских гувернеров в Петрограде.

На допросе Лаура Кейд, болтливая румяная старушка, сразу все разъяснила:

— Поль Дюкс — мой давнишний знакомый, еще с тех времен, когда работал гувернером... Последнее время у него появились странности... Если заходил ко мне, а иногда и оставался ночевать, то всегда с большими предосторожностями... В окне, выходящем на улицу, я должна была ставить вазу с гортензиями. Это означало, что посторонних у меня нет... Признаться, я ее никогда не убирала, эту вазу, и он страшно возмущался, обвиняя меня в легкомыслии...

— Когда он был у вас в последний раз?

— Давно, больше месяца назад... Прибежал необыкновенно возбужденный, чем-то взволнованный и сразу объявил, что уезжает из Петрограда...

— Почему?

— Сказал, что обстоятельства против него и надо поскорее скрыться...

Выглядело это неправдоподобно. Вездесущий «СТ-25», человек-невидимка, козырный туз английской секретной службы, на которого, надо полагать, возлагались большие надежды, сбежал еще до начала ликвидации заговора. Не было еще ораниенбаумской комбинации, давшей ЧК первые ниточки, еще собирались у Китайца заговорщики, и Жоржетту еще не задерживали на Мальцевском рынке, а он уже кинулся в бега, бросив своих сообщников на произвол судьбы.

Что же случилось? Профессор перебирал все причины, которые могли вспугнуть Поля Дюкса, и не находил ответа. Он еще не знал истинного характера своего противника.

Новое подтверждение бегства «СТ-25» было получено, когда засада, оставленная на квартире Надежды Владимировны, схватила еще одного курьера Юденича.

Курьер был совсем свеженький, прямо с дороги. Явился он к Мисс, ни о чем не подозревая, с зашитыми в подкладку пиджака секретными документами. Даже удостоверение, выданное ему белой контрразведкой, не успел или не счел нужным припрятать понадежнее.

Из удостоверения явствовало, что предъявитель

его, «поручик Константин Модестович Розеншильд-Паулин, есть действительно агент тайной разведки, которого просят беспрепятственно пропустить через район расположения Талабского полка».

— Ну-с, Константин Модестович, давайте знакомиться, — начал Профессор, не без любопытства разглядывая бумажку из вражеского лагеря — круглая печать с двуглавым царским орлом, размашистые закорючки начальства — все честь честью, точно в командировку отправляли своего поручика. — Выкладывайте, с чем пожаловали в Петроград? Какие инструкции привезли?

— В бумагах все сказано, — неохотно ответил курьер. — На словах велели передать привет от Мишеля...

— Вот как? Иначе говоря, от господина Дюкса? А вы когда с ним виделись?

— Недели две назад...

— Где?

— В ревельской гостинице «Золотой лев»... Он собирался уезжать к себе в Англию...

Из рассказа курьера выяснились занятные подробности бегства «СТ-25». Удрал он, оказывается, из Петрограда вместе с Розеншильдом-Паулином, причем решение уезжать было принято буквально в последнюю минуту. Курьер уже собрался в дорогу, и тут прибежал к нему англичанин. Чем-то страшно напуганный, на себя не похожий. Нервничал, пока ехали в теплушке, а перед линией фронта, которую надо было переходить ночью, прямо дрожал весь, до того разыгрались нервы.

— Что же его взвинтило?

— Кто его знает, чужая душа — потемки... Обычно-то он хладнокровный человек, а тут маленько струсил... В ЧК, должно быть, опасался угодить...

Тайна поспешного бегства «СТ-25» окончательно прояснилась, когда Петру Адамовичу Карусю удалось поймать князя Сарматского, или, проще говоря, бывшего корнета Сумского гусарского полка Андрея Елизарова.

Ловил-то он, сказать по правде, не князя Сарматского и не корнета Елизарова. Нужен был ему некий мошенник с витиеватой неразборчивой под-

писью, помогавший подпольному миллионеру Бениславскому выкачивать деньги за фиктивную продажу дров. Только этого типа и недоставало в обширной коллекции жулья, собранной Петром Адамовичем по делу лжекооператива «Заготовитель».

Но первое же знакомство с князем Сарматским убедило молодого следователя, что перед ним не заурядный жулик.

Финансовые махинации оказались мелким эпизодом в бурной биографии Андрея Николаевича Елизарова. И занимался он ими между прочим, ради легкого заработка, презирая и жадного богача с его неизменным кожаным чемоданом, битком набитым деньгами, и самого себя, не сумевшего устоять перед соблазном шальной наживы.

Изящный этот офицерик, ладно скроенный, щеголеватый и чистенький, состоял из сплошных противоречий, как противоречива была и среда, из которой он вышел.

В 1917 году, после высылки Николая Романова со всем царским семейством, корнет Елизаров сделался активным участником тайного общества монархистов, ставившего своей целью освобождение государя императора.

Замыслы у общества были отчаянные, авантюристические: поднять мятеж в Тобольске, выкрасть Николая, объявить недействительным царский манифест об отречении от престола. Полностью соответствовали замыслам и внутренние правила. Клятву верности давали, расписываясь собственной кровью, причем барон Унгерн, глава общества, присваивал наиболее достойным княжеские титулы. Ездили в Тобольск и Екатеринбург на разведку, запасались оружием, подкупали нужных людей.

К лету 1918 года было все продумано и подготовлено, и все неожиданно сорвалось. По постановлению Уральского совдепа бывшего самодержца всероссийского расстреляли.

Спустя месяц корнет Елизаров, теперь уж князь Сарматский, сделался платным английским шпионом. Увы, из песни слова не выкинешь, так оно и было. Считал себя ревностным монархистом и верным русским патриотом, готовым умереть ради

спасения возлюбленного монарха, а сделался агентом иностранной разведки.

Завербовал его старый приятель Володька Дерикс, имевший конспиративную кличку Студент. Затащил на Караванную улицу, в контору кооператива «Заготовитель», долго разглагольствовал о необходимости сотрудничества с англичанами, которые, дескать, только и способны сокрушить большевиков, а в ответ на робкие возражения князя Сарматского, что нехорошо, дескать, русским офицерам быть в шпионах у чужеземцев, горячо заверил, что копии всех разведдонесений будут непременно пересылаться генералу Юденичу.

«Сотрудничество» было обыкновенным шпионажем. Студент, используя свои старые знакомства в военно-морских кругах, специализировался по Кронштадту и Балтийскому флоту, а на долю князя Сарматского доставались всяческие мелкие поручения вплоть до сбора слухов. На внимательном отношении к слухам особенно настаивал новый шеф, прибывший в Петроград нелегально. С пеной у рта доказывал, что Юденичу крайне важно знать все, что происходит и что говорится в Петрограде.

Новым шефом был Поль Дюкс.

— Я видел негодяев, сам сделался негодяем и привык ничему не удивляться, — заявил на следствии князь Сарматский. — Про Дюкса могу сказать, что это совершенно законченный экземпляр негодяя. Он лжец, провокатор, соблазнитель старух и вдобавок еще подлый трус...

— Ну-ну, не слишком ли много эпитетов! — возразил Профессор, делая вид, что сомневается. — По-моему, вы несколько сгущаете краски... Вероятно, он все-таки не трусливого десятка...

— А я утверждаю, что трус! И притом подлейший, из тех, что готовы всех перетопить для спасения собственной шкуры...

История, рассказанная Профессору Андреем Елизаровым, не просто подтверждала оценку человеческих качеств Поля Дюкса. В какой-то мере приоткрывала она и завесу над подлинными отношениями, которые сложились в лагере контрреволюции.

В феврале 1919 года Студент и князь Сармат-

ский вынуждены были скрыться из Петрограда. Скрыться, собственно, должен был Студент, поскольку в ЧК подписали ордер на его арест, а князь Сарматский бежал с ним за компанию.

Добравшись до Гельсингфорса, беглецы отправились на Елизаветинскую улицу, в английское консульство. Генеральный консул Великобритании, маленький и злой старичок, принял их весьма сухо. Они наперебой рассказывали о своих злоключениях и об опасности, грозящей в Питере Полю Дюксу, поскольку ЧК удалось выйти на след Студента, а господин Люме слушал с каменным лицом, давая понять, что все это его не касается.

Тогда раздосадованный Елизаров попросил устроить им встречу с генералом Юденичем. В конце концов оба они офицеры русской службы и работают не столько для англичан, сколько во имя освобождения России.

Дальше произошло нечто такое, от чего Елизаров совершенно растерялся. Господин Люме со скучающим видом пригласил своего секретаря и распорядился срочно вызвать в консульство генерала Юденича. Не веря себе, Елизаров спросил, не ослышался ли он и верно ли, что его высокопревосходительство вызывают как какого-то мелкого чиновника. В ответ господин Люме, холодно усмехнувшись, заметил, что он человек дела и тонкости русского чинопочитания его нисколько не интересуют. Елизаров отказался от встречи, сказал, что не смеет беспокоить генерала. «Как вам угодно», — сказал господин Люме и, вновь пригласив секретаря, отменил свое распоряжение.

Таким было начало. И все дальнейшее оказалось не лучше.

Поместили их обоих в плохонькой третьеразрядной гостинице неподалеку от русской церкви, велели ждать и без надобности не отлучаться из номера. Через несколько дней Люме позвал их к себе в консульство. Теперь это был другой Люме, на прежнего не похожий. Начальственным тоном он велел Студенту оставаться в Гельсингфорсе, не лезть в лапы чекистов, а князю Сарматскому — немедленно ехать обратно и приступать к работе.

— Позвольте, да за кого вы меня считаете? —

воскликнул князь Сарматский, не скрывая своего возмущения этой бесцеремонностью генерального консула.

— Как за кого? — удивился Люме. — За своего агента...

Яснее сказать было нельзя. И все же Елизаров не успокоился, пока не устроил себе встречу с Юденичем и не сообщил генералу про все свои сомнения насчет «сотрудничества» с англичанами. Заодно насплетничал и про то, как господин Люме распоряжался вызвать главнокомандующего в консульство.

Юденич сидел перед ним с хмурым, недовольным лицом. Бурчал что-то неопределенное в вислые прокуренные усы, нетерпеливо покашливал. От прямых ответов уклонился, но видно было, что не свободен в суждениях, особенно насчет англичан.

— Терпи, гусар, — посоветовал на прощание. — За Россией служба не пропадет...

Условились они, что князю Сарматскому нужно вернуться в Петроград. Английские интриги решили пресечь хитростью: отныне все разведывательные материалы должны были направляться по двум адресам и, если возможно, разными курьерами.

Перед отъездом князя Сарматского неожиданно возник и третий адрес. Пронырливый Студент свел его с капитаном второго ранга Вилькиным, представителем Колчака в Гельсингфорсе. В отличие от Юденича колчаковский представитель был богат и сразу выдал тридцать тысяч, сказав, что это первый аванс за будущую информацию.

Характерный случай произошел напоследок. Елизаров попросил генерального консула обменять русские рубли на финские марки, обращаться в банк ему не хотелось. «Извольте, я заплачу вам по сегодняшнему биржевому курсу», — сказал господин Люме и отсчитал по пятьдесят пять пенни за рубль. Велико же было негодование князя Сарматского, когда, добравшись до Выборга, он узнал, что платят здесь по семьдесят пенни!

— Представьте этого скотину, не смог ведь удержаться, — рассказывал Профессору Андрей Елизаров. — Лишь бы погреть руки, а на чем — ему плевать!

— Все это очень интересно. — Профессор встал из-за стола, медленно прошелся по комнате. — И в некотором роде даже поучительно... Тем более для обманутых наивными иллюзиями. Только я что-то не возьму в толк: при чем здесь господин Дюкс?

— А при том, что господин Люме в сравнении с ним — сущий младенец! Генеральный консул по крайней мере не врал, не старался напустить туману...

Вернувшись в Петроград, князь Сарматский первым делом нашел резидента и потребовал объяснений. Между ними разыгралась бурная сцена, закончившаяся вызовом на дуэль. «Вы грязный негодяй и обманщик!» — крикнул князь Сарматский в бешенстве и закатил Полю Дюксу пощечину. Сказано было все в глаза — и о двуличности англичанина, и о постыдной его интрижке с Мисс, и о том, что делает он свою карьеру на костях обманутых им людей.

От дуэли англичанин уклонился. И вообще начал избегать князя Сарматского, хотя совсем еще недавно считал его своим незаменимым помощником.

— Давно вы с ним виделись?

— Накануне его отъезда... Вернее, перед тем, как посчитал он за благо скрыться...

— А что, собственно, случилось? Почему он решил бежать?

— Думаю, что причин было несколько. Посыпались одна за другой неудачи, и он, конечно, нервничал, с минуты на минуту ожидал провала... В Москве разворошили «Национальный центр», начались аресты в Петрограде, ясно, что могли докопаться и до него... В Кронштадте получился скандал с катерами, взяли пленных... Едва унес он ноги и во время последних облав, целую неделю, говорят, отсиживался где-то на кладбище... Но главной причиной был ваш покорный слуга...

— Непонятно, Елизаров. Придется вам объяснить.

— Видите ли, после возвращения из Гельсингфорса что-то во мне надломилось... Дело хозяйское, можете не верить, но как-то я разуверился во всем...

И в союзничках наших доблестных и в Юдениче, который на поводке у них, как комнатная собачонка... Врут все, ловчат, словами красивыми жонглируют — противно глядеть... Но особенная злоба накопилась во мне на чистенького этого Мишеля на Михаила Иваныча... Вы сами посудите: кругом какие страсти бушуют, брат на брата поднялся, сын на отца, а он занят своими делишками, ловит рыбку в мутной воде... И еще джентльмена из себя корчит, благородного человека. Какой же, думаю, ты джентльмен, если по морде получил, утерся и дальше пошел? Короче говоря, надумал я с ним встретиться. Долго искал удобной оказии и все-таки подкараулил... Лицом к лицу столкнулись, некуда было ему податься... Вот тут-то и высказал я этому гаду все, что положено...

— Что же именно?

— Повторяться, говорю, не хочу, негодяем называть не стану, но если еще раз увижу в Петрограде — пеняй на себя! Побледнел он страшно, весь затрясся, а уйти боится. Бормотать стал насчет ЧК, будто хочу его выдать на Гороховой... Нет, говорю, в ЧК мне дорожка заказана, но, если не уберешься к чертовой матери, пристрелю, как собаку! Слово, говорю, гусара, можешь не сомневаться... На следующий день он и смотал удочки — поверил, видно, что не зря говорю... Уезжал в спешке, ни с кем не простился...

О том, как уезжал «СТ-25», Профессору было известно из рассказа его попутчика-курьера. Князь Сарматский ничего нового сказать не мог.

Вскоре после этого дошли до Профессора лондонские газеты. Под кричащими заголовками в «Таймс» печатались записки Поля Дюкса, «человека, который вырвался из кровавых объятий ЧК».

Профессор начал было их читать, да так и не дочитал. Помешали срочные дела.

20

Смертельная угроза, совсем еще недавно висевшая над Петроградом, была ликвидирована.

Во второй половине ноября, после падения Ямбурга, крах армии Юденича стал очевидным для

всех фактом. «Произошло нечто фатальное: само провидение, кажется, за большевиков», — писал в эти дни в своем дневнике «министр» Северо-Западного марионеточного правительства Маргулиес.

Между тем ничего фатального, конечно, не было, и совсем не провидение способствовало успеху Красной Армии.

Обманутые солдаты Юденича, проклиная свою судьбу, мерзли в дощатых лесных лагерях, отведенных для них эстонскими властями, а генералы затеяли тем временем междоусобную драчку за присланное из колчаковских фондов золото.

Нежданный трюк выкинул атаман Булак-Балахович. Ворвался со своими подручными в Ревель, проник в гостиницу «Золотой лев», где квартировал Юденич, и, предъявив фальшивый ордер на арест, увез главнокомандующего в неизвестном направлении.

Скандал усугубился еще и тем, что Булак-Балахович объявил Юденича вором и изменником. Лишь энергичное вмешательство английской военной миссии помогло вызволить главнокомандующего из-под ареста, и вскоре, покинув остатки своей армии, он отбыл за границу, чтобы доживать свои дни в положении эмигранта.

23 ноября «Петроградская правда» опубликовала информационное сообщение Комитета обороны Петрограда о раскрытом чекистами белогвардейском заговоре.

«В дни юденичского наступления, — писала газета в передовой статье «Непобедимое», — мировая буржуазия ставила свою решительную ставку. Заговор ее был блестяще подготовлен. И все же контрреволюция потерпела позорнейшее поражение, ибо тщетны все попытки победить непобедимое».

Бессонная работа Профессора и многих других сотрудников Петроградской ЧК принесла свои добрые плоды. Выявлены и обезврежены были все разветвления этого крупнейшего заговора, а истинных его заправил и вожаков тщательно отслоили от второстепенных участников, не успевших принести существенного вреда. Кстати, огромное большин-

ство заговорщиков отделалось лишь высылкой в трудовой лагерь до конца гражданской войны — наиболее часто применяемой в ту пору мерой наказания.

Немалых усилий стоило выявление агента англичан, проникшего на Гороховую, в аппарат Чрезвычайной комиссии.

Подлым оборотнем, как удалось установить, был некий Александр Гаврющенко, в прошлом служащий военно-морской разведки. Обманным путем проникнув в ЧК и выдавая себя за честного коммуниста, он оказывал платные услуги Полю Дюксу. По приговору коллегии ЧК предатель был расстрелян.

Грозная «чрезвычайка», карающий меч революции, нагоняла страх на врагов Советской власти. Однако меч этот не разил и не должен был разить безвинных.

У Китайца, одного из главных заговорщиков, кроме Жоржетты, была еще и десятилетняя дочка Нэлли. Сам Илья Романович получил по заслугам, осужденный коллегией на десять лет тюремного заключения. Отправили в трудовой лагерь и Жоржетту, знавшую о преступной деятельности своего отца.

В опустевшей квартире на Малой Московской, где разрабатывались планы вооруженного мятежа, осталась одна маленькая Нэлли. Судьба ее, понятно, не могла не тревожить чекистов.

Трудно читать без волнения небольшой официальный документ, который сохранился в многотомном следственном деле о заговоре, среди бесчисленных протоколов допросов, стенограмм, справок, ордеров на аресты и запоздалых покаяний обвиняемых.

Документ этот посвящен маленькой Нэлли и представляет собой просьбу Петроградской ЧК, направленную в губернский отдел социального обеспечения. В нем излагается суть вопроса, после чего сказано, что «Петрочека просит поместить Нелли Кюрц в один из лучших интернатов для беспризорных детей и дать ей возможность учиться, к чему обнаружатся способности».

В заключение нашего рассказа следует, по-

жалуй, сказать о Поле Дюксе и дальнейшей его карьере.

Наивно, разумеется, искать в его «Исповеди агента «СТ-25» хоть какое-то подобие правды. И побег из Петрограда изображен в этой книге почти героическим подвигом. Его, Поля Дюкса, видите ли, мучают воспоминания об оставшихся в красном Петрограде друзьях, покидать их он не хотел, но заботливые лондонские начальники, беспокоясь о безопасности своего сотрудника, приказали немедленно уезжать, и тут уж ничего нельзя было изменить: пришлось все бросить и возвращаться в Англию. Насчет оплеухи, которую он схлопотал от князя Сарматского, автор стыдливо умалчивает.

Трусам и предателям в разведывательных службах обычно бывает несладко. Это и возмездие и другим наука.

Полю Дюксу повезло: его даже наградили орденом Британской империи, публично определив в герои. И невольно напрашивается вопрос: почему?

Ответ на него прост. Потому что гораздо выгоднее было иметь под рукой «очевидца», способного без устали рассказывать англичанам про большевистские «ужасы». Уж что-что, а сочинять эти самые «ужасы» Поль Дюкс был великий дока.

Нельзя отказать себе в удовольствии привести образчик его сочинений.

Итак, вот оно, это свидетельство «очевидца», бежавшего из Петрограда осенью 1919 года:

«В июле, вследствие попытки к забастовке рабочих Путиловского, Ижорского и других заводов, несколько сотен рабочих было арестовано ЧК, а шестьдесят человек расстреляно. Вдова одного из расстрелянных обошла все тюрьмы, чтобы найти своего мужа. В Василеостровской тюрьме ей удалось набрести на его след через несколько часов после расстрела. Она обратилась к комиссару тюрьмы с просьбой отдать ей тело мужа, чтобы похоронить его, на что комиссар, предварительно справившись в своем блокноте, ответил, что она опоздала и что труп ее мужа в зоологическом саду. Вдова поспешила туда в сопровождении своей подруги, но в показанных там трупах мужа своего не опознала. Тогда ее повели к клеткам с львами, кото-

рым только что принесли два трупа на съедение. В одном из них она узнала своего мужа. Труп был наполовину растерзан. Вдова не вынесла этого зрелища и сошла с ума. После нее осталось пятеро детей».

Не правда ли, закручено лихо?

Ну разве можно было не наградить орденом такого «очевидца»! Тем более в конце 1919 года, когда английские консерваторы подсчитывали убытки от провалившейся интервенции в России и надо было как-то оправдываться перед общественным мнением.

21

А в Прибалтике долго еще были слышны отголоски недавней бури. В воинстве Юденича сутяжничали вчерашние генералы и министры, писали друг на друга доносы, толклись у дверей ликвидационной комиссии, норовя урвать хоть малую толику. В ревельских газетах печатались довольно курьезные объявления. Извещалось, например, что «на улице Розенкранца, в деревянном флигеле, вход со двора, спрашивать господина Старосельского, по схожей цене продается выездная коляска императора Александра II». И никто особенно не удивлялся. Понимали, что господин Старосельский из разбитого воинства Северо-Западной армии, что императорская коляска украдена где-нибудь в Царском Селе или в Гатчине и что по случаю бедственных обстоятельств ее владельца цена будет действительно без запроса.

Провалившуюся операцию «Белый меч» вспоминали все реже и неохотнее.

На Гороховой, конечно, не забыли суровых уроков 1919 года. Ликвидация вражеского заговора, даже очень крупного и хорошо организованного, не давала гарантий против новых авантюр со стороны внешнего и внутреннего врага.

Самовольный побег «СТ-25», обласканного, несмотря ни на что, королевскими милостями, все же вызвал для Интеллидженс сервис изрядные затруднения. Сколько ни изображай героем провалившегося агента, операция-то не удалась, и почти все надо было начинать сначала.

Не случайно поэтому в Гельсингфорсе вскоре появился Эрнест Бойс, капитан, наделенный чрезвычайными полномочиями своих шефов. Тот самый Бойс, ближайший сотрудник Кроми, неблагородный поступок которого вызвал в свое время бурное негодование «князя Шаховского», оставленного англичанами в беде.

Эрнест Бойс приехал с решительными намерениями. И тотчас началась перетасовка козырей, имеющая целью всерьез перестроить разведывательную службу англичан в Прибалтике.

Не удержался на насиженном местечке и господин Люме, генеральный консул в Гельсингфорсе. Как не соответствующего новым условиям, старика сместили с должности, запихав в Мемель, в глухую провинциальную дыру.

В Гельсингфорсе нужен был человек другого типа — более оборотистый и ловкий, умеющий лучше использовать все преимущества, которые сулила заманчивая близость советской границы.

Таким человеком явился Петр Петрович Фальконен-Соколов, один из непойманных курьеров Поля Дюкса.

До 1939 года, до суровой военной зимы, когда наши войска взламывали линию Маннергейма, просидит он в Териоках, в пятидесяти километрах от Ленинграда. И не одному Профессору — многим чекистам придется заниматься терпеливым распутыванием его хитрых лисьих ходов.

Смолоду Соколов считался вполне порядочным юношей, и никто бы в ту пору не мог предсказать, что будет он закоренелым врагом своей родины. Окончил гимназию в Петрограде, даже с отличием. В первые дни войны был принят в школу прапорщиков, да так и застрял в ней, избежав отправки на фронт. Страстно увлекался футболом, тогда только входившим в моду.

С футбола, собственно, и началось. Играл он за клуб «Унитас» — сильнейший в Петрограде. Существовал «Унитас» на английские деньги, меценатами и фактическими хозяевами клуба числились богатые промышленники из Великобритании, постоянные обитатели русской столицы. Частенько захаживал на тренировки футболистов рослый

Джон Меррет, владелец фирмы «Меррет и Джонс». Появлялся на играх «Унитаса» и капитан Кроми, отдавая все же предпочтение яхт-клубу.

Можно лишь догадываться о причинах, заставивших вербовщиков остановить свой выбор на прапорщике Соколове. Вероятно, был он податливее своих товарищей по клубу, с большей готовностью клевал на мелкие подачки, которыми заманивают новичков. Во всяком случае, спортивные пристрастия этой несостоявшейся звезды «Унитаса» отодвинулись вскоре на задний план, уступив место занятиям отнюдь не спортивным.

Профессор, разумеется, понимал, что Надежда Владимировна далеко не все рассказала ему на допросах. «Роль свою играет великолепно, и ложь ее не имеет границ», — написал он, характеризуя обвиняемых по заговору.

Особенно туманной и непроясненной выглядела первая встреча Надежды Владимировны с прибывшим из Лондона резидентом. Получалось, если верить ее словам, нечто сугубо мелодраматическое: явился, дескать, к ней, разочарованной стареющей женщине, молодой красивый пациент, она в него без памяти влюбилась, потеряла над собой контроль, а в таких случаях люди, как известно, готовы на все, в том числе и на сотрудничество с иностранной разведкой.

Лишь пять лет спустя стали известны подробности.

Эсерка Вольфсон была достойной представительницей своей партии, и Профессор нисколько не ошибся в оценке ее показаний. Контакты Надежды Владимировны с Интеллидженс сервис, как выяснилось, возникли совсем не под влиянием любовных чар Поля Дюкса. Еще в августе 1918 года, задолго до появления «СТ-25», отправила она в Архангельск специального курьера.

Курьером этим был прапорщик Соколов, получивший кличку Голкипер. В штаб английских оккупационных войск вез он зашифрованную информацию о военной обстановке в Петрограде. Кроме того, он должен был сообщить, что дела довольно плохи, что почти вся агентура арестована и новому резиденту, если его намерены прислать,

нужно идти прямо к Мисс. Занимается она врачебной практикой на дому, так что сказаться надо больным. Пароль запомнить несложно: «Привет вам от племянника из Архангельска».

Голкипер выполнил это поручение, облегчив тем самым задачу Поля Дюкса. В благодарность за это англичане устроили его на пароход, отходящий в Стокгольм, а оттуда перевезли в Гельсингфорс, к генеральному консулу Люме. К зиме он добрался до Петрограда, сразу поступив в распоряжение «СТ-25».

Не раз выполнял он и другие поручения своих хозяев. Совершил, в частности, три курьерских рейса на торпедном катере, между Териоками и Петроградом. Флакончики с быстродействующим ядом и фальшивые керенки, найденные в тайнике на Смоленском кладбище, были доставлены в Петроград Голкипером.

Последний рейс оказался, кстати, неудачным и едва не стоил ему жизни. Артиллеристы Кронштадта явно поскромничали, доложив штабу обороны города, что обстрелы таинственного суденышка безрезультатны. На самом деле их огонь достиг цели. Катер был накрыт снарядами и затонул вместе с экипажем. Только Голкиперу удалось доплыть до берега.

Числилась в его послужном списке и смерть старого контрабандиста, чей труп с ножевыми ранами был обнаружен на глухом пустыре. Поль Дюкс в ту пору отлеживался на квартире у Мисс, лечил обмороженные ноги. Узнав, что чекисты вышли на след его проводника, он, естественно, забеспокоился. Долго думали, как быть, и в конце концов решили убрать старика. Убийство было поручено Голкиперу.

— Вы же видите, в каком я плачевном состоянии, — сказал Поль Дюкс своему курьеру. — Очень прошу, окажите мне эту маленькую услугу...

Так он и выразился тогда — окажите, мол, маленькую услугу. Он вообще был тонкой и изысканной натурой, этот благовоспитанный джентльмен. Боже упаси, разве стал бы он пачкать руки каким-то вульгарным убийством на пустыре! Тем более

что всегда находились готовые на все исполнители его решений.

Сбежав из Петрограда и неожиданно прославившись у себя на родине, Поль Дюкс никак не мог забыть России, мечтая вновь очутиться на берегах Невы. Даже как-то похвастался в прессе, что сумеет проникнуть в Петроград с легкостью ножа, разрезающего масло.

И верно, отправился года через два в Румынию, затем съездил в Польшу и Германию. Все кружил и кружил около советских границ, выжидая удобного случая. Заявился и в Гельсингфорс, навестил Голкипера. Вместе они проехали к пограничной реке Сестре, вместе присматривались, прикидывали, искали подходящую лазейку.

— Опасно это, — хмурился изрядно постаревший Голкипер. — Контрразведка у них дай боже, не схватили бы...

Хмурился и Поль Дюкс, обдумывал. Ужасно ему хотелось рискнуть и, пренебрегая опасностью, снова появиться в Ленинграде, в том самом городе, который помнил он еще блистательным императорским Санкт-Петербургом, а после — голодающим и холодающим Петроградом. Независимо от ценности практических результатов подобный вояж прибавил бы ему веса в глазах шефов Интеллидженс сервис. К тому же не помешало бы и написать статью-другую для «Таймс». То-то была б сенсация! «СТ-25» вновь вернулся из красной России!»

Соблазн был велик, но останавливал страх. Живым предостережением топтался рядом с ним Голкипер. Не отговаривал, но и правды не таил. Опасно это, чертовски опасно, запросто могут схватить. Уж кто-кто, а Голкипер-то знал здешнюю обстановку. Сколько уж лет сидел на этой границе и уже в который раз виновато сообщал начальству об очередных неудачах.

Так и не решившись на риск, Поль Дюкс укатил обратно в Лондон. Снова кропал антисоветские статейки, хотя спрос на них заметно упал, затем отправился в большое лекционное турне по Америке и Канаде.

Десять лет спустя, летом 1929 года, он вновь появился в Румынии. Нежданно возникла благо-

приятная возможность. Бухарестские музыканты формировали оркестр для гастрольной поездки по СССР, а он как-никак считался небесталанным пианистом. Можно было проехаться с оркестром, посмотреть, быть может, восстановить кое-какие связи. Игра стоила свеч.

Но за минуту до отъезда, уже на вокзале, «пианист», сославшись на слабое здоровье, отказался от поездки.

— Вы меня зарезали без ножа, — укорял его маленький толстенький импресарио. — Мы теперь вынуждены ехать с неполным составом...

— Сожалею, весьма сожалею, — извинялся тот и простуженно кашлял.

Не объяснять же ему было настоящую причину!

А причина была серьезная.

В сентябре 1929 года, в туманное утро, на одной из пограничных застав было отмечено нарушение государственной границы. Это было несколько необычное нарушение границы. Не объявлялось против обычного боевой тревоги, и вообще шуму не было. Никем не задержанный нарушитель спокойно забрался в глухую лесную чащобу, снял с себя серый маскировочный халат, закопал его в землю, переоделся в темную куртку из чертовой кожи, какие носили лесорубы, и на пригородном поезде уехал в Ленинград.

С этого утра каждый его шаг находился под неусыпным контролем чекистов. Профессор приходил на работу, здоровался с товарищами и первым делом внимательно читал сводку за минувшие сутки. Нередко ему звонили по ночам, докладывали о встречах и поездках незнакомца.

Скоро удалось установить настоящее имя нарушителя границы. Командировочное удостоверение, довольно спокойно предъявленное во время внезапной проверки документов в пивной у пяти углов, было, разумеется, подделкой. Весьма искусно сработанной, со знанием дела, но все же «липой».

Звали нарушителя границы Георгием Павловичем Хлопушиным, или попросту Хлопушей, и пришел он в Ленинград с важным заданием.

Так же как приславший его Голкипер, Хлопу-

ша смолоду увлекался футболом. Только играл не за «Унитас», а за конкурирующий с ним клуб «Келомяки», а после гражданской войны несколько лет промышлял контрабандой, пока не нависла над ним угроза разоблачения и не ушел он в Финляндию, пристроившись там у Голкипера, бывшего своего соперника.

Хлопуша уже неделю бродил по городу, ночуя у проституток и лишь изредка встречаясь с нужными людьми. Собрано было немало изобличающего материала, раскрылись многие шпионские связи, а Профессор все еще медлил, дожидаясь самого главного.

И дождался. С большими предосторожностями, через подставных лиц, Хлопуша приобрел билет на Одессу. Разумеется, в бесплацкартном вагоне: выделяться ему было ни к чему. И очень уж нервничал, прежде чем сесть в поезд, все озирался по сторонам, проверял, нет ли «хвоста». На Профессора, едущего в том же вагоне, внимания не обратил. Пожилой замученный дядька, спит себе и спит на третьей полке, чего его опасаться?

В Одессе Хлопуша целый день толкался без дела, заночевал на пляже, а на следующий день в десять утра зашагал к памятнику маркизу Ришелье — знаменитому Дюку, свидетелю встреч всех влюбленных одесситов.

День был воскресный. Не в пример ленинградскому, южное солнце ласково пригревало, спелые каштаны на бульварах со стуком падали гуляющим под ноги.

В десять часов тридцать минут к сидящему на скамейке Хлопуше — ничем в общем-то не примечательному человеку в стареньком прорезиненном макинтоше, в помятой кепчонке с пуговкой, в дешевых парусиновых туфлях — важно приблизился ослепительный капитан дальнего плаванья. Седой, краснолицый, с пенковой трубкой в зубах и в черном форменном кителе с золотыми пуговицами — таких капитанов любят рисовать на рекламных плакатах.

Это был Юнга, за которым и приехал в Одессу Профессор.

Юнга осторожно присел рядышком с Хлопушей,

достал из кармана маленький плоский пакетик, незаметно положил на скамейку рядом с собой, а Хлопуша, не глядя на своего ослепительного соседа, протянул за тем пакетиком руку. В этот момент их и взяли.

— Гадалка когда-то предсказала моей покойной матушке, что стану я или президентом, или отъявленным авантюристом, — усмехнулся Юнга на первом допросе. — Президента, как видите, из меня не вышло... Не вышло, к сожалению, и пароходовладельца...

Даже в приключенческих романах не часто встретишь героя со столь пестрой биографией, какая была у Альберта Гойера, этого козырного туза английской секретной службы.

Шестнадцатилетним подростком сбежал он из родительского дома и за тридцать пять лет, миновавших с того времени, успел многое повидать и испытать. Скитался по ночлежкам Нью-Йорка, плавал на парусных бригантинах контрабандистов, терпел кораблекрушения, дожидался помощи на необитаемом острове, полгода прожил у племени людоедов, оставшись несъеденным, был повстанцем, ковбоем, мойщиком посуды, вышибалой в публичном доме, искателем пиратских сокровищ.

Начало мировой войны застало его в русском Доброфлоте на регулярной дальневосточной линии Владивосток — Йокогама. И тут он неожиданно для себя сделался сотрудником царской морской контрразведки, получил командировку в Копенгаген, в распоряжение морского атташе посольства.

— А на англичан с каких пор работаете?

— Уже лет десять. Сперва мне было предложено вакантное место в генеральном консульстве, у господина Люме, а потом, когда приехал в Гельсингфорс капитан Бойс, решено было отправить меня в Петроград. Между прочим, я долго колебался, но капитан Бойс обещал такие высокие гонорары...

— Сколько же вам платили?

— Всего двадцать фунтов в месяц, — вздохнул Юнга. — На большее, увы, оставалось только надеяться.

Была у этого бродяги голубая мечта — стать

владельцем парохода. Своего собственного, новейшей конструкции. На ней-то, на этой мечте, и сыграл Бойс, заслав его в Россию под видом блудного сына, вернувшегося на родину. Кораблевождение Юнга знал прилично, капитанов у Совторгфлота не хватало, так что устроиться на работу оказалось делом нехитрым. Сложнее было с заданиями Бойса. Совторгфлот его не интересовал: англичане требовали сведений о военном судостроении, а добывать их было нелегко. И уж совсем осложнилось дело, когда Юнгу вдруг перевели в Одессу, решив повысить в должности. Этим, собственно, и объяснялась поездка Хлопуши к берегам Черного моря и неудавшееся свидание возле бронзового маркиза Ришелье. Финал этого свидания стал известен Полю Дюксу. Это и заставило румынского импресарио отправиться в СССР на гастроли с оркестром без пианиста.

В тридцатые годы сэра Поля Дюкса, испытанного антисоветчика, потянуло, естественно, к Берлину, к родственным душам немецких фашистов. Был он президентом «Бритиш континентпресс», занимался газетным бизнесом и не вытерпел, поехал налаживать личные контакты с гестапо. В Берлине приняли его с распростертыми объятиями.

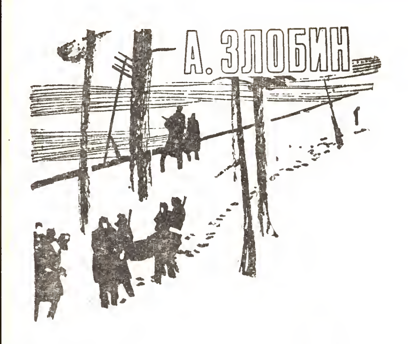
После нападения Германии на Советский Союз сэр Поль Дюкс возликовал. Немедленно отправился в турне по Англии, читал соотечественникам лекции, предвещая неминуемый крах большевиков.

Окончилось это конфузом. На чрезмерно усердного «лектора» резко прикрикнули, запретив ему впредь публичные выступления. Неловко как-то получалось: СССР — союзник Великобритании, народные симпатии целиком на стороне Красной Армии, а тут объявился новоявленный предсказатель...

Отгремела война. В Нюрнберге осудили главных нацистских преступников. Союзники, улыбаясь, приветствовали друг друга. Но сэр Поль Дюкс дождался-таки ветров «холодной войны» и вновь оседлал своего излюбленного конька, став незаменимым специалистом по «русскому вопросу».

Что же касается солдат Дзержинского, людей революционного долга, то они продолжали и продолжают нести свою неусыпную вахту.

САМЫЙ ДАЛЕКИЙ БЕРЕГ

роман

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

НЕТ ХУЖЕ —
В ОБОРОНЕ СТОЯТЬ.

ИЗ СОЛДАТСКИХ
РАЗГОВОРОВ

глава I

Старшина глушил рыбу толом. Рыбы было много, и глушил ее повсякому: с лодки и с берега. С лодки удавалось собрать рыбы больше, но день выдался теплый, может быть, последний теплый день, и старшина решил, что солдатам будет полезно искупаться.

— Приготовиться! — скомандовал он.

Солдаты раздевались с достоинством, не спеша. Белые солдатские тела становились все более красивыми по мере того, как сбрасывались с них воинские одежды. Телефонисты из соседнего блиндажа вышли на берег и, стоя у сосны, смотрели, как старшина глушит рыбу.

— Огонь! — крикнул Кашаров. У него был мощный баритон, и он очень любил командовать.

Севастьянов зажег шнур, пробежал к обрыву, изо всех сил метнул палку — к ней привязаны шашки с толом. Севастьянов уже не молод, но крепкий, поджарый — и живот втянут. Выбросив вперед руку, он стоял на краю обрыва и следил за полетом палки.

За Севастьяновым с лаем бежал ротный пес Фриц. Проскочил меж ног Севастьянова, прыгнул с обрыва на камни, с камней — в воду. Солдаты радостно закричали, замахали руками, подбадривая пса.

Старшина опомнился первым. Схватил автомат, стал давать короткие очереди поверх Фрица в надежде, что пес испугается и повернет обратно. Ветер гнал по воде рябую волну. Рыжая голова то скрывалась, то снова мелькала среди волн. Старшина перенес прицел. Фриц исчез под водой, нет, снова вынырнул, заколотил лапами по воде. Доплыл до палки, ухватил ее зубами, поплыл обратно. В автомате кончились патроны, старшина с бранью швырнул оружие.

— Сейчас, сейчас... — нетерпеливо говорил Севастьянов.

Фриц упрямо плыл к берегу. Солдаты стояли вдоль обрыва будто завороженные. Пес подплыл ближе, стало видно, как сизый дымок от горящего шнура вьется у морды. И тогда старшина дал команду к отступлению:

— Полундра!

Солдаты пустились наутек. Старшина убедился, что прыти у них хватает, и побежал следом за Севастьяновым к толстой корявой сосне. Они быстро карабкались по ветвям, пока не почувствовали себя в безопасности. Старшина перевел дух, осмотрел поле сражения. Фигуры солдат матово белели среди ветвей. Берег был пуст.

Над обрывом показался дымок, потом рыжая морда. Мокрый Фриц выбрался наверх, положил палку, победно и зловеще пролаял — в ту же секунду сверкнул огонь, взрыв оглушительно прокатился по поляне. Белое облако плотно окутало Фрица.

Старшина зажмурился. Вязкая струя ударила в уши, было слышно, как взрыв раскатывается и

уходит в глубь леса. А когда старшина раскрыл глаза, ни облака, ни Фрица уже не было.

Кашаров поднял голову:

— Шашки остались?

Севастьянов не слышал и продолжал смотреть на берег.

Частый стук копыт раздался в лесу. Старшина вздрогнул и обернулся. Лошадиные крупы мелькали среди деревьев, и только теперь старшина почувствовал страх: глушить рыбу на переднем крае было строго запрещено.

Старшина уже стоял на земле, а недоброе лицо Шмелева стремительно надвигалось на него.

Султан враз встал, часто перебирая ногами. Кашаров отчаянно вскинул голову.

— Товарищ капитан, вторая рота занимается физической подготовкой. Тема — лазание по деревьям. Докладывает старшина Кашаров.

— Кто вел стрельбу? По какой цели? Быстро! — стоя на стременах, Шмелев в упор глядел на старшину.

Джабаров остановился чуть позади капитана и тоже поедал старшину глазами.

Старшина Кашаров не принадлежал к числу тех людей, для которых правда дороже всего на свете. Жизненный опыт и долгая служба в армии научили его, что правдой лучше всего пользоваться в умеренных дозах и главным образом в тех случаях, когда скрывать ее дальше становится невыгодно.

— Разрешите доложить. Стрельба велась по обнаруженной плавающей мине, — по лицу Шмелева старшина понял, что говорит не то, однако уже не мог остановиться, закончил бодро: — Мина взорвана метким выстрелом, израсходовано сорок три патрона. Потерь нет.

Шмелев молча спрыгнул с лошади.

Солдаты слезали с деревьев, поспешно одевались, стыдливо прячась за стволами сосен. В воздухе сильно пахло толом.

Шмелев остановился у обрыва, пронзительно свистнул.

— Фриц! — позвал он.

— Разве он не в роте? — невинно удивился старшина. — Я же его в роте оставлял.

— Вот что, старшина. — Шмелев резко повернулся. — Еще раз увижу или узнаю — будет худо.

— Есть будет худо,— старшина красиво приложил руку к фуражке, пристукнул каблуками.

По берегу, размахивая руками, бежал связист. Шмелев шагал к блиндажу.

Командир бригады полковник Рясной спрашивал по телефону:

— Что за взрывы в вашей полосе? Доложите.

— Вторая рота проводит учебные занятия, — наобум ответил Шмелев. — Тема занятий — отражение танковой атаки.

— Хм-м, — Рясной недоверчиво хмыкнул в трубку. — А скажи-ка, дорогой, ты случайно не знаешь, для чего твой старшина выписал вчера на складе двадцать килограммов тола? Сижу вот и голову ломаю — для чего ему столько тола?

— Разрешите выяснить и доложить вам? — Шмелев посмотрел в раскрытую дверь блиндажа.

Сидя на ступеньках, Кашаров невозмутимо набивал магазин автомата патронами.

— Выясни, дорогой, выясни и мне рыбки пришли...

— Ваше указание будет выполнено. — Шмелев с досадой положил трубку.

Как ни в чем не бывало старшина вскочил, зашагал следом.

У обрыва сидел на корточках Севастьянов. Дотронулся пальцем до небольшой ямки, быстро отдернул руку.

Шмелев остановился.

— Что, Севастьянов, невесело?

— Видите, как? — Севастьянов поднялся перед капитаном и показал рукой на яму. — Непонятно... Я часто думаю о тайне жизни и смерти. Неужто смерть не оставляет следа?..

Стоя позади Шмелева, старшина делал отчаянные знаки Севастьянову.

— Какие будут указания, товарищ капитан? — быстро спросил он. — Можно продолжать?..

— Слышали, что полковник сказал? — Шмелев сердито стукнул хлыстом по сапогу и зашагал к лошадям.

— Приготовиться! — скомандовал старшина за его спиной.

Лошади уже подъезжали к маяку, когда над озером прокатился гулкий взрыв.

Старшина Кашаров знал свое дело.

глава II

Штаб армии располагался в глубине соснового леса. Блиндажи посажены глубоко в землю, их низкие травяные крыши напоминают могильные холмы, а часовые, как памятники, застыли у блиндажей. Над некоторыми блиндажами висят на кольях маскировочные сети. От входа к входу проложены стлани, сколоченные из досок.

Их осталось семеро. Юрий Войновский, Борис Комягин, Саша Куц и еще четверо из соседней роты. Семь не видавших войны, наскоро обученных лейтенантов военного времени — все, как на подбор, рослые, безусые, перетянутые желтыми хрустящими ремнями. Один Куц коротышка, зато выправка у него с косточкой. Красиво выворачивая руки, он легко шагает по стланям, остальные — гуськом за ним, Юрий Войновский — замыкающий.

Навстречу то и дело спешили штабные офицеры. Тогда Куц сходил с дорожки, выбрасывал ладонь к пилотке.

Чаще всего проходили полковники. Где-то за Уралом (воинская часть 13903) на все их училище был всего-навсего один седой полковник, и его можно было увидеть раз в неделю на общем построении или когда полковник случайно встречался на дороге — тогда вся рота за двадцать метров переходила на строевой шаг, старый полковник тоже подтягивался и стоял смирно, пока рота не проходила мимо. А здесь, в лесу, полковники были на каждом шагу, всех родов войск и возрастов. В руках у них кожаные папки, свертки с картами, на кителях — колодки от орденов. Казалось, весь лес кишит полковниками. Они шли без фуражек, небрежно кивали в ответ.

По боковой дорожке шагал капитан с полевыми погонами. Он шел налегке, насвистывая, и вся грудь

у него в орденах. Лейтенанты остановились, отдали честь. Капитан увидел их, и глаза его настороженно заблестели. Будто крадучись, подошел ближе.

— Что за парни! Какие парни! — с восторгом сказал он. — Прямо чудо что за парни. Орлы, а не парни. Куда же вы теперь, орлы?

— Куда все, туда и мы, — сказал Куц. — Рвемся.

— Я же говорю: что за парни! Какие умницы! Академики! — Капитан прошелся по дорожке, и лицо его сияло. Он был сухой, легкий, а ноги как пружины; он двигался, почти не касаясь земли, и вся грудь у него в орденах. Он шел по дорожке и просто таял от восторга. — Академики, честное слово. Прямо не знаю, что делать с такими академиками?

— А что делают с академиками на фронте? — нагло спросил Куц.

— Ну что за умницы! — восхищался капитан. — А какие высокие! Какие красивые! Прямо чудеса. — Он остановился, лицо его стало строгим и жестким. — Вот что, ребята, будем знакомы — капитан Чагода, командир армейской разведки. Нужен орел. Но такой орел, чтобы всем моим орлам орел. Командир взвода моих орлов. Условия — шоколад и масло. И к концу войны — грудь в орденах.

— Как у вас? — спросил Саша Куц.

— За это не ручаюсь, — ответил Чагода. — Хоть и воюем мы всем народом, а ордена дают по индивидуальному списку. Но поскольку в разведке страха больше, то и шансы повышаются. И шоколад... В пехоте вы шоколада во сне не увидите. Повезло вам, ребята, что меня встретили. У меня как раз вакансия образовалась. Вот какие вы везучие.

— Мы согласны, — сказал за всех Комягин. — Выбирайте сами.

— Ваш выбор, — прибавил Саша Куц.

Чагода прошелся по стланям и опять растаял.

— Ну и везучие вы, ребята. Высокие, красивые. Страсть какие высокие. Вот вы — сколько? — Он остановился и показал пальцем на Войновского.

— Сто восемьдесят семь, товарищ капитан.

— Какой рост! В гвардию надо таких везучих парней с таким выдающимся ростом. Прямо не

знаю, кого же на вакансию взять, раз вы все такие гвардейцы.

«У него есть вакансия», — со страхом и радостью думал Войновский. Он смотрел, как Чагода приближается к нему, сверлил его взглядом и твердил про себя: «Вакансия, вакансия...» Чагода дошел до Юрия, посмотрел на него влажными блестящими глазами и повернул обратно.

Спустя два часа они шагали по тем же дощатым стланям в обратную сторону. Стлани кончались у шлагбаума. Часовой увидел их и взял винтовку на караул. Войновский удивленно оглянулся. К шлагбауму подъезжала пятнистая машина. Часовой поспешно поднял шлагбаум. Машина проехала, не замедляя хода. Рядом с водителем сидел генерал с белым бескровным лицом. Лейтенанты вытянулись. Сверкнул золотой погон на правом плече генерала, и машина мягко покатилась по настилу.

— Генерал-лейтенант Быков, — сказал часовой, глядя вслед машине. — Командующий всеми лесными и болотными дивизиями. Строгий человек.

Часовой отобрал у них пропуска, опустил шлагбаум.

На развилине дорог лейтенанты прощались. Четверо других, из соседней роты, уезжали на север, в штаб корпуса, а Войновский и Комягин — на запад, в 122-ю стрелковую бригаду. Саша Куц провожал их.

— Значит, в сто двадцать вторую? — говорил Куц. — Вам крупно повезло, ребята.

— В чем?

— Мой капитан так сказал. Если, говорит, кому в сто двадцать вторую, тому, значит, крупно повезло.

— Все равно, — сказал Комягин, — дальше фронта не пошлют, меньше взвода не дадут.

Регулировщик остановил грузовик и окликнул их. Они залезли на ящики со снарядами. Куц бросил снизу вещевые мешки, и грузовик тронулся.

Теперь их стало двое, и они уж знали, что война начинается с разлук, и им еще предстояло узнать, что она кончается смертью.

Две маршевые офицерские роты выехали из училища. Две роты, сто восемьдесят лейтенантов, пять красных грузовых вагонов. Их прицепляли то к эшелонам с танками, то с пушками, то с минами: эти предметы требовались войне в первую очередь. А навстречу шел порожняк — за новыми порциями танков, пушек, боеприпасов. Поразительно, до чего же много порожняка двигалось навстречу. И лишь одни встречные эшелоны шли не порожняком — поезда с ранеными. Порожняком они шли на фронт — это были самые нужные, самые скорые поезда войны.

Маршевые роты пересекли всю полосу затемнения, прошли насквозь всю армейскую цепочку — училище за Уралом, запасной офицерский полк РГК *, штаб фронта, армии, бригады — военная машина работала четко и безотказно: их снабжали сахаром и консервами, обеспечивали сапогами и махоркой, соединяли в группы, распределяли. С каждым разом их становилось меньше, пока от двух рот не осталось два человека, которые сидели на ящиках со снарядами, продолжая свой путь.

Штаб бригады находился на широкой поляне. Среди ровно срезанных пней поднимались блиндажи, заваленные сверху засохшими ветками. Они шли по тропинке между блиндажей и удивлялись тишине прифронтового леса.

Издалека донесся протяжный звук разрыва. Прокатился по лесу, замер.

— Слышишь? — спросил Войновский.

— Дальнобойная бьет, — ответил Комягин.

У входа в блиндаж командира бригады сидел на пне бритый сержант с котелком в руках. Он посмотрел на офицеров и сказал:

— Полковник занят. Отдыхайте пока, я вас позову. — Бритый сержант посмотрел котелок на свет и принялся чистить его золой, которая была горкой насыпана на земле.

Дверь блиндажа распахнулась, оттуда выбежал скуластый румяный майор. Сержант вскочил, вытянув руки. Котелок покатился по траве. Румяный майор зацепил котелок ногой и выругался. Войнов-

* РГК — резерв Главного командования. *(Прим. авт.)*

ский и Комягин отдали честь, но майор не заметил их и быстро зашагал прочь от блиндажа. Сержант посмотрел вслед майору.

— Майор Клюев. Пострадал за Катьку. — Сержант хихикнул, поставил котелок на пень и спустился в блиндаж.

В первую минуту Войновскому показалось, что в блиндаже никого нет. Узкий луч солнца косо пересекал пространство блиндажа, словно золотистая кисея накинута в углу. Оттуда прозвучал глуховатый голос:

— ...Сижу вот и голову ломаю — зачем ему столько тола?.. Выясни, дорогой, выясни.

Войновский увидел в углу костлявого седого старика с высоким лбом. Старик сидел неестественно прямо на железной койке, держа в руке телефонную трубку и вытянув худые ноги; на ногах у него ночные туфли, а вместо кителя шерстяная куртка. Борис Комягин отдал рапорт. Полковник положил трубку и молча разглядывал офицеров. Кровать, на которой он сидел, стояла в нише, и весь блиндаж был просторнее, чем казалось с первого взгляда, а за фанерной перегородкой находилось другое помещение.

Полковник поморщился, как от зубной боли, схватился за поясницу.

— Какого года? — строго спросил он.

— Одна тысяча девятьсот двадцать четвертого, товарищ полковник, — отчеканил Комягин.

— Оба?

— Так точно.

— Значит, воевать приехали? Ничего себе устроились. — Рясной снова поморщился. — Я тут тоже день и ночь воюю. Эти комбаты меня в могилу сведут.

— Так точно, — сказал невпопад Комягин.

— Но-но! Я им не дамся. Меня похоронить не так просто. Вы знаете, что такое радикулит?

— У моей матери был радикулит, товарищ полковник, — сказал Войновский. — Она лечилась утюгом.

— Вы думаете, утюг лучше песка? — Рясной с интересом посмотрел на Войновского.

— Утюг очень хорошо помогал матери, товарищ полковник.

— Не соврал, — Рясной улыбнулся, показав редкие зубы. — Марков! — крикнул полковник за перегородку. — Найди новеньким попутчика в Раменки. А вы пришлите мне Чашечкина, он там наверху на пеньке сидит.

Они отдали честь, вышли из блиндажа.

По лесу прокатился звук далекого разрыва.

— Слышишь? — спросил Войновский. — Опять дальнобойная бьет.

— Это противотанковая, — возразил Комягин. — Я слышал, как полковнику докладывали по телефону.

Из блиндажа вышел Чашечкин, внимательно оглядываясь вокруг. Сел на пень, принялся чесать затылок. У соседнего блиндажа показался сутулый солдат с веником в руках. Чашечкин встрепенулся:

— Эй, Никита, у тебя, случаем, утюга нет?

— Чаво тебе? — откликнулся Никита.

Чашечкин безнадежно махнул рукой, встал, побрел от блиндажа, разглядывая землю.

— Да, — задумчиво проговорил Войновский. — Вряд ли на фронте достанешь утюг...

глава III

Ефрейтор Шестаков копал яму за околицей, на краю пустыря, где обычно проводились строевые занятия и общебатальонные построения. Земля оказалась пустырная, неудобная: после тонкого дернового слоя пошла тяжелая липкая глина. Шестаков снял гимнастерку, положил ее на доски и продолжал копать. Куча досок и жердей была навалена около ямы.

Стайкин в гимнастерке без ремня, с мятыми погонами вышел на крыльцо. Посмотрел на небо, потянулся длинным гибким телом — и тут он заметил Шестакова. Глаза Стайкина тотчас сделались наглыми, он исчез в избе и через минуту снова появился на крыльце, тонко перетянутый ремнем, в фуражке и даже с автоматом на груди.

Стайкин спрыгнул с крыльца, с решительным

видом зашагал к яме. Шестаков продолжал копать и, похоже, не замечал Стайкина. Стайкин подошел к яме и сделал грозное лицо, выворотив для этого толстую нижнюю губу.

— Ефрейтор Шестаков, почему не приветствуете старшего командира?

— Это тебя-то? — Шестаков усмехнулся. — Замешался огурец в яблочки.

— Опять вы вступаете в пререкания. Хотите еще наряд заработать?

— А ты не мешай, мешало.

Стайкин положил автомат на доски и подмигнул Шестакову:

— Ладно, земляк. Вылезай из своей братской могилы. Перекурим это дело.

— А есть чем? — Шестаков перестал копать и посмотрел на Стайкина.

Стайкин вытащил кисет, помахал им в воздухе. Шестаков поставил лопату к стене, вылез из ямы.

— Газетка моя, табачок твой, — сказал он, подходя и поглаживая рыжие, выгоревшие усы.

— Внимание, уважаемые зрители! Сейчас мы продемонстрируем гвоздь нашей программы. Заслуженный ефрейтор, народный артист без публики Федор Шестаков покажет вам, как он заработал наряд вне очереди, — держа кисет в вытянутой руке и извиваясь всем телом, Стайкин отступал перед Шестаковым вдоль кучи досок.

Шестаков повернулся и прыгнул в яму. Стайкин отвесил поклон над ямой, скрутил толстенную цигарку и задымил. Шестаков молча копал, выбрасывая землю из ямы. Стайкин блаженно растянулся на досках.

Шестаков продолжал копать, размеренно наклоняясь и выбрасывая землю.

— Ну Шестаков, шуток не понимаешь. — Стайкин подошел к яме и присел на корточки с кисетом в руке. — Бери, бери. Какой табачок! Доставлен на специальном бомбардировщике с острова Сицилия.

Шестаков взял кисет и полез из ямы. Они присели рядышком на досках.

— Табак, правда, хороший, — сказал Шестаков. — Сводки боевой не слышал сегодня?

— На Центральном фронте бои местного значе-

ния. На Южном — освободили Макеевку. Наша рота загорает в обороне. Больше ничего не передавали.

Из-за леса донесся протяжный взрыв. Стайкин прислушался, а потом посмотрел на Шестакова.

— Уже третью кидает, — сказал Шестаков. — Видно, рыба хорошо нынче идет. Когда люди убивают друг друга, зверям хорошо. Сколько рыбы в озере развелось, сколько дичи в лесу бегает.

— Философ. За что же он тебе наряд дал?

— Сказано — за пререкание.

— Как же ты с ним пререкался?

— Никак не пререкался. Я человек смирный, необидчивый.

— За что же тогда наряд?

— Захотел и дал. На то он и старшина.

— Волнующе и непонятно, — сказал Стайкин. — Ты по порядку расскажи. Вызывает, скажем, тебя старшина.

— Так и было. Это ты правильно сказал. Зовет меня старшина. Я как раз гимнастерку штопал. Ладно, думаю, потом доштопаю. А в мыслях того нет, что на страх иду. Пришел. Смотрю...

— Ну, ну! Конкретнее. — На лице Стайкина было написано полное удовольствие.

— Вот я и говорю. Пришел. Докладываю, как по чину положено: так, мол, и так — прибыл по вашему приказу.

— Ты к делу, к делу. Он-то что?

— Он-та? «Иди, — говорит, — Шестаков, наколи дров на кухню». Чтобы я, значит, дров к обеду наготовил. На кухню, значит...

— Ну, ну, дальше...

— А ты не нукай. Я и без тебя знаю, как рассказ вести. Вот я и думаю: отчего не наготовить, работа простая. Тогда я и говорю: «А где топор, товарищ старшина? Как же без топора по дрова?» Тут он и давай орать. Я, конечно, стою терпеливо.

— Что же он кричал?

— Чего кричал? Известное дело: «Приказываю наколоть на кухню. Выполняйте приказание».

— А ты?

— Что я? Мне не жалко. Я и говорю «А где топор?» Он еще пуще давай кричать: «Приказываю наколоть!» А я ничего. Спрашиваю: «А где топор?»

А он уже руками машет, ногами топает: «Приказываю повторить приказание». А где топор — не говорит. Так и разошлись в мыслях.

— А где топор? — Стайкин держался за живот и беззвучно хохотал.

— А мне все равно — что дрова колоть, что землю копать. Работа — она всегда работа, незалежливого любит. Не ерзай — гимнастерку помнешь.

— А где лопата? — Стайкин прямо умирал от смеха. — Не спрашивал?

— Зачем? Про лопату я сам знаю. У нас в сенях три лопаты стоят.

— Дурак ты, Шестаков, — сказал Стайкин, поднимаясь и тяжело вздыхая.

— Зачем же с дураком разговариваешь? Ума от этого не прибавится.

— Хочу выяснить твою природу — кто ты есть? Дурак или прикидываешься.

— Тогда на ту сторону пересядь и выясняй. Я сюда кидать стану. — Шестаков прыгнул в яму, поплевал на ладони и стал копать.

Он работал спокойно и красиво. Сначала снимал землю на штык во всю длину ямы так, что на дне ее как бы образовывалась передвигающаяся ступенька. Доведя ее до края, Шестаков аккуратно подрезал стенки, выбрасывая комья земли и начинал резать новый ряд.

На опушке леса часто застрочил автомат. Прокатился далекий взрыв. Шестаков поднял голову, прислушался.

— Эх, не знал я, где топор лежит. Сейчас бы на кухне рыбу чистил. — Шестаков покачал головой и принялся выбрасывать землю.

Из лесу вышли три человека. Впереди шел невысокий толстый сержант с двумя вещевыми мешками на плечах. За ним шагали налегке два офицера. Они подошли ближе, толстяк свернул с дороги. Войновский и Комягин остановились на обочине, с любопытством разглядывая солдат.

Васьков подошел к яме, вытер ладонью вспотевшее лицо.

— Здорово, земляк, — сказал он.

— У меня таких земляков, как ты, сто восемьдесят миллионов, — ответил Шестаков.

— Что за порядки у вас в батальоне? — строго сказал Васьков. — Один по лесу шатается, галок стреляет, этот в яме сидит. Где штаб батальона?

Шестаков ничего не ответил и бросил землю под ноги Васькова. Тот с руганью отскочил от ямы. Стайкин обошел вокруг ямы и стал объяснять писарю, где стоит изба, в которой находится штаб. Войновский и Комягин подошли к яме и заглянули в нее.

— Для чего окоп копаешь, солдат? — спросил Комягин.

— Это не окоп, товарищ лейтенант. А я не солдат.

— Что же это? — спросил Комягин.

— Кто же вы? — спросил Войновский.

— Ефрейтор я, товарищ лейтенант. Ефрейтор по фамилии Шестаков. Призывник пятнадцатого года. Под Перемышлем тогда стояли.

— А это что же? — снова спросил Комягин.

— Как что, товарищ лейтенант? В обороне что всего нужнее? Нужник. Вот мы и строим нужник для солдат и офицеров. По боевому приказу старшины.

Войновский пожал плечами и ничего не ответил. Комягин нахмурил брови и посмотрел на Васькова.

— Ну и порядки у вас в батальоне, — строго сказал Васьков.

Юрий Войновский проснулся оттого, что его дергали за ногу. Он открыл глаза и увидел пожилого ефрейтора с рыжими, выгоревшими усами.

— Товарищ лейтенант, — тихо говорил тот, — которые будут ваши сапоги?

— Зачем вам сапоги?

— Как зачем? — удивился Шестаков. — Чистить.

— Кто вы такой? — Войновский не узнавал Шестакова.

— Я денщик ваш, товарищ лейтенант. Ефрейтор Шестаков я. Вчера дорогу вам показывал. — Шестаков покосился в угол, где спал Комягин.

Юрий все еще ничего не понимал.

— Меня старшина послал. Старшина Кашаров. Я теперь денщик ваш буду, ординарец то есть. Я еще в первую мировую денщиком служил, мы тогда под Перемышлем стояли. Работа привычная. Которые будут ваши сапоги?

Юрий сел на лавку и все вспомнил: он приехал на фронт и получил назначение...

— Вот мои сапоги, — сказал он. — Только, пожалуйста, поскорее. Наверное, уже поздно.

— Слушаюсь. — Шестаков взял сапоги, на цыпочках вышел из избы.

На улице послышалась громкая протяжная команда:

— Рота-а, выходи строиться!

Войновский прильнул к окну. Невысокий щеголеватый старшина стоял в красивой, спокойной позе перед строем, а голос его растекался по улице:

— Р-р-рота-а, р-р-рняйсь!

И сразу резко и коротко, как удар хлыста:

— Ста-вьть!

И снова:

— Р-р-р-няйсь!

— Ну и голос. — Комягин поднялся с лавки и посмотрел в окно.

— Где Грязнов? — пел старшина. — Немедленно в строй. На поверку не выходят только мертвые.

За строем, неловко размахивая руками, торопливо пробежал высокий солдат. Он стал на свое место, и старшина снова запел «равняйсь» и «отставить».

Под окнами, держа в руке сапоги, прошел Шестаков. Он остановился позади строя и стал делать знаки старшине. Кашаров заметил Шестакова и крикнул:

— Стайкин, проведи построение.

Борис Комягин отодвинулся от окна. Шаги старшины послышались на крыльце. Комягин быстро лег на лавку, натянул на себя шинель и закрыл глаза. Войновский удивленно глядел на Комягина.

Старшина вошел в избу и с порога перешел на строевой шаг. Он шагал прямо на Войновского,

а потом сделал шаг в сторону и одновременно вскинул руку к пилотке.

— Товарищ лейтенант, — говорил он, будто задыхаясь, — вторая рота занимает оборону на берегу Елань-озера. Рота готова к построению согласно приказу. Докладывает старшина Кашаров, — старшина опустил руку и фамильярно улыбнулся. — Рыбки свежей не желаете на завтрак?

— Свежей рыбки желаю, — весело ответил Войновский. — Только доложить вам придется лейтенанту Комягину. Он назначен на первый взвод и потому замещает командира роты. А я командир второго взвода Войновский.

— Очень приятно. — Старшина уже не улыбался, обошел вокруг стола и в нерешительности остановился перед Комягиным. Тот лежал на лавке и крепко спал. Войновский вошел в игру.

— Эй, Борис, подъем. Старшина с докладом прибыл.

Комягин с трудом продрал глаза и сел на лавку, кряхтя и потягиваясь. Старшина слово в слово повторил доклад, а под конец сказал про рыбу.

Комягин соскочил с лавки, присел перед старшиной, вытянув вперед руки. Потом выпрямился, снова присел на носки, сводя и разводя руки и делая шумные вдохи и выдохи. Стоя смирно, старшина с почтением смотрел, как новый командир роты приседает и выпрямляется. Наконец Комягин кончил гимнастику, сел на лавку, принялся натягивать сапоги. Старшина, сделав большие глаза, уставился на сапоги.

— Что сегодня на завтрак в роте? — Комягин строго топнул каблуком по полу.

— Уха, товарищ лейтенант, — ответил Кашаров, не сводя глаз с сапог.

— То-то, — голос Комягина стал мягче. — А на будущее запомните, старшина: офицеры роты питаются из общего котла. И вообще — с сегодняшнего дня советую бросить все эти штучки.

— Какие штучки, товарищ лейтенант? — с удивлением спросил Кашаров.

— Повторяю: бросьте. И чтобы никакого ничего. Ясно?

— Есть никакого ничего. Ясно. Разрешите идти?

Старшина сделал четкий поворот и, печатая шаг, вышел из избы. Войновский не выдержал и прыснул в кулак. Комягин сидел на лавке и улыбался.

В сенях послышался сердитый голос. Войновский приложил палец к губам, на цыпочках прошел к двери. За дверью слышался грозный свистящий шепот:

— Я тебе чьи сапоги велел взять?

— Лейтенантовы.

— А ты чьи взял?

— Не тот разве? — испуганно спрашивал Шестаков.

— Ах ты, господи, ну что мне с тобой делать? — старшина вздохнул в безнадежном отчаянии.

Войновский сел на корточки, обнял себя руками и начал вздрагивать и трястись, задыхаясь от беззвучного смеха. Комягин смотрел на него и ничего не понимал.

— Юрка, а ты почему без сапог? — спросил Комягин. — Где твои сапоги?

глава IV

Иногда ему казалось, что время застыло. Война отняла у него не только будущее, но и прошлое. На войне, полагал он, стоило жить лишь ради войны, а ее-то как раз и не было — одна вода, вода, вода... Он потерял счет дням и неделям и чувствовал, что ему становится все труднее держать себя в руках. Последние усилия Шмелева уходили на то, чтобы никто не заметил, как ему плохо.

Он оторвался от стереотрубы и увидел, что молодой лейтенант смотрит на него растерянно и с обидой.

«Ага, — заметил про себя Шмелев, — его уже проняло».

А вслух сказал:

— Учти, Войновский, раз мы пришли сюда, в такое распрекрасное место, нам придется идти дальше и брать все это. Поэтому — сиди. Восемь часов за трубой каждый день. Сиди так, чтобы я тебя ночью разбудил и ты мне назубок ответил, какая

у него оборона. Что нового он настроил? Что готовит?

— И давно вы тут стоите, товарищ капитан? — спросил Войновский, и Шмелев уловил нотку сочувствия в его голосе.

«Видно, я стал совсем плох», — горько подумал он и сказал:

— Запомни, что я тебе сейчас скажу. Мне тоже не нравится здесь сидеть на этом распрекрасном берегу. И я не собираюсь здесь засиживаться. От нас самих зависит, как скоро мы пойдем туда. — Шмелев показал глазами в озеро, стараясь сделать это так, чтобы не видеть воды: он уже нагляделся на нее до тошноты.

— Понимаю, товарищ капитан, — сказал Войновский. Он был чертовски молодой, высокий, большеглазый, рвущийся в бой, перетянутый тугими ремнями. Час назад он заступил на первое боевое дежурство и еще ни разу, даже в трубу, не видел живого врага — вот какой молодой и зеленый он был. А потом он понюхает пороху и в одно мгновенье перестанет быть молодым.

— Теперь посмотри в трубу, — разрешил Шмелев.

Войновский прильнул к окулярам и тотчас вскрикнул. Шмелев улыбнулся про себя: все, кто впервые смотрел в трубу, вскрикивали от неожиданности.

Стереотруба с оптической насадкой давала двадцатикратное приближение, далекий вражеский берег становился неожиданно близким и казался оттого еще более враждебным. Чтобы точнее вести наблюдение, обе трубы на маяке были настроены синхронно.

Шмелев посмотрел в свою трубу и тоже присвистнул от удивления. По шоссе медленно ползли четыре самоходных орудия. В перекрестье окуляра сквозь толщу слегка вибрирующего воздуха были отчетливо видны длинные стволы пушек, черные кресты на бортах. Тупоносая легковая машина обогнала орудия. За ними тянулся конный обоз с высокими фурами. Весь вражеский берег был в движении.

Самоходные пушки прошли по-над берегом,

скрылись в деревне. Войновский с удивлением смотрел на Шмелева.

— Вот видишь, — одобрил Шмелев. — Сразу обнаружил важное передвижение в стане противника. Теперь смотри и запоминай.

Юрий резко повернулся к стереотрубе, ремни на нем захрустели, и Джабаров, сидевший позади на ящике, поднял голову, чтобы посмотреть, что там хрустит.

— Видишь церковь? — говорил Шмелев, не отрываясь от окуляров. — Все отсчеты веди от церкви. Деревня называется Устриково. Церковь в ней — ориентир номер один.

— Понимаю, товарищ капитан.

— Левее ноль-десять. Немцы прокладывают оборону. Видишь?

— Ой, сколько их! — воскликнул Войновский. — Строем идут.

— Следует говорить — около полуроты.

Войновский поежился под взглядом Шмелева и снова принялся смотреть.

— А бурые полоски вдоль берега — что это?

— Окопы.

— Ой, сколько... — Войновский осекся и перевел дух. — Противник прокладывает на берегу двойную линию траншей.

— Правильно. Значит, в этом месте он и ждет нас. Эти окопы и придется нам брать.

— Почему же надо идти именно туда? Ведь если южнее взять, будет ближе.

— Южнее — болота. А через Устриково проходит дорога. Автострада. Чертовски важная. Помнишь, по карте показывал? На ней держится весь южный участок.

— Но как же мы попадем туда? — спросил Войновский; он уже освоился и начинал кое-что соображать.

— Как Днепр форсировали. Читал в газетах?

— Так то же Днепр, река, — сказал Войновский с тоской. Он рвался на фронт, мечтал о жарких сражениях, ночных вылазках, а вместо этого должен смотреть на врага в трубу за тридцать километров. Да и это ему разрешили лишь на третий день.

— Не зевай, Войновский, доложи, что видишь. — Шмелев понимал, что в таких случаях лучше всего просто не давать опомниться, чтобы не было времени подумать, в какой тяжелый переплет ты попал.

— Из Устрикова вышел катер противника, — доложил Войновский. — Движется на северо-запад, в немецкий тыл.

— Точно, — одобрил Шмелев. — А на катере, наверное, солдаты сидят, покуривают. Целую роту, наверное, можно на такой катер посадить. Соображаешь?

— Соображаю, товарищ капитан.

«Куда тебе, — невесело подумал Шмелев. — Я и сам не знаю, что можно сделать, раз мы попали в такой переплет. У нас не то что катера, лодки захудалой нет. Видно, пока стоит вода, нам отсюда не выбраться». Он поймал себя на том, что думает о будущем, и усмехнулся.

— Джабаров, запиши в журнал насчет самоходок и катера, — сказал Шмелев и посмотрел вниз, вдоль берега.

Маяк Железный находился на юго-восточном берегу Елань-озера, там, где в озеро впадала Słовать-река. У подножья маяка стоял длинный бревенчатый сарай, в котором размещался узел связи и жили солдаты. Напротив, в пятистенной рубленой избе жили офицеры. Вдоль сарая протянулась коновязь с кормушками, с другой стороны дымилась походная кухня.

В основание маяка был уложен массивный бетонный куб. Из куба вырастали четыре параллельные балки, соединенные перекладинами. С внешней стороны балок шла крутая лестница, на ней были устроены две площадки. Наверху находилась широкая круглая площадка, крытая железным грибом и огороженная дощатыми стенками.

Маяк был автоматический. Приспособление с часовым механизмом каждые тридцать секунд открывало сильную ацетиленовую горелку. Вспыхивал белый проблесковый огонь, и свет его был виден ночью за сорок километров.

Маяк не работал третий год. Он был потушен в первые месяцы войны, когда немцы подошли

к Елань-озеру. Маяк стал наблюдательным пунктом, и Сергей Шмелев часто думал о том, что на войне даже неодушевленные предметы могут превращаться в свою противоположность.

Прямая телефонная связь соединяла маяк со штабом бригады, а из штаба бригады шла в штаб армии — с маяка можно было заметить любое важное передвижение войск противника и за пять минут доложить о них хоть в Ставку. Впрочем, до сих пор сведения не шли дальше штаба армии: настолько будничными и неинтересными были они.

— Вижу лодку на Словати, — доложил Джабаров. — Разведчики едут.

Шмелев оставил стереотрубу и перешел на другую сторону площадки. Лодка плыла по Словати, и в ней сидели шесть человек.

— Наблюдай, Войновский, и не думай о всякой ерунде. — Шмелев кивнул Джабарову, поднял крышку и первым полез в люк.

...Они сошлись на переправе. Шмелев спрыгнул с лошади, а лодка мягко и неслышно врезалась в камыши. Стройный, с осиной талией капитан ловко, по-кошачьи прыгнул на берег и, почти не касаясь земли, пошел к Шмелеву. Пятеро остались в лодке. Все они были в брезентовых маскировочных халатах. Только капитан был в шинели с полевыми погонами. На корме сидел сержант с испуганным лицом, на коленях у сержанта стоял ящик с голубями.

Капитан в шинели подошел ближе. Шмелев приложил руку к фуражке и сказал:

— Капитан Шмелев.

— Чагода, — ответил капитан и принялся быстро, неслышно ходить вокруг Шмелева и дерзко разглядывать его. — Так это ты и есть? Да?

— Да, это я, — ответил Шмелев.

— А это твой ординарец? — спросил Чагода и посмотрел на Джабарова, который стоял у лошадей.

— Совершенно верно, это мой ординарец.

— Татарин?

— Так точно, татарин, — ответил Джабаров.

— Как фамилия?

— Джабаров.

— Признавайся, Джабар, хочешь ко мне в разведку? Есть вакансия...

— Не могу знать, — ответил Джабаров и посмотрел на Шмелева.

— Не выйдет, — сказал Шмелев.

— Так, так. — Чагода все ходил вокруг да около и хитро улыбался. — Так ты и есть Шмелев? Сергей Шмелев? И ты меня не узнаешь?

— Чагода, Чагода... — Шмелев поднял голову и посмотрел на него. — Ах, Чагода... Нет, не помню.

— А майора Казанина помнишь?

— Казанина? Майора? Нет, никогда не знал.

— Брось прикидываться. Мы же с тобой в штрафбате служили. Помнишь фанерный завод?

— Ах, фанерный?.. Ни разу не был. И в штрафном не служил.

— Боишься признаться? Дело прошлое. Я тебя хорошо запомнил. Помнишь, как он нас по стойке смирно держал? Крепкий был мужик, сила.

— Чего привязался? Говорят тебе, не служил.

— Выходит, это не ты? — разочарованно спросил Чагода.

— Выходит, не я...

— Ладно, еще послужишь, — Чагода подошел к Шмелеву и сильно хлопнул его по плечу. Рука у него была тяжелая.

Шмелев засмеялся и тоже хлопнул Чагоду.

— Если с тобой — согласен.

— Ладно. Тогда на лодке тебя прокачу. Поехали на маяк.

— Просматривается с того берега. Сейчас выходить опасно.

— Опасно? — Чагода схватился за живот и раскатисто захохотал. — Ох, уморил! До немца тридцать километров, а он — опасно... До передовой триста метров, а до немца тридцать километров — вот потеха.

С мрачным видом Шмелев слушал издевательства Чагоды: к этому он тоже привык с тех пор, как попал сюда.

Чагода перестал смеяться.

— Слушай, капитан, ты всегда такой сердитый?

— Какой есть, — ответил Шмелев.

— А ухой моих орлов угостишь?

— Уха будет, — Шмелев улыбнулся.

— Куц, — крикнул Чагода, — оставь в лодке человека. Остальные — к маяку.

— Есть, — ответил Саша Куц, и разведчики в лодке зашевелились, поднимая мешки и автоматы.

Шмелев и Чагода пошли к маяку. Джабаров пропустил их и повел лошадей следом.

— Хороший парень, — сказал Чагода, оглядываясь на Джабарова. — Отдай. Ты ведь в первом же бою его угробишь. А у меня в штабе он целей будет. Отдай мне.

— Никогда!

— Ладно: уговорил. Если бы не ты, взял бы его к себе. А у тебя не возьму.

— Хочешь, подъедем? — спросил Шмелев, добрея.

— Люблю по земле ходить. — Чагода снова оглянулся и посмотрел на лошадей. — Хороший у тебя вороной. Всем вороным вороной.

— Нравится? Бери. И сена дам.

— Богато живешь. Князь удельный.

— Что ж еще на этом проклятом берегу делать? Косим сено, лошадей холим, рыбу ловим, наградные листы друг на друга пишем.

— Молодец. А еще что?

— Жалеешь? — Шмелев усмехнулся.

— Послушай, капитан. Ты вспоминай. Что было в мирной жизни, то и вспоминай. Помогает.

— Не могу. Забыл.

— А ты попробуй. Раз в такое место попал, придется попробовать.

— Отвяжись.

— А я гражданку всегда вспоминаю. Эх, красиво жили...

— Отвяжись, тебе говорят, — Шмелев посмотрел назад, на дорогу, где шли разведчики. — Куда они пойдут?

— Туда, на шоссе. Чуть поближе Устрикова.

— Там есть один скрытый подступ. Поднимемся на маяк. Я тебе покажу.

Лодка уходила в сумерках. Волны мерно выбрасывались на берег и несильно качали лодку. Куц

стоял на корме. В руках у него ракетница. Двое — на веслах.

— Смотри, Сашка! — кричал Войновский Куцу. — Не пей сырой воды. Кутай шею шарфом, а то простудишься!

— Передай привет папе и маме, — ответил Куц. — И еще Комягину.

— Эх, жаль, Борька не пришел.

— Не беда, утром увидимся. Встречайте нас утром. — Куц хотел толкнуть лодку от берега.

— Стой! — крикнул Чагода. — Плюнь через левое плечо.

— Зачем, товарищ капитан?

— Лейтенант Куц, отставить разговоры. Приказываю плюнуть через левое плечо.

Куц пожал плечами и плюнул в озеро.

— Я тебе дам — встречайте. Только вернись у меня. Сразу получишь пять суток. — Чагода подошел к самой воде и резко толкнул лодку ногой.

Лодка закачалась на волнах, потом гребцы развернули ее носом вперед, и она пошла, плавно поднимая и опуская корму. Куц обернулся и помахал ракетницей.

— Если что, топите лодку на день в камышах, — крикнул Чагода. Куц часто закивал головой.

Лодка быстро удалялась. Сначала не стало видно весел, потом головы разведчиков и лодка слились в одно серое пятно, потом серое пятно слилось с темной водой и стало постепенно растворяться в ней.

— Теперь ты видишь, — сказал Шмелев, обращаясь к Войновскому и продолжая разговор, начатый утром, — как можно попасть на тот берег?

— Да, — приглушенно ответил Войновский. Он стоял, подавшись вперед, и смотрел в озеро — глаза его стали еще больше.

Шмелев отвернулся, будто заглянул по ошибке в чужую дверь. Провожать всегда тяжелее, чем уходить, но всегда кто-то уходит, а кто-то остается. Есть только те, кто уходит первым, — последних нет. Мелькнул последний вагон, тускло засветились открывшиеся рельсы, и красный огонь вспыхнул на стрелке. Ненадолго. Придет другой состав, светофор выпустит зеленый луч — и все начнется сна-

чала. Ведь и для тех, кто остается на берегу, уготована та же дорога.

— Да, невеселое у тебя место. — Чагода хлопнул Шмелева по плечу. — О чем задумался? Пойдем рыбу есть.

На берегу выставили специальный пост, чтобы встретить разведчиков, но лодка не пришла ни на третий, ни на пятый день.

Даже голуби не вернулись.

глава V

Это было образцовое наступление, проведенное по всем правилам военного устава. Солдаты рассыпались в цепь и устремились к лесу, делая короткие быстрые перебежки, ложились в грязь, снова бежали. Войновский командовал звонким счастливым голосом, тоже падал с разбегу на грязную землю, вскакивал и бежал. Он был счастлив, что солдаты так легко и весело слушаются его, быстро исполняют команды, и голос его разносился над полем.

Перед лесом была неширокая болотистая лощина, которую можно было обойти, но Войновский скомандовал «прямо», и солдаты побежали по лощине, проваливаясь в болото, а потом выбрались на сухое, и фигуры их замелькали среди сосен.

Офицеры шли по дороге и смотрели, как проходит атака.

Сергей Шмелев шагал за цепью, глядя под ноги. Он не хотел видеть шумливых сосен, тягучей серой воды, унылого берега, к которому они будто примерзли. Они пришли сюда и застряли тут — проклятое место, забытое не только богом, но и Верховной ставкой. Если бы не ежедневное довольствие, можно было бы подумать, что их забыли все и вся, но интенданты все-таки помнили о них, упрямо снабжали крупой, махоркой, американскими консервами и даже снарядами, которые до сих пор никому не были нужны и лежали штабелями на батареях.

«Почему мы торчим здесь, на этом распроклятом берегу? Война третий год, а мы все еще торчим в глубине России. Неужто немцы так сильны, что

мы вынуждены торчать тут? Или есть другие причины...»

— Пора, капитан, — окликнул его полковник Рясной, но Шмелев, казалось, не слышал и продолжал шагать по лужам. — Капитан, время! — повторил полковник громче.

Шмелев раскрыл планшет с картой. Он снова очутился в лесу. Сосны шумели над головой, солдаты старательно делали перебежки, полковник Рясной шагал рядом, наблюдая за цепью, — все было по-прежнему, и атака шла полным ходом. Шмелев посмотрел сбоку на Рясного. Чуть сгорбившись, заложив руки за спину, тот осторожно переставлял ноги, стараясь выбрать место посуше. Замполит Рязанцев и старший адъютант батальона Плотников шли несколько позади в окружении связных. В лесу то и дело попадались заболоченные низины, и тогда под ногами смачно чавкало.

Шмелев посмотрел на часы и поднял ракетницу.

— Действуй, — сказал Рясной.

Красный след поднялся над соснами, бледно прочертил облака. Лес огласился криками «ура», треском автоматов. Солдаты вскочили и побежали в атаку. Всюду среди сосен мелькали серые фигуры.

Деревья расступились, и за ними открылась безбрежная водная гладь. Полковник Рясной остановился на опушке, наблюдая за тем, как бегут солдаты. Между берегом и лесом было неширокое чистое пространство. Но вот солдаты добежали до берега, прокалывая воображаемыми штыками воображаемых врагов. Скоро вся цепь вышла к берегу — дальше бежать было некуда.

— В центре хороший взвод, — сказал Рясной.— Кто командир?

— Лейтенант Войновский, — ответил Шмелев.

— Дельный офицер. Что он получил сегодня?

— Он из последнего пополнения. Еще не участвовал.

— А-а, — протянул Рясной. — Вспоминаю. Ты еще рыбу мне тогда за них прислал. Хорошие были судаки.

— Я людей на рыбу не меняю, товарищ полковник.

— Ладно, ладно. Объяви ему благодарность.

— Слушаюсь, — ответил Шмелев.

Вдоль берега были густо раскиданы валуны. Они вырастали прямо из земли, выставив покатые шершавые бока. Между двумя валунами был вырыт окоп полного профиля.

Войновский присел у валуна, очищая грязь, налипшую на сапоги. Он был возбужден и счастлив: взвод первым достиг берега, сбросил «врага» в озеро, и Войновский знал, что это очень важно.

— Сапоги-то слабоваты у вас, товарищ лейтенант. Тряпочку вот возьмите. — Перед Войновским с тряпкой в руке стоял Шестаков.

— Спасибо, Шестаков. — Войновский виновато улыбнулся. — Перед отъездом из училища не успели новые получить. Все выдали, ремни вот... а сапоги не успели.

— На войну спешили. Не куда-нибудь.

По ту сторону окопа неярко задымил костер, и солдаты со всех сторон тянулись на огонек.

Войновский прыгнул через окоп и сел ногами к огню.

— Вот скажите, товарищ лейтенант, — обратился пожилой солдат с длинным худым лицом, — зачем мы окопы тут копаем? Для какой необходимости?

— Как вам сказать? — Войновский замялся, видя, что солдаты замолчали и смотрят на него. — По-моему, это ясно. Немцы копают окопы на том берегу — в стереотрубу хорошо видно. Мы строим свою оборону на этом берегу.

— Для симметрии. Понял? — Стайкин сделал выразительный жест руками.

Солдаты вяло засмеялись.

Маслюк протиснулся вперед и встал у валуна, протянув к огню руки.

— Я вот знать хочу, товарищ лейтенант, как мы до тех окопов добираться будем? Сейчас-то вот спихнули их в озеро. А как до них живых добраться?..

Войновский посмотрел на озеро. Солнце прошло сквозь тучу, багровый диск тускло задымился в плотном мареве низко над водой. Широкая багряная полоса растянулась по небу, кроваво опрокину-

лась в озеро. Далекого чужого берега не было видно — озеро преграждало путь. И оно же указывало дорогу.

— Как пойдем? — выскочил Стайкин. — А как Христос по морю, яко посуху, пройдем. Шестаков впереди, остальные за ним.

Из леса выехала зеленая пятнистая машина. От группы офицеров, сгрудившихся на опушке, отделилась высокая тощая фигура и зашагала на длинных ногах к машине. Офицеры взяли под козырек и стояли, не двигаясь, пока полковник садился в кабину и машина разворачивалась и выходила на дорогу. Машина скрылась в лесу, и офицеры опустили руки.

— Скоро и мы до дому двинемся, — сказал Маслюк.

— Только дом не тот.

— Нет хуже — в обороне стоять, — заметил пожилой солдат с длинным лицом. Войновский не помнил его фамилии.

— В бою тебе хорошо.

— В бою лучше: думать некогда. А в обороне мысли всякие лезут.

— Эпоха, — сказал Шестаков, вороша сучья в костре.

— Ты тоже недоволен? — спросил Стайкин.

— Вот я и говорю, — невозмутимо начал Шестаков. — Подвела меня эпоха. В первую войну, думаю, не дорос. Нет, забрили в пятнадцатом. Во вторую, думаю, слава богу, перерос. И опять не угадал, опять взяли. Эпоха такая, к нормальной жизни не приспособленная.

— Нет, вы послушайте, уважаемые зрители! — вскричал Стайкин, выворачивая губы. — Генерал-ефрейтор недоволен и жалуется на эпоху. Чем ты недоволен, кавалер?

Солдаты настороженно затихли, ожидая очередного представления, на которые Стайкин был мастак.

— Я всем доволен, — сказал Шестаков, расстегивая шинель и запуская руку в карман. — Время вот только жалко. Много времени потерял. Почитай, десять годов потерял на войне. Сначала за царя воевал три года, потом еще три — за Советскую

власть сражался. Теперь, значит, тоже третий год пошел, сколько еще будет — ясности нет.

— Черная неблагодарность! — вскричал Стайкин. — Война его человеком сделала. Был бы мужиком, и никто о нем не знал, если бы не война. А теперь человек. Кавалер.

— Я не человек, я солдат, — спокойно ответил Шестаков. — Был я человек крестьянского класса. На гражданке мастером был, избы ставил, печи клал. На обе руки мог работать. Меня за двести километров просить приходили.

Кто-то скомандовал «смирно». Все вскочили.

К берегу подходили офицеры. Впереди шагал капитан Шмелев, за ним — Рязанцев, Плотников.

Войновский выступил вперед и отдал рапорт.

Сергей Шмелев оглядел солдат, остановил взгляд на Шестакове. Тот поспешно застегнул шинель, поправил ремень.

— От имени командира бригады,—говорил Шмелев,— объявляю личному составу взвода благодарность за умелую контратаку и уничтожение «вражеского» десанта.

— Служим Советскому Союзу,— громко сказал Войновский, солдаты хором повторили.

— Сегодня вечером в штабе будет кинокартина,— сказал Рязанцев.— Ваш взвод приглашается на первый сеанс.

— Хорошо бы про войну,— мечтательно проговорил Стайкин.

Солдаты заулыбались.

— Не горюй, Стайкин,— сказал Шмелев.— Долго здесь не задержимся.

— А мы не горюем, товарищ капитан,— сказал Шестаков. — Это такая война, что ее на всех хватит.

— Хорошо поползали, товарищи,— сказал Рязанцев.— Спасибо вам.

Сергей Шмелев объявил конец привала. Джабаров подал лошадей. Офицеры уехали. Солдаты строились в колонны и шагали к лесу.

Солнце опустилось ниже, лизнуло краем озеро. Тяжелая свинцовая вода окрасилась в багровый цвет, кровавая полоса стала шире и пробежала по всему озеру от солнца к берегу. Одинокая чайка

металась над водой — грудь и крылья ее тоже были кровавыми в лучах солнца. Вдалеке играла рыба, кровавые круги широко расходились по воде.

глава VI

Клюев плотно закрыл дверь, заглянул даже в замочную скважину и, убедившись, что никто не подслушивает, на цыпочках подошел к Сергею Шмелеву.

— Опять за старое? — с усмешкой спросил Шмелев.

— Щепетильное дело.— Клюев подошел к столу, вытащил из планшета карту, разгладил ее ладонями и сказал: — В случае чего...

— Не отвлекайся, выкладывай,— сказал Шмелев. Он ходил по избе, заложив руки за спину.

Клюев посмотрел на карту, провел по ней указательным пальцем и тяжело вздохнул.

— Вызывал? — спросил Шмелев.

— Сегодня третий раз,— сказал Клюев.

— Надо решать.

— А как, Сергей? Скажи — как?

— Что он говорил сегодня?

— Ругал. Ох ругал! Ты, говорит, пособник врагу. Я, говорит, рассматриваю беременность на фронте как дезертирство, и ты способствовал этому дезертирству. Дал двадцать четыре часа на размышление.

— Ты все говори. Не скрывай от меня. Поздравил Катю?

— Она аттестат требует, нужны ей мои поздравления. И он — за нее. Пиши, говорит, заявление в финансовую часть, аттестат на пятьсот рублей. За одну ночь — пятьсот рубчиков отдай. А чей он— неизвестно.

— Не скромничай. Ты с ней полгода жил.

— Нерегулярно, клянусь тебе, нерегулярно. Какая тут жизнь, когда нас фрицы колошматили. Блиндажа даже отдельного не было. Помнишь, к тебе ходил? Вот сейчас бы пожить...

— Уже завел? — Шмелев остановился перед столом, с любопытством разглядывая Клюева.

— Нет, клянусь, нет. Он же у меня всех забрал. Сам знаешь.

— Третьего дня в медсанбат ездил. Зачем? Быстро!

— Уже доложили, да? Кашаров, сукин сын, доложил. Эх, Серега, скучный ты человек. Въедливый, в душу влезешь, однако скучный. Скучная у тебя жизнь, одинокая. А я люблю широту и разность натур. Они же сами ко мне льнут. Я мужчина видный. Где тут моя вина?

— Вот что, Павел. Ты моего одиночества не трогай. Или уходи. Приехал советоваться — тогда слушай: будешь платить.

— Интересно — за что?

— Объяснить популярно? — Шмелев невесело усмехнулся. — У тебя же сын родился, продолжение твое на земле.

— Триста,— быстро сказал Клюев.

— Чего триста?

— Рублей. Хватит ей и триста.

— Ты же отец. Эх ты, отец! Как его назвали? Павловичем будет.

— Чего привязался? Ты ко мне лучше не привязывайся, не береди меня... Триста пятьдесят, больше не дам.

— А сколько он весит? Крепкий, наверное, малыш? Похож?

— Сергей, умоляю тебя. Четыреста. Больше не могу. Никак.— Клюев провел ладонью поперек горла.— Жене — восемьсот, матери и ей — по четыреста. Больше никак не могу. Клянусь!..

В избу вошел старший лейтенант Плотников. Клюев быстро положил руки на стол, склонился над картой и забубнил скороговоркой:

— В условиях нашей лесисто-болотистой местности маневренная война сильно затруднена. Поэтому мы вынуждены действовать мелкими группами или идти в лоб, что приводит к излишним жертвам. Поэтому я предлагаю форсировать Елань-озеро и нанести внезапный фланговый удар по противнику в районе...— Клюев поводил по карте пальцем и сказал наобум: — в районе Устриково.

— Воюете на карандашах? — сказал Плотни-

ков. — Товарищ майор, разрешите доложить. Обушенко вернулся из госпиталя.

Клюев вскочил:

— Где он?

— На маяке.

— Едем! Я ему сейчас дам по первое число. Только просьба, ребята,— чтобы дальше не расходилось. Прошу от сердца.

— О таких вещах не просят,— сказал Шмелев.

— Ладно, сократи свои нотации,— говорил Клюев.— Я ему сейчас покажу, как прибывать без доклада. Я ему покажу...

глава VII

Старший лейтенант Григорий Обушенко устроил на маяке гулянье по случаю возвращения из госпиталя. На столе стояли мятые алюминиевые кружки, два закопченных котелка с водой, лежали два круга колбасы, толстый кусок белого сала, буханка хлеба, Войновский резал сало финкой.

Разговор шел о генералах.

— Пейте, ребята, у меня этого добра сколько угодно.— Обушенко отстегнул от пояса флягу и протянул ее над столом Комягину.

— Мне на дежурство скоро,— сказал Комягин, но флягу взял и налил в кружку сначала из фляги, а потом воды из котелка.

— Вот и я говорю. Ты слушай, лейтенант, я тебе говорю. Ты новенький и должен знать. Наш полковник не простой — из генералов. В сорок первом попал в окружение. Он тогда дивизией командовал и генерал-майора имел. Дивизию, известное дело, разбили, одни ошметки остались. Полтора месяца по лесам шатались, потом вышли. И надо же, прямо на штаб фронта вышли. И у блиндажа маршал стоит. Рясной как был, докладывает: «Товарищ маршал, генерал-майор Рясной вышел из окружения». А сам в лаптях, в гимнастерке без звезд — сам понимаешь, с того света пришли. Маршал выслушал доклад и говорит: «Идите, майор Рясной». Вот такая история.

Офицеры рассмеялись.

— Чего смеетесь? — сердился Обушенко.— Не будь этой истории, он бы сейчас армией командовал, не смейтесь. К нему сам командующий за советами ездит, верно говорю.

— Вот у нас был случай. Мы в запасе стояли...— начал Комягин и в ту же секунду выскочил из-за стола и закричал: — Смирно!

В избу вошли Клюев и Шмелев, за ними — Плотников.

— Вольно. Чего орешь? — сказал Клюев, раскидывая руки.

— Ха, папа приехал. Здравствуй, папа.— Обушенко тоже раскинул руки и пошел навстречу Клюеву. Они сошлись на середине избы и трижды расцеловались.— С утра тебя ищу. Садись, папа. Не сердись, что без тебя начали.

Клюев хлопал Обушенко по спине и широко улыбался.

— Растолстел, бродяга. Какую ряху отрастил, смотреть страшно. На тебя наградной послали. На первую степень.

— Спрыснем в таком случае.— Обушенко покопался в мешке, и в руках у него оказалась пузатая фляга, обтянутая коричневым сукном.— Медицинский. Выменял на парабеллум.

Офицеры расселись за столом.

— Рассказывайте. Как вы тут? — спросил Обушенко.— Воюете?

— Сам видишь,— сказал Клюев.— Потихонечку.

— Вижу.— Обушенко скривил рот и длинно выругался.— Вижу, как вы воюете.

— Недоволен? — спросил Шмелев.

— А чего мне радоваться? Я на марше от вас ушел. Меня семьдесят два дня не было. А вы все целы. Раненых в роте нет, убитых нет. А раз потерь нет, значит плохо воевали.

— Тебя что — недолечили? — спросил Клюев.

— На войне люди должны уменьшаться в количестве. На то она и война. А вы? — Обушенко схватил кружку и выпил ее не отрываясь.

— Он хотел, чтобы у нас никого не осталось,— сказал Плотников.— Вот тогда бы он радовался.

— Врешь! — Обушенко стукнул кружкой по сто-

лу.— Тогда бы я плакал кровавыми слезами по своим верным солдатам.

— А ты поплачь, что мы живы и здоровы,— сказал Клюев, и все засмеялись, кроме Шмелева. Он сидел против Обушенко и задумчиво покачивал пустой кружкой, надетой на палец.

— Я знаю, что говорю,—горячился Обушенко.— Сейчас я буду по немцу плакать. Ясно? Он жив и здоров, и я по живому фрицу плачу, потому что вы тут войну развели. Ты цел, он цел.— Обушенко показал пальцем на Плотникова и Войновского.— Значит, и немец цел. А я так жить не могу. Я живу, когда их убиваю. Когда я их убиваю, я живу. Иначе мне жизни нет.

— Не горячись, старшо́й,— сказал Шмелев.— Мы еще будем жить. Мы с тобой скоро по-настоящему заживем.

— Золотые слова.— Обушенко встал с кружкой в руках и посмотрел на Клюева.— Товарищи офицеры, предлагаю тост за новорожденного и его папу-героя.

— За какого новорожденного? — громко спросил Комягин, поднимая кружку.

— Ты разве не слышал? — сказал Обушенко.— В батальоне сын родился. Батальонный сын.

— Кого же поздравлять? — спросил Войновский. Он был навеселе и плохо соображал, а в голове у него кружились легкие звонкие шарики.

— Молчать! — Клюев хлопнул ладонью по столу, и кружки запрыгали среди кусков хлеба и колбасы.— Старший лейтенант Обушенко, почему не доложили о своем прибытии в батальон?

Обушенко пожал плечами:

— Кому же мне докладывать? Не хотел мешать вам, товарищ майор, пока вы с полковником стратегические вопросы обсуждали.

— Почему не доложился, спрашиваю? Под арест захотел? Вот посажу тебя на пять суток.— Клюев был весь багровый, даже затылок стал красным.

— Старший лейтенант Плотников,— вдруг позвал Шмелев.

— Я,— Плотников встал.

— Старший лейтенант Плотников, доложите, где лейтенант Габрусик Юрий?

— Убит в атаке.
— Где подполковник Безбородов?
— Убит снарядом.
— Где сержант Мякинин?
— Ушел в разведку и убит.
— Где Игорь Абросимов?
— Пропал без вести.
— Где Володька Карьки?
— Умер в госпитале от ран. Семь пулевых ранений. Жил сорок часов.

— Ах, Володька,— сказал Клюев.— Какой был парень. Какая голова. Какие девки за ним бегали.

— А вы? — Шмелев взглянул на Обушенко и покачал головой.— Сколько людей вокруг нас полегло. Лес поваленный. И это только с Парфино, за этот год... А тут новый человек возник. Маленький такой. Ничего не знает. Ни про смерть, ни про войну. Как хорошо, что есть на земле такие люди, которые совсем не знают, что такое война. Я предлагаю выпить за таких людей. Чтобы их стало больше на нашей земле.

— Это мы сделаем, — с радостной улыбкой воскликнул Обушенко.

— Садись,— сказал Шмелев.— Пей.— Он услышал далекий шум поезда, стены раздвинулись и ушли. Он понимал, что сейчас не время и не место, но уже не мог остановиться: голоса уходили все дальше, а грохот электропоезда нарастал все сильнее.

До самого конца своих дней он не сможет понять, почему сел именно в тот поезд. Билет был совсем по другой ветке, он не спеша шел от кассы, и вдруг его словно ударило — догнать, уехать, иначе будет плохо. Он выскочил на перрон и пустился во всю прыть за последним вагоном. Он и знать не знал, что гонится за судьбой.

Электропоезд быстро набирал ход, догнал порожняк, шедший по второму пути, и красные вагоны один за другим поползли назад. Она оторвалась от книги и смотрела в окно, как покачиваются и уходят назад вагоны. «Ничего в ней особенного, ничего в ней особенного», — твердил я и не верил: в горле у меня пересохло, как только она напротив села, а

сердце стучало так, что она услышала и посмотрела на меня, потом нахмурилась и опять уткнулась в книгу. Так я впервые увидел ее глаза, смотревшие прямо в мои, и меня тоска взяла: вот она сойдет сейчас, и с ней уйдет все, от чего пересохло в горле. Поезд уже замедлил ход, и красные вагоны пошли вперед. А парень с золотым зубом напротив пел с надрывом под гитару: «Мы так близки, что слов не нужно, чтоб повторять друг другу вновь, что наша нежность и наша дружба сильней, чем страсть, и больше, чем любовь». Там сидела теплая компания, и все острили почем зря. Тут вошел кондуктор и начал кипятиться: «Граждане, не будем нарушать порядок на транспорте». Золотой зуб затянул еще громче, и кондуктор совсем разошелся: «Сейчас поезд остановлю и высажу». Тогда она засмеялась: «Какой смешной кондуктор», — а потом вдруг посмотрела на меня, как первый раз, и говорит: «Ну и жара сегодня, у меня в горле все пересохло». Я сразу стал дураком и сказал, что Драйзер устарел и читать его нельзя. «А я читаю», — сказала она. «Вот Блок — это да!» — сказал я. «Ну и читайте своего Блока, — сказала она. — Какая жара сегодня». — «А как вас зовут?» — спросил я, и сердце в пятки ушло. Она посмотрела на меня из зеленой глубины, как только она умела смотреть, и сказала: «Наташа». Я сидел и твердил: «Наташа, Наташа», словно боялся, что забуду. Мы вышли на тихой станции и пошли к лесу. Там был ручей, мы валялись на траве, купались, ели бутерброды, а в горле все стоял сухой, горячий комок, и казалось, что это будет без конца: я уже знал, что это так просто не кончится. Я взял ее за руку, и глаза ее опять стали зелеными, будто она смотрела сквозь воду, и она спросила: «Что же это?» А я сказал: «Сам не знаю, никогда такого не было». Она вскочила, побежала в лес, только купальник мелькал среди сосен. Мы бежали долго, и солнце уже садилось. Лес был старый, нетоптаный. У высокой сосны остановилась и повернулась ко мне. «Не подходи!» — закричала она, и я увидел, что она боится. Я остановился и смотрел на нее, мне тоже стало страшно, и в горле сухо. Сосны качались над головой, в лесу было совсем тихо. Она стояла, прижавшись спиной к сосне,

сложив руки крестом на груди, и смотрела на меня ненавидящими глазами. «Не смотри на меня так, я приказываю тебе!» — «А я буду смотреть». — «Нет, ты не сделаешь этого». — «Почему?» — «Потому, что я не такая». — «И я не такой», — и шагнул к ней. «Стой!» — закричала она, а мне оставалось всего полшага. Я встал, словно ноги к земле приросли. Тишина кругом, только сосны шумят над головой. Соснам было наплевать на нас. «Нет!» — закричала она и взмахнула руками, словно птица огромная крыльями бьет — хочет вырваться из темной клетки и не может — не может — уже не может — теперь уже не может — никогда теперь уже не сможет вырваться — никогда теперь уже не вырваться из этой клетки...

глава VIII

В расположение первого батальона прибыл командующий армией генерал-лейтенант Игорь Владимирович Быков. После сытного обеда из «архиерейской» ухи и жареных судаков командующий поехал на маяк Железный и поднялся на верхнюю площадку, чтобы посмотреть на вражеский берег.

Все приехавшие с Игорем Владимировичем не могли разместиться на верхней площадке и в соответствии со своими званиями и должностями расположились на площадках вдоль лестницы и у основания маяка.

Тяжелые лиловые тучи недвижно висели над озером. Они навалились на воду, вода тихо и придавленно колебалась, и сверху было видно, как волны одна за другой длинно накатываются на берег.

— Игорь Владимирович, — говорил полковник Рясной, — видимость ухудшается с каждой минутой.

— Я уже достаточно нагляделся. — Командующий оторвался от стереотрубы. — Очень жаль, что не просматривается железная дорога. — Игорь Владимирович достал пачку «Казбека» и пустил ее по кругу. Офицеры дружно закурили.

— Это мой сектор, товарищ генерал, — сказал Шмелев. — Дорога проходит в глубине, в десяти ки-

лометрах от берега, закрыта лесами. Мы ее не видим.

— Вы даже не представляете, — сказал Игорь Владимирович, — как мне необходимо прорваться туда...

На второй от верха площадке стояли адъютант Игоря Владимировича, щегольски одетый капитан со светлыми пушистыми бакенбардами, и несколько офицеров из штаба батальона.

— Как там Москва, расскажите? — попросил капитан Рязанцев.

Капитан с бакенбардами выставил вперед левую ногу в ярко начищенном сапоге и приятным женственным голосом начал рассказывать о московских театрах.

— Город живет, — с одобрением заметил Плотников.

— На той неделе опять летим, — продолжал капитан. — Ставка вызывает с докладом. Я уже билеты заказал на «Лебединое озеро». С Улановой.

— Что слышно в штабарме насчет наступления? — спросил Рязанцев.

— До зимы никаких перспектив, — ответил адъютант. — Надо ждать, пока замерзнут болота и озеро покроется льдом...

— Вы думаете, по льду можно?..

— Я вообще ничего не думаю, — обиженно ответил адъютант. — Я делаю что мне прикажут...

Еще ниже, на третьей площадке, стояли офицер связи, прибывший с Игорем Владимировичем, и командиры рот и взводов. Там шел свой разговор.

— К вам сколько почта идет? — допытывался Борис Комягин.

— Дня три-четыре.

— А к нам шесть. Смотрите, ребята, — Комягин расстегнул шинель, достал фотокарточку и протянул ее офицеру связи. На фотокарточке была изображена тонкая девушка в открытом сарафане. Она стояла у фонтана и улыбалась.

— Ого! Хороша, — сказал офицер связи.

Обушенко взял фотокарточку и подтвердил:

— Фигура — высший класс.

Комягин скромно улыбался.

— Кто это — невеста? — спросил Войновский.

— Девушка, не получающая писем с фронта. — Комягин произнес это гордо и с выражением.

— Хм... — Обушенко скривил рот. — А это она? Может, у подруги в долг взяла?

— Я думал, невеста... — Войновский был разочарован.

— Дай, — Комягин надменно усмехнулся и спрятал фотокарточку.

— Перекурим это дело, — сказал офицер связи. — Нам вчера любительский выдали...

Офицеры начали свертывать цигарки, поочередно забирая табак из пачки офицера связи.

В самом низу, у оснований маяка на бетонном кубе стояли двое: невысокий, пожилой солдат с кривыми ногами, коновод командующего армией, и ефрейтор Шестаков.

— Нет, — говорил Шестаков, — к нам на машине не проедешь: кругом болота. Только на лошадях и добираться.

— Далеко забрались. На самый передний край, — сказал коновод командующего. — Тут, наверное, и немцы недалеко.

— Лошади, я смотрю, у вас добрые. На таких лошадях куда хочешь добраться можно.

— Были когда-то скакуны, а теперь ездить некому. На броню поставлены.

— Значит, порода, если забронировали...

— С Карачаровского донского завода. Племенные.

Лошади тесно стояли у коновязи и ели овес из кормушек. От сарая бежал к маяку Ганс. Шестаков увидел его и засвистел, вытягивая губы. Ганс пробежал по камням, прыгнул на бетонный куб, к ногам Шестакова.

— Гансик, Гансик... У нас Фриц был, да погиб по глупости. Теперь Ганса завели. Покажи-ка, Ганс, нашему гостю, как Гитлер умирает.

Ганс послушно повалился на бок, положил голову на одно ухо. Потом смешно завалился на спину, поднял скрюченные лапы, высунул длинный язык и закрыл глаза. Коновод смотрел на Ганса и радостно смеялся.

— Сам с ним занимался, — сказал Шестаков.— Отдыхай, Гансик.

Ганс сел на задние лапы и посмотрел на Шестакова.

— Жокеем на том же заводе служил. Я сам их с Дона и вывозил под огнем. Всех лошадей спас.

— Хорошая у вас работа. Полезная. И в армии, значит, по своей специальности определились. Это хорошо. А я вот на гражданке мастером был, бригадиром то есть, ставили дома. По колхозам клубы строили, фермы. А в армии по специальности не попал. Я и в лошадях понимаю и шить умею. А по специальности вот не устроился, в пехоте служу, у нашего лейтенанта в ординарцах. В штаб хотел, да письменных способностей нет, почерком не обладаю.

Коновод ничего не ответил и посмотрел наверх. С верхней площадки, крутясь в воздухе, пролетела коробка из-под папирос. Коновод смотрел, как летит коробка. Она упала неподалеку и раскрылась.

Ганс подошел к Шестакову, лизнул сапог.

— Ты иди к себе, Ганс. Иди, тебе говорят! — Шестаков несильно толкнул пса, тот заскулил и побежал, прыгая по камням. — Иди, иди, не мешай. У меня серьезный разговор. Закурите моего, Василий Тимофеевич. — Шестаков вытащил кисет и протянул его коноводу. — Махорка. Наша, солдатская.

— Пожалуй, — сказал коновод. — А то в штабе все время легкий табак выдают. Никакой крепости, одно баловство.

— Газетку, пожалуйста. Свежая, вчера читал. Я, Василий Тимофеевич, человек родственный. Собака, она что? Она все понимает, а сказать ничего не может. Человеку нужен человек. Вот вы, Василий Тимофеевич, мне сильно нравитесь. Имею к вам доверие. Потому обращаюсь к вам. Возьмите меня к себе, Василий Тимофеевич.

— Я с Евгением Петровичем поговорю, адъютантом. Он всеми нами ведает. У меня восемь лошадей. Мне помощник нужен.

— Вот это мужской разговор. Договорились, значит? Запомните, Василий Тимофеевич: ефрейтор второй роты первого батальона Шестаков Федор Иванович. У нас в батальоне еще один Шестаков есть, но тот Терентий, а я Федор. И вызов шлите прямо на моего командира.

— Вы бы на бумажке написали, Федор Иванович. Как бы не забыть.

По лестнице спускался высокий круглолицый лейтенант. Он прыгнул через ступеньку на бетон и сказал:

— Пора, Шестаков. Наше время.

— Я напишу, Василий Тимофеевич, напишу. — Шаря в карманах, Шестаков встревоженно повернулся к Войновскому и пояснил: — Земляка встретил. Адресок надо записать. Карандашик где-то был. У вас нет карандашика, Василий Тимофеевич?

Коновод помотал головой.

— За мной, Шестаков. Потом напишете.

Шестаков с потерянным видом побрел за Войновским, то и дело оглядываясь на коновода.

Войновский построил патруль и повел солдат к берегу.

С верхней площадки маяка было видно, как цепочка солдат извилисто двигалась по тропинке вдоль берега и уходила все дальше от маяка.

Игорь Владимирович посмотрел вниз через край площадки и повернулся к Шмелеву:

— Доложите, какова интенсивность движения противника по автостраде?

— В районе Устрикова, — ответил Шмелев, — дорога на протяжении километра идет непосредственно по берегу. Мы видим все. Проходит до тысячи машин в сутки.

Игорь Владимирович раскрыл планшет, там лежала карта со сложным узором.

— Что вы можете сказать о железной дороге? — спросил он.

— Железная дорога проходит вне пределов нашей видимости, в десяти километрах от берега, — сказал Шмелев, косясь на карту. — Но можно полагать, что и там столь же интенсивное движение. Мы часто наблюдаем дымы от паровозов.

— Вы видите дымы? — с интересом переспросил командующий, показывая Шмелеву планшет. — Смотрите. Это карты аэрофотосъемки, сделанные с высоты трех тысяч метров. Каждый раз почти в тех же самых местах засечены дымы, особенно часто на разъезде Псижа. Вот видите, на разъезде стоят вагоны, вернее тень, отбрасываемая ими. — Игорь Вла-

димирович выпрямился и посмотрел сквозь Шмелева. — Комбат-один, мне нужна эта железная дорога. Хотя бы на сорок восемь часов. Ваше решение?

— Товарищ генерал, — сказал Шмелев, — дайте в мое распоряжение двести рыбачьих лодок. Ночью, под прикрытием темноты, мы форсируем озеро, захватим часть берега и перережем обе дороги, шоссейную и железную. Двести лодок, товарищ генерал...

— И прямо на Берлин, — сказал красивый полковник из штаба армии. Он стоял рядом с командующим с планшетом в руках и улыбался.

— Подождите, Борис Аркадьевич, — сказал Игорь Владимирович, поднимая бровь. — Что скажет комбат-два?

— Полностью согласен с капитаном Шмелевым, товарищ генерал-лейтенант. Но будет правильнее послать два батальона, его и мой. Тогда мы продержимся не сорок восемь часов, а четверо суток. И даже пять. Лодки сделаем сами, товарищ генерал-лейтенант, из подручных средств.

— Вы, разумеется, в курсе, Виктор Алексеевич? — спросил командующий, оборачиваясь к полковнику Рясному.

— Этот план принадлежит капитану Шмелеву, — ответил Рясной. — Мой штаб разрабатывает его. На всякий случай.

— В порядке игры, — иронически уточнил Славин, красивый полковник.

— Смело. Смело и интересно, — сказал Игорь Владимирович. — Если бы это было месяца три назад, я не задумываясь принял бы такой план. А сейчас, в преддверии зимы...

— Но ведь это же двадцать семь километров, Игорь Владимирович, — сказал полковник Славин, показывая командующему карту. — Двадцать семь километров водной преграды, это же почти Ла-Манш. Как будут обеспечены коммуникации? Линии снабжения? Эвакуация раненых?

— Мы под Ла-Маншей не стояли, товарищ полковник. — Клюев сделал этакое простецкое лицо. — Нам Ла-Манш неизвестен. А здешняя обстановка нам ясна. Дорога через Елань-озеро одна — по воде. Все прямо и прямо. Пойдем и ляжем.

— Артиллерийской поддержки на таком рас-

стоянии не будет, — сказал коренастый тучный полковник, начальник артиллерии. — Не достанем.

— Положить людей, майор, не хитрая штука, — сказал Славин. — А надо победить.

— Положим и победим, — сказал Клюев. — А надо будет — сами ляжем.

— Это абсурд, — сказал Славин. — Ставка никогда не утвердит такой операции.

— Пойдемте с нами, товарищ полковник, — сказал Шмелев. — Пойдемте и проверим, абсурд или нет.

— Весьма сожалею, капитан, но я не сторонник авантюр. Смерть никогда не считалась доблестью военного искусства.

Прощаясь с командирами, Игорь Владимирович протянул руку Шмелеву:

— Я подумаю над вашим предложением, капитан. Помните Парфино? Я жалею, что тогда не послушал вас.

— Я готов хоть завтра форсировать озеро, товарищ генерал, — сказал Шмелев.

— Не спешите, капитан. Прежде надо накопить силы.

— Я готов, — упрямо повторил Шмелев. — У меня сил достаточно.

— Ой, капитан, не шутите со своим генералом. — Игорь Владимирович улыбнулся и вскочил на лошадь.

— Я не шучу, товарищ генерал, — ответил Шмелев. — Я вообще шутить не умею.

Дорога уходит вдаль, петляет, ведет за собой. Вышла на большак, потом на шоссе, потом опять проселок с васильками, через лес, мимо пруда, мимо кладбища. Дорога нескончаема, мы идем по ней весь век наш и оставляем по пути живых. В кюветах опрокинутые повозки, машины, лошади с вздутыми животами, солдаты с вывернутыми карманами, дети, старики, цари и рабы — дорога всех выбрасывает за обочину. Деревня обуглилась, только могильно торчат печи, и девочка Катя уже не выбежит из дома

на дорогу. Мы шли всю ночь, и еще одну ночь, догнали своих и вышли на пыльный шлях. По дороге шли коровы, большое племенное стадо, всеми брошенное, никому не нужное, забытое. Коровы были породистые и медлительные, они шли туда, куда уходили люди. Ноги у них были в кровь разбиты, они отставали от людей и скоро остались одни. Они увидели нас и остановились. В глазах у них стояли слезы, прозрачные, крупные слезы. Коровы были не доены много дней, вымя раздулось и свисало чуть не до земли, им было больно, они плакали — почему они не нужны больше людям? Они запрудили все шоссе, а мы прибавили шагу, чтобы быстрее пройти сквозь стадо. Немец выскочил из-за леса. Мы бросились врассыпную по кюветам, немец развернулся и начал бить. Плотная очередь прошила стадо. Коровы одна за другой опускались на землю и тоскливо мычали. Молодая буренка опустилась рядом со мной в кювет, словно прилегла, и тяжело дышала. Пуля прошла сквозь вымя, розовое молоко било вверх фонтаном прямо на мои сапоги. Вымя оседало, как лопнувший шар, а молоко все темнело, пока не стало совсем красным. Тогда она глубоко и радостно вздохнула и закрыла потухшие глаза. Ногам было сыро от молока. Коровы тоскливо мычали и смотрели нам вслед, а мы пошли своей дорогой и шли еще много дней, и опять было всякое, а коровы остались лежать за обочиной, но я никак не мог забыть, как розовое молоко хлестало фонтаном,— тогда в груди зажегся огонь, он жег, сдавливал сердце и вот горит с тех пор, горит в груди, горит и не дает покоя.

глава IX

Солнце давно село, и закат погас, а Сергей Шмелев все сидел на камне у берега и смотрел в озеро. Вода лежала спокойно и казалась черной и застывшей. Небо тоже было черным, без звезд, но вода была всего чернее, и там, где она соединялась с берегом, тянулась неровная черная линия, а влево от нее в темной глубине берега угадывался черный остов маяка. Джабаров стоял рядом, Шмелев не видел его в темноте, но чувствовал его и даже знал, что

Джабаров стоит прямо, положив руки на автомат, и тоже смотрит в озеро. Кругом было тихо и спокойно. Шмелев прислушался.

— Хенде хох! — раздалось сзади.

Джабаров резко повернулся, было слышно, как захрустела под его ногами галька, щелкнул затвор автомата. Шмелев негромко засмеялся.

— Чего смеешься? — спросил тот же голос.— Вот возьму тебя и съем.

— А я слышал, как ты подходил, — сказал Шмелев.

— Неправда,— сказал из темноты Чагода.— Меня никто не слышит.

Джабаров снова захрустел галькой и затих.

— Ты у пня наступил на сучок, а потом задел за пень сапогом.

— Скажи, какой ушастый парень.— Чагода возник из темноты, положил руку на плечо Шмелева, сел на камень.— Во всей армии меня никто не слышит. Не учел, что ты такой ушастый парень, а то бы и ты меня не услышал.

— А вот я услышал.

— Держи. Раз ты такой ушастый парень, держи крепче.

Шмелев нащупал в темноте пачку папирос.

— Какие? — спросил он.

— «Катюша». Самая подлинная.

Шмелев вытащил папиросу, протянул пачку обратно в темноту.

— Как жизнь, комбат? Рассказывай, как живешь.

— Охраняем берег от захватчиков.

— И как? Не скучно так охранять?

— Пятый месяц стоим. Привыкли. А когда совсем невмоготу становится, зову Обушенко, идем стрелять в консервную банку.

— Ай да парни, что за молодцы! — Чагода чиркнул зажигалкой и поднес ее к лицу Шмелева.— Дай хоть посмотреть на тебя, на такого молодца.

Шмелев увидел, что кончики пальцев у Чагоды чуть дрожат.

— Устал? — спросил Шмелев.

— Ты расскажи сначала, как вы в банку стреляете? — Чагода засмеялся.

— Берем банку американскую, содержимое предварительно съедаем, а банку вешаем на сучок и стреляем с двадцати метров. Весьма полезно для нервов.

— Американскую? Ай да молодцы! Мне бы с вами пострелять.

Чагода снова чиркнул зажигалкой, прикурил папиросу.

— Давно к тебе собирался,— сказал он.— Генерал рвет и мечет — давай ему языка. И чтоб непременно из Устрикова.

— А ты меня попроси — я достану.

— Ишь ты! Какой ушастый. А я ушастей тебя. Хочешь, пачку папирос тебе подарю?

— Давай.— Шмелев нащупал в темноте пачку, сунул ее в карман шинели.

— Ну как? Научился вспоминать?

— Смотря что...

— Слушай, Сергей, ты один? — Чагода затянулся; лицо его было строгим и задумчивым.

— Почему один? У меня целый батальон. И Джабаров рядом. Мы с ним всегда вместе.

— Я не о том. Вообще. На гражданке. Дома. Один?

— Там один.

— И никого не было?

— Была... Невеста...

— Где же она?

— Война... Потерялись...

— Любила тебя? Расскажи.

— Нет.

— Что — нет? Не любила?

— Рассказывать не буду. Понял?

— Еще нет.

— Я забыл, понимаешь? Забыл все, что было там. Ведь это же было тогда, на другой планете. Я забыл, я должен забыть, понимаешь? — Шмелев скомкал папиросу и бросил ее в воду.— Даже под страхом смерти не стану вспоминать об этом. Она была, а теперь ее нет, и я не хочу, чтобы у меня была надежда. Я хочу, пока война, чтобы у меня никакой надежды не было.

— Не сердись. Откуда я мог знать?

— Все. Уже прошло. Я теперь научился. Снача-

ла было плохо. А теперь научился забывать. Теперь я один.— Он достал папиросу и закурил.— Теперь я только войну вспоминаю...

— И я один,— сказал Чагода.— Так проще. На войне. Когда один, помирать не страшно будет.

— О смерти я тоже научился забывать. Учусь.

— Ах, Сергей, сложная это наука. Не для живых. Как теперь на озере? Не очень холодно?

— Фрицы по утрам блиндажи топят. Вот-вот ледостав начнется.— Шмелев посмотрел на огонек папиросы и спросил встревоженно: — А зачем тебе знать? Разве ты не в гости приехал?

— Конечно, в гости. Куда же мне еще ехать? — Чагода напрягся всем телом и хрустнул пальцами.— Ты, я вижу, парень ушастый, а разведчик из тебя не получится. И хозяин из тебя ни на грош. К нему гости приехали, хоть бы ужином угостил. Сам говоришь, ночи холодные стали.

— Джабаров,— сказал Шмелев,— иди к старшине, распорядитесь там. Мы скоро придем.

Было слышно, как Джабаров четко повернулся и галька захрустела под его сапогами — с каждым шагом тише.

— Судаком тебя угощу,— сказал Шмелев.

— Судак по-польски,— сказал Чагода.— Хорошая закуска.

— А есть? — спросил Шмелев.

— У разведчика всегда есть. Держи.— Шмелев нащупал в темноте флягу и взял ее. Фляга была холодная и тяжелая. Шмелев сделал несколько глотков, передал флягу Чагоде.

— Что же там генерал? — спросил Шмелев.— Зачем ему язык нужен?

— Тыловая крыса ему нужна, а не язык. Тыловая крыса с железной дороги. Тыловая крыса, которая знает пропускную способность,— вот что ему надо.— Чагода снова стал пить.— Задумал операцию. Сидит над картой и дымит. Разрабатывает свою гениальную операцию. Любит над картой сидеть. Голова.

— А когда приказ будет, не знаешь?

— Не торопись. Он там все разработает, стрелки нарисует, а вы потом по этим стрелкам пойдете и ляжете.

— Уж лучше пойти и лечь, чем в американскую банку стрелять. Дорога эта важная — за нее можно и лечь. Я его понимаю.

— Смотри, какой стратег выискался. Это тебе не в банку стрелять. Расскажи, как ты тут за всю армию командовал, когда генерал к вам приезжал? Всю армию, говорят, хотел положить за Устриково.

— Уже легенды пошли?

Над озером зажглась далекая зеленая звезда. Она поднялась круто вверх, описала дугу и стала падать в озеро, потом соединилась со своим отражением и погасла.

— Откуда бросает? — спросил Чагода.— Не из Устрикова?

— Ближе. Из Красной Нивы,— ответил Шмелев.

— А из Устрикова бросает? — спросил Чагода.

— Там меньше,— сказал Шмелев.— Там совсем редко.

— А тут часто? — спросил Чагода.

— А тебе зачем? — с подозрением спросил Шмелев.

— Это он меня боится,— сказал Чагода,— оттого и бросает. Боится, как бы я не подполз к нему и не украл его. Не хочет, чтобы я его крал. На. Хлебни еще.

Шмелев нащупал влажную флягу и сделал глоток.

— Значит, боится, если бросает,— продолжал Чагода.— А я его не боюсь. Я двадцать фрицев приволок. Ох и боялись они меня, дотронуться тошно, а я их все равно приволок.

— Ты молодец, что приехал ко мне. Я страшно рад, что ты приехал.

— Я тоже. Давно к тебе собирался.

— А я тебя ждал. Знал, что ты приедешь.

— Вот я и приехал.

— Хочешь еще?

— Нет. Мне хватит. Сегодня хватит.

Шмелев положил флягу на колени. Голова у него согрелась, и мысли стали спокойными и простыми. Ему было приятно, что капитан Чагода сидит рядом на камне, а потом они пойдут в избу, зажгут лампу и будут еще долго сидеть, есть рыбу и разговаривать о всяких мудрых вещах.

— Который час? — спросил Чагода.

— Куда торопиться? Сиди.

— Эх, парень! Какой парень пропадает ни за грош в обороне.— Чагода легко и пружинисто встал.

— Тогда пойдем судака есть,— сказал Шмелев и тоже поднялся.

На столе дымилась огромная сковорода, широкие румяные судаки были плотно уложены на ней. На краю стола стояла лампа из медной гильзы, и тонкое лезвие огня часто вздрагивало и потрескивало. Старшина Кашаров резал финкой хлеб и сало и раскладывал куски на газете.

Чагода сел за стол, положил подбородок на руки. Шмелев увидел его усталые печальные глаза.

— Налить? — спросил Шмелев, поднимая флягу над столом.

— Сегодня хватит.— Чагода опустил руки, зажал большие пальцы в кулаки и громко хрустнул пальцами, как там, на берегу.

— Тогда ешь,— Шмелев подвинул сковороду Чагоде.

Чагода разжал кулаки, взял кусок жареной рыбы. Судак легко переломился и хрустнул.

— Войновский,— позвал Шмелев.

Войновский вошел в комнату и приложил руку к фуражке.

— Бери кружку. Садись, — Шмелев подвинулся. Войновский пошел в первую комнату и вернулся с кружкой в руках.

Шмелев разлил водку в кружки.

— Выпьем за моего друга, капитана Чагоду. За тебя, Николай.— Шмелев поднял кружку над столом и посмотрел на старшину Кашарова: — А тебе что, особое приглашение надо?

— За ваше здоровье, товарищ капитан,— сказал Войновский и долго держал кружку у рта, с каждым глотком все выше запрокидывая голову.

Старшина Кашаров выпил стоя, крякнул и сказал:

— Кушайте рыбку, товарищ капитан. Свежая, после обеда наловленная.

— Живы будем — не умрем,— сказал Чагода и принялся есть рыбу.

— Скажите, товарищ капитан,— сказал Войнов-

ский,— о Куце и его разведчиках нет никаких сведений?

— А тебе какие сведения нужны? Какие такие сведения ты хотел получить? — Чагода зло смотрел па Войновского, а тот смущенно молчал, не понимая, почему сердится Чагода.— Нет, ты ответь мне: какие тебе сведения нужны? А-а, не знаешь? Тогда молчи.

— Я думал, может, они другой дорогой вернулись?

— Ты когда-нибудь видел, как с того света возвращаются? Туда дорог много, а обратно никакой.— Чагода так же внезапно перестал сердиться, лицо его расплылось в улыбке.— Ай судак! Какой судак! Генеральский! Просто генеральский судак.

— Возьмите еще, товарищ капитан,— сказал Кашаров.

— Плесни пару капель.

Шмелев удивленно посмотрел на Чагоду, а тот продолжал улыбаться. Только в глазах спряталась тоска.

— Чудак. Сам же говорил: ночи холодные.

— У меня тебе не будет холодно. — Шмелев налил в кружку из фляги.

— Сейчас печку для вас затопим, товарищ капитан,— сказал старшина Кашаров.

Чагода поднял кружку над столом и засмеялся:

— Чудаки вы, ребята. Честное слово. Хорошие вы ребята, но чудаки. Пью за чудаков.

— Сам ты чудак порядочный,— сказал Шмелев и чокнулся с Чагодой.

Чагода поставил кружку на стол и расстегнул ворот гимнастерки.

— А все-таки плохо, когда человек один,— сказал он.— Человек должен иметь продолжение, тогда жизнь не кончится. А когда человек один, продолжения нет.

— Теперь я знаю,— сказал Шмелев.— Ты не чудак. Ты философ.

— Подтверждаю: человек должен продолжать себя.

— Вот кончим войну и заведем себе продолжение. Как вернемся домой, ничего не будем делать — только продолжать себя. С утра до вечера только и

будем делать продолжение. Ничего больше не будем делать.

— Молодец, комбат. Ты у меня умница. Просто удивительно, какой ты умник. Спасибо за хлеб-соль.— Чагода ловко перекинул ноги через скамейку, по-кошачьи прошелся по избе, а посреди избы вдруг нагнулся, закинул руки за спину и начал стягивать с себя гимнастерку. Оставшись в одной тельняшке, он выпрямился, хитро посмотрел на Шмелева.— Ах, какой умник! Держи-ка.— Чагода перебросил гимнастерку через стол.— Пора.

Шмелев поймал гимнастерку, зажал в руке. Гимнастерка была теплой, ордена негромко звенели, касаясь друг друга, а сам он стал вдруг совершенно трезвым и ругал себя последними словами.

— Беклемишев! — крикнул Чагода.

Из первой комнаты, где ужинали разведчики, появился маленький юркий сержант; в руках у него — старая засаленная телогрейка. Чагода надел телогрейку, перетянул себя ремнем и стал прыгать легко и бесшумно.

— Где «Чайка»? — спросил он, не переставая прыгать.

— Лодка стоит у берега, товарищ капитан,— сказал Беклемишев.

— Отвечай, Сергей, идет ко мне походный костюм? Вот так, комбат. Давай продолжай. Кому в банку стрелять, а кому на работу. Постреляй тут за меня в банку со своим распрекрасным Обушенко.

— Что ж, пошли.— Шмелев положил гимнастерку на край стола и первым пошел к двери.

Лодка сразу же растворилась в темноте, как только Шмелев изо всех сил оттолкнул ее руками от берега. Но тихий плеск еще доносился оттуда, куда ушла лодка,— то ли весла ударяли по воде, то ли волны плескались о борт. А может, это озеро шумело и глухо играло, провожая в последний путь капитана Чагоду? Шмелеву стало вдруг жутко оставаться на берегу.

— Чагода-а-а! — закричал он.

— Да-а-а,— донеслось из черной темноты, и больше ничего не было слышно.

Далекая зеленая звезда косо поднялась над озером, упала и погасла.

Дорога уходит все дальше и дальше.

Черные танки шли по пятам, мы грудью встречали их, и нас оставалось все меньше на этой смертной дороге. Но мертвые передали нам свою ярость, и мы продолжали стоять. Вечером танки пошли на нас в пятый раз за этот день, а нас осталось только двое: я и наш политрук Гладков, веселый силач Валька Гладков; он нас учил на занятиях — будем бить врага малой кровью на его территории, а мы уже были черт знает где. Валька не выдержал, схватил последнюю гранату и пошел на танк. Граната мимо, а танк по Вальке. Я сидел в ровике, пока все танки не прошли, потом выглянул наружу: Валькин ремень со звездой распластался на песке, а на ремне след гусеницы, пятна крови. А Вальки нет — неужели?.. И тут я увидел Вальку у раздавленной березы. Танк прошел, березка снова стала распрямляться, открывая Вальку. «Валька, Валька!» Он все-таки услышал, открыл глаза и посмотрел на свою ногу — ноги не было. Даже песок не успевал впитывать Валькину кровь, а сам он сделался совсем белый. «Мало крови, может, ничего»,— сказал он и затих, но в человеке, оказывается, хранится очень много крови. Вальки уже не было, а кровь еще текла. Я сидел и смотрел на Вальку, пока двигалась его кровь и что-то живое оставалось от него, потом схватил винтовку и побежал через лес в местечко. Танки уже прошли, пусто, тихо. За забором сараи стояли, длинные, без окон, я перемахнул — и туда. Тут навстречу в раскрытые ворота мотоциклист в черном френче, в больших очках; я пустил в него пулю. Мотоцикл вильнул, повалился, черный растянулся на асфальте. Распахнул дверь, вбежал в сарай. Боже мой, на полках аккуратно сложены штаны и гимнастерки, тысячи штанов и гимнастерок, в другом ряду стоят сапоги — тысячи сапог. А мы в то утро выскочили на улицу босиком, в одних кальсонах — и все это лежало на полках в сарае без окон, и черный мотоциклист валялся на асфальте, и колесо еще крутилось. Я поднял канистру, стал плескать бензин на гимнастерки и штаны, побежал в конец сарая, пока бензин не кончился. Чиркнул спичкой, огонь побежал по мокрому, взвился на полки, загудел, жарко опалил лицо. Я схватил два сапога, вы-

скочил на двор — колесо уже не крутилось, а черный продолжал лежать. Забор, улица, ограда, огород, стреляют, я, задыхаясь, лежу в овраге — черный дым столбом стоит над складом. Я отдышался и побежал по полю, оглядываясь на дым, чтобы не потерять направления. Сапоги мои совсем износились, и палец вылез наружу, а те я бросил в овраге, потому что все на свете перемешалось и оба сапога оказались на левую ногу.

глава X

— Я не могу воевать в такой обстановке! — кричал Стайкин с порога; он только что вошел в избу и обивал снег с сапог.

— Чем тебе плохо так воевать? Скоро на лыжах пойдем,— это сказал Молочков, прибывший с недавним пополнением.

— Ему ванна горячая нужна.

— А холодной не хочешь? Со снежком.

Солдаты смеялись.

Шмелев сидел за столом, как и позавчера, когда уходил Чагода, и смотрел в окно на падающий снег. А на месте Чагоды, положив руки на стол, сидел Войновский. С выражением покорного отчаяния Войновский говорил:

— Товарищ капитан, нельзя же так. Вам надо прилечь. Ложитесь, товарищ капитан. Хотя бы на часок. А я пойду на берег.

Снег за окном падал густо и неторопливо. Он ложился на землю и тут же таял, но падал свежий снег — белые пятна возникали на земле: снег оставался на пнях, под стеной сарая, на куче хвороста, на камнях у маяка, а Шмелев сидел и смотрел, как падает снег. Достал пачку, увидел, что там осталась одна папироса, сунул пачку в карман.

— Один часок, товарищ капитан, я прошу вас. Я скажу Джабарову, чтобы он постелил.

Солдаты в первой комнате продолжали разговор.

— Я не могу воевать в такой обстановке. Я требую, чтобы мне создали условия.

— А какие тебе нужны условия? — снова спросил Молочков.

— Ему в медсанбат захотелось, к сестричкам.

— Отставить разговоры! — Стайкин просунул голову в дверь, посмотрел на Шмелева, а потом отошел и встал боком, так, чтобы видеть через дверь капитана.

Солдаты приготовились слушать.

— Товарищи солдаты и старшины,— с выражением сказал Стайкин.— Докладываю. Для войны мне нужны следующие условия, самые нормальные и простые. Во-первых...— Стайкин поднял руку и загнул мизинец.— Во-первых, товарищи солдаты и старшины, мне нужен для войны противник, или, по-нашему, фриц, потому что, когда противника нет, я воевать просто не в состоянии. Дайте мне противника. Чтобы у него автомат — у меня автомат. У него танк — и у меня танк. Тогда я могу воевать на равных. Но это еще не все, товарищи солдаты и старшины.— Стайкин загнул безымянный палец, посмотрел через дверь на Шмелева.— Во-вторых, мне нужен для войны командир. Чтобы он распоряжался мной и думал за меня. «В атаку!» — и я в атаку. «Ложки в руки!» — и я работаю ложкой. Очень мне нужен командир, потому что на войне я органически не способен думать.

— А в-третьих? — спросил Войновский. Он встал из-за стола, подошел к двери и стоял, опершись на косяк и слушая Стайкина.

— Разрешите доложить, товарищ лейтенант. В-третьих, мне нужен тыл. Чтобы письма получать оттуда, посылки с вышитыми кисетами и запахом женских рук. Тыл мне нужен, чтобы оттуда шли ко мне боеприпасы, теплые подштанники и американская тушенка. Потом мне нужен тыл, чтобы было куда драпать в случае неприятностей. Если мне есть куда драпать, мне воевать спокойнее. Вот мои три условия, товарищи солдаты и офицеры, и я требую, чтобы мне их создали. В противном случае я пишу рапорт и подаю в отставку. У меня все.

— Вот это дал прикурить!

— Чего же тебе не хватает? Тыла тебе мало? И так в тылу сидим.

— Ты к Гитлеру обратись, пусть выделит для тебя противника.

Войновский покрутил ручку телефонного аппарата. Трубка сухо трещала. Маяк не отвечал.

— Плохая видимость,— негромко сказал Шмелев. Он сцепил пальцы рук и положил на них подбородок.

— Маяк, почему не отвечаешь? Доложи, что видишь на озере. Лодки не видишь?.. Как кто спрашивает? Капитан спрашивает... Он и так знает, что плохая видимость. Надо смотреть лучше — тогда увидишь. Ясно?

Солдаты в соседней комнате замолчали и слушали, как Войновский говорит с маяком.

— Подожди минуту.— Войновский отставил трубку от уха и посмотрел на Шмелева.— Будете говорить с маяком, товарищ капитан?

Шмелев ничего не ответил. Подбородок его соскользнул с руки, голова скатилась набок. Он спал.

— Значит, так,— тихо сказал Войновский в трубку.— Приказано усилить наблюдение. Ясно? — Он положил трубку, вышел в первую комнату и прикрыл за собой дверь.

— Заснул,— сказал он.

— Теперь уж не дождаться, товарищ лейтенант,— сказал Маслюк, доставая из кармана кисет.— Из этого Устрикова еще никто не возвращался.

— Сначала Куц, теперь капитан,— сказал Войновский.— Если что — я буду на берегу.

Метрах в ста от берега сквозь падающий снег была видна вода, она двигалась и колебалась, а между ней и берегом широкой полосой снег лежал прямо на воде. Войновский спустился вниз и осторожно ступил на снег. Лед легко выдержал его. Войновский остановился, пораженный, потом сделал несколько шагов, разбежался и покатился по льду, оставляя за собой темную гладкую полосу — лед под снегом был гладкий и почти прозрачный. Войновский катился по льду, забавляясь и не подозревая о том, что он первым покидает этот опостылевший берег. Лед сухо затрещал под ногами, Войновский остановился, постоял, потом снова разбежался и покатился к берегу.

Солдаты в избе курили.

— Вот поставят нас на лыжи и скажут: иди,—

говорил Молочков.— Еще в запасном полку сказывали: наступление скоро откроют.

— А мы специально тебя дожидались,— сказал Стайкин и показал Молочкову гримасу.— Эх ты, мастер лыжного спорта!

Солдаты засмеялись.

— Тише вы,— сказал Джабаров.— Капитан спит.

— Гиблое место это Устриково,— сказал Маслюк.— Не хотел бы я туда идти.

— Старший сержант, расскажи что-нибудь веселенькое.

— Предварительные заказы принимаются только по телефону.

— Расскажи про Шестакова. Как он наряд от старшины получил.

— Про топор?

— Давай про топор.

Солдаты усаживались поудобнее, готовясь слушать. Стайкин потянулся, громко зевнул и лег на нары.

— Давай. Что же ты? — попросил Молочков.

— Не хочется,— сказал Стайкин.— Скучно что-то.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

НО ЭТОТ ШАР НАД ЛЬДОМ
ЖЕСТОК И КРАСЕН,
КАК ГНЕВ, КАК МЕСТЬ,
КАК КРОВЬ.

А. БЛОК

глава I

Батальоны выходили на лед Елань-озера ровно в полночь, как было намечено по графику. Где-то за облаками висела невидимая луна, остатки рассеиваемого ею света просачивались сквозь слой облаков на землю, и снег отражал их. Черная ночь становилась темно-серой: фигуры людей в маскировочных халатах казались темно-серыми, и черные стволы автоматов тоже были темно-серыми — плотная темно-серая масса стлалась вокруг. Впрочем, и луна учитывалась графиком, и было точно известно, что через пять с половиной часов, когда батальоны будут подходить к вражескому берегу, луна уйдет за линию горизонта, и тогда в нужный момент придет абсолютная темнота.

Батальоны выходили к Елань-Озеру по замерзшему извилистому руслу Словать-реки, будто живая река мерно лилась меж берегов к озеру, а под ногами людей, подо льдом туда же бежала холодная вода и тоже вливалась в холодное озеро.

Шмелев увидел впереди глубокое пространство и оглянулся. Позади был виден изгиб колонны, темно-серые фигуры людей и темно-серый берег, уходящий в темноту. Шмелев поднял руку и сказал вполголоса: «Стой!» Команда повторилась, пошла, затихая, вдоль колонны, и было слышно, как не сразу останавливается вытянувшаяся колонна и затихают звуки движения.

Из мглы возникла высокая тень — перед Шмелевым вырос человек в кубанке и в полушубке.

— Старший колонны? К генералу. — Человек в кубанке повернулся и побежал к берегу.

У подножия маяка плотно стояла группа людей в коротких бараньих полушубках. Они были без

маскировочных халатов, и это отличало их от всех остальных, кто находился на берегу в эту глухую ночь. Один из них, в высокой, заломленной назад папахе, стоял в центре группы. Шмелев остановился и доложил, что первый батальон вышел на исходный рубеж.

— Вот и дождались, Шмелев, — сказал командующий, папаха закачалась в серой мгле.

— Дождались, товарищ генерал. Назад дороги нет.

— Только вперед, — живо сказал Игорь Владимирович. — Надеюсь, я дождусь к утру хороших известий. Что вы перерезали дорогу и сидите на ней. — Папаха снова задвигалась в темноте. — Вопросы есть?

— Никак нет, товарищ генерал. Солдат должен знать, на что он идет.

— Прекрасно сказано, капитан. — Игорь Владимирович сделал шаг вперед и оказался совсем близко со Шмелевым. — А генерал, со своей стороны, знает, на что он посылает вас, можете не сомневаться в этом. Вы понимаете — сейчас я не могу сказать всего. Вы узнаете свою задачу, когда выполните ее.

— Игорь Владимирович, — сказал человек, стоявший рядом с командующим, — вы не забыли?

— Да, Шмелев, — сказал командующий. — Полковник Славин пойдет с вами.

— Товарищ генерал, — быстро сказал Шмелев, — разрешите доложить. Первый батальон полностью укомплектован командирами. — Шмелев сам удивился тому, какой у него холодный и ровный голос, хотя внутри у него все задрожало.

В группе вокруг командующего произошло движение. Игорь Владимирович сделал шаг назад.

— Командир бригады болен и не может пойти с вами. Полковник Славин будет моим представителем. Ему не нужны вакантные должности.

— Товарищ генерал-лейтенант, — сказал Шмелев, — разрешите в таком случае сдать батальон полковнику Славину и остаться на берегу.

— Вы понимаете, капитан, о чем просите?

— Понимаю, товарищ генерал. И прошу вас понять меня.

— Хорошо, — медленно сказал Игорь Владимирович. — Я надеюсь, вы до конца понимаете это. Идите, капитан.

Шмелев отдал честь и быстро побежал по тропинке. Он услышал, что кто-то бежит за ним, и прибавил шагу.

— Капитан, постойте. Товарищ капитан!..

Шмелев остановился. Человек набежал на него и встал, тяжело дыша. Он был почти на голову выше Шмелева.

— Командир дивизиона аэросаней капитан Дерябин Семен Петрович, — быстро говорил высокий. — Прибыл в ваше распоряжение для совместных действий по форсированию озера.

Высокий шагал за Шмелевым по узкой тропинке. Он был во всем кожаном и в сапогах; снег громко скрипел под его ногами. Шмелев покосился на высокого:

— Как же вы влезете в свою машину?

— Показать? — он перегнулся пополам. Ноги его взлетели вверх и закачались над головой Шмелева, потом мелькнули в воздухе, и он снова стал высоким. — Нравится? — спросил Дерябин.

— Цирк на льду, — сказал Шмелев и пошел по тропинке.

В голове колонны капитан Рязанцев неторопливо расхаживал перед небольшим строем, объясняя политрукам и комсоргам рот значение предстоящей боевой операции. Шмелев обогнул строй. Дерябин скрипел позади сапогами.

— Прошу. — Шмелев лег на снег у ящика с гранатами.

Дерябин лег лицом к нему. Джабаров воткнул между ними колышек и набросил сверху брезентовую плащ-палатку.

Шмелев зажег фонарик, осветив крышку ящика и лицо Дерябина — длинное, с острым лисьим носом и узкими скулами. На голове у него кожаный шлем, лицо от этого казалось еще более длинным и лисьим.

Они разложили карты, и Шмелев стал объяснять задачу. Высокий кивал головой, тыкал в карту острым носом и делал пометки карандашом.

— Где вы, мародеры? — Край палатки задрался, и под брезентом показалось румяное лицо Клюева.

Щурясь от света, Клюев лег рядом со Шмелевым и задышал ему в лицо.

— Зачем полез в драку? Чем тебе Славин помешал?

— Красив уж очень. Не люблю красавчиков.

— Пошел бы с нами. С нас меньше спроса.

— То-то и оно-то. — Шмелев показал карандашом на карту. — Продолжим?

— А смело вы, товарищ капитан. Я бы не решился. — Дерябин с уважением посмотрел на Шмелева.

— Сколько у тебя саней? — спросил Клюев.

— У меня саней нет, — ответил высокий. — У меня машины-аэросани.

— Сколько? — спросил Шмелев. — Быстро!

— Двенадцать машин сосредоточены в устье Словати, в хвосте колонны.

— Пойдут с нами? — спросил Клюев.

— Что вы, товарищ майор? Я же вас сразу разоблачу. Меня же за четыре километра слышно. Я вступлю с началом боя.

— По шесть штук на брата, — сказал Клюев. — Жить можно.

— Сколько раненых берете за один рейс?

— Четыре человека в кузове. И трое стоя на лыжах — если легкораненые. — Высокий подул на пальцы, согревая их.

— Не густо, — заметил Клюев.

— Скорость? — спросил Шмелев.

— До восьмидесяти.

— Боеприпасы будете разгружать в квадрате сорок семь — двадцать три, — сказал Шмелев.

— Сорок семь — двадцать три. Понятно. — Высокий клюнул носом карту. — Я вам за сорок восемь часов переброшу пятьсот тонн грузов. У меня график.

— Почему за сорок восемь часов? — спросил Клюев. — А потом?

— Как? — удивился высокий. — Разве вы не знаете?

— Что мы не знаем? Быстро! — Шмелев на-

ставил фонарь в лицо высокому, и тот снова заморгал глазами.

— Не могу знать, товарищ капитан. У меня график всего на сорок восемь часов, а потом сказано — ждать дальнейших распоряжений. А что будет с вами, не знаю. Не верите?

— Ладно, иди, — сказал Шмелев и опустил фонарик.

Высокий задом выполз из-под брезента, и было слышно, как сапоги его часто заскрипели по снегу.

Джабаров сдернул с колышка плащ-палатку и зашуршал ею в стороне. Шмелев подождал, пока глаза привыкнут к серой мгле, и поднялся.

Торопливым деловым шагом подошел Рязанцев.

— Провел инструктаж, — сказал он. — Время.

— На большом привале сойдемся, — сказал Клюев.

— Хорошо, — раздельно сказал Шмелев. — Все очень хорошо. Выхожу на лед.

А та дорога в лес вела. Старый, заброшенный помещичий дом стоял на берегу озера. Озеро крошечное, с густой черной водой, а кругом — нехоженый бор. Дом подлатали, подкрасили и присылали туда на две недели офицеров, отличившихся в боях, чтобы они были там как дома и как следует отдыхали от войны. Проклятый дом, недаром я не хотел ехать туда, но полковник сказал «шагом марш», я повернулся кругом и поехал. Неприятности пошли в первый же день. Там была палатка с пивом, совсем такая, как где-нибудь на Садовой, три пятнадцать кружка, и я так накачался, что свет стал не мил. А мой сосед капитан-мингрелец до двух часов где-то шлялся, потом явился и стал причитать, как баба: «Проклятый дом! Зачем я только приехал в этот распроклятый дом. И как я теперь к себе уеду? Погоди, ты тоже скоро узнаешь, что это за дом». Завалился на койку и давай ныть: «Я два года в окопах сидел, пять раз в атаку ходил, а в таком проклятом доме ни разу не был». Утром, слава богу, он уехал, его койку занял лейтенант из разведки; мы валялись на чистых простынях, ели три раза в день горячее, а ве-

чером пили пиво и смотрели кино. В доме отдыха была затейница Маруся, она заставляла нас играть в разные игры и делала с нами все, что хотела, потому что мы не знали, куда деваться от безделья, и все тайком были влюблены в Марусю. Она выбрала молоденького лейтенанта — и ноль внимания на остальных, а мы смотрели кино и пили пиво — не жизнь, а масленица. Потом вдруг перевалило за половину, и тут-то я вспомнил мингрельца и стал считать дни. Марусины игры осточертели, а конец все ближе. Хоть вешайся, как подумаешь, что придется возвращаться обратно. Недаром я не хотел ехать сюда, в этот проклятый дом. А там был директор, толстый такой, в очках, тоже сволочь порядочная. Мы уже собрали мешки и пошли, он вышел за нами на крыльцо и кричал вслед: «До свиданья, товарищи. Крепче бейте фашистских гадов, гоните их с нашей родной земли и скорее возвращайтесь с победой». И ручкой помахал на прощанье. Мы пошли на дорогу ловить машины — и никто не набил морду этой сволочи, хоть плачь. Долго не мог забыть этого дома, целый год мерещился в окопах.

глава II

Берега Словати незаметно разошлись в стороны, и справа и слева почувствовалось такое же безбрежное смутное пространство, какое было впереди. В правую щеку дохнуло ровным несильным ветром, дорога стала крепче и жестче. Батальон вышел на лед и начал вытягиваться в походную колонну.

Шмелев оглянулся. Высокий силуэт маяка растаял во мгле — русская земля закрылась темнотою, под ногами уже не земля, а лед, и кругом мгла, смутная и тяжелая, а еще дальше, за этой незнаемой мглой лежит чужой далекий берег, который нужно завоевать, отдать за него много человеческих жизней, чтобы он перестал быть чужим.

Рота за ротой вытягивались в линию. Головной отряд уже прошел около километра, а замыкающие только выходили на лед, и за первым батальоном начинал выходить второй.

Солдаты сходили на лед с тревогой и удивлением. Им было непонятно и странно, как можно было идти в таком множестве по тонкой пленке замерзшей воды. Десять метров воды было под ногами солдат, и одно это делало необычным все остальное. Но то, что солдаты не решились бы сделать в одиночку, они делали сообща, объединенные приказом. Они прошли километр, второй, третий — и ничего не случилось. Лед был толстый, пупырчатый, крепкий. Он прочно держал идущих. С каждым километром солдаты шли уверенней и спокойней, забыв все прежние страхи и не думая, не ведая о том, что через несколько часов лед заходит под ногами, разверзнется, а вода забурлит, вспыхнет огнем, и тогда солдаты узнают, как тяжело бывает, когда под ногами нет земли, но, как водится на войне, солдаты обо всем узнают последними.

Уже оба батальона вытянулись в походную колонну — прямую как стрела на штабной карте. И там, где было острие этой стрелы, шагал капитан Шмелев. Он двигался навстречу серой мгле, раздвигая ее движением своего тела, и по глухому шороху льда, по осторожному лязгу железа чувствовал за собой движение сотен людей, которые шли по льду, зная, что он впереди.

Солдаты второй роты шли в середине батальонной колонны, а взвод Войновского двигался в середине роты. Войновский шагал сбоку. Солдатские мешки торчали под маскировочными халатами, и широкие горбатые спины мерно качались в такт шагам.

Войновский узнал Шестакова, ускорил шаг и вошел в колонну. Шестаков поправлял вещевой мешок, осторожно двигая спиной и вывернутыми назад руками.

— Звякает, — сказал он. — Переложу на привале.

Кругом была тугая мгла, и, если долго всматриваться в нее, начинало казаться, что там, в серой глубине, что-то шевелится и ворочается. И вдруг Войновский увидел темный продолговатый шар, быстро катившийся по льду. Шар подкатился к Шестакову и стал прыгать, издавая скулящие звуки.

Шестаков поймал прыгающий шар и, оглядываясь по сторонам, быстро спрятал его за пазуху.

— Как же он нашел нас? — удивился Войновский.

Ганс скулил и шевелился под халатом.

— Что такое? Откуда? — Комягин набежал сзади на Шестакова, протянул руку и тотчас отдернул ее, услышав рычание, которое исходило из груди Шестакова.

— Не бойтесь, товарищ лейтенант. Гансик это. Нагнал нас.

— Пять минут сроку, — свистящим шепотом сказал Комягин. — Лейтенант Войновский, вы слышите? Убрать!

— Конечно, Борис, конечно, мы сделаем. Не беспокойся, я понимаю, мы сделаем... Надо что-то предпринять, — Войновский обернулся.

Солдаты молча шагали, опустив головы, и не смотрели на Войновского. Ганс перестал скулить и неслышно сидел за пазухой.

— Товарищ лейтенант, — быстро сказал Шестаков, — отпустите меня.

— Куда?

— С Гансом. На маяк. Мы ведь еще недалеко ушли, товарищ лейтенант. Я быстро обернусь. Привяжу там — и обратно.

— А мешок ко мне на волокушу положишь, — сказал Маслюк; он шагал впереди Шестакова, за волокушей.

— Хорошо, — сказал Войновский. — Только, пожалуйста, нигде не задерживайтесь.

— Я мигом обернусь. Привяжу на ремешок — и обратно. Я на большом привале вас догоню, — торопливо говорил Шестаков, вытягивая свободной рукой мешок из-под халата. Маслюк взял мешок, и Шестаков выбежал из колонны.

— Собака могла нас демаскировать, — сказал Войновский.

Ему никто не ответил.

Сергей Шмелев молча шагал в темноту. Он шел не спеша и ровно, зная и чувствуя, что не сможет уже остановиться, потому что за ним шли другие, тысячи и миллионы — все поколения людей, прошедшие и будущие, которые уже покинули землю, которые еще придут на землю, — шли рядом с ним в серую мглу, и ничто не могло остановить их. Еще

67-54

один шаг в темноту, еще один шаг... Сколько шагов осталось на долю каждого? И где та черта? У каждого своя или одна на всех?

глава III

— Так и пойдем теперь до самого Берлина, — сказал Стайкин, усаживаясь поудобнее на льду.

— Главное — направление иметь, — сказал Маслюк, — куда идешь, вперед или назад. Вот когда в сорок первом от Берлина шли, тогда страшно было. А теперь чего же бояться — на Берлин.

— А что, братцы, — удивленно сказал Ивахин, солдат из недавнего пополнения, — если Гитлер вдруг сюда, на наш фронт, приехал и мы его накроем?

— Он в Берлине под землей сидит.

— Ничего, мы его в Берлине достанем.

— А он в Америку сбежит.

— И в Америке достанем. От нас не убежит.

— Сила большая, братцы, двинулась. Третьего дня со старшиной в тылы ездили. Войска в лесу стоит видимо-невидимо. За нами, верно, пойдут.

— А может, и сбоку нас.

— Без нас разберутся. Солдату знать не положено.

— Братцы, старшина идет.

— Пламенный привет с неизвестного направления. — В темноте было видно, как Стайкин поднял руку, приветствуя старшину. — Можно считать нашу обширную винно-гастрономическую программу раскупоренной.

Солдаты сдержанно засмеялись, осматриваясь по сторонам и вглядываясь в темноту.

Был большой привал, последний перед боем, и старшина Кашаров раздавал водку и гуляш. Солдаты сидели и полулежали на льду в разных позах, почти невидимые в темноте: луна ушла за горизонт, серая мгла сгустилась и стала черной.

Волокуша, с которой пришел старшина, заскрипела и остановилась. Было слышно, как старшина откинул крышку термоса, тягучий запах вареного мяса разлился в воздухе. Солдаты задвигались, до-

ставая котелки и ложки. Старшина раскрыл второй термос, стал черпать кружкой и по очереди протягивал кружку солдатам, выкликая их по фамилиям. Солдаты, крякая, пили из кружки и протягивали котелки за гуляшом. Помощник старшины раздавал гуляш.

— Севастьянов! — выкрикнул старшина.

— Благодарю вас, товарищ старшина, — ответил голос из темноты. — Передайте, пожалуйста, мою порцию сержанту Маслюку.

— За твое здоровье, учитель, — сказал Маслюк.

— Шестаков! Где Шестаков? — кричал старшина. — Опять что-нибудь выкинул?

— Он у нас собаководом стал, — засмеялся кто-то.

— Я здесь, товарищ старшина. Не забудь меня. — Шестаков быстро подполз на коленях к термосу и сел на лед, вытянув ноги. В темноте было слышно его частое дыхание.

— Где бродишь?

— Я тут, товарищ старшина. Все время тут присутствовал. По нужде только отходил.

— Не путайся под ногами. Получил и — отходи.

— Спасибо, товарищ старшина. Будьте все здоровеньки, товарищи бойцы. — Шестаков неторопливо выпил и крякнул.

— Привязали? — тихо спросил Севастьянов.

— В сарае привязал. У нар. Я в избу-то не пошел, там генерал сидит, по радио разговаривает. А в сарае связисты остановились. Я у них и привязал. Хлеба кусочек ему оставил.

— Что же ты к генералу не зашел? — спросил Стайкин. — Посоветовался бы с ним...

— Спешил, — сказал Шестаков.

Старшина кончил раздавать водку. Было слышно, как волокуша заскрипела на льду, двигаясь вдоль колонны. Солдаты прятали котелки по мешкам, перекладывали оружие, негромко переговаривались меж собой.

— Шестаков, — сказал вдруг Стайкин, — вот ты везучий, две войны прожил. А ответь мне — в смертники пошел бы?

Перед боем не принято говорить о смерти. Сол-

даты замолчали, удивленные вопросом и чувствуя, что Стайкин задал его неспроста. Волокуша с термосами перестала скрипеть в отдалении. Стало тихо.

— Какие смертники? — спросил Шестаков.

— Самые обыкновенные. Как у самураев, слыхал? Он, значит, записывается в смертники и клятву дает — идти в подводной лодке на американцев. А ему за это дают миллион и баб сколько хочешь. Но времени — в обрез: всего три месяца. Ешь, пей, гуляй — миллион в кармане. Три месяца живешь, а потом пожалте бриться — прямым курсом в Америку.

Солдаты задвигались, подползая ближе к Стайкину. Кто-то звякнул котелком, и на него сердито зашикали.

— А надежда есть? — спросил Шестаков.

— Вернуться? Никакой. Три месяца прожил, как франт, миллион в трубу — и прощай, мама. Взрываешься вместе с Америкой.

— Ты это сам придумал или читал где? — спросил Шестаков, поправляя под собой мешок.

— Такие смертники в японской армии называются камикадзе, — сказал из темноты Севастьянов. — Подвиги камикадзе воспеваются в легендах, душа его после смерти зачисляется в рай, а жена и дети, оставшиеся на грешной земле, получают поместье, дворянское звание и пожизненную пенсию.

— Вот видишь, — заметил Стайкин. — Умный человек подтверждает.

— Так, понятно, — сказал Шестаков, подумав. — Нет, не пошел бы. Очень интересно, не пошел бы.

— Ну и дурак, — сказал Стайкин. — Не хочешь за миллион, задаром убьют.

— Убьют не убьют, а надежда есть. Может, и выживу.

— За смерть-то и нашим вдовам заплатят, — сказал Ивахин.

Из темноты подул ветер, и солдаты стали поворачиваться, подставляя ветру спины и загораживая друг друга своими телами. Шестаков пообещал к утру мороз, и ветер показался солдатам еще более холодным, несмотря на выпитую водку.

— Скоро ли пойдем, братцы? На ходу не так зябко.

— Привал сорок минут.

— А я пошел бы, — сказал Стайкин.

— Куда? — спросил Шестаков.

— В смертники.

— И как бы ты с миллионом распорядился? — быстро спросил Шестаков. — На что тебе столько денег? Лишние деньги — лишняя забота.

— У меня все разработано. — Стайкин хлопнул ладонью по колену. — Вот зовет меня к себе комиссар и говорит: «Ну как, товарищ старший сержант Стайкин, пойдете в смертники?» — «Пишите, товарищ комиссар, я согласен». — «Спасибо, товарищ Стайкин, я знал, что вы бесстрашный воин. Вот я ефрейтору Шестакову предлагал. И сержанту Маслюку. Отказались, представьте. Темные люди, цену жизни не понимают. А вы, товарищ Стайкин, человек с понятием. Пишу вас под номером первым». И тотчас меня на самолет — в Москву на обучение. И миллион в зубы. Скинул я свой маскхалат бэу *, нарядился как фраер — галстук нацепил, брюки-клеш, сорок сантиметров. И миллиончик в кармане. Брожу по «Гранд-отелям» и «Метрополям» — до войны бывал, порядки знаю. У меня в пяти ресторанах столики заказаны, лучшие места, у эстрады. Приду не приду, а стол мой должен стоять в ожидании. Накрыто все как полагается — с коньяком и ананасами. И табличка: «Стол занят». Всюду меня ждут, чаевые подбирают. Шампанское — рекой; я пью, гуляю. Нанял лично этого самого, рыжего, который о любви и дружбе поет. Он передо мной изображает под гитару: «Когда простым и теплым взором...» А кругом девочки, пальчики оближешь. Я только мигну, и она со мной удаляется. А какая у меня постель — мечта с балдахином. И на этой постели они меня любят в лучшем виде. Ох и любят — им ведь тоже интересно с будущим мертвецом переспать, хотя я держусь в секрете и только намекаю. За неделю сто тысяч прожил — часы, чулочки, рубашечки шелковые. Ну, в Большой театр, разумеется, хожу — для общего развития. Опера

* БУ — бывший в употреблении. *(Прим. авт.)*

Бизе «Кармен». А потом эта Кармен поет мне персональную арию. Принимаем с ней ванну из шампанского в апартаментах. Вот это жизнь! И вот наступает торжественный момент, натягиваю снова свой маскхалатик бэу, сажают меня в самолет, и получаю я курс на самую что ни на есть наиважнейшую цель и взрываюсь вместе с нею. Хоть будет о чем вспомнить за минуту до смерти. Тут третий год ишачишь без выходных в три смены, и все время над тобой смерть висит. А там все рассчитано по графику: погулял, округлил миллиончик — и расплачивайся. Один раз за все. Прощай, мама, прощай, любимая Маруся. Не забывайте вашего Эдуарда.

Солдаты слушали Стайкина, пересмеиваясь, вставляя соленые словечки и шуточки, но, когда Стайкин закончил, никто не смеялся. Все сидели молча и задумчиво.

Впереди послышалась далекая команда; повторяясь, она приближалась и с каждым разом становилась явственней и громче:

— Приготовиться к движению!

Солдаты неторопливо поднимались, забрасывали на плечи вещевые мешки, подтягивали ремни.

Вражеский берег был теперь на расстоянии одного солдатского перехода, и в той стороне, где находилась голова колонны, низко над горизонтом время от времени поднимались разноцветные ленты ракет.

Борис Комягин и Юрий Войновский двигались навстречу колонне, возвращаясь с совещания, которое проводил капитан Шмелев на привале.

— Письмо сегодня получил, — сказал Войновский.

— Из Горького? От нее?

— Разумеется.

— Понятно, — сказал Комягин. — Письмо перед боем — хорошая примета.

Комягин остановился, пропуская колонну. В густой темноте ночи двигались по льду плоские черные тени. Они были расплывчатыми и неясными, цеплялись одна за другую, сливались в сплошную черную полосу, и казалось, внутри этой бесконечной черной полосы что-то колеблется, переливается, издавая протяжные скрипучие звуки.

— Что это? — Комягин сделал шаг в сторону колонны, и Войновский увидел, как из черной движущейся и колеблющейся полосы выделилась плоская тень, быстро прокатилась по льду, сломалась пополам и снова распрямилась.

— Шестаков, ко мне, — тихо позвал Комягин.

Шестаков подошел, прижимая руки к груди. Комягин протянул в темноте руку и быстро отдернул ее, услышав рычание.

— Лейтенант Войновский, — злым свистящим шепотом говорил Комягин, — почему не выполнили мой личный приказ?

— Я бегал, товарищ лейтенант, бегал, — быстро говорил Шестаков, — а он опять, товарищ лейтенант...

— Это правда, Борис. Я отпускал Шестакова, и он отнес Ганса на маяк. Не понимаю, как он здесь оказался.

— Ремешок он перегрыз, товарищ лейтенант. Вот он, кончик. Перегрыз и прибежал. Не может он без нас.

— Лейтенант Войновский, приказываю немедленно убрать собаку. И без шума.

— Куда же ее теперь, Борис?

— Я вам не Борис, запомните это. Убрать — и точка. Хоть на луну, меня это не касается. Об исполнении доложите лично. — Комягин резко повернулся.

Шестаков стоял, поглаживая себя по груди, и растерянно вертел головой.

— Что же делать? — сказал Войновский.

Стайкин выбежал из колонны, наскочил на Шестакова и стал приплясывать вокруг него:

— Бравый ефрейтор, выполнил ответственное задание на «отлично». Поздравляю, товарищ ефрейтор!

— Что же делать? — повторил Войновский.

— Ничего не поделаешь, — сказал Стайкин.— Хана...

— Он же смирный, товарищ лейтенант, — говорил Шестаков, отступая от Стайкина. — Его же совсем не слышно.

— Да, — сказал Войновский, — теперь ничего не поделаешь.

Стайкин пошарил руками у пояса и подошел к Шестакову.

— Держи.

— Бога побойся, ирод, — Шестаков испуганно отдернул руку от финки. — Я не буду.

— Ничего не поделаешь, — снова сказал Войновский. — Придется вам, Стайкин.

— Зануда ты деревенская. — Стайкин выругался, просунул руку под халат Шестакова. Ганс тихо, доверчиво прильнул к Стайкину. Шестаков бессильно опустил руки. Стайкин судорожно глотнул воздух, прыжками помчался в темноту.

Они стояли, напряженно всматриваясь туда, куда убежал Стайкин, но там было тихо. Только за спиной слышались протяжный скрип волокуш и шарканье ног.

Стайкин появился из темноты, в руках у него ничего не было. Он подошел к Войновскому. Все трое быстро и молча зашагали вдоль колонны, догоняя своих.

— Пойду доложу Борису, — сказал Войновский и прибавил шагу.

глава IV

Батальоны продвигались в черной темноте, продолжая путь стрелы на карте, и уже недалеко оставалось до той точки, где стрела, круто повернув к югу, вонзалась в чужой берег. Однако на карте это расстояние было в тысячи раз короче.

Вражеский берег светился ракетами. Когда батальоны сделали поворот налево, развернулись в боевой порядок и пошли цепью, ракеты оказались и впереди, и справа, и слева — по всему берегу. Они быстро взлетали, повисали на мгновенье под низкими тучами и тяжело сползали вниз, просыпая искры, будто капли дождя сползали по запотевшему стеклу. Ракеты были пяти цветов: зеленые, красные, желтые, голубые и фиолетовые. Они загорались и падали, образуя на льду широкие разноцветные круги, которые быстро сжимались и пропадали, когда ракета достигала льда.

Шмелев вытащил ракетницу, вложил в нее крас-

ную ракету. Взвел курок и засунул ракетницу за пояс так, чтобы она не мешала при ходьбе и чтобы ее можно было сразу же взять в руку.

Он шел за цепью и считал вражеские ракеты. Каждую минуту поднималось в среднем четыре ракеты, и каждая ракета горела десять секунд. Двадцать секунд темноты оставалось на их долю. У немецких наблюдателей были две марки ракет. Одни — пяти цветов, обычные, а другие — более сильные и только желтые. Они поднимались выше и светили гораздо ярче. На десять обычных ракет приходилась одна желтая. Немцы бросали их из двух наблюдательных пунктов. А всего наблюдательных пунктов было десять. Это могло означать, что у противника насчитывалось всего десять взводов, три роты. Но у немцев, кроме того, был берег и сильные желтые ракеты, а солдаты шли по льду тонкой цепью. И под ногами солдат был лед.

Большая желтая ракета косо взлетела вверх и начала падать, обливая лед пустым ядовитым светом, и впереди на фоне этого света Шмелев увидел неясные темные силуэты, двигающиеся по льду. Ракета упала, силуэты исчезли, и темнота стала такой густой, что ее нельзя было передать никакой черной краской. «Хорошая темнота, — подумал Шмелев, — замечательная темнота».

Ракеты продолжали косо падать на лед, и, когда они падали, солдаты замирали на мгновение, а потом двигались дальше. Две ракеты упали на лед и погасли. Потом поднялись сразу четыре ракеты и следом еще одна, желтая. Свет от нее сильно разлился по льду, и Шмелев увидел, как солдаты впереди пригибаются и садятся на корточки. Спина сделалась мокрой и холодной. Он выхватил ракетницу и поднял ее над головой, думая о том, что до берега еще слишком далеко. Желтая немецкая ракета упала и погасла. Берег молчал. Палец, лежавший на курке ракеты, онемел от холода. Он сунул ракетницу за пояс и натянул рукавицу.

Окружив начальника штаба, связные шли за цепью. Шмелев догнал Плотникова и пошел рядом.

Резкий сухой хлопок заставил его остановиться. Он выхватил ракетницу и увидел, как яркая желтая ракета поднимается над берегом, освещая макуш-

ки деревьев. Впереди, за темными фигурами появились на льду неясные тени, сначала слабые, расплывчатые, а потом темней и резче. Солдаты в цепи пригибались, и тени их становились изломанными. И лед под ногами солдат пожелтел.

Он стоял с поднятой рукой, спусковой крючок обжигал палец, и напряжением всего тела он сдерживал его. Желтая ракета достигла высшей точки и начала падать, а тени на льду стали вытягиваться и бледнеть.

— Вперед! — сказал Шмелев, и в ту же секунду над берегом одна за другой поднялись две большие желтые ракеты. Стало видно, как связные бегут по льду. За ними тоже поползли размазанные тени.

Ракетница толкнула руку. Лед вокруг стал красным, и Шмелев увидел, что фигурки на льду больше не пригибаются и бегут к берегу. Ракета уходила вверх, и он понял, что она ушла вовремя. Ракеты хлопали сухо и резко, и было слышно, как молча бегут солдаты.

Он выпустил вторую ракету и побежал вперед, заряжая на бегу третий патрон. Третья ракета поднялась почти отвесно вверх, упала на лед и зашипела рядом. И в той стороне, где был Клюев, тоже одна за другой взвились три красные ракеты, и лед покрылся кровавыми пятнами.

Пулемет на берегу застучал резко, часто. Шмелев тотчас нашел его чуть правее церкви. А потом заработали сразу пять или шесть пулеметов, и некогда стало разбираться, откуда они бьют. На льду тоже забили пулеметы, поддерживая цепь.

Весь берег был покрыт рваными ядовитыми пятнами, они бежали прямо на этот свет. Стало видно, что цепь прогнулась крутой дугой, обращенной в сторону берега. Солдаты бежали, стреляя из автоматов. Позади гулко ударила пушка, на берегу зажглась яркая вспышка.

Шмелев бежал изо всех сил, а берег был еще далеко, и ракеты сыпались со всех сторон. Заглушая треск пулеметов, часто заговорила автоматическая пушка, словно собака залаяла. Прямо в цепи на льду выросли яркие огненные кусты. Пронзительно закричал раненый. Солдаты впереди бежали

уже не так дружно, как вначале. Многие ложились на лед и не поднимались. В двух местах цепь разорвалась. Кто-то размахивал там автоматом и кричал благим матом. Шмелев побежал быстрее, чтобы догнать цепь и поднять ее.

Ослепительный куст с огненными брызгами зажегся на льду прямо перед Шмелевым. Морозная струя опалила лицо. Нога у него подвернулась, он упал, больно ударившись о лед, и потерял сознание, успев подумать лишь о том, что на льду остался Клюев и он поднимет цепь.

глава V

Две яркие желтые ракеты одна за другой поднялись над головой Войновского, и ему показалось, что они летят прямо на него. Он пригнулся, замедлил шаг и вдруг увидел под ногами две серые изломанные тени. Ракеты уже падали, и тени быстро вытягивались и раздвигались в стороны, как стрелки часов. Солдаты шли вперед, пригнувшись и озираясь, за ними тоже двигались серые расходящиеся тени.

Тогда зажглась и быстро покатилась по небу тонкая красная точка, и почти сразу за ней взлетела вторая. Войновский понял, что это значит, и побежал по льду.

Кто-то часто застучал сухой палкой по дереву, а ему казалось — сердце стучит в груди. Яркий пульсирующий огонь зажегся на берегу, как раз напротив. Ноги стали тяжелыми, он побежал еще быстрее, стреляя на бегу из автомата. Он слышал вокруг короткие пронзительные взвизги, частое чмоканье под ногами, однако не понимал, что это пули свистят и вонзаются в лед. А пулемет стучал неотступно, и ему хотелось закричать, чтобы заглушить свой страх. Отчаянный крик раздался справа, но он даже не обернулся. Автомат перестал биться в руках, и треск пулемета сделался громче. И он закричал, а навстречу ему, заглушая этот отчаянный крик, понесся протяжный нарастающий свист, ближе, ближе, уже не свист, а вой, совсем близко, воет, врезаясь в уши, в тело, прямо в него, в него, и

от него никуда не денешься — и вдруг взорвалось сзади оглушительно и коротко, яркая черная тень на мгновение распласталась перед ним на льду. А на берегу будто собака затявкала.

Справа и слева солдаты падали на лед, и было непонятно, ложились ли они сами, или пули укладывали их. Войновский услышал позади отрывистый крик:

— Ложись!

Он послушно упал на лед и увидел, что никто уже не бежит и все лежат, кроме одного, который нелепо и смешно крутился на месте, дергался, размахивал руками, и длинные тени дергались и крутились вокруг него по льду. Потом тот подпрыгнул в последний раз, упал, тень прильнула к нему и больше не двигалась.

Над головой опять засвистело пронзительно, тонко, и на этот раз Войновский понял, что это свистят пули, летящие в него. Он вжался в лед, приник к нему руками, грудью, щекой, и сердце его бешено колотилось о лед. «Боже мой, — думал он, задыхаясь, — боже мой, никогда не думал, что это будет так страшно. Все пули летят в меня. Все ракеты летят в меня. Все снаряды летят в меня. А я здесь первый раз, никогда не был. Никогда не думал, что это так страшно».

— Вставай... — размахивая автоматом и ругаясь, Борис Комягин бежал вдоль цепи. Он остановился и пустил вверх длинную очередь. — Вставай! В атаку! — и очередь матом.

«Надо встать, — твердил про себя Войновский. — Надо встать. Я должен встать. Вот он пробежит еще три метра, и тогда я встану. Надо встать».

Пулемет на берегу выпустил длинную очередь, Комягин быстро упал на лед и закричал:

— Вставай! В атаку! — и снова матом.

— Какой голос! — восторженно сказал Стайкин, не трогаясь с места. — Какой голос пропадает зря.

Войновский вскочил, поднял над головой автомат и закричал сильно и звонко, как тогда, на учении:

— За Родину, взвод, рота, в атаку, бегом, за

мной — ма-арш! — Сейчас он боялся только одного — что у него сорвется голос и тогда все пропало; но голос не сорвался, команда получилась четкой и ясной, и он легко побежал навстречу пулеметам, чувствуя, как солдаты позади поднимаются и бегут за ним.

Берег был рядом. Немецкая ракета пролетела над цепью, и Войновский увидел, как черная длинноногая тень обогнала его сбоку и запрыгала перед ним на льду. Пулеметы на берегу работали не переставая. Гладкая снежная покатость и черные бугры из-под снега уже ясно виделись впереди.

Лед всколыхнулся под ногами, он поскользнулся, но продолжал бежать. А под ногами бегущих рождались глухие взрывы, и огненные столбы один за другим ослепительно вставали на льду.

— А-а-а! — закричал раненый, потом снова взрыв и огонь. Лед ушел из-под ног; яркий рваный столб вырос на льду, человек замахал на бегу руками и стал опрокидываться на спину, а ноги почему-то взметнулись кверху, и больше ничего не было видно.

Вдруг все смолкло. Войновский остановился и никого не увидел рядом. Позади стонал раненый, и был слышен топот бегущих людей. Задыхаясь от страха, он повернулся и побежал прочь от берега, в спасительную темноту, и черная тень скакала и прыгала по льду впереди него.

Солдаты лежали на льду цепью. Свет ракет доходил сюда заметно ослабленным. Пулеметы вели неприцельный огонь короткими очередями. Автоматические пушки молчали. Войновский увидел своих и лег между Стайкиным и Севастьяновым. Шестаков подполз сбоку и лег рядом.

— Приказано дожидаться.

— Перекур, значит, — сказал голос с другой стороны. — И то верно. А то прямо запарились, бегамши. Туда-сюда, туда-сюда. А что толку?

— Загорай, ребята, кто живой.

Комягин подбежал к Войновскому и сел на корточки.

— Чего разлегся? Собирайся.

— Куда, Борис?

— На кэпе тебя вызывают. Живо!

— Мне с вами пойти, товарищ лейтенант? — спросил Шестаков.

— Ефрейтор в тыл захотел? — сказал Стайкин. — А кто воевать будет? Без тебя же нам капут.

— Не злословь, — ответил Шестаков. — Куда командир, туда и я. Может, нас в разведку пошлют.

— Иди, Юрий, потом расскажешь.

Командный пункт батальона находился за цепью. Здесь было еще темнее и треск пулеметов казался еще более далеким.

— Вот, — сказал связной и лег на свет.

Войновский сделал несколько шагов и увидел Плотникова. Поджав ноги, начальник штаба сидел на льду и смотрел в бинокль на берег. Чуть дальше темнела палатка, растянутая на низких кольях почти на уровне льда. За складками брезента светилась узкая темно-синяя полоска и слышались голоса.

— Сильнее всего в центре, — говорил Клюев.— Смотри, Сергей. У церкви — три огневые точки: два простых пулемета и один крупнокалиберный. «Собака» * у них за оградой, на кладбище. Вторая здесь, в лощине. А третью не разглядел.

— Третья на левом фланге, у тебя, — сказал Шмелев. — Обушенко, наверное, засек.

— Подводим итог. Здесь, здесь, здесь и здесь.

— И здесь, — сказал Шмелев. — У отдельного дерева.

— У школы еще два пулемета, — сказал Плотников, опуская бинокль. — Справа и слева.

— Видишь их? — спросил Шмелев.

— Бьют короткими очередями. Из амбразуры.

Войновский посмотрел на берег и ничего не увидел — ни школы, ни пулеметов. Прибрежная полоса светилась ядовитыми разноцветными пятнами, которые падали, поднимались, прыгали с места на место.

В темноте монотонно бубнил радист:

---

* «Собака» — немецкая автоматическая пушка калибра 37 мм. *(Прим. авт.)*

— Марс, я Луна, слышу тебя хорошо. Проверочка. Как слышишь меня? Прием.

— Где саперы? — спросил Клюев из палатки.

— Ушли, товарищ майор. — Плотников снова поднял бинокль и стал смотреть на берег.

— Возможно, на берегу есть проволочные заграждения, — говорил Шмелев. — И пулеметы они будут подтягивать.

— Пробьем, Сергей. Смотри сюда. Давай попробуем в обход. Чтобы во фланг.

— Ты думаешь, там свободно?

Войновский подвинулся к Плотникову.

— Зачем меня вызвали, Игорь, не знаешь?

— Важное поручение. Майор тебе сам скажет.

— А когда атака будет?

— Ровно в восемь. — Плотников опустил бинокль и посмотрел на Юрия. — Как в роте? Потери большие?

— Потери? — переспросил Войновский. — Ах, потери. Кажется, несколько человек. Я не успел уточнить. А что?

— Большие потери, — сказал Плотников. — Около сорока человек убитыми. А раненых еще больше. Замполита убило.

— Капитана Рязанцева? Неужели?

— Угу, — подтвердил Плотников. — Прямо в сердце. Роту в атаку поднимал. И прямо в сердце очередь...

— Как же так? — Войновский зябко поежился и вспомнил, как он кричал: «В атаку!» — и пулемет бил прямо в него.

Шмелев резким движением откинул палатку и сел на льду. Клюев лежал на боку и застегивал планшет, прижимая его к животу. Войновский встал на колени и доложил, что прибыл по вызову.

— Лежи, лежи, — Клюев махнул рукой. — Этикет после войны соблюдать будем.

Войновский лег головой к Шмелеву. Плотников подполз и лег между ними. Клюев перевалился на живот и тоже оказался рядом. Теперь они лежали вчетвером, голова к голове, а ноги в разные стороны, так, что их тела образовали на льду крест. И срок жизни на троих уже отмерен.

— Значит, так, — сердито сказал Клюев. —

Атака на внезапность не удалась. Будем драться. Система обороны противника начинает проясняться. На подготовку к атаке даю сорок минут. В каждом отделении выделить лучших стрелков для стрельбы по ракетам противника. Политруки и коммунисты — вперед. Не давать людям ложиться. Вперед! Вцепиться в берег зубами. Взять. Атака в восемь ноль-ноль. Будет уже ранеть, и мины на льду станут видны. Саперы там проходы сделают. Сигнал атаки — три зеленые ракеты. Сигнал даю я. Теперь ты. — Клюев повернул голову и посмотрел на Войновского: — Давно воюешь?

— Первый раз, товарищ майор.

— Тем лучше, — сказал Клюев. — Пойдешь в штаб. На маяк. К генералу. Доложишь лично ему, как мы тут лежим. Запоминай. Атака назначена на восемь часов. Если мы возьмем берег, ты ничего не будешь докладывать. Передашь донесение и схему — и обратно.

— Где пакет? — спросил Шмелев.

Плотников вытащил из планшета темный длинный пакет и протянул его Войновскому.

— Передашь, — сказал Клюев. — А если не возьмем, ты вместе с радистом входишь к генералу и докладываешь лично. Запоминай — что. Первое — личный состав полон воодушевления и рвется к берегу. Второе — у немцев оказалось много ракет. Приблизиться скрытно к берегу не удалось. Сильный пушечно-пулеметный огонь косит людей. На километр фронта более десяти пулеметов и пушек. Более десяти — помни. Третье — мины. В ста метрах от берега оказалась сплошная минная полоса. Подорвалось свыше сорока человек.

Издалека донесся ровный свистящий шелест. Тяжелый снаряд прошелестел поверху в темноте и упал далеко в озере, взметнув высокий столб огня. Звук разрыва прокатился по льду и повторился эхом от берега.

— Доложишь тоже — работает тяжелая артиллерия противника калибра двести семь. Снаряды рвутся прямо в цепи. Пятое — несем большие потери. Убит капитан Рязанцев, убиты командир роты и трое взводных. Про капитана Рязанцева особо доложи. А когда все это доложишь, будешь просить.

Что-нибудь, но проси. Пусть поддержат огнем. Хотя бы две полковые батареи. Доложишь — у нас подбито шесть пушек.

— Три, — быстро сказал Шмелев.

— Пусть скажет — шесть. Запоминай — шесть. Ясно?

— Ясно, товарищ майор.

— От твоего доклада зависит все. Вся наша жизнь.

— Ясно, товарищ майор. Но как я успею добраться к восьми часам на маяк?

— Средство сообщения — аэросани. Два километра на север. Пойдешь туда со связным. На санях же обратно. Я все сказал, Сергей?

— Даже слишком, — ответил Шмелев.

— Смотрите, — удивленно сказал Плотников.

На берегу разгорался пожар. Горел длинный низкий сарай, рыжее пламя прыгало и быстро разрасталось, поднимаясь к деревьям. Было видно, как из сарая выбегают лошади, и слышалось их далекое ржание, перебиваемое пулеметными очередями. Черные фигуры немцев сновали у сарая среди лошадей. Огонь сильно взметнулся вверх, выбросив рыжее искрящееся облако. Окна в ближних к сараю избах слепо заблестели.

— Ну как? — спросил Клюев.

— Готовимся к атаке, — ответил Шмелев. — Вызвать командиров рот.

глава VI

Командующий сидел за столом в белой украинской рубахе и пил чай из стакана. Лицо его было свежим и румяным. И шея под белоснежным воротничком была румяной и свежей, янтарные капельки пота проступали на ней. Он поднял голову, когда открылась дверь, и кивнул капитану. Адъютант пересек избу и положил перед стаканом чаю листок с радиограммой.

— Только что получена, Игорь Владимирович.

Командующий продолжал смотреть на дверь, где остановился Войновский.

— Офицер связи из Устрикова, — сказал капитан. — С донесением от Клюева.

— Из Устрикова? — спросил полковник Рясной. Он лежал на кровати, и перед ним на табурете тоже стоял стакан чаю. Одеяло до пояса покрывало его длинные худые ноги. Руки лежали поверх одеяла. Китель застегнут на все пуговицы.

Войновский отдал честь и сказал:

— Лейтенант Войновский. Прибыл с донесением.

— Хорошо, хорошо, — говорит Игорь Владимирович. — Давайте ваше донесение.

— В радиограмме более свежие сведения, Игорь Владимирович, — сказал адъютант.

— Карту! — Командующий поставил стакан на край стола.

Адъютант подцепил пальцем радиограмму, ловко, одной рукой, развернул в воздухе карту, расстелил ее на столе и положил радиограмму поверх карты.

«Взяли или не взяли? — думал Войновский. — Я должен знать. Я сейчас узнаю. Он скажет: «Взяли, молодцы», и тогда я скажу: «Ничего особенного. Это было совсем нетрудно».

— Интересно, очень интересно, — говорил командующий. — Квадрат сорок семь — двадцать три. Хорошо, хорошо. Сорок семь... — Игорь Владимирович провел от себя указательным пальцем правой руки вдоль правого среза карты, отыскивая нужную цифру. — И двадцать три... — Указательный палец левой руки уперся в нижний срез карты; командующий провел обеими руками над столом, ведя один палец вверх, а второй влево, и пальцы его столкнулись на синей глади Елань-озера, которое большим неровным пятном расплылось в середине карты. Пальцы командующего соединились, руки его легли на карту и сжались в кулаки. Он поднял голову и посмотрел на полковника Рясного: — Что это значит, полковник? Девятый час, а они даже не дошли до Устрикова?

Войновский вдруг почувствовал холод и страх, как тогда, когда он бежал навстречу пулемету.

— Товарищ генерал-лейтенант, снаряды рвутся прямо в цепи, — выпалил он в отчаянии.

Командующий поднял брови, и глаза его сделались плоскими:

— Вы, наверное, ожидали, что немцы будут встречать вас с духовым оркестром?

А Войновскому по-прежнему казалось, что он бежит на пулемет. Он сделал шаг от двери и сбивчиво заговорил:

— Разрешите доложить, товарищ генерал. Мы три раза шли в атаку. Я сам кричал... поднимал роту. Последняя в восемь ноль-ноль, меня уже не было. Но я знаю... Большая плотность, десять пулеметов на километр. И ракеты. Очень много ракет. Но мы бы все равно взяли берег, если бы не мины. Сплошная минная полоса. Прыгающие... Прямо на льду. В ста метрах от берега. И пушечный огонь. Очень сильный... Автоматическая «собака»... Три «собаки». Убит замполит капитан Рязанцев. Убит командир роты. Свыше сорока человек на минах... Подбито шесть пушек.

— Ишь ты, — сказал Игорь Владимирович. — Кто вас учил так докладывать? Шмелев?

— Никак нет, товарищ генерал. Майор Клюев. Но мы бы взяли, товарищ генерал, честное слово, если бы не мины. Мы рвались к берегу... Совсем близко подбежали... А когда они начали взрываться, стало страшно.

— Страшно? — Игорь Владимирович положил голову набок и с интересом посмотрел на Войновского. — Первый раз слышу на войне такое слово. Такого слова нет в Красной Армии. Видно, вас плохо учили. Мины. — Игорь Владимирович поджал нижнюю губу и усмехнулся. — Мины изобретены сто лет назад, не делайте вид, что вам принадлежит честь этого открытия. Интересно, где была разведка?

— Армейская разведка два раза ходила в Устриково за языком, — сказал полковник Рясной с кровати. — И оба раза неудачно. Система обороны противника была не проявлена.

— Благодарю вас, — сказал Игорь Владимирович, — вы очень хорошо осведомлены о действиях армейской разведки. А где же была ваша?

— Минное поле рассыпано прямо на льду, очевидно, совсем недавно. Как вы понимаете, его не

могло быть, пока не было льда. А первый отдел вашего штаба запретил нам проводить разведку перед операцией.

— Где сейчас батальоны? — спросил Игорь Владимирович.

— В четырехстах метрах от берега, — сказал Войновский.

— Лежат на льду?

— Так точно, товарищ генерал...

План операции казался командующему армией простым и смелым. Это был чуть ли не хрестоматийный план, во всяком случае, после войны он был бы достоин войти в хрестоматию. Два усиленных стрелковых батальона выходят на лед Елань-озера и пересекают его под покровом ночи. Достигнув к рассвету противоположного берега, батальоны разворачиваются в боевые порядки, скрытно подходят на расстояние броска для атаки и при поддержке полковых пушек, батальонных минометов и ротного стрелкового оружия атакуют и занимают крупный населенный пункт Устриково. Так выполняется первая часть операции — захват шоссейной дороги. После этого батальоны продвигаются в глубь берега, занимают еще несколько населенных пунктов — Борискино, Куликово и другие — и выполняют вторую часть задачи: перерезают железную дорогу в районе разъезда Псижа, взрывают железнодорожный мост и нарушают коммуникации врага на линии Большая Русса — Старгород, помогая тем самым осуществить в дальнейшем наступательную операцию армии.

Основной расчет этого замысла строился на элементе внезапности: ночной марш по льду, скрытый подход, внезапная атака. И вот два усиленных стрелковых батальона вместо того, чтобы перерезать коммуникации противника, лежат на льду в четырехстах метрах от берега. Элемент внезапности утерян, немецкое командование могло сосредоточить резервы, чтобы противодействовать батальонам, штурмующим берег. Тем самым ставился под угрозу срыва успех наступления всей армии, которое должно было начаться спустя сорок восемь часов после захвата Устрикова и о котором знали пока всего несколько человек: командующий арми-

ей, три-четыре старших офицера его штаба и Ставки Верховного главнокомандования.

От того, сумеют или не сумеют два стрелковых батальона преодолеть четыреста метров пространства, зависела теперь судьба наступательной операции всей армии.

Таков был этот план, достойный хрестоматии: он был согласован со Ставкой и утвержден ею, и Игорь Владимирович теперь никак не понимал, почему батальоны лежат в четырехстах метрах от берега и не могут преодолеть их — всего четыреста метров ровного, чистого пространства, весьма удобного для фронтальной атаки. Назначенное наступление армии не могло остановиться или задержаться оттого, что два батальона, две тысячи штыков лежат на льду, но судьба его целиком зависела от этих двух батальонов.

Вывод напрашивался сам собой — он был единственным непререкаемым: батальоны должны подняться и во что бы то ни стало пройти эти четыреста метров.

— Где Клюев? — спросил Игорь Владимирович.

— Связь с Луной будет через пять минут, — сказал капитан. — Еще стаканчик?

— Вызовите Славина, — сказал командующий.

— Игорь Владимирович, — перебил полковник Рясной, — Славин тут не поможет. У вас есть самолеты.

Адъютант подошел к телефону и стал вызывать штаб армии. Было слышно, как радист за дверью монотонно бубнит: «Луна, Луна, как слышишь меня?..»

Командующий посмотрел на Рясного.

— Хорошо, Виктор Васильевич. Однако учтите, мои самолеты сидят на голодном бензопайке, и больше я уже не смогу предложить батальонам никакой другой помощи, кроме вашего личного участия в атаке.

Рясной ничего не ответил. Он лежал, вытянув руки поверх одеяла, и смотрел перед собой. Кончики пальцев часто дрожали, касаясь одеяла.

— Товарищ генерал-лейтенант, — с отчаянием сказал Войновский, — майор Клюев просил поддержать пехоту огнем.

— Молодой человек, — строго сказал Игорь Владимирович, — вам не кажется, что вы слишком много разговариваете?

— Славин на проводе, — сказал адъютант.

глава VII

Синяя мгла висела над озером, и лед казался синим. Ракеты рассекали плотный синий мрак над деревней, а левее ее, куда смотрел Шмелев, ракет почти не было. Но они должны были загореться там, когда пройдут оставшиеся семь или шесть минут.

Часто дыша, Плотников упал рядом.

— Там генерал. Будешь говорить с ним?

Шмелев вскочил и побежал по синему льду. Он бежал и чувствовал, как согревается на бегу. Пулемет выпустил наугад длинную очередь, и она прошла далеко в стороне.

Командующий армией был на приеме.

— Говорит Первый. Где Клюев?

— Докладывает Шмелев. Клюев ушел вперед.

— Доложите обстановку. Только не вздумайте докладывать, что вы все еще лежите там же.

— Докладываю, товарищ Первый. Мы идем вперед. Мне трудно передать открытым текстом. Я иду здесь, а Клюев идет там. Вы понимаете меня? Здесь и там. Я и Клюев. Мы идем вместе. Он ближе к вам. Он там, а я здесь. Как поняли меня? Перехожу на прием.

— Я Марс. Беру перерыв одну минуту. Буду смотреть на карте. Стойте на приеме.

— Стою на приеме.

Этот план предложил Клюев. Неподалеку от Устрикова в озеро впадала речка Псижа с невысокими обрывистыми берегами. Клюев решил использовать это естественное укрытие и предложил послать роту автоматчиков в обход, чтобы обойти Устриково с фланга и нанести по деревне одновременный двойной удар — со льда и со стороны Псижи.

Фронтальная атака не удалась, значит, необходим маневр. Ничего другого на плоском ледяном поле нельзя было придумать.

Двадцать минут назад связные вернулись и доложили, что роте удалось скрытно войти в устье Псижи, однако глубокий снег задерживает продвижение. Теперь оставалось только ждать сигнала — три красные и три зеленые ракеты, — который должен был поступить оттуда, как только рота, пошедшая в обход, достигнет рубежа атаки.

Шмелев сел на лед и смотрел туда. Черно-синяя полоса берега разделяла лед и небо.

В трубке зазвучал голос командующего:

— Я Марс. Понял вашу идею. Придумано неплохо. Буду ждать результата. И учтите, Шмелев, я помню все, что вы мне сказали. Я буду помнить до тех пор, пока вы не возьмете берег.

— Понял вас. Разрешите взять перерыв?

Шмелев еще держал трубку в руках, когда влево от Устрикова, за берегом, приглушенно и далеко заговорили пулеметы.

— Ракеты! — крикнул он, бросая трубку.

— Где стреляют? — удивленно сказал Плотников. — Им еще метров пятьсот до исходного...

За черным срезом берега начали быстро взлетать ракеты: одна, три, пять, десятки ракет — желтые, зеленые, синие — и ни одной красной. Они поднимались и сходились в одной точке — словно яркий полосатый шатер повис там, за берегом.

Шмелев уже бежал по льду. На секунду ему послышалось, что стрельба утихает, но трескотня пулеметов стала еще громче, и, заглушая пулеметы, гулко заработала автоматическая пушка.

Он упал грудью на телефон и закричал:

— Обушенко, Обушенко. Где ты?

— Чего орешь? И так слышу, — ответил Обушенко. — Хана!

— Что там? Ты ближе. Что ты видишь?

А полосатый разноцветный шатер стоял за черным срезом берега, и пулеметы били без устали. Шмелев бросил трубку и побежал. Огненный шатер прыгал перед глазами, отблески ракет ложились на лед. Связные с трудом поспевали за ним. Он услышал далекий тоскующий голос и побежал еще быстрее, чтобы убежать от этого исступленного заунывного зова, а голос преследовал его по пятам и сулил беду.

...Мой любимый, возлюбленный мой, сердце мое не слышит тебя, сердце мое раскрылось для слез! Много людей на земле, но ты один среди всех, и никто мне не нужен, ты, только ты, мой любимый, один среди всех. Много людей на земле, и брат разлучился с братом, сын — с отцом, жена — с мужем, и я — с тобой; оттого и плачет земля и сердце раскрылось для боли. Много людей на земле, но земля огнем перевита, и падают наземь живые один за другим, как снопы: ведь земля огнем перевита, но только не падай ты, мой любимый, один среди всех. Лучше сама я пойду и лягу, телом своим закрою, только не падай ты. Услышь, как стучит и тоскует сердце мое. Хочешь, лягу с тобой на землю сырую, на холодный лед, согрею тебя своим одиноким телом, лишь бы рядом с тобой, потому что щеки мои пожелтели, грудь моя высохла, и сердце открыто для слез, и тело мое одинокое ждет не дождется тебя. Как мне тяжко, сказать не могу. Вот вчера я упала прямо у станка. Мне почудилось вдруг, что тебя не стало. Сердце зашлось, так и бухнулась на пол прямо у станка. Подруги сбежались, мастер пришел, а я ничего не вижу, потому что вдруг увидела, как ты бежишь по лесу среди сосен, падаешь в снег. Мне воду подают, а я ничего не слышу и тебя зову, а сердце плачет. Сегодня у меня отгул, занялась стиркой, а сердце плачет и ноет, и завтра то же, пока ты не услышишь меня, не придешь ко мне, не укроешь меня своим телом. Земля огнем перевита, и падают наземь живые, но только не падай ты, тогда и мне не подняться. Много людей на земле, но ты один среди всех, сердце раскрылось для боли, одинокое сердце мое!..

Шмелев резко остановился. Полосатый шатер над Псижей поредел, стал медленно опадать и, наконец, погас. Стрельба резко оборвалась. Нездешний голос умолк в отдалении.

Обушенко сидел на льду, зажав автомат меж колен. В руках у него была фляга.

— Слышал, как накрыли? Засада была. — Голос его оглушительно прозвучал в наступившей тишине. — Хочешь? Пей! Есть за что.

— Нас бьют по частям, — зло сказал Шмелев. — Где Павел? Дай!

Обушенко выругался, закинул голову назад и стал пить большими судорожными глотками. Пулеметы на берегу снова открыли огонь.

— Дай!

Обушенко послушно протянул флягу. Шмелев сделал глоток и прицепил флягу к поясу.

— А вот и сам папа, — сказал Обушенко и снова длинно выругался.

Клюев двигался странными, неровными толчками, часто оглядываясь и поворачиваясь всем телом. Он подбежал к ним и остановился, но Шмелев мог бы поручиться, что он не видит их. Лицо его было белым, ни кровинки. Даже в густом синем мраке было видно, какой он бледный.

— Комиссара несут, — глухо, с трудом выговорил он. — Давай скорей атаку. Где ракетница?

— Подожди, Павел, надо же артиллеристов предупредить. — Шмелев положил руку на плечо Клюева, но тот резко сбросил ее, словно его обожгло это прикосновение. Он смотрел на Шмелева пустым взглядом, руки его шарили по поясу и ничего там не находили.

— Порядок, — мрачно сказал Обушенко. — Сначала там, теперь здесь. Клади всех. Положим всех и домой пойдем.

Клюев наконец узнал Шмелева:

— Сергей, умоляю. Христа ради прошу. Сына моего ради. Накрылась рота. Ни один не ушел. Комиссара несут. Прошу, скорей. Я сам пойду. — Пустые, отрешенные глаза Клюева ничего не видели, только бегали и никак не могли остановиться. Поднимались ракеты, и лицо Клюева становилось то желтым, то зеленым. Только глаза не изменяли ни цвета, ни выражения: в них ничто уже не входило.

Шмелев опять увидел перед собой застывшие глаза связиста, крепко схватил Клюева за руку.

— Садись, Павел. Выпьем на дорогу.

— Идем, — Клюев вырвал руку. — Скорей. — Он уже ничего не слышал.

— Павел, садись, прошу.

Тот вскинул голову и закричал пронзительно:

— Приказываю в атаку! Бего-ом!

Шмелев обхватил его со спины и прижал к себе. Но Клюев резко вывернулся и повернул к Шмелеву лицо со страшными, пустыми глазами.

— А-а, боишься? Трус! Воевать боишься? — с торжеством кричал Клюев. — Я тебя научу Родину любить...

Шмелев сжал кулаки. Что-то оборвалось в нем чуть пониже сердца. Он выхватил ракетницу и стал давать ракеты вдоль цепи, сознавая, что совершает ужасное и непоправимое.

А солдаты, завидев сигнал, уже поднимались в атаку.

И они пошли. В руках у Клюева почему-то оказался ручной пулемет. Он бежал первым, и пулемет бился в руках. Шмелев побежал вправо, к своим, и ему приходилось бежать быстрее, чтобы быть впереди цепи. Он бежал, и лицо его горело, словно его ударили.

Пулеметы заработали на берегу, и ракеты одна за другой пронизывали белесую мглу. Шмелев увидел, что цепь поднялась до самого конца, и побежал прямо к берегу.

Быстрый бег успокоил его, и он мог уже следить за боем. Он бежал и слушал, как немецкий пулеметчик умело и хладнокровно бьет прямо в цепь. Спокойно и ровно, не сбивая прицела, тот невидимый пулеметчик поворачивал ствол, и свист пуль то удалялся вправо и затихал вдали, то снова возвращался к Шмелеву, нарастая, угрожая, пронзительно проходил мимо и уходил влево, затихая. Кто-то вскрикнул там и упал. И опять очередь идет на него, а он бежит, слушая ее приближение, ближе, ближе, совсем близко — он не увидел, не услышал, а всей плотью своей ощутил, как две пули прошли мимо, справа и слева от сердца. Прошли — и он пробежал в тесном пространстве между ними. И позади бегут солдаты.

В этот момент Шмелев увидел Клюева.

Клюев бежал в центре. Он был ближе всех к берегу, и цепь стремилась за ним. Он бежал, выкрикивая бессвязные слова, и ничего не видел, кроме берега. Там, на берегу, можно лечь и отдохнуть, потому что это тихий, мирный берег, покры-

тый жарким золотым песком, — смуглые женщины лежат там на песке, а вокруг них бегают с криками дети. Он бежал к берегу, а берег ускользал от него, и ему казалось, будто он входит в теплую, прозрачную воду.

Обе его ноги почти сразу же были перебиты пулеметом, и ногам стало тепло от крови; он не понимал этого и бежал, высоко вскидывая ноги, словно вбегал в воду, и вот вода уже по колено, по пояс; ему стало совсем тепло — третья пуля пробила грудь, — но он продолжал бежать, а потом бросил пулемет и поплыл сквозь теплую воду к далекому берегу, к тому самому, к которому должен был приплыть. Он плыл изо всех сил, а берег уходил все дальше и закрывался холодным клубящимся туманом. И вот уж ничего не видно: ни золотого песка, ни детей, ни смуглых женских тел — лишь ядовитый туман клубится и одинокий тоскующий голос зовет кого-то...

Он лежал на льду и продолжал двигать руками, будто плыл. Солдаты вокруг падали на лед, словно круги расходились по воде, — цепь залегла.

Шмелев видел, как упал Клюев, и почувствовал за собой гнетущую пустоту. Он остановился, побежал назад, а пулемет бил в спину, стыд и отчаяние толкали его в темноту.

Клюев был еще жив, когда прибежал Шмелев. Он лежал спокойно и все понимал и слышал, хотя глаза были закрыты. Его подняли, понесли прочь от берега. Кровавый, дымящийся след стлался за ним по льду.

Навстречу бежали Плотников и радисты с радиостанцией. Они молча сошлись и положили Клюева на лед. Пулеметы били редкими, короткими очередями.

Шмелев встал на колени. Клюев открыл глаза и узнал его.

— На берег, — сказал он. — Иди на берег, Сергей. И Володьку с собой возьми.

— Хорошо, Павел, возьму.

— Володька, сын мой. Он уже большой, уже полгодика. На меня похож, вылитый. Я деньги посылал, ты не думай. А теперь ты будешь посылать. Адрес возьми. А потом поедешь и заберешь

его. И на берег пойдете вместе — утром рано. — Он говорил негромко и свободно, глаза у него были ясные, спокойные.

Прибежал Обушенко. Судорожно, громко глотая слюну, он лег рядом с Клюевым и обнял его.

Радист включил приемник, и в трубке послышался сердитый голос:

— Луна, я Марс, почему не выходишь на связь? Где Клюев? Первый вызывает Клюева. Как понял? Прием.

Шмелев молчал и держал руку Клюева в своей ладони.

— Прощай, Сергей. Скажи им, что берег наш. Мы ведь взяли, да? Мы ведь на берегу лежим? — Клюев хотел поднять голову, чтобы осмотреться, но каска была слишком тяжелой для него. Он застонал.

Шмелев промолчал.

— Луна, почему не отвечаешь? Дайте к аппарату Клюева.

Клюев закрыл глаза. Лицо его натянулось и застыло.

Синяя мгла просветлела. Ракеты стали бледнее. Смутные очертания берега медленно проступили на краю ледяного поля — синяя глыба церкви вздулась в центре деревни.

— Луна, я Марс. Ответь. Тебя не слышу. Слышишь ли меня?

— Будем отвечать? — спросил Плотников.

— Убери ее подальше, — сказал Шмелев.

глава VIII

Командующий армией ошибался — цепи атакующих находились не в четырехстах метрах от берега, а дальше. Это случилось само собой, когда рассвело и свет залил плоскую поверхность озера. Огонь вражеских пулеметов сделался более прицельным, и солдаты инстинктивно попятились, отползая метр за метром, чтобы выбраться из зоны прицельного огня. Шмелев увидел вдруг, что цепь приблизилась к командному пункту, и понял, что должен примириться с этим: было бессмысленно

понуждать солдат лежать в бездействии под огнем пулеметов, пока им, Шмелевым, не придумано, как захватить берег.

Цепь отодвинулась от берега, и жизнь на льду показалась солдатам вовсе неплохой.

— Жмот ты, Молочков. Настоящий Шейлок-жмотик, — говорил Стайкин, лежа на боку и колотя острием финского ножа по льду.

— Нету же, старший сержант. Отсохни моя рука — нету. Перед атакой последнюю выкурил. Хочешь — сам проверь, — лежа на животе, Молочков похлопал рукой по карману.

— Пачкаться не хочу о такого жмотика. — Стайкин потрогал острие ножа и снова принялся долбить лунку.

Лед отскакивал тонкими прозрачными кусками. Пулемет выпустил очередь. Стайкин лениво погрозил финкой в сторону берега.

— Хочешь, колбасы дам? — Молочков запустил руку за пазуху и показал полкруга колбасы.

— Ой, мочи моей нет. Погибаю в расцвете лет. — Стайкин отстегнул флягу, сделал глоток.

Молочков обиженно отодвинулся, начал грызть колбасу зубами. Стайкин с ожесточением крошил лед. Кончив работу, он выгреб ледяное крошево и поставил флягу в лунку.

— Пейте прохладительные напитки. — Стайкин поднял голову и увидел Войновского, бежавшего вдоль цепи. Замахал рукой.

Войновский подбежал, лег, озираясь по сторонам.

— Разрешите доложить, товарищ лейтенант. Второй взвод лежит на льду Елань-озера. Ранено семь человек. Двое убито. Других происшествий нет. Настроение бодрое, идем ко дну. — Стайкин перевалился на живот и хитро подмигнул Войновскому.

Где-то вдалеке слабо ухнула пушка, и снаряд прошелестел, падая, а потом у берега вырос темно-серый столб воды, и гулкий звук разрыва прокатился над ледяной поверхностью.

Комягин подбежал и лег рядом с Войновским.

— Ну как? — спросил он, широко улыбаясь. — А мы тут загораем.

— Раненых там много,—ответил Войновский.— Палатки санитарные прямо на льду стоят. Я в санях с ранеными ехал, весь халат в крови, даже перед генералом неудобно... А обратно со снарядами...

— Как там? Расскажи. Говорят, самолеты скоро придут...

Только сейчас, при свете дня, Войновский впервые увидел лед и берег.

Лед слепил глаза. Вблизи он был чистым, чуть голубоватым, а дальше становился серым и отливал холодной жестью. Лед был кругом. И только там, откуда били пулеметы, протянулся темный силуэт Устрикова. Купы садов зловеще чернели над избами, черные хвосты дыма лохмато поднимались из земли, а среди них прорастала приземистая квадратная башня колокольни, увенчанная шпилем с крестом. Рядом с церковью виднелась белая двухэтажная школа, за ней начинался порядок изб, стоявших вразброс по берегу. Еще дальше на берег выходило шоссе, и было видно, как там на большой скорости изредка проносились грузовики.

Деревня казалась совсем не такой, как наблюдал ее Войновский в стереотрубу.

Еще один тяжелый снаряд упал перед берегом, выбросив вверх серый столб воды.

— Недолет, — сказал Войновский, с удивлением смотря, как серый столб распадается на брызги и опадает.

— Второй час пристреливает. — Стайкин покачал головой.

— Он, фриц, хитрый. Это он свою хитрость показывает.

— Что толку от такой артиллерии? — продолжал Войновский. — Недолет и недолет.

— Ваше-то бы слово да богу в уши, товарищ лейтенант. Нет ведь, не услышит, — Шестаков шевелил губами, но Войновский уже не слышал его: густой рев надвинулся сзади, пронесся над ними, устремился к берегу.

Самолеты сделали горку перед берегом, и пушки их яростно застучали. Самолеты прошли над садами, скрылись за деревьями, а потом один за другим вынырнули слева и пошли впритирку к избам, поливая их огнем.

Казалось, самолеты своим стремительным движением сдунули цепь.

Солдаты поднялись и побежали к берегу.

Юрий Войновский, недавний десятиклассник 16-й образцовой школы Бауманского района города Москвы, бежал к берегу, чтобы вырваться из окружавшего его ледяного пространства. Еще десять метров вперед, еще двадцать — до той вон воронки, там набрать больше воздуха в грудь — снова вперед и ни о чем не думать, только вперед, вперед, чтобы не отстать от других, не остаться тут навсегда.

Старший сержант Эдуард Стайкин, студент машиностроительного техникума из города Ростова, бежал по льду, яростно размахивая автоматом и ругаясь, но голос его тонул в разрывах и самолетном реве.

Ефрейтор Федор Шестаков, пензенский колхозник, бежал следом за Войновским, стараясь не отстать, и думал о том, что сейчас пуля ударит в него, он споткнется на бегу и грохнется на лед. «Только бы в руку, — думал Шестаков, — в руку, чтобы не упасть, в руку, в руку...» Вскрикнув, кто-то упал рядом с ним, и Шестаков побежал быстрее.

Справа от Шестакова бежал рядовой Дмитрий Севастьянов, преподаватель русской истории — Государственный университет, город Ленинград. Севастьянов бежал, задыхаясь, и видел перед собой светлую аудиторию и лица студентов, а он читает лекцию об Александре Ярославиче Невском и защитниках города Пскова. Вдруг студенты оказались в серых шинелях, и он увидел, как они бегут, бегут — по пашне, по лугу, по склону высоты, карабкаются по скалам, обрывам, перебегают среди деревьев, от дома к дому — и падают, падают, скошенные вражескими пулеметами, и на месте упавших встают кресты. Севастьянов закричал, рот перекосился, а навстречу стремительно нарастал оглушительный вой.

Берег закрылся, пропал. Яркая стена поднялась между берегом и бегущими к нему людьми. Она возникла неожиданно и воспринималась вначале как досадная, нелепая помеха, но снаряды падали гуще, плотные столбы огня вырастали на

льду, а следом рвалась столбами вода, словно стремясь погасить огонь; но снова обрушивались залпы заградительного огня, вода клокотала, вырываясь из темной глубины и снова устремляясь за огнем. Вперед, скорей к этой огненной стене, прорваться сквозь нее, увидеть берег. Солдаты слева уже добежали, стена закрыла их. Кто-то высокий наскочил с разбегу на серый столб, закачался, упал на колени и стал уходить вниз; по пояс, по грудь, совсем; мелькнула рука с автоматом, вода сомкнулась и выплеснулась кверху.

Один из самолетов вдруг клюнул носом и пропал среди деревьев. Там гулко ухнуло, черный столб поднялся к небу, а другие самолеты один за другим проходили сквозь черный дым, взмывали вверх и шли на новый круг.

Севастьянов лег и услышал далекий рев самолетов, вой и шелест осколков, тяжелые всплески воды.

Огненная стена поднялась, как живая, и стала надвигаться на него. Не помня себя, он закричал и побежал прочь, а огонь скачками прыгал за ним по льду.

Самолеты пронеслись над головой и быстро исчезли в ледяной дали. Горячая стена позади медленно опадала и редела; за ней снова проступили очертания берега, пулеметные очереди хлестали вдогонку бегущим.

Задыхаясь, Севастьянов упал у воронки. Свежий ледок легко разломился от удара. Он пил долгими, протяжными глотками и никак не мог напиться.

— Аккурат отсюда начинали, — сказал Шестаков, подползая. Севастьянов посмотрел на него, ничего не понимая, снова припал к воде.

Стайкин лежал неподалеку в обнимку с Молочковым. Передавая из рук в руки цигарку, они жадно курили и переглядывались друг с другом.

— Жмотик, — сказал Стайкин.

— Последнее наскреб, сам видел. Давай сюда...

— Тебя потрясти, еще посыплется. Зануда ты, — Стайкин с наслаждением затянулся, передал цигарку Молочкову.

— Вот вам и недолет, товарищ лейтенант, — сказал Шестаков, подползая к Войновскому. — От-

дыхайте пока. Перекусить не желаете? — Войновский замотал головой. — Значит, аппетита не стало? Тогда пойду, может, затянуться оставят. — Шестаков вскочил и побежал к Стайкину.

глава IX

— На колокольне снайпер сидит, — сказал Плотников. — Под самой звонницей. Здорово работает, гад ползучий.

Шмелев не отвечал и, казалось, не слышал. Он лежал на боку и смотрел в ту сторону, где соединялись небо и ледяная даль. Плотников приподнялся и тоже стал смотреть. Маленькие черные точки, быстро увеличиваясь, двигались под серой пеленой неба. Шмелев перекатился на другой бок, лицом к Плотникову.

— Что скажешь?

Плотников встал на колени, сложил ладони у рта, закричал протяжно и тоскливо:

— Во-озду-ух!

Немецкие самолеты шли на бреющем полете, гуськом, два звена. Они открыли огонь издалека, еще не долетев до цепи, — темно-серые фонтанчики возникли на льду, запрыгали среди распластанных фигурок. Тень пронеслась, за ней вторая, третья — черная, рычащая, бесконечная карусель закружилась над ледяным полем.

Самолеты делали второй круг, когда Шмелев лег на спину и выставил вверх самозарядную винтовку. Ах вы, звери-изверги, пусть земля разверзнется и поглотит вас, ненавижу вас, не страшусь вас, не дам вам бесноваться на нашей земле!

Головной немец вошел в пике, крылья у него сделались тонкими, как у стрекозы, а черный нос взбух и начал изрыгать огонь. Шмелев выпустил весь магазин в этот черный рыгающий нос и услышал, как на льду застрочили автоматы. Немец вышел из пике, проскочил, но кто-то позади все-таки всадил в него свинец, немец споткнулся, клюнул носом, приподнялся, пытаясь из последних сил удержаться на лету, потом завалился набок и косо врезался в лед далеко за цепью. Лед прогнулся, затре-

щал, немец пробил его тупым носом и стал медленно проваливаться, заломив правое крыло. Под водой глубоко вздохнуло, водяной столб встал над полем. Огненная туча взметнулась из бушующего кратера и встала черным грибом до неба, а лед содрогнулся и заходил ходуном.

Остальные немцы поднялись выше. Они сделали еще два захода и расстреляли все, что у них было. Потом они улетели.

— Так где же твой снайпер? — спросил Шмелев.

Немецкий снайпер работал не спеша. Он выжидал, когда застучит пулемет на берегу, и тогда делал свой выстрел. Он сидел на колокольне, чуть ниже звонницы — в бинокль ясно виднелась амбразура, пробитая в кирпичной стене.

— Крепко засел, гад ползучий, — сказал Плотников.

— Надо противотанковыми вышибать, — сказал Шмелев, опуская бинокль. — Зажигательными.

Плотников отослал связных и принялся за боевое донесение. Шмелев невесело усмехнулся:

— Где мы сейчас находимся по графику?

— Уже взяли Борискино и Куликово. Подходим к Волковицам.

— Пиши скорее, а то Обушенко самолет себе заберет.

— Упал в нашей полосе, значит наш. Честно говорю.

По льду двигался странный продолговатый предмет со скошенными краями. Предмет подъехал ближе — стало видно, что за ним ползет Джабаров. Он выставил лицо из-за щитка и подмигнул Шмелеву.

— Для вас, товарищ капитан.

Плотников разглаживал на планшете мятые донесения командиров рот. Он взглянул на щиток и бросил:

— Убьют.

— Меня не убьют, меня только ранят. А раненый я еще живее буду.

Это был щиток от полковой пушки, окрашенный белой масляной краской. Верхний угол был отбит, броня в этом месте зазубрилась и покрылась цве-

том побежалости. С внутренней стороны на краске проступали пятна крови. Края щитка загибались под тупым углом, он прочно стоял на льду.

Шмелев подвинул щиток, поставил перед собой. Берег закрылся — и ничто не напоминало о нем. Пулеметы трещали далеко-далеко, с каждой секундой уходили дальше.

Шмелев вздохнул и отодвинул щиток в сторону.

— Товарищ капитан, что же вы? — спросил Джабаров.

— Не годится. — Шмелев вздохнул снова. — Мне за ним берега не видно. А я должен немца глазами видеть. Иначе во мне злости не будет. — Шмелев пустил щиток по льду, и тот подкатился прямо к Плотникову.

Плотников оторвался от донесения, поставил щиток перед собой. Потом выглянул из-за щитка, посмотрел на берег и снова спрятал голову.

— Хороший щиток, — сказал он, — просто замечательный. Где ты его раздобыл?

— У артиллеристов на первой батарее. Все, что от них осталось. Хоть вы возьмите.

— Конечно. Замечательный щиток. — Плотников положил щиток плашмя и принялся раскладывать на нем бумаги. — От такого щитка грешно отказываться.

— Тащил, старался. — Джабаров с обиженным лицом отполз в сторону и лег около телефонного аппарата.

Немецкий снайпер, сидевший на колокольне, высматривал новую цель. Ледяное поле из конца в конец просматривалось из амбразуры. Немец медленно вел биноклем, рассматривая лежавших в цепи русских. Взгляд задерживался на отдельных фигурах, потом скользил дальше: немец искал русского офицера. Во рту немца скопилась слюна, он хотел было плюнуть ее — и тут он увидел на льду трех русских. Первый русский разглядывал какой-то продолговатый предмет, потом толкнул предмет по льду, второй русский взял его, спрятался за ним, потом положил на лед и стал что-то писать на нем. Третий русский лежал в стороне, и рядом

с ним стояли два телефонных аппарата. Еще несколько русских лежали вокруг этой центральной группы, иногда они вскакивали и бежали вдоль цепи, потом возвращались обратно.

Немец опустил бинокль и жадно проглотил скопившуюся слюну. Около немца на ящике для патронов стоял телефон — прямой провод к майору Шнабелю. Немец взял трубку:

— Господин майор, я имею важное сообщение. Я обнаружил русский командный пункт и на нем три старших офицера.

— Будь осторожен, Ганс, — ответил майор Шнабель. — Эти русские упрямы как ослы, а их командир, видно, упрямей всех. Убей его, Ганс.

Немец просунул ствол винтовки в отверстие амбразуры и нашел русских в оптическом прицеле; все трое были в одинаковых белых халатах, в касках, у всех троих были офицерские планшеты. Руки немца слегка дрожали от волнения, он выжидал, пока рука обретет прежнюю твердость, и поочередно подводил прорезь мушки под фигурки русских, выбирая цель.

Крупная тяжелая пуля ударилась в наружную стену, и было слышно, как шипит термитная начинка. Потом шипенье прекратилось. Еще одна пуля пролетела мимо. Немец понял, что русские обнаружили его. Он быстро убрал винтовку и взял термос с горячим кофе, чтобы успокоиться. Теперь он стал вдвойне осторожным.

Плотников кончил писать донесение. Рука у него замерзла, и Плотников спрятал ее за пазуху.

— Изобразил? — спросил Шмелев.

Джабаров подполз к щитку, взял донесение и передал Шмелеву.

— Одну атаку все-таки прибавил? — сказал Шмелев.

— Тебе что — жалко? — Плотников вытащил руку и подул на нее.

— «Уничтожено до двух рот немецкой пехоты», — Шмелев прочитал это с выражением и кисло усмехнулся.

— Не веришь? — Плотников был оскорблен в лучших чувствах. — Пойди посчитай.

— «По шоссе прошло сто сорок вражеских ма-

шин в направлении Большая Русса», — читал Шмелев. — Сколько прибавил?

— Ни одной. Ей-богу! Сам считал. Честно говорю.

Шмелев достал из планшета карандаш и подписал донесение.

Со стороны озера к Плотникову подполз толстый солдат с лицом, закутанным до бровей.

— Отдай щиток. — Солдат ухватился за край щитка и потащил его на себя.

— Кто такой? Откуда? — спросил Шмелев.

— Товарищ капитан, это я, Беспалов. Разбило пушку. Расчет весь ранило. Один я уцелел. И щиток...

— Отправляйтесь во вторую роту, — сказал Шмелев. — В распоряжение лейтенанта Войновского. Быстро!

— Пойдем, пехота. — Джабаров вскочил и быстро побежал по льду.

Беспалов беспомощно оглянулся, посмотрел на щиток и пополз на руках за Джабаровым, волоча по льду ноги.

Плотников вложил донесение в пакет и посмотрел на Шмелева.

— Вот если бы каждому солдату такой щиток, мы бы живо... Ой, что это? — вскрикнул он вдруг удивленно, вскочил и тут же упал лицом вниз. Лед расступился под ним, белая плоскость сместилась, потемнела, закрыла яркое солнце, вспыхнувшее в глазах, а следом встала дыбом вторая белая стена и закрыла его с другой стороны. Он увидел в темноте плачущие глаза и не мог узнать, чьи они, потому что мятая газетная страница плыла и крутилась перед глазами, ледяные стены поднимались и опрокидывались со всех сторон. Строчки разорвались и потеряли всякий смысл, а лицо в маске смеялось беззвучным смехом. В тот же миг черная вода прорвалась сквозь грани, плотно обволокла, сдавила грудь, живот, ноги. Он хотел позвать на помощь; рот беззвучно раскрылся, ледяная вода ворвалась в него, подступила к сердцу. Из последних сил он взмахнул руками, чтобы разогнать черную воду, перевернулся — и все кончилось.

Шмелев видел, как Плотников, вскрикнув, упал

и перевернулся на льду, раскинув руки и быстро открывая и закрывая рот. Шмелев схватил его за голову и опустил — пуля вошла в плечо, как раз против сердца. Он расстегнул халат, полушубок и, чувствуя на руке горячую кровь Плотникова, достал медальон и партийный билет. Пуля пробила билет наискосок. Легкий дымок поднимался от руки и от билета. Шмелев достал бинт и стал медленно вытирать руки. Потом окликнул связных и сказал:

— Приготовиться к атаке.

глава X

— Хоть погрелись, и то хлеб. — Стайкин упал рядом с Шестаковым. Он часто дышал и смотрел на берег горящими выпученными глазами.

— Братцы, спасите! — кричал кто-то с той стороны, откуда они только что прибежали.

— Ранили кого-то, — сказал Шестаков и быстро пополз в сторону берега.

Молочков был легко ранен в руку выше локтя. Он полз, широко загребая здоровой рукой. Шестаков подполз и принялся толкать Молочкова руками.

У воронки они остановились. Глаза Молочкова нервно блестели.

— Все, ребята. Отвоевался. Идите теперь до Берлина без меня. А я — загорать. Нет, нет, ты меня не перевязывай. Я уж потерплю. Зима. Не страшно, что рана, а страшно, что замерзнешь. Откроешь ее, а она замерзать начнет.

— Я тебя до санитаров провожу, — сказал Шестаков. — Метров шестьсот отсюда.

— Проводишь, Федор Иванович? — возбужденно спросил Молочков. — А я тебе махорку подарю, мне теперь не нужна. Бери, Федор Иванович, бери всю, вот здесь, за пазухой, а газетка там есть, в кисете лежит, бери. Интересно, ребята, в какой госпиталь попаду? Далеко увезут или нет? Может, мимо дома поеду?

— Заткнись, сука. — Стайкин посмотрел на Молочкова и выругался.

— Зачем раненого обижаешь? — сказал Шеста-

ков, пряча в карман пухлый кисет. — Ты раненого человека не обижай.

— А я что? — поспешно говорил Молочков. — Я ничего. Ты, старший сержант, не сердись. Я честно ранен — в правую руку. Я не виноват, что пуля на мою долю пришлась. Я пока целый был, все делал, как надо. Я шесть раз в атаку топал. На меня сердиться грех. Хочешь, тебе что-либо подарю? У меня зажигалка есть трофейная. Хочешь, отдам? Мне теперь ничего не нужно. А хочешь, каску тебе подарю, ты ее перед собой положишь.

— Заткнись. — Стайкин отвернулся. — Жмотина!

— Так пойдем? Проводишь меня, Федор Иванович? Тут мешки где-то складывали, может, завернем туда? А может, пробежим, Федор Иванович? А то уже рука что-то холодеет. И крови много вышло.

— Ползком лучше. Тише едешь — дальше будешь.

Молочков хотел повернуться на здоровый бок, и в этот момент пуля ударила его в шею. Фонтан крови выплеснулся на лед. Он вскрикнул, схватился за шею, захрипел. Шестаков хотел было поддержать его, но тут же убрал руки и перекрестился.

— Готов.

Широко раскрытыми глазами Стайкин смотрел на затихшего Молочкова, потом залез в карман Шестакова, вытащил кисет и стал курить цигарку.

— Сам накаркал. Ошалел от счастья. Прямо спятил. — Стайкин кончил вертеть цигарку и зажал ее губами. — Про зажигалку он говорил. Не видел, какая она?

— Неужели полезешь?

Стайкин усмехнулся:

— Ему теперь ничего не нужно. Сам накаркал.

Вдоль цепи полз толстый, закутанный до бровей солдат. Он поднял голову и посмотрел на Шестакова.

— Кто тут будет командир? Прибыл в распоряжение.

— Ты кто? Санитар? — спросил Шестаков. — Опоздал малость.

— Артиллерист я, — сказал Беспалов.

— А-а, бог войны. Здравия желаем. Где же твоя артиллерия?

— Разбило пушку. Прямым попаданием. Ничего не осталось — ни пушки, ни расчета. Один я уцелел. Вот к вам прислали. Капитан велел. Без меня тут, видно, плохо дело.

— Ну, теперь, раз ты пришел, наши дела поправятся. — Стайкин достал кремень и принялся высекать огонь.

— Да я не по своей воле. Пушку разбило. И щиток капитан отобрал. Лежит на льду, щитом закрылся. Ему-то что. — Беспалов оттянул подшлемник и показал круглое, красное от мороза лицо.

— Но-но, — с угрозой сказал Стайкин. — Ты насчет нашего капитана полегче. Не распространяй клевету.

Шестаков приподнялся, крикнул вдоль цепи:

— Товарищ лейтенант!

Одна из фигур на льду задвигалась.

— Что там?

— Молочкова убило! — крикнул Шестаков.

— Иду.

— Молочков? — испуганно переспросил Беспалов. — Какой Молочков? Не Григорий?

— Был когда-то Григорий, а теперь раб убиенный, — ответил Шестаков.

Беспалов подполз к Молочкову, приподнял его. Увидев лицо убитого, он вскрикнул и стал причитать:

— Григорий, Григорий! Это я, Миша. Григорий, услышь, это я. Что же ты молчишь, Григорий? Вот, где довелось встретиться.

— Земляк? — спросил Шестаков.

— Зять мой. Сестрин муж. Григорий Степаныч Молочков. И ведь знал по письмам, что он где-то рядом. Как же я теперь сестре напишу, Григорий? — Глаза у Беспалова стали мокрыми, и он провел по лицу рукавицей.

— Не ропщи, — сказал Стайкин. — Война все спишет.

— Что же это такое, братцы? Погнали нас всех на лед, на убой погнали. Всех тут побьют под пулеметами и под пушками. Что же теперь делать, братцы?

Пулемет на берегу выпустил длинную очередь, и пули вошли в лед, не долетев.

— В чем дело? — спросил Войновский, подползая. Он изо всех сил старался не глядеть на Молочкова и на дымящиеся пятна вокруг него.

— Один выбыл, другой прибыл, — сказал Стайкин.

— Пойдемте, я укажу ваше место, — Войновский отвел глаза. — Будете в ПТР вторым номером.

— Подожди, у меня дело есть. — Беспалов перевернул Молочкова на спину и принялся шарить под халатом. Стайкин и Войновский смотрели, как он вытащил оттуда потертый бумажник, пачку писем, зажигалку, потом дернул Молочкова за шею, вытащил черный медальон и спрятал все это себе за пазуху.

Войновский отвернулся и пополз вдоль цепи. Беспалов подсунул под Молочкова руку, обхватил его за плечо и потащил за собой по льду.

— С ума сошел? — закричал Стайкин. — Это же мой боевой друг.

— Земляк он мой. Григорий Степаныч, сестрин муж. Мой же он, пусть со мной побудет, — прерывисто говорил Беспалов, продолжая тащить Молочкова.

— Дурак, дурак, а хитрый. — Стайкин выпучил глаза и с любопытством посмотрел на Беспалова.

Войновский повернулся:

— Приказываю оставить мертвого. Следуйте за мной.

— Конечно, все для своих...

— Положь. Не твое. Понял? — Стайкин показал Беспалову автомат.

Беспалов зажмурил глаза и быстро пополз за Войновским.

Шестаков задумчиво смотрел им вслед и с наслаждением курил цигарку.

В двенадцати километрах от этого места, к югу от Елань-озера, на опушке осиновой рощи стояла дальнобойная немецкая батарея, состоящая из двух пушек-гаубиц калибра 207 миллиметров. Командир батареи находился в одном из блиндажей на берегу, откуда он наблюдал за разрывами снарядов и передавал команды на огневую позицию.

— Правее ноль-ноль-два, — сказал командир батареи.

Команда пошла по телефону. «Правее ноль-ноль-два», — повторил солдат-связист, пожилой, вислоусый крестьянин из Баварии. «Правее ноль-ноль-два!» — крикнул лейтенант Кригер, круглолицый белобрысый юноша, командир огневого взвода. Недавний выпускник офицерской школы Кригер только что приехал на фронт. Он был полон идеалов и мечтал сражаться с русскими. «Правее ноль-ноль-два», — повторил вслед за Кригером наводчик и осторожными движениями маховичка довернул ствол. Два солдата-подносчика подтащили на носилках огромный тупоносый снаряд, заряжающий и его помощник ловко подхватили снаряд в четыре руки и вставили его в казенную часть. Заряжающий хлопнул затвором и поднял руку. Наводчик еще раз проверил положение прицела и сказал: «Готово».

Таким же образом были исполнены команды «готово» и «огонь». И под конец лейтенант Кригер восторженно крикнул: «Огонь!», наводчик раскрыл рот и дернул шнур. В тот же миг опушка рощи окуталась огнем, оглушительным грохотом, едким молочным дымом. Огонь и газы вытолкнули снаряд из мрачного ствола, и он ушел под крутым углом к плоскости земли. Снаряд летел, ввинчиваясь в воздух и оставляя длинный, ноющий звуковой след.

Снаряд летел в сторону озера, на льду которого лежали русские. Пройдет почти минута, прежде чем он долетит туда. Одна минута чьей-то жизни.

Капитан Шмелев лежал на прежнем месте, чувствуя жгучий стыд оттого, что опять пришлось убегать от пулеметов и показывать немцам спину. Всем телом — похолодевшей спиной, горящими щеками, кончиками пальцев — он переживал это болезненное чувство стыда и никак не мог прогнать его от себя. Тонко пропищал телефонный аппарат, но Шмелев даже не повернул головы. Наконец он приподнялся и стал смотреть на Плотникова. Тот лежал, как его уложила пуля: лицом вверх, широко раскинув руки. Лицо стало совсем белым, щеки впали и натянулись. Тут же валялся брошенный щиток от пушки. Шмелев вспомнил последние слова, ска-

занные Плотниковым: «Вот если бы каждому такой щиток...» Он лег головой к Плотникову и задумался над словами погибшего друга. Разве возможно достать столько щитков, чтобы прикрыть всех живых? Дерзкая мысль пришла ему в голову, но он тут же отбросил ее...

В двух километрах восточнее Шмелева, на левом фланге находился старший лейтенант Обушенко. Рядом с Обушенко со сложенными на груди руками лежал майор Клюев. Обушенко перевернулся на живот, подполз к телефону. Шмелев не отвечал, хотя Обушенко много раз нажимал зуммер.

Между Обушенко и Шмелевым лежали на льду солдаты — в трех-четырех метрах один от другого, чуть дальше или чуть ближе к берегу, и тела их как бы образовывали на льду прерывистую зигзагообразную линию, которая называлась цепью.

Немецкий фугасный снаряд летел в эту цепь. Он уже дошел до верхней точки траектории и начал снижаться, набирая скорость и воя все пронзительней.

Войновский продолжал ползти вдоль цепи. Беспалов полз за ним и то и дело тыкался каской в валенки Войновского. Тогда Войновский оборачивался и сердито дрыгал ногой. Третьим полз Стайкин, время от времени подталкивая Беспалова под коленку стволом автомата, отчего тот принимался ползти быстрее и снова натыкался на Войновского.

В пятидесяти метрах позади цепи, неподалеку от позиции противотанкового ружья лежал пулеметчик Маслюк. Во время последней атаки Маслюк, поддерживая цепь огнем пулемета, выпустил три ленты; ствол пулемета раскалился до такой степени, что вода в кожухе закипела. Маслюк прижался к пулемету, чувствуя сквозь одежду приятную теплоту ствола, согреваясь и думая о том, что сейчас он согреется, возьмет котелок, пробежит к воронке, чтобы набрать там воды и залить кожух пулемета.

Ефрейтор Шестаков лежал, докуривая цигарку, и соображал, где бы ему раздобыть еще два запасных магазина к автомату. Он докурил цигарку, пока она не стала жечь пальцы; бросил окурок в воронку и принялся набивать диски.

Через пять или шесть человек от Шестакова лежал Севастьянов. Он лежал, закрыв глаза, и лицо его светилось непонятной, загадочной улыбкой. Время от времени Севастьянов беззвучно шевелил губами, а потом снова улыбался таинственно и радостно. Мысли его были далеки от войны: Севастьянов вспоминал прочитанную давным-давно книгу.

Рядом с Севастьяновым лежал Ивахин. Он быстро сдвигал и раздвигал ноги, пытаясь согреться, и вспоминал о том, как Леля провожала его на вокзале. Она вцепилась в него руками, ртом и ни за что не хотела отпускать от себя. И долго его рубаха была мокрой от ее слез, а неделю назад Леля написала, что просит простить ее и забыть, потому что она встретила другого, настоящего, и полюбила его: он фронтовик и с орденами. От этого воспоминания Ивахину стало еще тоскливей и горше.

Недалеко от него расположился пожилой солдат Литуев. Он лежал ногами к берегу и грыз сухарь. Скулы его быстро двигались под заиндевелым подшлемником. Литуев увидел ползущего по льду Войновского и перестал жевать.

— Товарищ лейтенант, в атаку скоро пойдем? — спросил он.

— Пока не передавали, — сказал Войновский. — Я предполагаю, что с наступлением темноты.

— Не волнуйся, — сказал Стайкин, подползая, — тебя не забудем.

Подле Литуева лежали два солдата — Проскуров и Грязнов. Они лежали, тесно прижавшись друг к другу, тихо разговаривали меж собой.

— Я тогда ей и говорю: пойдем, пойдем со мной, не бойся, не съем...

— А она-то, она?..

— Поломалась для виду, потом пошла как миленькая. Пошли прямо в рожь...

— Эх, жизнь была! Представить невозможно.

— Товарищ лейтенант, — сказал Проскуров, увидев Войновского, — водку скоро выдадут?

— Старшина обещал к вечеру, — ответил Войновский. Он обернулся, чтобы посмотреть, ползет ли сзади Беспалов, и в это время услышал истошный, нечеловеческий вопль:

— Тикай!

Кричал Стайкин. Войновский зажмурил глаза, вжался в лед, не понимая еще, в чем дело.

Снаряд упал прямо в цепь. Он легко прошел сквозь ледяной покров, глухо взорвался в глубине. Огонь и вода вырвались наружу, встали столбом. Войновский почувствовал, как воздушная волна ударила в уши, кто-то выдернул из его рук автомат, он стал легким как перышко и полетел, переворачиваясь в воздухе, проехал по льду, перевернулся еще раз и, наконец, открыл глаза. И тогда увидел воронку, черную и громадную, как озеро. Она дымилась, волны кругами ходили по ней, вода с шумом скатывалась через края обратно.

Войновский услышал протяжные стоны и быстро пополз к воронке.

— Кто ранен?

— Ну и жаханул, гад! Чемодан!

Войновский обернулся. Рядом лежал Стайкин. Правая сторона его халата была в рыжих пятнах.

— Ранен? — спросил Войновский.

— Брызнуло. И водой облило. Жаханул чемоданчик.

Ранен был Литуев. Осколок перебил ему ногу, и Проскуров уже перевязывал ее индивидуальным пакетом. Литуев негромко стонал. Солдаты со всех сторон сползались к воронке.

— Ну и дал прикурить.

— Двести семь, не меньше.

— Хорошо еще, что фугасный. Осколочный всех бы накрыл. До свиданья, мама, не горюй.

— Товарищ лейтенант? — Шестаков подполз и принялся ощупывать Войновского.

— Увы! — сказал Стайкин. — Опять я остался жив, как сказал мой боевой друг в сорок втором году, выходя из сгоревшего танка.

— Постойте, постойте, — перебил Войновский. — Ведь тут, рядом с нами, когда мы ползли, лежал кто-то?

— Позади вас человек полз, товарищ лейтенант. Неужели пропал?

— Беспалов его фамилия, — сказал Шестаков, — из артиллерии. Свояк нашего Молочкова. И выходит, за ним последовал?

— Беспалов! — закричал Стайкин. — Где ты?

Издалека донесся сердитый голос:

— Чего тебе? Отвяжись.

— Все целы, товарищ лейтенант, — сказал Проскуров. — Все на месте.

— Нет, нет, — взволнованно говорил Войновский. — Я прекрасно помню, кто-то еще лежал здесь, в цепи. Как раз на этом месте. — Войновский показал рукой на воронку. — Я отлично помню. У меня хорошая зрительная память.

— Впрямь был кто-то, — сказал Литуев. Проскуров наложил ему жгут, и Литуев перестал стонать. — Он еще огонька у меня просил, а я отвечаю: не курю.

— Память у тебя отшибло, — сказал Проскуров. — Это я у тебя огонька просил. А ты и сказал: не курю. А я, видишь, живой. Значит, это не я?

— Ты-то просил, это верно. А он тоже просил. Он тоже человек. Ой, тише ты! — Проскуров натягивал на раненую ногу валенок и сделал чересчур резкое движение, отчего Литуев вскрикнул.

— Кто же это? — спросил Шестаков, пугливо оглядываясь по сторонам.

— Севастьянов! — крикнул Войновский.

Севастьянова слегка отбросило взрывом в сторону, но он, кажется, даже не заметил, что рядом разорвался снаряд, и по-прежнему лежал, закрыв глаза и улыбаясь своим мыслям. Он все-таки услышал Войновского, посмотрел на него и приподнялся на локтях.

— Севастьянов, вы же рядом были. Вы не помните, кто лежал здесь?

— Не помню, товарищ лейтенант, — сказал Севастьянов. — Может быть, и я. Не помню. — Он лег и снова закрыл глаза.

— Где же он? — задумчиво спросил Шестаков и посмотрел на воронку.—Может, взрывом отбросило?

— Был, истинно говорю, был человек,—живо говорил Литуев.—Он еще огня у меня просил, а я отвечаю: не курю. А кто такой — убей, не помню.

— А ты иди, — сказал Стайкин, — не задерживайся. Без тебя разберемся. Ты теперь тоже с довольствия снят.

— И то верно. Пойду, братцы, не поминайте ли-

хом. Живой буду, напишу. Прощайте, братцы. — Литуев пополз по льду, и раненая нога волочилась за ним, как плеть. Проскуров полз сбоку и поддерживал Литуева рукой.

— Из новеньких, может? — спросил Шестаков.

— Кострюков? — сказал Войновский.

— Кострюков еще утром уполз, товарищ лейтенант. Ему руку оторвало правую. Я сам его относил.

— Кто же это?

— Молочков! — воскликнул Стайкин. — Он самый.

— Он же убитый. — Шестаков посмотрел на Стайкина и покачал головой.

— Неужели не он? Ах, господи...

— А где Маслюк? — спросил Войновский.

Позади, за цепью поднялась рука, и громкий голос крикнул оттуда:

— Маслюк здесь. Живу на страх врагам. Сейчас с котелком к вам приду.

— Может, и не было никого, с перепугу мерещится. Такой снаряд жаханул.

— Человек не может пропасть? Правда? — спросил Войновский и посмотрел на Стайкина.

Стайкин пожал плечами, и вдруг глаза его сделались стеклянными. Войновский посмотрел по направлению его взгляда и вздрогнул. У края огромной воронки тихо и покойно покачивалась на воде белая алюминиевая фляга.

— Кто же это? А? — Войновский растерянно посмотрел вокруг и увидел, как солдаты быстро и молча расползаются прочь от воронки по своим местам. Шестаков посмотрел на воронку, быстро встал на колени, перекрестился и снова лег.

— Да, — сказал Стайкин. Он подполз к краю воронки, вытянул руку, поймал флягу, поболтал ею в воздухе. — Есть чем помянуть. Запасливый был человек.

Шестаков снова посмотрел на Стайкина и покачал головой. Войновский подполз к воронке и заглянул в воду. Вода была темная, глубокая и прозрачная. Она негромко плескалась о ледяную кромку, и Войновский ничего не увидел в глубине — только низкое, серое небо и свое лицо, незнакомое, искаженное и качающееся.

глава XI

Сергей Шмелев видел, как двухсотсемимиллиметровый снаряд упал прямо в середине второй роты и ледяной покров озера дважды поднялся и опустился, когда ударная волна прошла сначала по льду, а потом по воде. Шмелев послал Джабарова узнать, что там натворил снаряд, а сам остался лежать. Он ничем не мог помочь своим солдатам, и душная тревога все сильнее сдавливала сердце.

Впереди был берег. Позади простиралось ледяное поле, холодное и безмолвное, и туда тоже не было пути. Пятнадцать часов было контрольным временем боевого приказа. Красная стрела, начертанная уверенной рукой на карте, уже дошла до железнодорожной насыпи и вонзилась в нее. Стрела не знала и не желала знать, что на свете есть пулеметы, тяжелые фугасные снаряды, холодный лед, огненные столбы воды.

Шмелев посмотрел на часы и невесело усмехнулся. Было десять минут четвертого. Пошел мелкий снег. Он падал на лед, на землю, на ленту шоссе, на рельсы и шпалы далекой железной дороги. Берег затянулся зыбкой переливающейся сеткой.

Шмелев перевернулся на спину и закрыл глаза, чтобы не видеть падающего снега. Он лежал, закрыв глаза, стиснув зубы, ему казалось — еще немного, и он найдет выход. Лишь бы на минуту забыть обо всем, сосредоточиться на самом главном — и он узнает, что надо сделать, чтобы пробиться к берегу сквозь лед и снова обрести землю.

Тонко запищал телефон. Шмелев открыл глаза. Плотников по-прежнему лежал на спине. Лицо его стало белым, в глазницах скопилось немного снега, и глаза не стали видны. Шмелев пристально всматривался в белое застывшее лицо, словно мертвый мог открыть то, что искал живой. Щиток лежал у головы Плотникова и все время отвлекал внимание Шмелева. Шмелев вдруг разозлился на щиток, изловчился и что было сил пустил его по льду. Щиток покатился, дребезжа и царапая лед.

Телефон запищал снова. Григорий Обушенко сообщал, что видит на севере двое аэросаней, которые миновали пункт разгрузки и следуют к берегу.

Шмелев с досадой приподнялся на локтях. За тонкой сеткой падающего снега быстро катились по льду две серебристые точки. Гул моторов все явственнее пробивался сквозь треск пулеметов.

— Пойдешь встречать?

— Сами приползут.

Полковник Славин подполз к Шмелеву, и лицо его не обещало ничего доброго. На Славине был чистый свежевыглаженный маскировочный халат, на шее болтался автомат, а пистолет заткнут прямо за пояс. За Славиным гуськом ползли автоматчики. Пулемет выпустил длинную очередь, но Славин даже не пригнул головы.

Шмелев пополз навстречу. Часто дыша, они сошлись голова к голове. Красивое лицо Славина было искажено от ярости.

— Почему вы лежите? — спросил Славин. — На сколько назначена атака?

— Атака будет через час, товарищ полковник. Вы не опоздали.

— Не думайте, что я приехал для того, чтобы лежать рядом с вами. Атака будет через двадцать минут. Вызовите сюда командиров рот.

— Она будет девятой...

— И последней, — оборвал Славин.

— Товарищ полковник, прошу выслушать меня. Мне все время недостает тридцати секунд.

— Не понимаю вас.

— Только тридцати секунд. Пока немцы увидят, как мы поднимаемся в атаку, пока они передадут команду на свои батареи, пока там зарядят орудия, пока прилетят снаряды — на все это уходит полторы минуты. А чтобы добежать до берега, нам надо две минуты. Тридцати секунд не хватает, и мы натыкаемся на огневой вал. Я рассчитываю, что в сумерках они будут работать медленнее, и я возьму то, что мне недостает.

— Вам недостает решимости заставить солдат идти вперед и не ложиться. Вы сами дали противнику возможность выиграть время и пристреляться. Куда вы смотрели, когда вам помогали самолеты?

— Атака штурмовиков не дала особого эффекта. По всей видимости, у них очень крепкие блиндажи.

— А у вас, я вижу, слабые нервы. Вы преувеличиваете, капитан. Только я еще не понял — зачем? Или вы забыли о том, что обещали генералу?

— Очень хорошо помню об этом, товарищ полковник.

Пуля шлепнулась, сочно чавкнув. Она вошла в лед под самым локтем Славина; Шмелев увидел, как на поверхности льда образовалась и тотчас затянулась водой крохотная дырочка. Славин и бровью не повел, лишь несколько отодвинул локоть и раскрыл планшет с картой.

— На колокольне — немецкий снайпер, — сказал Шмелев.

— А это кто? — спросил Славин, кивая в сторону Плотникова.

— То же самое. Мой начальник штаба. — Шмелев оглянулся и посмотрел на Плотникова. Снега на лице стало больше, снег был теперь и на бровях и на лбу под каской.

Славин усмехнулся.

— Даже снайпера себе завели. Я вижу, немцы работают на вас.

— Немцы, товарищ полковник, работают против меня.

— Хорошо, капитан. Будем считать, что на первый случай мы выяснили наши отношения. Не будем уточнять частности. Нам надо делать дело. Покажите мне систему обороны на берегу.

— А как же командиры рот — вызывать? — Шмелев не мог понять, отчего он испытывает такую неприязнь к этому красивому полковнику.

— Вызовите командира второго батальона. Он еще жив?

— Докладываю обстановку, — Шмелев повернулся лицом к берегу.

— Доложите обстановку.

Такие слова произнес майор Шнабель, комендант немецкого гарнизона, обороняющего берег.

Немец сидел в глубоком плющевом кресле, держа в руке телефонную трубку. На письменном столе перед немцем лежала только что полученная телефонограмма. В блиндаже было тепло, у двери слабо гудела печка. За ширмой виднелись две же-

лезные кровати, покрытые коричневыми одеялами. Из узкого окна, пробитого под самым потолком, падал свет. Стены были обшиты листами фанеры, на них — картинки из иллюстрированных журналов. Чуть повыше висели ходики с поднятой гирей. На противоположной стене в одиночестве висел большой портрет Гитлера в деревянной рамке.

— Установили? — спросил Шнабель в телефон.

— Так точно, господин майор, — ответил собеседник Шнабеля. — Точно там, где вы приказали.

— Русские не заметили вас?

— О нет, господин майор. Мы закрыты щитом. Но скоро мы его сбросим.

— Какова мощность?

— О, господин майор, на русских хватит вполне. Я обещаю вам, что это будет не хуже, чем в Тиргартене в день салюта.

— Отлично, лейтенант. Мы ни за что не должны отдать русским эту дорогу. Я только что получил телефонограмму из ставки и первым сообщаю вам о ней. Автострада должна служить Германии. — Майор Шнабель покосился на портрет Гитлера. — Ни в коем случае не начинайте без меня. Я приду к вам, как стемнеет. Я сам хочу посмотреть на это зрелище.

...— Учтите, капитан, — сказал полковник Славин, — об этой операции знает Ставка. Дорога должна быть взята во что бы то ни стало.

Шмелев ничего не ответил. В последние дни на берегу он только и слышал про эту дорогу. Все, кому не лень, говорили о ней. А все-таки брать ее придется Шмелеву.

— Ну что ж, пойдемте на исходный рубеж, — сказал Славин.

Стрельба на берегу почти прекратилась. Стало тихо. Над Устриковом поднялась первая ракета. Она тускло светилась сквозь летящий снег и упала далеко на правом фланге. Тонкий дымный след остался там, где пролетела ракета, и снег на лету постепенно заметал его.

На берегу послышался глухой гул. К повороту шоссе выполз немецкий танк — черный силуэт его, квадратная башня с длинным пушечным стволом размазанно проступили сквозь падающий снег.

Танк остановился и развернул пушку в сторону озера. Следом двигался второй, третий... Они проходили мимо стоявшего танка и, сердито урча, скрывались в деревне. Танк на берегу настороженно поводил пушкой.

— Прикажете открыть огонь? — спросил Шмелев.

— Ни в коем случае. Это очень важно, что они идут именно туда. — Славин принялся считать. — Пять, шесть, семь...

Танк на берегу медленно двинулся за последним танком и скрылся за домами.

— Восемь! — торжественно закончил Славин.— Вы понимаете, что это значит? Немедленно передайте донесение в штаб армии — на юго-запад прошли восемь немецких танков типа «пантера».

Шмелев отослал связного и пополз к берегу. За ним полз Славин, чуть сбоку — Обушенко. Они двигались наискосок, забирая влево, чтобы выбраться из зоны действия немецкого снайпера и выйти к цепи ближе к центру.

Впереди стали видны фигурки солдат, лежавших на льду. Славин обогнул Шмелева, быстро двигая ногами, пополз вперед.

Вокруг огромной широкой проруби лежали солдаты. Вода неслышно плескалась о кромку.

Молодой круглолицый офицер приподнялся и доложил полковнику, что взвод готовится к атаке.

— Ну и дыра у вас, — заметил Славин, глядя на воронку. — Целое озеро.

— Двухсотсемимиллиметровый, — сказал Войновский. Он лежал сбоку и не сводил глаз со Славина.

Славин усмехнулся:

— Я вижу, вам тут нравится больше, чем на берегу.

— Там же фрицы, товарищ полковник, — сказал бойкий солдат с вывороченной губой. — Не пущают.

— Давайте попробуем вместе. Может быть, пустят. Нам необходима эта деревня и особенно шоссейная дорога. Понимаете? Эта главная рокадная дорога в тылу врага, и мы должны во что бы то ни

стало перерезать ее. От этого зависит судьба наступления всей нашей армии.

Ракеты на берегу светились все ярче. Темнота сгущалась, разливалась над озером.

— Джапаридзе, секундомеры.

Грузин достал из полевой сумки три небольшие коробочки и протянул их Славину. Шмелев почувствовал, что дрожит от холода. Он потянулся было к коробочкам, но Славин строго посмотрел на него, накрыл коробочки планшетом.

Полковник Славин принял решение. Ровно через десять минут после того, как будут включены секундомеры, цепь поднимется и пойдет в атаку. Капитан Шмелев — на правом фланге, старший лейтенант Обушенко — на левом. За собой Славин оставлял центр. Цепь начнет двигаться к берегу без сигнала, и пройдет по крайней мере полминуты, прежде чем немцы заметят начало атаки.

— Средства поддержки включаются в действие после того, как противник обнаружит цепь и первым откроет огонь. На этом мы тоже выиграем время. — Славин замолчал и оглядел офицеров.

Шмелеву делалось все холоднее, и он с горечью подумал о том, что будет лучше, если он останется на льду вместе с теми, которые уже лежат там, потому что он не сумел привести их к берегу.

Григорий Обушенко слушал Славина и часто кивал головой. Когда Славин кончил, Обушенко посмотрел на Шмелева, но Шмелев не ответил на его взгляд и отвернулся.

Юрий Войновский слушал Славина, чувствуя, что в его жизни сейчас произойдет что-то очень важное и необыкновенное.

— Что же вы молчите, капитан? — спросил Славин.

— Товарищ полковник. Я был не прав. Я переоценил свои силы. — Шмелев говорил, чувствуя, как все в нем дрожит мелкой дрожью.

— Меня не интересует, что было вчера, — сухо ответил Славин. — Я хочу знать, когда вы будете готовы?

— Я готов, товарищ полковник. Приказывайте, — Шмелев встал на колени и твердо посмотрел на Славина.

— Теперь возьмем, гады. — Обушенко прибавил ругательство.

Славин передал им секундомеры:

— Внимание. Включаем.

Шмелев и Обушенко побежали вдоль цепи — в разные стороны. Стало еще темнее, фигуры бегущих быстро слились с темнотой. Проводив их глазами, Славин поднес к лицу секундомер, на мгновение осветил циферблат фонариком.

— Приготовить гранаты.

Пулемет на берегу выпустил короткую очередь. Было слышно, как пули входят в лед неподалеку. Раздался негромкий вскрик. Войновский обернулся и увидел, что Славин сидит и рвет зубами индивидуальный пакет, а левая рука безжизненно висит вдоль туловища.

— Черт возьми, — сказал Славин. — Я, кажется, ранен.

— Санитара, санитара сюда! — выкрикивал за спиной Войновского голос с резким грузинским акцентом.

Справа подбежал солдат с автоматом. Войновский узнал Шестакова.

— Скорей!

Шестаков опустился перед Славиным.

— Вы санитар? — спросил Славин.

— Не бойтесь, товарищ полковник, — говорил Шестаков, ощупывая в темноте Славина. — Я сегодня восемь человек перевязал, одного лейтенанта. Полковников, правда, не приходилось перевязывать. Но пуля, она дура, ей все равно, что ефрейтор, что полковник. Куда же вас стукнуло, не сюда?

Славин заскрипел зубами.

— Сюда, значит. Высоко. Выше локтя. С какой бы стороны к вам лучше подобраться?

— Рэзать надо, — сказал грузин.

— Как же так — резать? — сказал Шестаков. — Сукно-то какое... Может, расстегнуть лучше.

— Скорее же!

— Сейчас, сейчас, товарищ полковник. Прилягте сюда, на бочок. Вот так. Теперь мы мигом сообразим. — Шестаков разрезал финкой рукав халата и снова сказал: — Ах, товарищ полковник, сукно-то какое...

— Режьте же, черт вас возьми! — Славин не выдержал и выругался.

— Рэзать! — грозно приказал грузин.

Послышался треск разрезаемого сукна. Шестаков замолчал и больше не говорил. Славин лежал на спине, время от времени скрипел зубами. Лицо его смутно белело в темноте.

— Возьмите секундомер, — сказал он. — Сколько времени?

Сверкнув фонариком, автоматчик посмотрел на секундомер.

— Прошло семь с половиной минут, товарищ полковник. Осталось две двадцать пять.

— Кто из офицеров есть поблизости?

— Я здесь. — Войновский встал на колени перед Славиным.

— Слушайте, лейтенант. Вы поведете в атаку центр. Вместо меня. Я уже не смогу теперь. — Чувствовалось, что Славин с трудом сдерживается, чтобы не закричать от боли. — Запомните, лейтенант. От вашего мужества будет зависеть судьба атаки. Судьба всей операции «Лед».

— Так точно, товарищ полковник. Я сделаю, товарищ полковник, я сделаю, даю вам слово, — торопливо говорил Войновский.

— Я буду смотреть за вами. Я хочу своими глазами увидеть, что вы взяли берег. Возьмите секундомер.

Войновский зажал секундомер в руке.

— Товарищ полковник, большая потеря крови, — сказал грузин. — Вам надо немедленно эвакуироваться.

— Сколько осталось? — спросил Славин.

— Пятьдесят пять секунд, товарищ полковник, — ответил Войновский, посветив фонариком.

— Очень сильная боль. Вы не видели, есть ли выходное отверстие?

— Насквозь, товарищ полковник, — сказал Шестаков. — Касательное проникающее называется. Аккурат Молочкова утром так же ранило. Первая у вас, товарищ полковник?

— Первый раз.

— С боевым крещением, значит, вас. А то что

же, на войне побывать и пули не поймать. Готово, товарищ полковник. Жгутиком бы надо, да нету.

— Вы следите? Сколько?

— Двадцать две секунды, товарищ полковник.

— Передайте капитану Шмелеву, чтобы он прислал донесение с берега.

— Я сделаю, товарищ полковник, все сделаю, вот увидете.

— Посмотрите еще раз.

— Десять секунд, товарищ полковник. Семь.

— Идите, лейтенант. Помните, что я сказал.

Войновский поднялся и пошел навстречу ракетам. Шестаков догнал его и зашагал рядом.

Берег был точно таким же, как на рассвете, когда они шли к нему в первый раз, с той лишь разницей, что теперь они знали, какой это далекий берег. И ракет стало больше, чем на рассвете. И пулеметы уже не молчали, как утром.

Солдаты шли, чуть пригнувшись. Фигуры их, расходясь в обе стороны и назад, постепенно растворялись в темноте, и Войновскому казалось, будто за спиной у него два сильных крыла и они легко и неслышно несут его к берегу.

Пулеметы забили чаще. Снаряд просвистел над головой, оглушительный пушечный выстрел раздался сзади. Войновский поднял автомат и закричал:

— Отомстим за кровь наших товарищей! Вперед! Ура-а-а! — и побежал, не оглядываясь, стреляя из автомата. Диск кончился, он выбросил его на бегу и вставил новый. Выброшенный диск, подпрыгивая, катился некоторое время впереди, потом завалился набок и укатился в сторону.

Шестаков бежал следом. Он увидел на льду выброшенный диск, поднял его, прицепил к поясу и побежал дальше, стараясь не потерять из виду Войновского.

Ракеты на берегу зажигались одна за другой, обливая ледяную поверхность безжизненным светом. Гулко ухнул разрыв. Столб огня и воды вырос перед Шестаковым, закрыл Войновского. Шестаков бежал не останавливаясь. Водяной столб рассыпался, фигура Войновского снова показалась впереди. Ледяные брызги обдали Шестакова, он захватил в грудь больше воздуха, бросился вслед за Войновским.

Ослепительная голубая полоса вспыхнула вдруг на льду. Лед задымился, засверкал под ногами. Темные фигурки заметались по полю, ослепляющий холодный свет подкашивал людей, они падали и кричали. Шестаков увидел, как Войновский вбежал внутрь слепящей полосы, резкая тень прочертилась по льду, и Войновский исчез. Еще не понимая, в чем дело, Шестаков добежал до голубой дымящейся полосы, вбежал в нее. Его тотчас хлестнуло по глазам. Он закричал от боли, однако удержался на ногах и не перестал бежать. Свет померк и ушел назад. Бледная желтая ракета висела над головой, черная полоса берега надвинулась на Шестакова.

Шестаков услышал впереди частый стук автомата. Набежал на Войновского, упал, вытянув руки.

— Стой, — в ужасе прошептал он. — Куда же ты?

— Вперед! — Войновский оглянулся и застыл с раскрытым ртом. Глаза его, горевшие голубым огнем, вдруг погасли. Голубая полоса исчезла, и даже ракеты не могли разогнать внезапной темноты, упавшей на лед. Над головой работал крупнокалиберный пулемет. Пули свистели поверху и уходили в темноту.

— Тихо! — приказал Шестаков.

— В чем дело? — Войновский стоял на коленях и, ничего не видя, ощупывал руками воздух впереди себя.

— Тихо! — повторил Шестаков. — Мы в плен попали. Ползи вперед.

глава XII

Полковник Славин наблюдал за движением цепи в бинокль. Он видел, как солдаты побежали после выстрела пушки, услышал далекое «ура», прокатившееся по полю.

Ракеты освещали ледяную поверхность, и картина боя предстала перед Славиным, схватываемая единым взглядом. Вспышки пулеметов и пушек по всему берегу, росчерки ракет, разрывы снарядов, встающие на льду, сзади тоже бьют пулеметы, пушки, и снаряды рвутся на берегу. А в середине, меж двух огней, цепь атакующих, бегущая вперед тре-

мя углами, как три волны с острыми гребнями. Ничто не заслоняло на плоском поле эту обнаженную систему боя, и она предстала перед Славиным в чистом первозданном виде, как схема на боевой карте, начертанная умелым штабистом.

Славин сделал неловкое движение, поднимая бинокль. Острая боль обожгла тело, голова наполнилась туманом. Он опустил бинокль, пережидая, когда утихнет боль.

— Господи, помоги, господи, помоги, — без устали твердил связист, лежавший за телефоном.— Хорошо пошли, помоги, господи.

Боль в руке утихла. Полковник Славин смотрел, как четко и красиво исполняется его замысел, и думал о том, что он не покинет поле боя и пойдет в деревню после того, как она будет взята; там хирург сделает ему антисептическую повязку, и он пошлет донесение о том, что деревня взята и он ранен на поле боя.

Ослепительная голубая полоса рассекла темноту. Было видно, как люди падают на бегу, взмахивают руками, бросают оружие.

— Боже мой, боже мой, — твердил тот же голос. — Что же это, боже мой? Помоги, господи.

И тогда полковник Славин отчетливо понял, что они никогда не возьмут берег. Не помня себя, он вскочил на ноги.

— Противотанковая, огонь! — Славин резко взмахнул рукой. Острая боль вошла в него, и он потерял сознание.

Луч прожектора вошел в самую середину цепи, отрезав берег от бегущих к нему людей. Мощный прожектор светил с левого фланга вдоль берега, и Шмелев мгновенно подумал: «Сволочь». Так он думал о неизвестном ему немце, который догадался поставить прожектор именно там, на фланге. Лучшего места нельзя было придумать. Ослепленные люди метались в полосе луча, и пулеметы били по ним.

Прожектор повернулся. Голубой луч медленно пополз по льду, преследуя бегущих, подобрался к Шмелеву. Лед сверкал и дымился, огненный снег кружился в воздухе. Шмелев бежал и никак не мог

выбежать из этого дьявольского луча. Отчаянье, рожденное бессилием, гнало его вперед. Прямо перед собой он увидел длинное противотанковое ружье и солдата, лежавшего ничком.

— С землей целуешься? Стреляй!

Солдат поднял голову. Глаза его слезились. Луч прожектора медленно прополз по стволу ружья.

— Заряжай! — Шмелев достал патрон, и тело его тотчас сделалось тяжелым и всесильным.

Острая точка ослепительно сверкала на берегу, впивалась в глаза. Он долго целился, прежде чем нажать спуск. Приклад ударил в плечо, он уже видел, что промахнулся.

Луч прожектора вздрогнул, пополз назад, нащупывая его. Пулеметы на берегу повернулись, сошлись в точке, где лежал Шмелев, но он ничего не замечал и продолжал стрелять. Вскрикнул раненый солдат. Сверкающий свет напολз, обволок, острые иглы вонзились в глаза. Бледные разрывы вставали кругом.

Пуля косо ударила в каску, в голове загудело звонко. И тогда он собрал все обиды, всю горечь и словно выплеснул все это из себя вместе с выстрелом. Что-то вспыхнуло внутри ослепительного острия иглы, разорвалось брызгами во все стороны. И сделалось темно, радужные круги поплыли в глазах. Он закрыл глаза, но круги не уходили. Каска продолжала звенеть, он почувствовал, что поднимается в воздух, а моторы гудят на высокой ноте. Он летел, стремительно набирая скорость, и тело наливалось тяжестью. Вокруг сделался туман — он понял: проходим сквозь облака; жаркий огонь вспыхнул в глазах — понял: солнце. Солнце стало быстро уменьшаться, потухло, и на месте его одна за другой начали загораться звезды. Стремительно и неслышно вращаясь, небесные тела проносились мимо, кололи острыми иглами, испуская зеленый холод. Тело все больше наливалось свинцовой тяжестью, и Шмелев понял: земля не отпускает его от себя, потому что люди на земле еще стреляют друг в друга, он должен быть среди них — еще не пришло время улетать к звездам.

Бой утихал. На ледяное поле спустилась темнота. Джабаров подбежал к Шмелеву и лег рядом.

Другая тень промелькнула в темноте, шлепнулась о лед.

— Сергей, Сергей! — в отчаянии кричал Обушенко.

— Не трогайте его, — сказал Джабаров. — Он отдыхает.

Шмелев лежал на спине, раскинув руки, с лицом, сведенным судорогой. Трясущимися руками Обушенко отстегнул флягу, начал лить водку в рот Шмелева. Жидкость тонкой струйкой пролилась по щеке. Шмелев сделал судорожное движение и проглотил водку. Лицо разгладилось, он задышал глубоко и ровно.

Обушенко стоял на коленях и тряс его за плечи.

Шмелев удивился, увидев Обушенко, и спросил:

— Ты живой? — и снова закрыл глаза.

— Очнись, очнись! — кричал Обушенко.

— Где Клюев? — спросил Шмелев. — Он пойдет с нами. Скажи ему.

— Клюев убит. Плотников убит. Все убиты. Ты один остался. Очнись.

— Собери всех вместе. Скажи им — они пойдут с нами. Они должны пойти. Собери их.

— Сергей, Сергей! — кричал Обушенко, а зубы его сами собой стучали от страха.

— Он спит, — сказал Джабаров. — Не мешайте ему.

— Я сейчас, — внятно сказал Шмелев. — Я сейчас приду.

В зале погас свет, на экране зажглись слова: показывали специальный выпуск новостей. Оркестр играл марш, испанцы бежали в атаку на фалангистов. Они бежали по склону горы, сквозь редкий колючий вереск. Пули вспарывали скалу, белая пыль снежно поднималась вокруг бегущих, пот катился с них градом, музыка играла боевой марш — кинохроника была самая настоящая. Солдаты бежали, ложились за камнями, вскакивали, опять бежали через вереск. Одного, тонкого, чернявого, показали крупным планом, он бежал с оскаленным ртом и стрелял из винтовки, а потом лег на белые камни и больше не встал, потому что так могут лежать только мертвые. А я все ждал, когда же

он поднимется: я тогда не знал еще, как должны лежать мертвые; он все еще лежал, и Наташа схватила в страхе мою руку, но его больше не показывали. Мы вышли из зала. На улице стоял дикий мороз, белые сугробы тянулись вдоль тротуара, и нам некуда было деться. Я купил билеты, и снова мы увидели, как он бежит, оскалив рот, падает и лежит. А нам было по восемнадцать, и некуда было деться — мы в третий раз пошли целоваться в темный зал. И опять увидел, как тот чернявый, который упал, снова бежит с оскаленным ртом, а потом падает мертвый. «Смотри, опять он бежит», — сказала она, прижимаясь ко мне и дрожа. А испанец опять бежал и падал мертвый, потом снова стрелял и снова мертвый, стреляет мертвый, бежит мертвый, опять встает и бежит — пока были деньги на билеты. Мы ушли из кино и больше не целовались, потому что стоял дикий мороз и сугробы лежали кругом. Мы не вспоминали о нем, но испанец шел с нами. Наташа вдруг прижалась ко мне и спросила: «Боже мой, что же будет? А вдруг это всерьез и надолго?» А я даже не поцеловал ее, чтобы успокоить, я не знал тогда, что можно любить в мороз, ненавидеть в мороз, убивать в мороз, целовать в мороз, — ведь замерзшая земля — все равно наша земля, и пока мы на ней, мы будем любить и ненавидеть.

Обушенко запрокинул голову и пил из фляги долгими глотками. Шмелев открыл глаза и снизу смотрел на Обушенко; ему казалось, будто у Обушенко нет головы, а руки сломаны.

— Оставь глоток, — сказал Шмелев.

У Обушенко тотчас появилась голова, руки встали на свое место. Шмелев сделал глоток и сел, поджав ноги. Ракеты поднимались, били пулеметы — на поле все было по-прежнему. Шмелев снял каску, шум в голове стал тише. Пуля ударила в каску сбоку, оставив глубокую вмятину как раз против виска. Обушенко подвинулся и тоже рассматривал каску. Шмелев насмотрелся вдоволь, надел каску, затянул ремешок на подбородке.

— Принимай команду, капитан, — сказал Обушенко.

— Кто из ротных у тебя остался?

— Ельников, третья рота. Давай объединяться в один батальон.

— Давай, — сказал Шмелев. — Все-таки я возьму этот распрекрасный берег. Назначаю тебя своим заместителем.

— Вместо кого?

— Вместо Плотникова, вместо Рязанцева, вместо Клюева — вместо всех. Будешь и по штабной, и по строевой, и по политической.

— Раздуваешь штаты? — Обушенко глухо засмеялся в темноте. — Здорово же тебя жахануло. Хана, думаю, полетел к звездам. Кто теперь надо мной командовать будет? — Он говорил и смеялся все громче неестественным срывающимся смехом.

— Ты, я вижу, теперь доволен?

— Ой, Сергей! Ой, как я теперь доволен...

— Получил такую войну, о которой мечтал?

— Теперь мне хорошо: живу...

— Но берегись. Теперь я покомандую. — Шмелев тоже засмеялся, сначала несмело, а потом громко и отрывисто. — Я теперь тебе спуска не дам. Ты у меня побегаешь.

— Один тут захотел командовать, да голос сорвал.

— Где же он? Куда запропастился?

— В руку стукнуло. Даже в атаку подняться не успел.

— Жаль. Неплохой парень. Хоть и красавчик.— Шмелев натянул рукавицу, нащупал внутри холодный плоский предмет. Вытащил секундомер. Маленькая стрелка на внутреннем циферблате показывала, что прошло девятнадцать минут с того момента, как был включен секундомер.

Вдалеке послышалось гуденье мотора.

— Слышишь? — спросил Обушенко. — Покатил. Секундомер на память оставил. Х-ха. — Обушенко снова засмеялся срывающимся смехом.

— Нам с тобой таким подарком не отделаться. Нас отсюда на санях не повезут. — Шмелев расхохотался.

— Персональный самолет за нами пришлют. Посадка прямо на льдину. Готовь посадочные зна-

ки. Начинаем дрейфовать. — Обушенко схватился за живот и повалился на бок.

Они смеялись все громче. Они катались по льду и задыхались от смеха. Джабаров сначала с удивлением смотрел на них, затем нервно хихикнул и тоже захохотал.

— Вам, товарищ капитан, в снайперы надо записаться.

— Куда ему, — подхватил Обушенко. — С пяти выстрелов попасть не мог. Все патроны перевел. Мы теперь без патронов остались. Капут.

— Замполит раздобудет. Ха-ха...

— Опять станешь в белый свет палить?..

Тяжелая пуля противотанкового ружья разнесла на куски зеркальную часть прожектора, разорвала и замкнула электрическую проводку. Брошенный, осевший набок прожектор одиноко чернел у щита, сколоченного из досок, а за щитом, светя фонариками, суетились солдаты — комендант немецкого гарнизона майор Шнабель лежал там на снегу в луже крови. Первая пуля, пущенная Шмелевым, уложила наповал немца, когда тот стоял на берегу рядом с прожектором и смотрел, как ослепленные цепи русских мечутся по льду.

Сергей Шмелев не промахнулся, но не знал этого, иначе он сумел бы ответить Обушенко по-другому. Не знал Шмелев и того, что он еще встретится с мертвым Шнабелем, но тогда ему будет не до смеха.

глава XIII

— Бери левее, — сказал Шестаков. Он говорил одними губами, но Войновский услышал, понял его.

Шестаков вонзил лопату, железо звякнуло о камень; оба застыли, подняв головы, вглядываясь в черноту обрыва. Прямо над ними работал крупнокалиберный пулемет, тот самый, против которого они лежали на поле. Верхний накат нависал над обрывом, язычки огня остро выскакивали, бились под бревнами. Хлопнув, взлетела ракета.

Шестаков осторожно вытащил лопату и посмотрел в ту сторону, куда бил пулемет. Лед незаметно переходил в береговую отмель, лишь по пологому

заснеженному подъему можно было догадаться — это уже не лед, а берег. Два больших валуна торчали из-под снега. Сразу после валунов отмель кончалась. Берег поднимался обрывистым уступом, заметенным до самого верха.

Войновский и Шестаков копали нору в снежном намете под обрывом, замирая каждый раз, когда ракета пролетала над ними и мертвый свет заливал обрыв, снег, лед у берега.

— Увидят, — быстро сказал Шестаков одними губами.

Войновский опять понял, но ничего не ответил. Шестаков передал лопату, отталкиваясь руками от Войновского. Снег был сухой, он скрипел, легко приминался под грузным телом Шестакова. Шестаков поерзал задом, усаживаясь поудобнее, потом двинул плечом, вдавливая снег в сторону. Войновский протиснулся спиной на выдавленное место. Оба часто дышали, вслушиваясь, как бьет пулемет над обрывом.

Теперь их можно было увидеть лишь со стороны озера. Ракеты освещали его поверхность призрачными кругами, темнота за этими кругами казалась еще плотнее.

— Вот и устроились,—сказал Шестаков, прижимаясь к Войновскому, часто дыша ему в ухо.— Здесь еще лучше, чем на льду, в снегу закопаться можно.

— Тише, — сказал Войновский.

— Лишь бы не увидели, а услышать не услышат.

В черной глубине возникли, перескакивая с места на место, неяркие вспышки. Выстрелы дошли до берега, в ответ забили пулеметы. И вдруг сквозь выстрелы до Войновского дошел еще один звук, тонкий, взвизгивающий, чмокающий, — чуть ближе, чуть дальше — и снова чмок-чмок-чмок. Войновский все еще не понимал, что это.

— Господи помилуй, — зашептал Шестаков.— Наши... Прямо в нас... Маслюк бьет. — Шестаков схватил лопату, принялся выбрасывать из-под себя снег. Войновский загребал снег каской. В снегу за валуном образовалась дыра, и они полезли туда, приминая снег спинами.

— Пронесло, кажется, — выговорил Шестаков.

— Мокро, — сказал Войновский. — За ворот попало.

— В снегу-то мы не замерзнем, — Шестаков деловито ворочался, отстегивая гранаты. — Сейчас разберемся, осмотримся. Гранатки вот надо разложить.

— Сколько у нас?

Итак, на двоих было шесть гранат и четыре магазина с патронами. Шестаков раскладывал гранаты в ногах, поворачивая их кольцами вверх. Сбоку положил диски, вдавив их в снег до половины. Автоматы сняли, поставили у валуна.

— Время сейчас такое — не разживешься.

— Какое время?

— Военное время. Нехватка изобилия. Даже на снаряды карточный счет заведен.

— У меня еще секундомер есть, — сказал Войновский, запуская руку в карман. Секундомер был пробит пулей, стрелки остановились на двенадцатой минуте.

Шестаков испуганно схватился за флягу. Фляга была целая и почти полная. Они выпили по очереди, фляга сделалась заметно легче. Шестаков вдавил ее в снег рядом с дисками.

— Убьют — и не выпьешь перед смертью, — сказал он и вздохнул.

Водка согрела, приободрила их. Поджав колени к подбородку, прижавшись друг к другу, они сидели в снежной норе и вели тихий разговор.

— Не страшно умереть, — говорил Шестаков,— а страшно, что вот умрешь так и бабу перед смертью не обнимешь.

— А как их обнимают? — Войновский не знал этого и боялся спрашивать, но водка придала ему храбрости.

— Как все, так и я. Ох, моя горячая была. Огонь! Уж мы с ней баловались, баловались...

— Горячая любовь? Да?

— Любовь не любовь, а баловались. Для жизненного интереса. Как сойдемся с вечера, так до самой зорьки балуемся. Ты не смотри, что я в годах, я мужик крепкий. А Даша — кровь с молоком. Любила баловаться. Просто страсть как баловалась. Вспомню — сердце заходится.

— Жена?

— Я на стороне не баловался, упаси, господи. Как перед богом говорю: своя, законная. Вот что страшно — законная, а не обнимешь. А как баловалась...

— А дети у вас есть?

— Три дочки. Я мужчина сильный, от меня одни дочки рождались. Старшая, Зина, с тебя почти. Рослая. Волосы русые, гладкие, а сама сильная, гибкая. Я ведь тебя сам тогда выбрал, всю правду говорю.

— Как — выбрал? — удивился Войновский.

— А тогда, в Раменках, где рыбу глушили. Старшина велит: иди к командиру роты, сапоги возьми на чистку, который у окна спит. Я подошел — выбираю себе по душе. Ты так сладко спал, губами чмокал, совсем как моя Зина. А тот человек служебный, я к нему не пошел. Старшина потом сильно ругался.

— Вы мне тогда, на берегу, жизнь спасли, Шестаков. Я этого никогда не забуду. После войны мы обязательно поедем к моей матери.

— Зачем? Если жив буду, домой поеду. Ах!..

Снаряд полковой пушки ударил по валуну, обдав их огненными брызгами, снегом, каменной крошкой. Они в испуге прижались друг к другу, ожидая новых снарядов. В воздухе резко запахло жженым кремнем.

— Опять по своим бьет...

Войновский не успел ответить. Пули часто застучали по каменистому обрыву. Войновский втянул голову в плечи. Голова Шестакова билась о его плечо.

— Даша, Даша... — Тело Шестакова сотрясалось от рыданий. — Прощай, Даша.

— Замри! — Войновский схватил Шестакова, принялся трясти.

Шестаков поднял голову и с тоской посмотрел на Войновского.

— Ах, зачем я побежал за тобой, лейтенант? Лежал бы сейчас у воронки со всеми вместе и горя не знал.

— Молчать! — сказал Войновский. — Приказываю вам замолчать.

— Теперь уж все равно. Если свои не убьют, утром немцы следы увидят и возьмут нас. Зачем я в Раменках к тебе подошел... пожалел...

— Будем драться. Живыми не сдадимся. — Холодный озноб бил Войновского — пули продолжали стучать по камням.

— Ты тоже хорош. Бежишь и не смотришь, что позади делается. Все легли, а ты бежишь. И я, дурак, за тобой бегу. Пропадет, думаю.

— Замолчите, Шестаков. Как вам не стыдно говорить так про себя?

— Дурак и есть. Стайкин правильно говорил.— Шестаков ткнулся головой в колени, замолчал.

Перестрелка внезапно прекратилась. Войновский осторожно выглянул из-за камня, но ничего не увидел в непроницаемой глубине озера. Ракета взлетела над берегом, в снегу на отмели стал виден глубокий извилистый след, который оставили они, подползая к обрыву. Войновский вздрогнул. Сверху донеслись голоса немцев.

— Es friert *, — сказал первый немец, стоявший в окопе.

— Die Russen sind nicht zu sehen, — сказал второй. — Will mal Leuchtkugeln holen **.

— Заметили, — прошептал Войновский и схватил гранату; он услышал два слова: «Die Russen» и «sehen», и ему показалось, будто немец говорит, что видит русских.

Голоса стихли. Немцы прошли по ходу сообщения. Было слышно, как хлопнула дверь блиндажа. Войновский положил гранату, придвинулся к Шестакову.

— Ушли, — сказал Шестаков.

— Ушли.

— Это нас за Ганса господь наказывает.

— При чем тут Ганс? Какие глупости.

— Истинно так. Недаром старики говорят: не бей собаки, и она была человеком.

— Какие старики? — не понял Войновский.

— Обыкновенные. Которые долго в мире жили и старыми стали. Нам уж до стариков не дожить.

---

* Подмораживает *(нем.)*.

** Что-то русских не видно. Пойду за ракетами *(нем.)*.

Все лето загорали на берегу, теперь расплата подошла — край жизни...

— Перестаньте, Шестаков. Мы обязаны что-то предпринять. Может быть, поползем к своим?

— Не пройти. Пулемет как раз напротив и два поста ракетных. Нет, обратно нам не пройти. Раз попали сюда — смирись!

Войновский выглянул из-за камня, и ему сделалось страшно — он сам не понимал отчего. Напряженная тишина сгустилась над озером. Ракеты беззвучно падали на лед, освещая стылую пустоту.

— А вдруг наши ушли?

— Куда же они денутся? — спросил Шестаков. — Лежат и горя не знают.

— Вдруг получен приказ на отход? Полковник увидел, что это бессмысленно, и отдал приказ на отход. Наши уже ушли. А мы здесь.

Шестаков посмотрел из-за камня на озеро, но там ничего не видно. Вдруг он вскрикнул, принялся торопливо вспоминать господа. Войновский увидел, как в черной глубине возникли расплывчатые тени. Пулеметы на берегу оглушительно заработали. Солдаты поднялись в рост, побежали. Фигуры бегущих возникали то в желтом, то в красном, то в зеленом прыгающем свете, пулеметы били в освещенные пятна и разрывали цепь на куски.

— Приготовить гранаты, — прошептал Войновский.

Наверху сухо щелкнуло. Все вокруг переменилось. Сильный свет облил ледяное поле, цепь атакующих осветилась из конца в конец, неровная, тонкая, слабая цепочка людей, бегущих к берегу под струями пулеметов.

Над озером неподвижно висела на парашюте ослепительная белая ракета. Бегущие вздрогнули, остановились. Донесся дробный перестук автоматов, пули застучали по камням. Больше Войновский ничего не видел: хрупким вздрагивающим комком прижался к холодному камню, всем телом ощущая, как пули свистят и шлепаются в обрыв, осколки сыплются, бьют по спине, и каждый удар кажется последним — камень снова бьет по спине — снова в последний раз — он был еще жив и слушал...

Осколки перестали сыпаться, а он все лежал и

вздрагивал. Шестаков прильнул к нему, жарко дышал в шею. Пулемет над обрывом продолжал бить длинными очередями, и это тоже было страшно: пулемет бил туда, где были товарищи.

— Ушли, — сказал Шестаков.

Войновский с трудом оторвался от камня. Ракета на парашюте все еще висела, искры осыпались с нее и гасли в воздухе. Вдалеке на правом фланге горела вторая ракета. Цепь уходила в темноту, унося раненых и убитых. Фигуры солдат скоро смешались с темнотой, стали расплывчатыми и смутными, вовсе исчезли. Ракета догорела. Тлеющий уголек опустился на лед и зашипел. Зеленые, красные ракеты поднялись над берегом. Несколько темных бугорков неподвижно лежали на льду.

— Слава те господи, — сказал Шестаков. — Живы пока. Наши, верно, отдыхают. А нас в расход списали... Старшина водку-то на нас получит, может, помянут нас...

— Холодно, — сказал Войновский. — Говорят, замерзнуть очень легко. Самая хорошая смерть.

— Всякая смерть нехороша. Потому сказано в писании: «Не убий!»

— Обидно было бы погибнуть от своей пули.— Войновский до сих пор не мог прийти в себя и забыть то страшное чувство, когда он лежал под холодным камнем и ждал конца.

— Всякая смерть человеческая несправедлива. Замерз, сгорел, утонул, взорвался, от пули помер — все одно несправедливо.

— Хорошо бы умереть сразу, неожиданно для самого себя. А потом уже ничего не будет, ни боли, ни страха.

— Вот оно и есть самое страшное, — сказал Шестаков. — Горе лютое.

— Знаешь что, Шестаков. Давай подороже продадим свои жизни. Если что, вылезем наверх и прямо к этому блиндажу, закидаем его гранатами — и погибнем. Ладно?

— Все одно уж, — равнодушно сказал Шестаков. Он сложил руки крестом на груди, откинул назад голову, закрыл глаза.

— Хочешь, я первый наверх полезу? А ты за мной, ладно? — Войновский дрожал от холода и

возбуждения. — Об одном прошу тебя, Шестаков. Если ты останешься после меня, забери мой медальон, он на груди висит. А потом, после всего, напиши письмо. В кармане лежит конверт с обратным адресом. Напиши, пожалуйста, по этому адресу в Горький, как ты видел мою смерть. Это невеста моя, пусть она тоже узнает.

— Тебя как звать-то? — спросил Шестаков, не открывая глаз.

— Юрий.

— А по батюшке?

— Сергеевич.

— Юрий Сергеевич, значит. А я Федор Иванович. Вот и обратались, значит, на краю...

— Ой, что это? — невольно вскрикнул Войновский.

Пулемет под обрывом давно не стрелял, в тишине стало вдруг слышно, как немец в блиндаже заиграл на губной гармошке. Немец играл «Es geht alles vorbei» *. Они не знали этой песни, ее протяжная горестная мелодия показалась им чужой и враждебной. Но и эта чужая песня говорила о человеческом страдании и надежде, и ее печальная мелодия зачаровала их. Они подвинулись теснее друг к другу, зачарованные чужой песней и страшась ее, потому что она снова напоминала им о том, как близко они от врага.

— Они убьют нас, — прошептал Войновский.

— А ты надейся, Юрий Сергеевич. Прижмись ко мне крепче, теплее будет. Ты не думай, вспоминай что-нибудь хорошее.

— Как только рассветет, они тотчас увидят наши следы.

— До утра дожить — и то спасибо.

— Холодно. Ой, как холодно, — сказал Войновский и закрыл лицо руками.

глава XIV

Старшина Кашаров полз вдоль цепи. Кашаров вовсе не хотел идти под огонь пулеметов и мог бы не делать этого, послав другого, но дело касалось

* «Все проходит мимо» — немецкая солдатская песня.

водки, а водку старшина боялся доверить даже себе. Старшина Кашаров исполнял свой долг: полз вдоль цепи, раздавая водку солдатам.

— Старшина?

— Он самый. — В свете ракеты Кашаров увидел худое синее лицо, заросшее щетиной. Солдат смотрел на старшину, глаза горели лихорадочным блеском. Ракета упала, глаза солдата потухли.

— В атаку скоро подымать будут? — спросил Проскуров. — Не слышал у начальства?

— Озяб? Грейся. — Кашаров откинул крышку термоса, зачерпнул водку алюминиевой кружкой.

— Поднеси сам, старшина. А то руки совсем закоченели, боюсь, расплескаю.

Старшина поднял чарку. Зубы Проскурова стучали по кружке. Он кончил пить, крякнул.

Они подползли к солдату, лежавшему ногами к берегу. Проскуров дернул солдата за ногу. Тот лежал ничком и не шевелился.

— Эй, проснись, — сказал старшина.

— Не буди, старшина, не добудишься. — Проскуров поднял голову солдата, заглянул в лицо. — Он самый. — Проскуров отнял руку, голова глухо стукнулась о лед. — Из студентов.

— Переверни его. Медальон надо забрать.

Проскуров вытащил медальон. Кашаров спрятал медальон в сумку, открыл термос.

— Хорош напиток, — сказал Проскуров, опорожнив кружку, — недаром им покойников поминают. Еще полчаса назад живой был, мы с ним разговор вели. Образованный. Много фактов знал. Всю жизнь по книгам учился. А вот все равно замерз. Застыло сердце. За что только? Мне-то не жалко. Я пожил. И водки попил и с бабами поспал. Все было. Не учился, правда. Но вот, видишь, живу пока. — Проскуров отдал пустую кружку старшине, быстро задвигал ногами, уползая в темноту.

Через два человека старшина снова наткнулся на мертвого. Рядом валялось погнутое противотанковое ружье. Белые бинты, обматывавшие ствол, распустились, покрылись гарью, свисали лохмотьями. Убитый лежал на спине. Он был толстый и короткий. Старшина полез за медальоном, и ему

показалось, что он никогда не доберется. Под полушубком были две телогрейки, потом две гимнастерки. Старшина расстегивал и расстегивал одежды, а пальцы опять натыкались на пуговицы.

— Мародер несчастный. — Кашаров выругался.

— Зачем бога крестишь? — Голос над ухом прозвучал так близко, что старшина вздрогнул, испуганно выдернул руку. Перед ним стоял на коленях Стайкин.

— Разрешите представиться, товарищ старшина. Командир второго взвода старший сержант Стайкин. Жду повышения по службе.

— Где же лейтенант? — испуганно спросил старшина.

— Тю-тю. — Стайкин присвистнул и показал рукой на небо.

Старшина со вздохом подтащил к себе убитого. Стайкин схватил автомат.

— Не тронь, — быстро сказал он. — Зачем трогаешь моего друга детства? Он мой.

— Интересно, — сказал старшина.

Та-та-та... — застучало над ухом Кашарова. Автомат, лежавший на животе убитого, трясся в руках Стайкина. Почти сразу же на берегу заработал пулемет. Старшина вжался в лед за телом убитого и услышал, как пули ударяются во что-то мягкое. Стайкин выпустил весь магазин, с усмешкой посмотрел на Кашарова.

— Вот так и воюем, товарищ старшина. Это вам не водку раздавать.

— Кто это? — спросил старшина, зачерпывая водку и кивая на мертвого.

— Ох, старшина, не задавай острых вопросов. До скорого. Родина зовет меня. — Стайкин вскочил и, пригнувшись, вихляя задом, побежал вдоль цепи.

Старшина Кашаров полез за медальоном. Ему пришлось расстегнуть еще гимнастерку и рубаху. Наконец пальцы нащупали медальон на холодном теле. Старшина потащил медальон и вдруг почувствовал под рукой еще один такой же футлярчик. Не веря себе, он выхватил оба медальона, обрезал шнурки ножом, чувствуя, как руки коченеют от холода. Два продолговатых черных футляра лежали

на ладони Кашарова, и он не знал, какой открывать первым. Потом отвинтил крышки. Две свернутые в трубку бумаги вывалились из медальонов. Кашаров накрылся плащ-палаткой, трясущимися руками развернул бумажки, чиркнул зажигалкой. «Григорий Степанович Молочков» — было написано на первом листе, далее следовал адрес. Почерк на втором листке был другой: «Михаил Васильевич Беспалов». Старшина прочитал оба листка до конца, чувствуя на руках свое жаркое дыхание, потом резко откинул плащ-палатку.

«Молочков и Беспалов, — твердил он про себя. — Кто же лежит здесь? Беспалов и Молочков — который из них? Кто? Молочков? Или Беспалов?» Ракета поднялась над берегом. Старшина быстро приподнялся на локтях. Лицо убитого было сметено взрывом, ничего, кроме смерти, не осталось на этом лице. Старшина схватил термос, пополз прочь от этого места.

Стайкин лежал на льду, спрятавшись за телами убитых, и ему было скучно.

— Передать по цепи! — крикнул Стайкин. — Рядовой Грязнов! Ко мне!

Грязнов подполз, с опаской глядя на сооружение, которое сотворил Стайкин.

— Неплохо устроился, — сказал Грязнов.

— Как в Азове на пляже, — охотно согласился Стайкин. — Нечто среднее между окопом полного профиля и неполной братской могилой. Приобщайся. Принимается предварительная запись...

Двух убитых Стайкин положил перед собой друг на друга, спинами вверх, головами в разные стороны. Тела убитых закрывали берег, защищали Стайкина от пуль и осколков. На спине у верхнего лежала снайперская винтовка, из которой Стайкин вел огонь по берегу.

Стайкин отцепил флягу, протянул Грязнову.

— Выпей, Грязнов, за моих верных боевых друзей, которые не оставили меня даже после смерти.

Грязнов выпил, хотел было ползти обратно.

— Постой, куда же ты! — закричал Стайкин.

— Да мне по нужде, старший сержант. Мочи нет.

— Эх, Грязнов, я душу перед тобой излить хотел. Нет в тебе тонкости. Один я пропадаю здесь в расцвете сил и талантов. Я не могу воевать в такой обстановке.

— Мало? — спросил Грязнов. — Поди собери еще.

— Никто меня не понимает. Я человек, и я желаю воевать в человеческих условиях, как все люди, а не как людоед. Убивайте меня по-человечески. Уберите от меня мертвецов. Я не могу воевать вместе с мертвецами, они отрицательно действуют на мою психику. Я требую человеческого отношения. Иначе я отказываюсь воевать.

— Старший сержант, отпусти меня. По нужде надо сходить.

— Веселый ты паренек, с тобой не соскучишься. Спасибо тебе, Грязнов, утешил ты меня. — Стайкин повернулся к Грязнову спиной и стал стрелять из винтовки в амбразуру дзота, где стоял немецкий крупнокалиберный пулемет. Он выпустил две обоймы, взялся за флягу.

Стайкина грызла тоска. Он подождал, когда над берегом загорится ракета, и приподнял голову, осматриваясь. Грязнов сидел на льду и перематывал портянки. За ним, свернувшись в комок, лежал Севастьянов.

— Севастьянов! — крикнул Стайкин.

Севастьянов лежал на боку, поджав ноги к животу, просунув меж колен руки. Глаза его были закрыты, на лице блуждала непонятная улыбка. Стайкин подумал, что Севастьянов не слышит, и крикнул громче:

— Севастьянов! Иди греться в мой окоп.

— Ничего, мне уже не холодно, — ответил Севастьянов.

Стайкин не услышал, снова закричал:

— Что же ты молчишь?

Севастьянов замерзал. Во время последней атаки, когда над озером зажглась немецкая ракета на парашюте, Севастьянов согрелся, но как только снова лег на лед, тепло стало быстро уходить из тела. Кто-то сказал, что к холоду нельзя привыкнуть. Можно привыкнуть к славе и богатству, к подлости и изменам. А к холоду не привыкнешь.

Севастьянов пытался вспомнить — кто же сказал это?..

Кругом был холод: в воздухе, во льду, в воде подо льдом; холода кругом было очень много, а тепла в человеческом теле, в сущности, совсем мало. Холод притягивался к теплу, просачивался сквозь одежды. Холод питался теплом. Он пожирал его, высасывал из тела.

Первыми стали замерзать пальцы на ногах. Севастьянов лежал и быстро шевелил ими, но пальцы все равно замерзали.

Потом замерз нос. Лицо Севастьянова до самых глаз было закрыто, но пар, выходя изо рта, застывал на подшлемнике, шерсть покрывалась инеем, промерзала. Севастьянов быстро снимал рукавицу, оттягивал подшлемник, растирал нос рукой. Нос начинало покалывать, а рука быстро замерзала. Он прятал руку в рукавицу, чтобы согреть ее, и тогда нос замерзал еще быстрее.

Потом холод проник в колени и живот, и как только Севастьянов пытался пошевелиться, чтобы согреться, холод острыми иглами колол тело. Тогда Севастьянов понял, что бороться бессмысленно. Он закрыл глаза и старался не думать; ведь для того, чтобы видеть, думать, тоже нужно тепло, которого у него уже не было. Он поджал ноги к животу и лежал не шевелясь. Замерзли руки, он не выдержал, зажал руки меж колен, и это движение забрало последние остатки тепла. Он почувствовал колючие прикосновения белья, и оно стало сдавливать его все сильнее; он лежал, пытаясь нагреть холодную ткань в тех местах, где она плотнее прижималась к нему, и ему начало казаться, будто белье согревается и телу становится тепло. Он не знал, что это означает конец, и обрадовался, потому что ему становилось все теплее. Сначала он думал только о том, чтобы не замерзнуть. Потом ему сделалось тепло, и он вспомнил большой сумрачный зал Публичной библиотеки в Ленинграде и стал вспоминать прочитанные книги. Шелестели страницы, в зале было тепло, тихо. И тогда на лице его появилась улыбка. Он лежал на льду Елань-озера под огнем пулеметов, замерзая от холода, и улыбался: теперь было тепло, и мысли его были приятны ему.

Кто-то окликнул его:

— Севастьянов!

Голос Стайкина с трудом дошел сквозь то тепло, которое еще оставалось в нем.

— Я здесь, — ответил Севастьянов; ему показалось, что сосед по книгам зовет его, и он отвечает ему через стол и поэтому ответил полушепотом, как говорят в библиотеке. Стайкин не услышал, позвал снова:

— Севастьянов, иди греться в мой окоп.

— Ничего, мне уже не холодно, — беззвучно, одними губами ответил Севастьянов.

— Что же ты молчишь? — крикнул Стайкин, и Севастьянов удивился, что сосед не слышит его.

Стайкин схватил флягу, подбежал к Севастьянову. Он упал на него, изо всех сил колотя и толкая.

— Зачем? Зачем? Мне тепло, — беззвучно говорил Севастьянов, но Стайкин не слышал и колотил все сильнее; потом стал пинать ногами, катать по льду, словно бревно.

Севастьянов почувствовал колючий холод, острые иглы вонзились в тело — вместе с болью к нему вернулась жизнь, и он снова оказался на льду Елань-озера.

— Холодно, — сказал Севастьянов громко и открыл глаза.

— Выпей, Севастьяныч, выпей.

Севастьянов увидел, что Стайкин стоит на коленях и протягивает ему флягу.

— Я же не пью.

Стайкин больно схватил его, всунув флягу между зубами.

— Не надо, не надо. — Севастьянов пытался оттолкнуть Стайкина, но у него не было сил. Горячий огонь вошел в горло, вонзился в тело, стал разрывать внутренности. Севастьянов застонал.

— Порядок, — Стайкин влил в Севастьянова еще немного водки.

Севастьянов закрыл глаза, затих. Стайкин сидел, поджав ноги, и смотрел влюбленными глазами на Севастьянова.

— Как теперь?

— Вы знаете, Эдуард, оказывается, жить очень

больно. А замерзать даже приятно, честное слово. Сначала только немного колет, а потом тепло и вовсе не страшно. Я вспоминал о чем-то хорошем, о чем давно уже не вспоминал, только забыл о чем.

Стайкин вскочил:

— Рядовой Севастьянов, слушай мою команду! По-пластунски вперед!

— Зачем? — удивился Севастьянов.

— Вперед! — Стайкин решительно вытянул руку.

Севастьянов перевалился на живот и, неумело двигая ногами, пополз в ту сторону, куда указывала рука Стайкина. Стайкин полз следом и подталкивал Севастьянова, когда ноги его скользили по льду. Стайкин скомандовал встать, они побежали в темноту. Севастьянов бежал, нелепо вскидывая негнущиеся ноги. Стайкин устал и дал команду шагом.

В темноте за цепью находился пункт боепитания. Севастьянов нагрузил волокушу коробками с патронами, они вместе впряглись в ремни, потащили волокушу.

— Теперь живи, — великодушно разрешил Стайкин.

— Ох, Эдуард, я устал. Я устал жить. Я устал лежать на льду. У меня такое чувство, будто я всю жизнь лежу здесь на чужой замерзшей планете и ничего нет, корме нее. Жизнь — это усталость и боль.

— Вперед! — скомандовал Стайкин. — Быстрей!

— Нет, Эдуард, это не поможет. Ни вам, ни мне.

— Врешь! — закричал Стайкин. — Я в смертники записываться не собираюсь. Меня не так легко в смертники записать! Тащи! Быстрее!

Они добежали до цепи, начали разгружать волокушу. Солдаты один за другим подползали, чтобы забрать патроны и гранаты.

— Вспомнил! — Севастьянов неожиданно выпустил ящик с гранатами, и тот шлепнулся на лед. — Я вспомнил!

— Что ты вспомнил, чудило? — спросил Стайкин.

— Вспомнил то, что я читал.

— Где?

— Здесь, на льду. Только что...

— Эй, Маслюк! — крикнул Стайкин. — Подойди сюда, полюбуйся на этого сумасшедшего. Он что-то читал.

— Да, да. Я читал приказ главнокомандующего...

— Приказ? — удивился Маслюк.

— Да, да, — горячо говорил Севастьянов. — Он был главнокомандующим, но ему не нравилось — ди эрсте колонне марширт, ди цвейте колонне марширт... Но я не это... Слушайте, я вспомнил, я сейчас расскажу... — Он говорил сбивчиво, будто захлебывался; солдаты с удивлением смотрели на него. — Да, да, это очень важно... Об этом все знают, но не все понимают, как это важно...

— С ума сошел, — испугался Стайкин.

— Нет, нет, — перебил Севастьянов, — не мешайте, я скажу. Вот был бой, а потом пришли мысли. Слушайте. «Кто они? Зачем они? Что им нужно? И когда все это кончится?» — думал Ростов, глядя на переменявшиеся перед ним тени. Боль в руке становилась все мучительнее. Сон клонил непреодолимо, в глазах прыгали красные круги, и впечатление этих голосов и этих лиц и чувство одиночества сливались с чувством боли. Это они, эти солдаты, раненые и нераненые, — это они-то и давили, и тяготили, и выворачивали жилы, и жгли мясо в его и разломанной руке и плече. Чтобы избавиться от них, он закрыл глаза...» — с каждой фразой Севастьянов говорил громче, спокойней. Солдаты сначала слушали с удивлением, а потом поняли, что Севастьянов говорит не от себя, а что-то вспоминает, они подвинулись ближе, затаились.

Пулеметы били вдалеке, на фланге.

Он продолжал:

— «Никому не нужен я! — думал Ростов. — Некому ни помочь, ни пожалеть. А был же и я когда-то дома, сильный веселый, любимый». — Он вздохнул и со вздохом невольно застонал. «Ай болит что?» — спросил солдатик, встряхивая рубаху над огнем, и, не дожидаясь ответа, крикнув, добавил: — Мало ли за день народу попортили. Страсть!» Ростов не слушал солдата. Он смотрел

на порхавшие над огнем снежинки и вспоминал русскую зиму с теплым, светлым домом, пушистой шубой, быстрыми санями, здоровым телом и со всей любовью и заботой семьи. «И зачем я пошел сюда!» — думал он».

Севастьянов замолчал и закрыл глаза. Солдаты тоже молчали. Наконец кто-то сказал:

— Так это же про нас написано, братцы. Здорово дал. И не подумаешь.

— Похоже, а не про нас, — заметил Маслюк. — Костер там горит, видишь. А у нас дровишек нету...

— Да что я, не знаю! — обиделся солдат.

— Деревенщина. — Стайкин засмеялся. — Про нас? Это про Ростова Николая, понял?

— А разве у нас нет такого? — удивился первый солдат. — В третьем взводе Иван Ростовин, подносчик. Его же утром ранило. Как раз про него и есть. Все точно.

Севастьянов встрепенулся, быстро задвигал рукой, будто листая страницы книги.

— А вот еще. Только не помню откуда. Кажется, из другого тома... «Приду к одному месту, помолюсь; не успею привыкнуть, полюбить — пойду дальше. И буду идти до тех пор, пока ноги подкосятся, и лягу и умру где-нибудь, и приду, наконец, в ту вечную, тихую пристань, где нет ни печали, ни воздыхания!..»

В воздухе засвистело, запахло жженым. Снаряд шлепнулся вблизи. Испуганно пригибаясь, солдаты побежали в темноту.

Севастьянов и Стайкин остались одни.

— Все? — спросил Стайкин.

— Еще что-то было. Не помню. — Севастьянов закрыл глаза.

— Вечер воспоминаний окончен. Бегом, вперед! — скомандовал Стайкин. — Бегом, тебе говорят!

Они добежали до того места, где был «окоп» Стайкина.

— Бери, — сказал Стайкин, указывая на мертвого. — С кровью отрываю от своего тела.

— Он же мертвый? — удивился Севастьянов. — Зачем он?

— Взять! Приказ капитана. Быстро!

Севастьянов неловко обхватил убитого одной рукой, пополз по льду. По лицу его катился пот.

— Ну как? — спросил Стайкин. — Понял теперь?

— Тяжелый, — сказал Севастьянов. — Что же все-таки делать с ним?

— Клади. Да не сюда. Перед собой. Закрывайся им.

— Зачем? — Севастьянов смотрел на Стайкина и все еще ничего не понимал.

— Чтобы жить, дурак! — крикнул Стайкин, едва не плача от отчаяния.

глава XV

Старшина Кашаров докладывал о потерях: убито и ранено, утонуло, замерзло, пропало без вести... Старший лейтенант Обушенко лежал рядом со Шмелевым и записывал цифры, которые называл старшина.

— Пятнадцать убитых остались в цепи. Не отдают.

— Как не отдают? Кто? — не понял Обушенко.

— А что я с ними сделаю, если они не дают. Вцепились в них и не дают. — Старшина Кашаров все еще никак не мог прийти в себя после того, что ему пришлось повидать на переднем крае.

— Где они?

— Во второй роте осталось больше всего, товарищ капитан. Не дают — и все тут.

— Я спрашиваю: где ты сложил тела? — повторил Шмелев.

— За цепью. Как приказывали. Тут недалеко.

— Пойдем, — коротко сказал Шмелев. — Пойдем к ним.

Они лежали в плотном ряду, все ногами к берегу, все на спинах, лицами к небу. Яркая белая ракета висела над озером на парашюте. Пустой призрачный свет освещал их лица. Все они были мертвы.

Правофланговым в их строю был старший лейтенант Плотников. Лицо его спокойно, в глазницах

белел снег. Руки Плотникова лежали как попало, и Шмелев осторожно поправил их на груди.

Рядом с Плотниковым лежал капитан Рязанцев. Прядь волос выбилась из-под подшлемника, упала на лоб. На лице застыла загадочная улыбка, открывшая ровные белые зубы; в этой улыбке было все, что может быть в улыбке человека: страх и надежда, радость и сострадание, отчаянье и любовь, и еще что-то такое, что неведомо живым.

— Где фляга? — спросил Шмелев.

Джабаров подал флягу. Обушенко повернулся спиной к мертвым и погрозил кулаком в сторону берега. Он припустил длинное ругательство и никак не мог кончить его. Сначала он пустил двухэтажное, потом трехэтажное, пятиэтажное, стоэтажное, только одни этажи, сплошные этажи. Он вспоминал Гитлера и всех его родичей и всю его собачью свору — на кол посадим, отрежем, шакалам бросим, раскаленный прут воткнем — ох, чего только не выделывал с ними Обушенко, исходя ненавистью и страхом. Шмелев кончил пить, с восхищением слушал Обушенко.

— У тебя же талант, — сказал он и зашагал дальше вдоль строя.

— Смотрите! — в испуге крикнул старшина, шедший впереди, и живые остановились.

Перед ними лежал пожилой солдат со смуглым перекошенным лицом. А тело у него было такое, что на него не могли смотреть даже солдаты.

— Это он, — быстро говорил Джабаров. — Я в первую роту бегал, видел. Часа три назад. Он у пулемета лежал, а потом гранату под живот подложил и дернул. Я сразу лег, а его подбросило. Он животом в прорубь сполз, а ноги застряли. Я вытащил его на сухое, уже не дышит.

— Да, — сказал старшина Кашаров. — Которые от пули погибли, которые от холода, которые от ужаса.

— Товарищи, — сказал Шмелев, — если мы когда-нибудь забудем это, пусть нам выколют глаза и отрежут язык. Пусть нас разорвут на куски и бросят бездомным голодным собакам.

Лица мертвых были смыты и размазаны смертью, снег лежал в глазницах, на губах, под ка-

сками. Их собрали вместе и положили за цепью, позади живых. Они лежали безмолвно, и плотный длинный ряд их казался бесконечным. Две серые тени двигались в конце этого длинного ряда: санитары принесли еще одно тело, положили его на лед и торопливо пошли обратно. Мертвых было много, слишком много для одного человека. Но как сделать, чтобы все люди на земле увидели их, чтобы не стало больше заледенелых, обугленных, разорванных, оскаленных?

Обушенко перебил его мысли:

— Пойдем на командный пункт. Пора атаку назначать.

— Нет, — сказал Шмелев. — Атаки не будет. Война отменяется. До утра. Старшинам отвести людей в тыл. На один километр. Накормить горячей пищей, обсушить. Отводить поочередно по одному взводу от каждой роты. — Шмелев говорил отрывисто и резко, будто кто-то разгневал его и он кричал на этого человека. — Объявить личному составу — будет отдых. Ослабевших накормить в первую очередь. Замполиту провести разъяснительную работу. Чтобы ни один не замерз больше. За каждого замерзшего буду спрашивать лично. У меня все. Через полчаса я приду к командирам рот и отдам боевой приказ.

Шмелев и Джабаров остались вдвоем, и Шмелев знал теперь, что он не уйдет отсюда до тех пор, пока не пройдет сквозь этот холодный строй мертвых до самого конца, чтобы заглянуть в лицо каждого и унести его в себе.

«Ради чего, — думал Шмелев, — они лежат здесь, на холодном льду, вдали от своих жилищ, отторгнутые от своих жен, детей? Лежат такие одинокие, хотя их так много. Если бы мы выполнили боевой приказ, жертвы были бы оправданны. Приказ не выполнен, а они все равно лежат.

Но боевой приказ не может прекратить свое действие оттого, что кто-то стал мертвым. Пока ты жив, ты не можешь преступить за грань приказа. Только мертвые имеют право на это. А ты жив — значит, приказ действует. Даже если ты останешься один, он все равно будет действовать. Одному это было бы, наверное, легче, чем с батальоном.

Ты пошел бы, лег на мост, взорвался бы вместе с ним. Но ты должен прийти туда с батальоном, а это труднее, чем одному. Ты не знаешь всего того, ради чего был задуман и принят приказ. Много войска пошло туда, никогда на этом фронте не было так много войска. И может, твой генерал, командующий этими войсками, отдавал тебе приказ и знал, что ты не выполнишь его. Значит, мы лежим не напрасно, лежим потому, что так нужно, а генерал потом ударит в другом месте, ведь у него есть чем ударить. «Вы узнаете свою задачу после того, как выполните ее»,— он прямо сказал об этом. Погибнуть ради общего дела — вот какая у нас задача. Мы, кажется, неплохо выполняем свою задачу, мы стараемся изо всех сил. Мы так здорово выполняем ее, что скоро будет уже некому выполнять. Однако брось свою иронию. Ведь всегда кто-то погибает ради других, ради победы. Умирают всегда другие — пока ты жив. Пока что не было таких войн, чтобы всем было поровну — чтобы все погибли или все остались в живых. А теперь подошел твой черед. Где-то далеко-далеко есть солнце, луга, пахучие травы, улицы городов, огни витрин, по бульвару бредут влюбленные, а на площади звенит трамвай — все это уже не для тебя. Но почему война должна взять именно меня? Это моя жизнь, и я не хочу отдавать ее. Что ж, ты можешь распорядиться своей жизнью. Ты можешь отдать приказ на отход, потому что дальнейшие жертвы бессмысленны и ты сможешь доказать это в самом высоком трибунале. А не докажешь — все равно. Решись — и ты уйдешь отсюда. Ценой своей жизни ты спасешь других. Постой, постой, ты сказал что-то очень важное. Твоя жизнь принадлежит тем, с кем ты пришел сюда. И надо прожить эту жизнь так, чтобы мертвые не могли бросить слова упрека, чтобы они знали: ты был с ними наравне, и тебе просто повезло, а им нет. И ты уже знаешь, что сделаешь, но все еще притворяешься и рассуждаешь, чтобы набраться духу и сделать то, что задумал. Ведь после этого нельзя будет жить так, как ты жил до сих пор. Но кто же виноват в этом? Ты не хотел драться, но теперь ты не выпустишь оружия до тех пор, пока хоть один враг будет на твоей

земле. И он еще узнает, на что ты способен. Ты и сам не знал, что способен пережить и вынести. Зато теперь ты знаешь. Посмотри на них еще раз. Смотри и запоминай. Они стали мертвыми ради того, чтобы ты победил, и то, что ты собираешься сделать с ними, ничто в сравнении с тем, что они уже отдали тебе. Возьми их, убей их снова, им все равно, они ничего не узнают и не почувствуют. Убей их еще, чтобы спасти живых. Хватит мертвых. Не об этом ли говорил Плотников, а ты все никак не мог сообразить, что он сказал. Он велел именно это. Вот он лежит. Возьми его с собой. Мертвые уже не победят, но живые должны победить, иначе мертвые не простят. И поэтому брось слюнтяйничать. Ничто уже не воскресит их».

— Пошли. — Шмелев повернулся к Джабарову, и Джабаров увидел на его лице улыбку — застывшую, судорожную, ледяную, как та, которая была на лице Рязанцева. Джабаров вздрогнул: он понял, что должно произойти.

Шмелев поднялся, быстро зашагал к берегу.

Рассвет поднимался над озером. И тогда взлетели три красные ракеты. Живые пошли на последний приступ, и перед каждым лежал убитый. Подтолкни его, подползи к нему ближе, еще чуть-чуть подтолкни, опять подползи. Они застывшие, тяжелые, они ползут по шершавому льду со скрипом — толкай сильней, сначала ноги, потом плечо. Толкай! Не отрывайся от него, не бойся мертвого, прижимайся к нему крепче, не бойся его: ведь он твоя последняя защита и надежда.

Немцы на берегу сначала не поняли, в чем дело, а потом стали бить из всех пулеметов. Мертвые умирали снова, но медленно и неотвратимо двигались к берегу. За мертвыми ползли живые, ползли упрямо, отчаянно, беспощадно, потому что им не оставалось ничего другого и потому что мертвому не страшна никакая смерть.

Берег был все ближе. И пулеметы на берегу били все сильнее.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

О, РУССКАЯ ЗЕМЛЯ!

«СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»

глава I

Полковник Рясной лежал на койке и ждал, когда зазуммерит телефонный аппарат, стоявший в изголовье. Сквозь синие окна просачивался слабый свет, пламя коптилки на столе съежилось и поблекло. Рясной лежал, ожидая, когда придется взять трубку, — тогда острая боль вопьется в поясницу, он услышит в своем голосе стыд, безнадежность. Весь вчерашний день, всю ночь он лежал, не смыкая глаз, беспомощный, отторгнутый от своих батальонов. Еще вечером Рясной послал в штаб армии связного с просьбой выделить подкрепление. Теперь он с нетерпением ждал ответа и страшился отказа, ибо отказ означал, что отнята последняя надежда.

Дверь в сени была приоткрыта, там слышались голоса.

— Огневая поддержка — великая вещь, — степенно говорил сержант Чашечкин. — Позапрошлой осенью стояли мы, значит, под этим Парфином. И приходит приказ — забрать. А там и брать-то нечего: ни домов, ни улиц не осталось, одно жалкое понятие. Ничья земля. А все равно приказано — брать!

«Ничья земля на войне самая дорогая, — машинально думал Рясной, слушая солдатский разговор. — За ничью землю приходится платить самой дорогой ценой...»

Громко хлопнула наружная дверь. Вошедший часто затопал валенками, что-то мягкое шлепнулось на пол.

— Привет начальству, — сказал Чашечкин. — А мы уж думали, ты под лед ушел.

— Спрашивал? — Рясной узнал голос писаря Васькова, который ходил в штаб.

— Спит, — ответил Марков. — Всю ночь ворочался. Под утро заснул.

— Переживает, — добавил Чашечкин.

— Как там? — спросил Марков. — Дают подкрепление?

— Дадут и еще прибавят, — ответил Чашечкин за Васькова. — Что в мешке-то принес? Не гостинцы?

— Все еще лежат? — спросил Васьков. — Не взяли?

— Там, наверно, и не осталось никого, — сказал Чашечкин. — Поддержки огневой нет.

— Молчат, — подтвердил Марков. — Каждый час вызываю. Видно, с рацией что-то случилось.

— Это нам за лето наказание, — Чашечкин вздохнул. — Все лето рыбу жарили. Теперь искупаем.

Рясной осторожно потянулся за стаканом, который стоял на табурете. Поясницу обожгло болью. Рясной вскрикнул. Голоса за дверью тотчас смолкли. Потом дверь тихо приоткрылась, и в нее просунулась бритая голова.

— Давай вставать, Чашечкин.

— Здравия желаю, товарищ полковник! — крикнул Чашечкин с порога. Он распахнул дверь, вернулся в сени и вошел в избу с тазом в руках, с полотенцем через плечо. Следом вошел Васьков, поздоровался с полковником, прошел в угол за печку, где стоял его стол.

Чашечкин снова сходил в сени, принес два котелка с водой. Кряхтя и охая, Рясной сел на кровати, Чашечкин подсунул ему под спину подушки, поставил таз на колени Рясному, принялся поливать воду.

В избе становилось светлее. Ставя на пол пустой котелок, Чашечкин задул коптилку. Васьков сидел за столом в печном углу, затачивая карандаши. В сенях Марков включил радиостанцию, начал вызывать Луну.

Рясной вытер руки, уселся поудобнее на кровати, облегченно и глубоко вздохнул. Чашечкин

вставил пустые котелки один в другой, положил котелки в таз, поднял таз и вышел в сени.

— Принеси утюг, — сказал Рясной вслед. — Да погорячее.

Васьков вышел в сени, вернулся обратно с мешком в руках. Пройдя за печку, бросил мешок в угол. Рясной молча наблюдал за ним.

— Васьков, — позвал он.

Васьков вышел из-за печки и встал против лежанки.

— Рапорт передал?

— Так точно, товарищ полковник.— Адъютанту начальника штаба.

— Он спрашивал, о чем рапорт? Что сказал?

— Сказал: вряд ли можно рассчитывать, что нам дадут подкрепление. Сказал: командующий очень сердит, что мы до сих пор не взяли Устриково, и очень ругал полковника Славина.

— Откуда узнал про это?

— Его раненого привезли при мне. Еще вечером.

— Что говорил еще?

— Сказал, что он все-таки доложит и передаст ответ телефонограммой.

За дверью Марков бубнил безжизненным раздраженным голосом.

— Где был еще? — строго спросил Рясной.

— В отделе кадров, — сказал Васьков и посмотрел за печку.

— У Глущенко? — переспросил Рясной. — Что принес в мешке?

— Так, товарищ полковник, ничего особенного.

— Я спрашиваю: что в мешке? Покажи.

— Там ничего нет, товарищ полковник, честное слово. Бланки взял у писарей.

— Дай мешок! — С испуганным лицом Васьков скрылся за печкой, вынес оттуда мешок, пересек избу, положил мешок на стол.

— Разрешите идти, товарищ полковник? — спросил он, глядя на печку.

— Стоять! Положи сюда. — Рясной показал рукой в ноги, лицо исказилось от боли.

Васьков положил мешок и жалко топтался перед кроватью, стараясь не смотреть, что делает

полковник Рясной, но глаза его сами собой притягивались к мешку. Рясной развязал мешок, поднял его за нижние углы и тряхнул.

— Так вот что ты принес, — говорил он, задыхаясь от ярости, — вот что, вот что...

На одеяло, на пол, на табуретку просыпались широкие бланки, переплетенные в одинаковые серые книжицы. Одна из книжиц стукнулась корешком и раскрылась. Стал виден чистый лист, разграфленный в линейку и обведенный густой черной рамкой. На этом листке в линейку и рамку пишется фамилия, имя, отчество, потом добавляется — где, когда, при каких героических обстоятельствах, где захоронен, а может, без вести пропал, еще несколько слов соболезнования, и бланк почти готов. Потом полковник берет в руки черный, остро отточенный карандаш и расписывается, потом писарь ставит число и год и круглую печать с номером полевой почты — и бланк готов совсем. А потом истошный бабий вопль у околицы на всю деревню. Вскрикивает, замертво падает женщина на пятом этаже большого каменного дома. А прохожие спешат по улице и не видят вдовьих слез. А потом сгибаются плечи и волосы покрываются пеплом. Горькие голоса несутся над опустевшими селами, над затемненными городами, и как только утихает один голос, тотчас начинается другой; скорбный стон стоит над русской землей, и русские жены сохнут от слез — ни думой не подумать, ни очами не повидать, — тоска-печаль льется по земле русской, и жены русские, невесты, матери стенают в слезах уже который год: и на кого же ты нас покинул, куда же ты ушел, мой ненаглядный, возлюбленный мой, желанный мой, защитник мой, любовь моя бесценная, кормилец ты мой, изумрудный ты мой и ласковый, зачем закрылися навек твои оченьки, зачем оставил ты сиротинушек, лучше бы я сама в землю легла. И будь она проклята, будь они прокляты, будьте все вы прокляты, кто затеял эту войну; как только затихает один тоскующий голос, тотчас возникает другой, и вторит, вторит бесконечная боль-печаль.

Они напечатаны на плотной бумаге, рамка сделана аккуратно, почерк у писаря четкий — и без

устали работают печатные машины, и сыплются, сыплются из мешка, падают на пол из дрожащих рук сотни, тысячи бланков, и нет тут виновных, а есть только страждущие.

Рясной судорожно встряхивал мешок и уже не чувствовал боли. Мешок был пуст. Серые книжицы рассыпались по кровати, по полу.

— Луна! — закричал радист истошным голосом.

В раскрытую дверь было видно, как Марков подался вперед, прижимая руками наушники. Потом начал повторять срывающимся голосом:

— Докладывает Обушенко. Взяли берег. Дорога перерезана. Фрицы бегут, много фрицев. Продолжаем выполнение боевой задачи. Как понял?.. Понял, понял! — закричал Марков.

— Передай, — крикнул Рясной, — пусть закрепляются, немцы контратаковать будут! Нет, это нельзя открытым текстом. Передай: прибудет офицер связи с распоряжением.

— К вам прибудет офицер связи. Ждите офицера связи. Как понял? Я Марс, прием.

— Чего стоишь? — сказал Рясной. — Собирай.

Чашечкин подошел к кровати, держа в руках утюг с углями. Ручка утюга была обмотана прожженным полотенцем. Рясной подвинулся, принимая утюг, и застонал от боли.

Васьков ползал по полу, обеими руками запихивал в мешок рассыпанные книжицы.

глава II

Когда немцы побежали из деревни, стало видно, как много их сидело там. Они выскакивали из окопов, выбегали из блиндажей, выпрыгивали из домов, — вся деревня была полным-полна бегущими немцами.

Немцы не выдержали напряжения этой атаки. Сначала они видели, как убивают русских, но те все равно ползут к берегу — и вместе с живыми ползут мертвые. Тогда немцы не выдержали и побежали прочь.

Толкая перед собой Плотникова, Сергей Шмелев

почти не видел берега, лишь слышал посвист пуль. Снова толкнул изо всех сил и удивился: какой Плотников тяжелый — оттого, верно, что в нем одеревенел груз жизни...

Он приподнял голову, увидел сквозь сумрак рассвета, что и другие ползут так же — серый вал, сплетенный из человеческих тел, медленно движется по льду. Шмелеву сделалось тоскливо и горько — неужто мы не могли иначе?...

Цепь приближалась к берегу. Шмелев примерился, резко отбросил Плотникова и побежал, обгоняя солдат, увлекая их за собой. И тут же увидел убегающих немцев.

Пулеметы на берегу бьют совсем редко, снег под ногами стал мягким, глубоким, значит, под снегом земля. Гранаты рвутся, звонко ухая, выбрасывая теплый земной прах. Впереди пологий подъем, земля чернеет из-под снега — скорей, скорей к земле. Окоп, прыжок, мимо сгоревшего сарая, через кладбище, мимо церкви, по старому саду — и все время под ногами земля: острые камни, комья мерзлой глины, бревна, щепа, куча навоза, плетень — хорошо, когда под ногами земля.

Выскочили на шоссе, широкое, пустое. Дальше, дальше, мимо изб, снова через плетень, снова по саду, за деревом перекошенное лицо, удар — и лицо пропало, навек исчезло с лица земли. Опять плетень, а за ним чистое поле, и всюду немцы выскакивают, прыгают, бегут — все поле усеяно немцами.

Шмелев перевел дух, осмотрелся. Светлело. Снежное поле прояснилось, серые фигурки резко выделялись на снегу. Немцы бежали через поле в Борискино, проваливаясь в снег, ложились, отстреливались, бежали дальше. Они были уже на полпути, когда навстречу им начал бить пулемет, а затем второй. Немцы залегли в снег, а пулеметы били по ним. Потом пулеметы замолчали, немцы поднялись и ушли в Борискино, исчезая в проулках и садах. Солдаты стояли за плетнем и смотрели, как убегают немцы.

— Красиво бегут, черти, — сказал пожилой солдат в каске.

— Одно слово — немцы, — восхищенно прибавил другой.

Шмелев всмотрелся в пожилого солдата, узнал Шестакова. «Мертвые не воскресают», — подумал Шмелев.

— Ты живой, Шестаков? — спросил он на всякий случай.

Шестаков тяжело вздохнул, почесал заросшую щеку.

— Ох, не говорите, товарищ капитан. На том свете побывали, а теперь вроде назад вернулись.

С автоматом наперевес вдоль плетня бежал Войновский. Шмелев ничуть не удивился, увидев и его: после того, что было, не стало ничего невозможного. Шмелев посмотрел по сторонам: нет ли еще воскресших. Больше воскресших не было.

— Товарищ капитан, — сказал Войновский, подбегая, — разрешите доложить.

— Я понял, Войновский, — перебил Шмелев. — Вы под обрывом сидели. Рад, что все обошлось.

— Вас уже с довольствия списали, — сказал Джабаров.

Шестаков сделал большие глаза и посмотрел на капитана.

— Как же так? — забеспокоился он. — Я за прошлый раз махорку не получал.

— Дадут, дадут...

Стало совсем светло. Поле было испещрено глубокими полосами следов, многие полосы обрывались у серых неподвижных фигур. Два немца на той стороне поля выскочили из-за плетня, подбежали к третьему, который лежал ближе других, и понесли его в деревню. Никто не стрелял по ним. Стрельба вообще прекратилась.

Шмелев велел Войновскому вести наблюдение за полем, закинул ремень автомата за шею и пошел садами в деревню. Джабаров и связные шагали гуськом за ним.

Через калитку они вышли из сада. Сергей отдал приказание, и связные побежали вдоль домов за командирами рот.

Шмелев перепрыгнул через кювет и остановился. Он стоял на шоссе.

Шоссе было прямым, широким, черным. Избы по обе стороны были отодвинуты от шоссе, и оттого оно казалось еще более широким. Кюветы и асфальт

аккуратно расчищены от снега — широкая глянцевая полоса, до лоска натертая колесами, разбегалась в обе стороны и, выходя из деревни, вонзалась в снежное поле.

С одной стороны вдоль шоссе шли столбы телефонной линии с четырьмя проводами. Шмелев поставил автомат на одиночные выстрелы и прицелился. Изоляторы с треском лопались, провода оборвались, упали концами в снег.

Между шоссе и церковью была неширокая площадь. Там стояли три грузовика с длинными кузовами и несколько высоких фур на кованых колесах. Две дальние фуры были запряжены толстоногими битюгами; лошади спокойно жевали сено. Еще дальше, против большой кирпичной избы, была видна походная кухня с высокой тонкой трубой. Из трубы поднимался синий дымок. Три солдата быстро перебежали через шоссе, ухватились за кухню и покатили ее за угол дома.

— Хорошо, Джабар,— сказал Шмелев, глядя вдоль шоссе.— Берег мы взяли, дорогу перерезали. А дальше? — Шмелев услышал за спиной далекий шум и обернулся.

По шоссе шла низкая легковая машина с покатым радиатором. Она была еще далеко, но шла очень быстро. Шмелев посмотрел на Джабарова, тот молча кивнул, и оба вразвалочку зашагали навстречу машине. Шмелев снял рукавицы и засунул их за пояс. Машина шла, не замедляя хода.

На переднем сиденье рядом с водителем сидел сухопарый немец с узким костлявым лицом. На коленях немца лежал светло-коричневый портфель. Немец повернул голову на длинной шее, взглянул на своих спутников, сидевших позади.

— Сейчас будет озеро, господин полковник,— произнес молодой капитан на заднем сиденье.

— То самое, где лежат русские? — спросил полковник.— Русские самоубийцы? Они настоящие маньяки. Они задумали то, что еще никому не удавалось. Только наши тевтонские меченосцы были способны на такое. Помните Великого Альберта? Он приходил сюда, он умел драться на льду...

Машина вынеслась к повороту шоссе, выходившему на берег озера.

— Смотрите,— сказал молодой капитан.— Мне кажется, они лежат слишком близко от берега.

— Они же мертвые. Разве вы не видите? Они все замерзли. Ведь это безумство.

— И деревня совсем пуста,— сказал третий немец.— Только лошади стоят...

— Немецкие солдаты находятся на своих постах. Они выполняют приказ фюрера.— Полковник неожиданно увидел на шоссе две фигуры в грязных маскировочных халатах. Он вскинул голову, схватил портфель скрюченными пальцами.— Это провокация, капитан, что же вы сидите?..

Водитель не успел затормозить. Шмелев подождал, пока машина подойдет ближе, потом быстро вскинул автомат и пустил очередь по ветровому стеклу. Он вел стволом за движущейся машиной и видел, как гильзы вылетают вверх и вправо, а за вылетающими гильзами, за разбитым стеклом немцы нелепо взмахивают руками, словно о чем-то спорят друг с другом.

Машина круто вильнула, правое колесо провалилось в кювет и шумно лопнуло. Зад занесло. Разламываясь и треща, машина по инерции проскочила через кювет и застряла в нем задними колесами. Из дверцы, размахивая руками, выскочил молодой немец. Джабаров тут же уложил его, а потом дал еще две очереди в боковые стекла.

Первым из командиров рот подбежал Комягин, и они принялись вытаскивать убитых из машины. От мотора пыхало жаром, наверное, немцы ехали долго и издалека. В машине было четыре немца, один в форме полковника, видно, важная птица, если он ничего не знал о том, что тут происходит. В сухих скрюченных пальцах полковника был зажат портфель из светло-коричневой кожи. Шмелев с трудом выдернул портфель из рук немца. Бумаг в портфеле оказалось немного, Шмелев прочитал на верхней бумаге: «Geheime Kommandosache» *, — и не стал читать дальше. Они обыскали карманы убитых, и Шмелев положил в портфель все, что показалось ему интересным. Джабаров вылез из машины и сказал:

* Совершенно секретно *(нем.)*.

— Чистота и порядок.

Шмелев застегнул портф ль, передал Комягину.

— Большая шишка,— сказал Комягин.

На окраине Устрикова послышалась стрельба, взрывы гранат. Шмелев поднял голову, прислушиваясь, но стрельба утихла и больше не возобновлялась.

Джабаров вытащил из рукавицы часы с черным циферблатом, поднес к уху, слушая ход.

— Пятнадцатикаменочка,— сказал он, протягивая часы Шмелеву.

— Брось,— сказал Шмелев.

Джабаров надел часы себе на руку. Комягин стоял и смотрел, как Джабаров надевает часы.

Вот что значит перерезать шоссе. Разбитая машина в кювете, четыре немца с выпотрошенными карманами в снегу, портфель с документами — это и означает перерезать шоссе. Теперь оно будет пустым, и ни одна машина не пройдет по нему — все равно что перерезать вену, и через несколько часов враг почувствует, что вена перерезана, и начнет задыхаться. Но чтобы он задохнулся совсем, шоссе должно оставаться у нас.

Подошли командиры батарей и доложили, что осталось всего четыре пушки. Потом пришел командир третьей роты лейтенант Ельников и стал выкладывать новости.

— Говорят, тут грузовик по шоссе проскочил. С шоколадом.

— Шоколада не было,— сказал Шмелев.

— А этих вы уложили? — Ельников пихнул ближнего немца ногой.— Неплохо сработано. Солдаты винный склад накрыли. Шуруют.

— Где? В какой роте?

— Если бы у меня! Во второй, говорят.

— Комягин!

— Я ничего не слышал, товарищ капитан. Я проверю. Лично.

— Шуровать не дам.

— Эх, завалиться бы теперь,— мечтательно сказал Ельников.— Перекур с дремотой. Два раза по двести и на боковую. Минут шестьсот.

— Отдыха не будет,— пообещал Шмелев.

Четко отбивая по асфальту шаг, подошел невы-

сокий широкоплечий юноша. Каска прицеплена к поясу, он шагает, звякая ею. Остановился, отдал честь.

— Товарищ капитан, командир первого взвода младший лейтенант Яшкин явился по вашему вызову.

— Где Агафонов? — спросил Шмелев.

— Убило, товарищ капитан.

— Кто у вас стрелял?

— Немцев из блиндажа выкуривали,— ответил Яшкин.— Пять штук в блиндаже засело. И блиндаж очень крепкий.

— С рельсами? — быстро спросил Шмелев.

— Так точно, товарищ капитан. Три наката и рельсы. — Яшкин не мигая смотрел на Шмелева.

— Продолжайте.

— Так уже все, товарищ капитан. Выкурили. Всех пятерых. За нашего командира, за Витю Агафонова.

— За Агафонова пять немцев мало.

— Больше немцев не было.

— Немцы будут. Я вам обещаю,— сказал Шмелев и решил, что поставит Яшкина на самый опасный участок, и наперед пожалел его — потом жалеть будет некогда.

— Товарищи офицеры, слушайте приказ.

Все это время, начиная с того момента, когда он почувствовал под ногами землю, Шмелев думал о железной дороге. Она проходила в десяти километрах от берега, и, чтобы перерезать ее, надо было взять несколько деревень, прочесать большой лес, а потом удерживать все это в своих руках, когда немцы начнут контратаки. А сил для этого уже не было, слишком много мертвых осталось на льду.

Шмелев посмотрел на измученные, заросшие щетиной лица командиров рот и окончательно решил, что надо занимать круговую оборону. Зарыться в землю, запереть шоссе на выходах из Устрикова, заминировать подходы. Перерезать сейчас железную дорогу они не в состоянии.

— Каждая рота выделяет по одному взводу в мой резерв.— Шмелев повторил еще тверже: — Зарыться в землю. Теперь есть куда зарываться. Зарыться и стоять намертво. Вопросы?

Командиры рот и батарей по очереди взяли под козырек и сказали, что им все ясно.

— А как же железная дорога? — спросил лейтенант Ельников.— Оставим фрицам?

— Как ваша фамилия? — спросил Шмелев, вспомнив Дерябина.— Кажется, Ельников? Из первого батальона?

— Двадцать два года Ельников,— ответил тот.— Два года с Клюевым воевал.

— Вот что, лейтенант Ельников,— сказал Шмелев.— Обсуждать приказ будем потом. Сейчас не время объяснять причины и выводить следствие.

— Немцы бегут, а мы в землю зарываться.— Ельников стоял в расхлябанной позе, с усмешкой на тонких губах оглядывал офицеров.

— Через сорок минут я приду проверять систему обороны,— терпеливо сказал Шмелев.— Выполняйте.

— Ну тогда ясно.— Ельников повернулся и пошел.

Итак, с железной дорогой было покончено. Шмелев вспомнил о тех, кто остался на льду, и сразу почувствовал страшную усталость. Он перепрыгнул через кювет и схватил горсть снега.

Командиры батарей быстро шагали по шоссе. Ельников побрел за ними. Комягин и Яшкин бежали вдоль домов в другую сторону.

Шмелев перебросил портфель в правую руку и зашагал к берегу. Джабаров за ним.

Они шли вдоль высокой железной ограды. За оградой было кладбище. Среди могил поднимались большие старые дубы с шершавой корой.

Белое поле просвечивало в конце проулка. Они прошли мимо сгоревшего сарая. У ворот валялась на боку красная облупившаяся молотилка, забитая снегом; напротив стояла черная длинноствольная пушка — «собака». Замок из пушки был вынут.

Озеро сразу раскрылось за сараем огромное, ледяное. Холодный ветер дул в лицо. Шмелев прыгал через окопы, мимо разрушенных блиндажей и ячеек, пока не вышел к первой линии.

Ледяное поле у берега было разбито, вода тускло блестела в воронках. Мертвые лежали на льду неровной прерывистой цепью, как оставили их живые.

Мертвые сделали свое дело, и живые забыли о них. Никому не стало дела до мертвых, хотя на льду находилось немало народу: связисты сматывали провод, артиллеристы подкатывали к берегу пушки, обозники подтаскивали походные кухни.

Пять месяцев подряд Шмелев смотрел на этот берег в стереотрубу и знал его до косточек. А теперь он сам стоит здесь — и берег кажется чужим, незнакомым.

Шмелев пошел вдоль берега. Окопы расчищены от снега, обшиты на брустверах досками. От окопов шли к берегу стрелковые ячейки и ходы сообщения к блиндажам. В одной из ячеек стоял пулемет с ребристым черным стволом, вся ячейка была засыпана медными гильзами, а на гильзах лежал мертвый немец с красивым, словно высеченным из мрамора, лицом. Шмелев посмотрел на немца, перепрыгнул через ячейку. Короткая очередь раздалась за спиной. Джабаров стоял, опустив автомат, сизый дымок завивался на конце ствола.

— Ты лучше живых убивай,— сказал Шмелев.

— Он тоже в мертвых стрелял,— ответил Джабаров, посмотрев на Шмелева холодными спокойными глазами.— Я знаю.

Шмелев промолчал и пошел.

— Товарищ капитан, — крикнул Джабаров сверху, — идите сюда! Нашел!

Джабаров стоял на краю воронки. Рельсы торчали из провалившейся крыши вперемежку с бревнами. Рельсы погнулись, перекосились, концы некоторых рельсов были разрезаны автогеном.

— Что скажешь, Джабар? — спросил Шмелев, разглядывая рельсы.— Не нравится мне это.

— Вот, товарищ капитан. Для вас.— Джабаров поднял руку; на ладони лежал небольшой золотой портсигар с монограммой.

— Брось,— сказал Шмелев.

— Золото.— Джабаров стоял с протянутой рукой и удивленно смотрел на Шмелева.

— Брось немедленно!

Джабаров опустил руку, и портсигар соскользнул вниз, негромко звякнув о рельс. Шмелев придавил его валенком.

— Еще раз увижу, как ты барахольничаешь и

собираешь немецкие шмутки,— берегись. Прогоню в пехоту.

— Меня прогнать нельзя,— сказал Джабаров.

— Верно. Тогда в штаб пошлю.— Шмелев засмеялся, и в голове у него загудело.

Шмелев сел на бревно, положил портфель на колени. В голове все еще гудело, и он сдавил виски руками.

На отмели торчали из-под снега черные днища просмоленных лодок. Ближняя лодка густо изрешечена пулями. На носу можно различить полустершуюся перевернутую надпись. «Чайка»,— прочел Шмелев. Он вспомнил капитана Чагоду и ничего не почувствовал при этом воспоминании. Бесконечный строй ушедших стоял перед его глазами, Николай Чагода затерялся где-то в середине строя, и лицо его неразличимо среди множества лиц. И нет ни времени, ни сил вспоминать об этом, потому что если все обстоит так, как он рассчитал, то скоро начнется настоящий бой, какого еще не было на льду, снова начнет прибавляться строй ушедших, и самые последние утраты будут самыми горькими.

Снова дорога, о которой страшно подумать, разворачивается, уходит вдаль.

Зеленый огонь светится под козырьком, и, когда поезд проходит мимо, огонь становится красным, но я уже не вижу этого — передо мной маячит другой зеленый огонь, на другом блоке — два зеленых блика бесконечно скользят по рельсам. Они зовут меня за собой. Рельсы бегут и бегут под колеса, расходятся, сбегаются на стрелках, пропадают за поворотом, снова устремляются к горизонту.

До утра шатались по бульварам, сидели под окнами, целовались до самой зари. Потом я помчался в депо, вышел на линию. Солнце только что поднялось, я ехал, и в душе все пело: поцелуи, зеленые огни, рельсы, бегущие под колеса. Чисто вымытые старушки в белых платочках семенили по платформе — они стояли шеренгой, как солдаты, и я катился мимо них. Они спешили в церковь, к заутрене, чтобы помолиться за всех родных и близких, за всех живых и усопших. Через перегон был рынок,

молочницы с бидонами бежали туда занять место побойчее, а напротив магазин — очередь за ситцем. Еще раным-рано, магазин закрыт, а они прилетели сюда, ранние пташки, встали в хвост, судачат, лузгают семечки. А старушки в белых платках идут в церковь, они шагают неторопливо и гордо — они идут разговаривать с богом, и там не надо занимать места получше.

Потом большой перегон по зеленому лугу. Коровы спокойно пасутся на лугу; стадо большое, пестрое, бугай впереди. А если коровы спокойно пасутся на лугу, значит на земле мир и благодать, значит старушки в белых платках недаром клали земные поклоны. Только зеленый огонь горит впереди, только рельсы бегут под колеса. Сразу за лугом поезд выскакивал на мост и раскрывалась такая даль, что дух захватывало. По долине текла река. Русло извилистое, и до самого горизонта видно, как река петляет по лугам. Я еду в третий раз. На берегу уже полным-полно, будто вся Москва кинулась сюда спасаться от жары. Вагоны сразу пустели, все наперегонки бежали с насыпи к реке. А там уже плавали, прыгали, ныряли, барахтались, плескались — вся река кишмя кишела белыми телами. Они висели на подножках, стояли во всех проходах, а поезда все подвозили и подвозили их до самого обеда. Я успевал сделать пять концов — луг, базар, церковь, церковь, базар, луг,— а они все ехали и ехали. И вся река была белой — плывут, ныряют, выбрасывают над водой руки, барахтаются,— и кто же знал тогда, что война разметет эти белые тела по всей земле русской.

Кто ведал...

глава III

Войновский пил прямо из бутылки, а Стайкин прыгал вокруг стола и прихлопывал в ладоши:

— Пей до дна, пей до дна.

Вино было темное, терпкое. Войновский допил бутылку и с размаху швырнул ее в угол, под стеллажи. Стены заходили ходуном в глазах Войновского, потом неохотно встали на место. Подвал был

большой, мрачный. Две стены сплошь уставлены бутылками, у третьей стояли бочки. Тусклый свет проникал из узких окон, забранных решетками.

— Выпьем за воскрешение из мертвых.— Борис Комягин налил в кружку и протянул ее Войновскому. Они чокнулись.

— За день рождения. Бей гадов! — суматошно выкрикивал Стайкин.

Три солдата в углу играли с лохматым серым пуделем — показывали ему куски колбасы, и пес делал стойку.

— Выпьем,— сказал Шестаков, открывая бутылку.

Они по очереди отпили из бутылки. Шестаков крякнул.

— Фриц, ко мне,— говорил Стайкин, зажав бутылку под мышкой и подступая к собаке.

Пес забился под стеллажи. Стайкин поставил бутылку, схватил автомат, принялся шарить стволом под полкой, выманивая собаку.

— Собак убивать нельзя,— сказал Шестаков.— Потому как человек без собаки может, а собака без человека нет, не может.

Стайкин бросил автомат, подбежал вприпрыжку к Шестакову.

— Нельзя? — выкрикивал он, выпятив губы и выпучив глаза.— А людей убивать можно? Человека можно убивать, я тебя спрашиваю? Ответь мне по-человечески.

— Садись. Покурим,— Шестаков протянул Стайкину пачку сигарет.

— Осваиваешь? — Стайкин взял сигарету, присел на корточки.

Два солдата укладывали бутылки в мешок. Потом один взвалил мешок на плечи другому, и оба пошли к выходу. Дверь со стуком распахнулась, солдаты остановились. В блиндаж вошел Ельников. Он был без каски и без автомата. Солдаты с мешком молча отдали честь, прошли мимо Ельникова.

— Так, так,— сказал Ельников мрачно.— Пируете? В разгар боевых действий?

— Пей,— сказал Комягин.

Они чокнулись и выпили. Потом Ельников на-

лил из другой бутылки и залпом выпил вторую кружку.

— Собак убивать нельзя,— продолжал Шестаков в углу.— А человека, выходит, можно. Человека можно убивать, топить, жечь, душить, морозить — он все вытерпит.

Офицеры у окна раскрыли новую бутылку. Комягин поднял кружку:

— Выпьем за тех, кто остался на льду.

Глаза Комягина сделались вдруг испуганными.

На пороге стоял капитан Шмелев. С бесстрастным лицом он внимательно разглядывал подвал. Руки лежали на автомате. Позади — Обушенко, Джабаров.

— А-а, товарищ капитан.— Комягин натянуто заулыбался.— Милости прошу.

— Отставить.— Шмелев сделал шаг от порога, потом шаг в сторону, к стеллажам, где плотно стояли бутылки,— резкая автоматная очередь разорвала тишину подвала. Шмелев стрелял прямо с живота, ведя стволом вдоль полок. Он бил до тех пор, пока не кончился магазин. Стало тихо; только звенело, падая, битое стекло, лилось на пол вино да собака скулила под стеллажами.

— Мы от чистого сердца, товарищ капитан,— сказал Войновский, сидя у стола.

Шмелев резко повернулся, рот его был перекошен.

— Лейтенант Войновский — пять суток домашнего ареста...— Шмелев не успел закончить: снаряд разорвался у самого входа в склад. Дверь закачалась, с потолка посыпались комья земли. И тотчас истошный голос снаружи: «Немцы!»

— В ружье! — закричал Обушенко.

Войновский вскочил, повернулся и, неловко споткнувшись, упал у входа. Шмелев перепрыгнул через него, выбежал в дверь, не оглянувшись.

Немцы шли по полю широкой цепью, за первой цепью на ходу выстраивалась вторая. Немцы двигались не спеша, ведя редкий огонь из автоматов. Издалека били пушки, снаряды падали в деревню.

— Огня не открывать. Передать по цепи.— Шмелев напряженно слушал, пойдет ли команда, и с облегчением услышал, как ее повторил один голос,

второй, команда пошла вдоль плетня, перескочила в соседний сад и ушла, затихая в отдалении.

Обушенко подбежал, шлепнулся рядом. Шмелев посмотрел на него:

— Где минометы? Почему не слышно?

Обушенко исчез. Шмелев посмотрел по сторонам, выбирая место получше. Вдоль плетня бежал Стайкин. Увидел Шмелева, замахал рукой.

— Товарищ капитан, тут недалеко.

Они пробежали по саду, перепрыгнули через плетень, потом сад, еще плетень — и соскочили в окоп.

— Ну и окоп,— восхищенно сказал Шмелев, осматриваясь и притопывая ногами.— Царский окоп!

Окоп был самый настоящий, полного профиля. Земля под ногами чуть присыпана снегом, прочна как твердь. Стенки ровно поднимались вверх, в них сделаны ниши для гранат и патронов, бруствер приподнят, присыпан снегом, а по бокам две стрелковые ячейки для пулеметов, в плетне широкая дыра, чтобы стрелять,— действительно царский окоп, если царям когда-либо приходилось торчать в окопах.

— Гей, славяне! — выкрикнул Стайкин. Два солдаты вылезли из ячейки и легли наверху в снег. Стайкин схватил горсть снега и принялся с остервенением тереть щеки. Джабаров отстегивал от пояса диски и гранаты, раскладывал свое добро по нишам. Шмелев прошел в ячейку, где стоял ручной пулемет. Окоп был глубокий, и приятно идти по нему, не пригибаясь. От земли исходит запах прелых листьев, старого, лежалого картофеля и еще чего-то такого, что может быть только запахом земли. Шмелев привстал на колено и, приникнув к земле щекой, ощутил ее теплую сырость.

Солдат идет по земле, копает в ней щели, окопы, блиндажи. Идет солдат по земле, зарывается в землю, и земля иногда спасает его, иногда нет. Идет солдат по земле, пашет ее солдатской лопатой, орошает солдатской кровью. Выкопает свой последний окоп и останется в нем навсегда, но земля все равно укроет его и схоронит, потому что это земля, которая дала жизнь и вскормила, только она вправе забрать ее. И тогда другие солдаты будут продолжать идти по земле, вскапывать ее и орошать своей кро-

вью — вся родная русская земля от юга до севера изрыта окопами, потому что по земле прошла война и прошли солдаты.

Шмелев взялся за пулемет, поводил стволом вправо и влево, сколько позволяла дыра в плетне. Немцы шли по полю двойной цепью, всюду в прицеле были их серые фигуры.

Немцы двигались широкой дугой, охватывая Устриково с трех сторон, фланги продвинулись так далеко, что их уже не стало видно сквозь дыру.

Позади, в деревне, послышались звонкие шлепки, и вскоре на поле выросли яркие снежные кусты и донеслись звуки разрывов. Немцы залегли и подвигались вперед короткими перебежками. Огонь в цепи стал плотнее.

Шмелев припал к пулемету.

Первая цепь немцев вышла из зоны минометного огня, мины стали рваться на линии второй цепи, а первая пошла в рост. Было видно, как немцы бросали в снег пустые магазины, потом побежали. Вот и крик донесся — чужие лица с разъяренными пустыми ртами,— Шмелев нажал спуск. Приклад часто застучал о плечо. Ствол идет влево, диск вращается ровными толчками, Джабаров ловко меняет его, диск снова вращается толчками, а над черной плоскостью диска снежное поле, там мышиные фигурки всплескивают руками, падают, бегут назад, сталкиваются со второй цепью. Он уже не принадлежит себе, сама земля вытолкнула его, с криком навалился на плетень, рядом тоже навалились, плетень рухнул, пробежали по нему, под ногами снег, рыхлый, вязкий, ногам сразу тяжело, а чужие лица набегают,— гранаты туда, пули туда, и вас, гадов, туда, и мать вашу туда-растуда и еще дальше. Снег взметнулся, закрыл лица, потом опал, впереди уже не лица, а спины, но все равно — по спинам, по ногам. Догнали спины, пробежали сквозь них, разорвали цепь — все перемешалось, закружилось на снегу. Оскаленный рот — бей! Хромовый сапог — бей! Толстый зад — бей! Бей и кричи, тогда легче бить.

Черный зрачок пистолета сверкнул в глаза. Кто-то больно ударил Шмелева в плечо, он увидел вспышку, что-то черное мелькнуло мимо, едва не

задев. Раздался крик, Шмелев упал, впитывая лицом влажную прохладу снега. Рядом упал Стайкин.

Шмелев поднял голову. Немцы толпой уходили в Борискино. Офицеры пытались там что-то сделать, размахивая пистолетами, но немцы все равно уходили.

— Разрешите доложить, товарищ капитан. Я не могу воевать в такой обстановке.— Стайкин отцепил флягу от пояса и потряс в воздухе. Фляга была пробита пулей, остатки вина тонкой струйкой пролились в снег.

— А жаль,— сказал Шмелев.

— Вы еще не знаете Эдуарда Стайкина, товарищ капитан.— Стайкин пошарил за пазухой, вытащил бутылку с яркой наклейкой.

Шмелев покосился на бутылку:

— Немецкий?

— Что вы, товарищ капитан. Я человек принципиальный и идейный. Французский коньяк. «Камю». Доставлен по прямому проводу из «Метрополя».

Шмелев повертел бутылку в руках, покачал головой и стал пить. Потом передал бутылку Стайкину.

— Осмелюсь доложить, товарищ капитан. Как говорил мой дружок парикмахер: «В этой войне — главное выжить». Храню его завет.

— Сюда бы его,— хмуро сказал Джабаров, перезаряжая магазин.

— Кого? Парикмахера? — удивился Стайкин.— Увы, Джабар, он не придет сюда, не побреет твою мужественную голову. Стукнуло в сорок втором под Москвой.

— Тогда пошли,— сказал Шмелев.

Они зашагали по полю, держа направление на церковь. На другой стороне поля немцы уходили в Борискино, вяло постреливая, чтобы показать, что они уходят не насовсем.

— Товарищ капитан,— Стайкин забежал вперед,— наблюдательный пункт на колокольне. Прикажите.

— Пожалуй,— сказал Шмелев.

— Там снайпер сидел. Вредил сильно. Мы с Маслюком из противотанкового в него били.

— Теперь уж не повредит,— заметил Джабаров.

глава IV

Немецкий снайпер сидел в церкви и ждал, когда придут русские. Немец ждал также наступления ночи. Тогда он спустится с темной пыльной площадки, проскользнет через ограду, через шоссе и, может быть, проберется к своим. Этот план немец начал обдумывать сразу после того, как увидел, что русские захватили берег и он не успеет спуститься с колокольни. Что он будет делать, если придут русские, немец не знал и боялся думать об этом. В руках у немца была зажата снайперская винтовка, и он жалел, что у него нет гранат.

Внизу захлопали двери. Голоса русских гулко зазвучали под сводами церкви. Потом голоса смолкли. Шаги русских послышались на лестнице. В груди у немца стало холодно и тоскливо: он хорошо изучил эту лестницу и знал, куда она ведет. Немец сидел на второй площадке снизу, здесь было просторно и не так холодно, как на верхних площадках.

Сначала он наставил винтовку в отверстие, куда выходили ступени. Потом, не выдержав, полез наверх, на третью площадку. Немцу казалось, что он поднимается очень осторожно; и на самом деле он полз почти неслышно: это был опытный вояка, прошедший всю Европу. Однако немец был чересчур напуган и на повороте зацепил прикладом за телефонный провод, висевший в проеме лестницы. Провод закачался, но немец не заметил этого.

Русские были уже на первой площадке. Немец услышал голоса.

— Смотри, провод качается,— сказал первый русский.

— Разыгрываешь...— ответил второй.

— Кто ты такой, чтобы я тебя разыгрывал? Александр Македонский? Или Чингисхан?

Немец сидел на корточках в углу площадки, выставив перед собой винтовку и вжимаясь в холодные камни. Подбородок мелко дрожал от холода. В углу напротив, прислоненный к стене, стоял деревянный крест с фигурой распятого Христа. Черный нарисованный глаз распятия уставился прямо на немца. Немец не понимал, о чем говорят русские, и ему становилось еще холоднее.

— Смотри, следы,— сказал второй голос, напевный и звонкий.

— Эй, приятель, вылезай! — крикнул первый русский.— Целее будешь. А то по частям возьмем.

— Я первый.

— Нет, я.

— Почему?

— Твоя жизнь дороже для человечества. А я человек пропащий.

— Почему это дороже?

— Потому, что ты холуй. Ясно?

— Ах так. Еще что?

— Бифштекс недожаренный.

— А еще что?

— Чингисхан недобитый.

— Я первый,— упрямо повторил второй русский.

— Уйди. Махнем по справедливости. Орел или решка?

— У нас денег нет.

— Махнем на гильзах. В какой руке?

Немец не понимал, почему русские говорят так долго, и ему хотелось, чтобы они говорили еще дольше. Он сидел, задыхаясь от холода, держа перед собой винтовку, черный немигающий глаз Христа в упор смотрел на него.

Русских не стало слышно. Что-то темное, узкое просунулось в отверстие. Немцу показалось, что Христос хитро подмигнул ему черным глазом. Немец вздрогнул, а Христос вдруг подпрыгнул и поскакал на одной ноге к лестнице. Немец нажал курок. Выстрел гулко грянул в каменных стенах. Пуля отбила руку распятия, разгневанный Христос подскочил, полетел в немца, больно впился в плечо. Немец не успел сделать второго выстрела. Винтовка вырвалась из рук, встала торчком и провалилась в темном отверстии.

Не помня себя от страха, цепляясь руками за ступени, немец полез на верхнюю площадку. Это была его рабочая площадка. Сквозь амбразуру проникал луч света. На полу валялись гильзы. На ящике для патронов стоял телефонный аппарат. Немец заскрипел зубами от ярости — ему захотелось убить хотя бы одного русского, прежде чем те убьют его.

Рядом с телефоном стоял термос с горячим кофе, который немец принес на рассвете. Он схватил термос и, обжигаясь, стал пить большими глотками. Он не допил и пожалел об этом, потом швырнул термос в черное отверстие, схватил две коробки с патронами, и они тоже загромыхали по лестнице. Немец упал на колени, неистово сгребал руками гильзы, щепки, мусор и бросал вниз.

— Эй, не сори там. Зачем соришь? — закричал русский, и очередь из автомата косо простучала по камням.

Немец подскочил к лестнице и полез выше. Конец лестницы упирался в край светлого люка.

Широкий простор раскрылся перед ним: поля, покрытые снегом, далекие деревни, леса, крестообразные крылья мельниц на холмах. А в другой стороне простиралась плоская ледяная равнина, откуда пришли русские, и немец боялся смотреть туда — там лежали мертвые, а он хотел жить.

Последняя лестница была приставная, немец мог бы отбросить ее или вытащить через люк наверх, но он не догадался этого сделать: страх вошел в его рассудок и помутил его. Немец пополз на четвереньках к краю площадки, огибая большой колокол, висевший на толстых цепях. Еще два колокола, поменьше, висели в проемах площадки. Немец скрючился за большим колоколом, перевесился через карниз, глядя на Борискино. Там густо двигались конные повозки, люди. «Наши там, наши там,— думал немец.— Совсем близко, наши совсем близко, и можно долететь до них. Совсем близко».

— Хорошо нас расстреливал, гад, со всеми удобствами.— Русский хрипло засмеялся, и немец задрожал, услышав этот голос.— Алло, алло, соедините меня с тем светом. Алло, тот свет? Приготовьте одно место для транзитного пассажира...

Лестница качнулась, заскрипела. Немец высунулся из-за колокола и, не в силах отвести взгляда, смотрел на открытый люк.

Старший лейтенант Обушенко расположился со штабом в помещении бывшей немецкой комендатуры напротив церкви.

Закинув ногу на ногу, Обушенко сидел в глубо-

ком плюшевом кресле за большим столом. Против него, держа в руках трофейный портфель из светло-коричневой кожи, расположился офицер связи от Рясного, младший лейтенант Марков. На столе лежал автомат, сбоку стояли два телефонных аппарата, один из них — немецкий. Рядом с телефоном лежал секундомер.

Кроме офицеров, в избе находились связные, они сидели на лавках вдоль стен. Двое дремали, привалившись головами друг к другу. Слева от двери высилась русская печь, недавно побеленная.

— Гриша,— сказал Марков,— я тебе уже говорил. Мне нужны наградные листы.

— Я тебе тоже говорил. Мне некогда бюрократию разводить. Понял?

— Полковник приказал. А ему звонили из штабарма. Вот, например, капитан уничтожил штабную машину, захватил важные документы. Значит, нужно описание подвига. Без этого нельзя.

— Давай договоримся так.— Обушенко откинулся на спинку кресла, сцепил пальцы рук на животе.— Пусть одни воюют, а другие пусть пишут наградные листы. Пусть одни совершают подвиги, а другие пусть их расписывают, но чтобы, черт подери, не мешали нам бить гадов. Договорились?

— Гриша, я же тут ни при чем, ты сам знаешь.

— Вот все, что могу тебе дать.— Обушенко слазил в тумбочку и поставил на стол три высокие темные бутылки.— Кислятина дикая. Специально для генералов. Передашь по инстанции.

Марков положил бутылки в полевую сумку.

Телефон на столе зазвонил снова. Обушенко осторожно взял трубку.

— Алло. Опять тот свет? Какое место?.. А, это ты, не валяй дурака. Где Джабаров? Какой немец? Так, так... Ясно... Помощи не требуется? Ну, тогда валяй. Доложишь потом.— Обушенко положил трубку, с грохотом повернулся вместе с креслом к окну.— Смотри-ка,— крикнул он,— и впрямь немца поймали!

Марков положил портфель на стол и подошел к другому окну.

Церковь была наискосок от штаба, по ту сторону площади. В окно было хорошо видно, как на ко-

локольне, на самом краю карниза сидел, скорчившись, солдат в мышиной шинели.

Обушенко перегнулся через спинку кресла, посмотрел на секундомер, закричал:

— Подъем, капитан! Немца поймали!

Шмелев неслышно спрыгнул с печки, подошел к столу, часто моргая глазами и затягивая ремень на телогрейке.

— Как НП? Нитку дали?

Обушенко обернулся:

— Твой НП еще у немца.— Он засмеялся.

Шмелев встал за креслом. Связные подошли к другим окнам и тоже смотрели на колокольню.

Немец сидел, неудобно скорчившись, за колоколом и смотрел в черное отверстие люка. В отверстие медленно просунулся крест. Христос с отбитой рукой уставился неподвижным черным глазом на немца.

— Mein Gott, mein Gott, — забормотал немец и стал пятиться задом за колокол, вдоль карниза.

Христос отлетел в сторону, покатился по площадке, а из люка вдруг выскочил русский с толстыми губами и наставил на немца автомат.

— Поднимайся! — крикнул русский в люк.— Он сам на небо влез.

Второй русский, скуластый и черный, быстро пролез в люк, встал рядом с первым. Немец прижался к стене.

Русские молча сделали по шагу, разошлись и встали по обе стороны колокола. Оба высокие, с большими руками. Глаза у них печальные и безжалостные.

— Иди ко мне, мой миленький, — говорит тот, с вывороченной губой.— Иди ко мне, мой сладенький.

Немец не двигался.

— Тик-так, тик-так,— сказал тот же русский и подтолкнул ногой распятие к немцу. Немец понял и торопливо, путаясь в шинели, отстегнул ремешок с часами, положил часы рядом с головой Христа.

Русский стал медленно поднимать автомат на уровень глаз. Глаза его смотрели на немца с печальной усмешкой.

— Сдавайся,— сказал другой.

И тогда немец, быстро глянув в сторону Борискина, увидел там своих и подумал: «Как близко, боже мой, как близко». Он дико закричал, прыгнул, взмахнув руками, будто собирался лететь. Подошвы сапог мелькнули, скрылись за карнизом.

Тело немца перевернулось несколько раз в воздухе, и Шмелев увидел в окно, как каска на лету отделилась от немца и стала падать рядом.

Немец упал за оградой, в черные кусты. В ту же секунду у церковной стены выросло высокое дерево с огненными вывороченными корнями — звук разрыва ударил по стеклу.

Второй снаряд упал на шоссе, оставив в земле глубокий черный выем. А дальше можно было не считать, потому что снаряды посыпались один за другим по всей деревне, раздирая воздух, раскачивая стены домов.

Три «юнкерса» прошли низко над шоссе. Рваные огненные деревья поднимались под их крыльями. Шмелев увидел в разбитое окно, как «юнкерсы» круто взмыли в конце деревни и пошли на новый круг. А снаряды падали не переставая. Все вокруг взрывалось, билось вдребезги, грохотало.

— Вот этого я и ждал,— с облегчением сказал Шмелев.

Обушенко посмотрел на него, как на идиота, но Шмелев выдержал взгляд и не стал ни оправдываться, ни объяснять. Все было хорошо и правильно, если все было так, как он предполагал, вернее чувствовал, а еще вернее — предчувствовал: именно для этого нужен был адский грохот вражеских батарей.

глава V

Ровный, приходивший издалека гул плотно заполнял избу. Стены, пол, окна, кровать часто и мелко вздрагивали. Полковник Рясной лежал все это время в кровати, сжимая в руке под одеялом старинные карманные часы. Ладонь стала влажной, Рясному давно хотелось переменить положение руки, но он боялся смотреть на часы и лежал неподвижно. Последний раз он смотрел на часы, когда

Марков вошел с портфелем, тогда было тридцать три минуты с того момента, как началась бомбежка на том берегу.

Командующий армией сидел за столом у окна, разбирая трофейный портфель с документами и время от времени заглядывая в немецко-русский словарь. Один раз он налил вино в стакан и тут же забыл о нем.

И вдруг дребезжание кончилось. Рясной вытащил часы из-под одеяла и посмотрел на командующего. Тот отодвинул бумаги, поднял голову и тоже прислушался: снаружи не доносилось ни звука.

— Сколько? — спросил командующий.

— Сорок пять минут,— ответил Рясной.

— Не так уж много. Я дал бы вдвое больше.

— Игорь Владимирович, когда вы начинаете? — неожиданно спросил Рясной.

— Что вы имеете в виду?

— Игорь Владимирович, не надо играть в прятки. Я все знаю. Не знаю только, когда и где.

— А сколько — знаете?

— Вдвое больше. Следовательно, полтора часа.

— Виктор Алексеевич, идите ко мне в штаб. Не понимаю, почему вы упрямитесь. Если операция пройдет удачно, представим вас на генерала.

— Мне уже поздно.

— Никогда не поздно стать генералом.

— Мне стало бы легче,— продолжал Рясной,— если бы я был там, особенно сейчас, когда немцы пошли в контратаку. Если я не смог доказать вам, что батальоны нуждаются в подкреплении, значит я сам должен был пойти туда.

— Будьте благодарны мне хотя бы за то, что я не приказал отправить вас в медсанбат, а вместо этого сижу и уговариваю.— Командующий взял было бумагу, но потом снова повернулся, посмотрел на Рясного: — Скажите, Виктор Алексеевич, вы подписали бы приказ на операцию «Лед», если бы были моим начальником штаба?

— Наверное, да. И мне остается только пожалеть, что я не ваш начальник штаба.— Рясной посмотрел на часы.

— Сколько молчат? — спросил командующий.

— Четыре минуты.

— Будем надеяться, что они успели закопаться.
— Больше надеяться не на что.

Командующий ничего не ответил, подвинул папку с документами и зашелестел бумагой.

Сорок пять минут на том берегу все рвалось и грохотало — на десятки километров окрест расходился смертоносный грохот. Потом он оборвался. Немецкие цепи пошли в атаку, бой стал глуше, ближе к смерти. На четыре минуты ближе к смерти. А на этом берегу все спокойно: так же шелестит бумага, сизый дымок вьется от папиросы. Лишь сердце старого полковника болит за своих солдат — там стало вдруг тихо, а ведь на войне быть не должно тишины.

Командующий извлек из папки пакет, сломал сургучные печати.

— Важная птица был этот немец,— сказал он.— Личный посланник фельдмаршала.

— Вы полагаете, все это из-за него?

— Судите сами. В девять утра он должен был прибыть в штаб корпуса, к генералу Булю. И почти в это же время перерезали шоссе. Посланник не прибыл в штаб. Не надо быть даже немцем, чтобы сопоставить два этих факта. И Буль привел в движение все силы. Меньше чем за два часа немцы сумели повернуть всю артиллерию, нацелили стратегическую авиацию. Надо было крепко досадить Булю, чтобы он так зашевелился. Возможно, он рассчитывает получить обратно свой портфель? Смотрите.— Командующий выхватил из пакета лист бумаги.— Перед нами появился еще один немец — генерал Фриснер. Что бы это значило? Фриснер, Фриснер... Что-то знакомое.

— В сорок первом,— сказал Рясной,— Фриснер действовал под Смоленском.

— Генерал Прорыв. Вспоминаю. Ему приказано возглавить командование особой опергруппой, создаваемой на стыке немецких армий с целью предотвращения возможного прорыва русских. Они ждут нашего наступления и не знают — где. Тем хуже для них. Смотрите, боже мой.— Игорь Владимирович схватился за голову. — Указаны все танкоопасные места и направления возможных контрударов. Корпус Буля должен быть готов к перегруп-

пировке. Это феноменально. Кто захватил этот портфель?

— Капитан Шмелев и его ординарец. Они вдвоем подбили машину и уничтожили четырех немцев.

— При чем тут немцы? Этот портфель стоит батальона. Евгений! — крикнул Игорь Владимирович.

Дверь тотчас распахнулась, и на пороге появился капитан с белокурыми бакенбардами.

— Заготовьте наградной. Представить командира батальона капитана Шмелева к ордену Александра Невского. Ординарца Шмелева — узнайте его фамилию — к ордену Славы.

Адъютант склонил голову и вышел, плотно прикрыв дверь.

— Одиннадцать,— сказал командующий.— Пора бы...

— Двенадцать,— сказал Рясной.— Еще три минуты, и если ничего не будет, значит их сбросили на лед.

— Я доложил о захвате берега в Ставку. Надеюсь, вы понимаете, что это значит?

Рясной ничего не ответил и устало закрыл глаза.

Дверь раскрылась. Адъютант торопливо пересек комнату, положил перед командующим листок бумаги.

— Телефонограмма. Из штаба фронта.

— Вы слышите? — вскрикнул Рясной.

Адъютант удивленно посмотрел на него, пожал плечами и вышел. А Рясной лежал, закрыв глаза, и слушал: кровать под ним едва ощутимо вздрогнула. Потом еще. Еще. Отзвук далекого разрыва прокатился над озером, проник в дом. Разрывы быстро нарастали, слились в сплошной гул, заполнили избу — пол, окна, стены задрожали частой мелкой дрожью. Стекло в окне задребезжало тонко и надоедливо.

Рясной бессильно перевалился на спину и раскинул руки.

— Ну вот,— сказал командующий,— теперь и поясница болеть не будет.

— Крепко схватило,— сказал Рясной, кладя руку на сердце.— Чуть-чуть концы не отдал.

Взгляды их встретились, и оба тотчас отвели

глаза — каждый увидел радость в глазах другого. Командующий закрыл папку с документами, погладил портфель ладонью.

— Замечательный портфель,— сказал он, слушая далекий гул на том берегу и пытаясь скрыть радость.

— Чертова война,— пробормотал Рясной.

— Не может быть! — Командующий пробежал телефонограмму, резко встал, заходил по избе. Он потирал руки и уже не скрывал радости. Увидел стаканы, улыбнулся, подошел к столу, налил вина.

— Ваше здоровье, полковник. За это стоит выпить. Пришла новая дивизия, свежая, нетронутая, прямо с формировки. Девять тысяч штыков. Прямо с Урала.

— Чья? — спросил Рясной.

— Генерала Горелова.

— Не слыхал.

Командующий сделал глоток, почмокал губами, пробуя вкус вина.

— Замечательно. Девять тысяч штыков. Это значит, что я пройду лишние двадцать километров.

— Вспомним о батальонах, Игорь Владимирович. Надо послать им подкрепление.

— Нет,— ответил командующий и поставил стакан.— Они уже закопались. Если они выдержали первый натиск, значит выдержат еще. Они будут держать шоссе еще двое суток, а после этого я дам приказ на отход. Передайте капитану Шмелеву, что он награжден орденом Александра Невского.

— Какой смысл удерживать эту дорогу, если у противника есть другая.

— Вы забегаете вперед, полковник. Железную дорогу я беру на себя. Я поручу ее капитану Мартынову — знаете такого?

— Слышал.

— Отдаю вам лучшего сапера, хотя он был бы весьма кстати для завтрашней работы. Мартынов сделает все, что требуется. Сделает ровно на двое суток, пока я буду обрабатывать этого Фриснера.— Командующий показал глазами на портфель.— Продержаться двое суток — вот все, что мне надо от них. Совсем немного. Они неплохо начали. Пусть продолжают в том же духе.

Гул над озером стоял ровный, далекий. Он не слабел, не усиливался, а растекался однообразно и глухо, будто ему не было ни конца, ни начала.

В тридцати километрах на запад от маяка и избушки, стоявшей у его подножия, в центре этого грохота солдаты сидели в блиндаже с неподвижными бескровными лицами, подняв глаза к потолку; казалось, они молятся: солдаты слушали, как падают и рвутся снаряды. Так сидели они много часов — время остановилось, вся вселенная сгустилась до предела в низком тесном блиндаже, не оставив солдатам ничего, кроме грохота, бушевавшего кругом.

Снаряд завыл протяжно, хрипло. Земля качнулась, ушла из-под ног. Воздух жарко ударил в уши. Потом земля снова вернулась, грохот отодвинулся от блиндажа. Никто не сказал ни слова. Телефонист, сидевший в углу, заговорил:

— Резеда, Резеда, где же ты? — Он твердил это как заклинание, и голос слабел с каждым разом. Потом он замолчал, посмотрел на товарища; тот молча, с каменным лицом надел каску, взял катушку с проводом и вышел из блиндажа. Пыльный свет, грохот прорвались в дверь, ударили в барабанные перепонки. Солдаты глазами проводили телефониста, кто-то судорожно вздохнул, выругался.

А грохот то надвигался, то отходил, то волнами прокатывался поверху. К разрывам, к вою прибавился рев моторов. Тяжкие удары сотрясли землю, повторились в ее глубине.

Прошло много времени. Дверь снова распахнулась, связист с катушкой вошел в блиндаж. Лицо у него было серое, пыльное, цвета дыма. Глаза ничего не видели. Солдаты удивленно посмотрели на связиста, будто он пришел с того света, а потом снова подняли глаза к потолку.

— Резеда, слышу тебя хорошо,— сказал телефонист в углу.— Порядочек.

Еще дальше на запад, в тридцати километрах от Устрикова находился штаб командира немецкого корпуса. В просторном кабинете, на двери которого сохранилась табличка: «9-й класс «Б», сидел за

столом генерал-лейтенант Буль. Грохот далекой канонады Буль слушал с досадой и раздражением. Перед ним лежала на столе карта. Буль прочертил на ней резкую красную стрелу, и это несколько успокоило его. Еще одна стрела — и лицо Буля совсем разгладилось.

В кабинет вошли три генерала: командующий артиллерией, начальник авиации и командир пехотной дивизии. Буль резко сдвинул карту и встал перед генералами. Он был костлявым и плоским, с раздавленным широким тазом и грудью, на которой висел складками мундир с орденами.

— Господа, я хотел бы доложить обстановку,— заговорил Буль скрипучим голосом.— Уже семь часов дорога находится у русских. Я имею только один вопрос: почему вы до сих пор не взяли ее обратно? Почему вы не сумели забрать этот паршивый кусок берега, который насквозь простреливается пулеметами? Вы просто не захотели взять его. Где дорога? Как я буду снабжать армию? По воздуху? Или кругом? Чему вы улыбаетесь, Крамер? Или это не ваши солдаты удирали из Устрикова в одном нижнем белье? Доложите, когда вы возьмете дорогу?

— Господин генерал, русские прикрываются мертвыми. Они заставляют нас стрелять в мертвых, а потом как ни в чем не бывало выходят из укрытий.

— Что за чепуха? — возмутился Буль.— Вы слышите этот концерт? — Он указал рукой в окно, где слышался гул канонады.— Там не осталось ни одного живого. Вам нужно только дойти до деревни и взять обратно забытые штаны. Даю вам еще три часа. Идите, господа, вас ждет начальник штаба. Генерал Крамер задержится на одну минуту.

Генералы отдали честь и вышли. Крамер продолжал стоять неподвижно.

— Где капитан Хуммель? — спросил Буль.

— Капитан Хуммель ждет в приемной.

— Вы уверены в нем?

— Мой генерал,— ответил Крамер,— я готов поручиться за капитана Хуммеля собственной головой. Это мой лучший офицер. Прекрасный офицер.

— Тогда пусть войдет.— Буль опустился на стул и принялся разглядывать карту. Железные кресты на мундире тихонько позванивали.

Капитан Хуммель отдал приветствие и застыл перед столом.

— Слушайте, капитан,— сказал Буль.— Ваш генерал сообщил мне, что вы прекрасный офицер. Я вызвал вас, чтобы лично поставить задание, от которого будет зависеть не только одна ваша жизнь. Смотрите сюда, капитан.— Буль приподнял лист бумаги, который прикрывал карту Елань-озера. Жирная красная стрела пересекала голубую поверхность озера и вонзалась в берег прямо против Устрикова.

— Мне все ясно,— сказал капитан Хуммель, твердо глядя на генерала.— Мой батальон уже сосредоточен в устье Шелони и готов к маршу.

— Запомните, капитан,— проговорил Буль.— От вас будет зависеть судьба армии. Я хочу, чтобы вы хорошо поняли это. Если они не хотят оставить берег, закопайте их там. Сделайте им райскую жизнь, капитан.

глава VI

— Хорошо живешь.— Капитан Мартынов, оторвался от карты и оглядел блиндаж.— Все понятно, отсиживаешься.

— Пришел бы засветло, послушал бы, как мы тут хорошо живем...

— А тишина-то какая,— продолжал Мартынов.— Как на даче. Конечно, ты теперь отсиживаться будешь, а я должен твои грехи замаливать.

Шмелев почувствовал себя неловко под пристальным взглядом Мартынова и виноватым за то, что он отсиживается в блиндаже, а Мартынов скоро уйдет отсюда.

— Понимаешь, — Шмелев развел руками, — передышка.

— Какая по счету?

Передышка была недолгой, и она была последней. Впрочем, на войне каждая передышка может

оказаться последней, и каждая пуля — последней пулей, и каждый вздох — последним вздохом. Но думать так на войне нельзя, иначе воевать было бы просто невозможно.

— Понимаешь, капитан, — говорил Шмелев, — оборона у них оказалась крепкая. Мы на льду, а они в земле. У них блиндажи, да еще с рельсами. Даже самолеты не могли их достать в этих блиндажах, а мы бились как рыба об лед. Одиннадцать раз поднимались...

— Зато теперь у тебя благодать. Теперь у тебя никаких забот.

Снаружи не доносилось ни одного звука. Впрочем, пока это обстоятельство не вызывало особых тревог у Шмелева, хотя он то и дело ловил себя на том, что слушает эту напряженную тишину.

— Воевали культурненько. — Мартынов снова оглядел блиндаж. — Это они умеют, сволочи.

Они сидели в блиндаже майора Шнабеля. Над столом горела яркая лампочка, питавшаяся от аккумулятора. Ящики письменного стола были раскрыты и выпотрошены. На полу валялись мятая бумага, гильзы, немецкие ордена. За ширмой виднелись две кровати, покрытые коричневыми одеялами. У ширмы лежал на боку ночной горшок, выметенный из-под кровати. На стене тикали ходики; гиря опустилась и свисала чуть ли не до пола. Картинки на стенах были дорисованы в разных местах красным карандашом. Портрет Гитлера Джабаров сорвал, чтобы растопить печку.

— Умеют, сволочи. С теплой уборной. — Мартынов усмехнулся и посмотрел на ночной горшок.

— Тоже с рельсами, — сказал Шмелев, задвигая ногой горшок под кровать. Он стоял босиком, в стеганых штанах, в гимнастерке без пояса. Валенки сушились у печки. Мартынов был в свежем маскировочном халате, на поясе — гранаты и пистолет. Только шапку он снял и откинул капюшон халата за спину. Автомат лежал на кровати.

— Четыре наката бревен и рельсы, — сказал Джабаров.

— Тогда все ясно. Из такого блиндажа тебя теперь век не выкурить. — Мартынов резко повернулся к столу: — Повторим? Для верности.

Они склонились над картой, расстеленной на столе. Мартынов вел карандашом по карте и приговаривал: «Здесь, здесь, потом сюда, выходим к речке — и сюда». Карандаш дошел до того места, где извилистая голубая линия Псижи пересекалась с прямой черной линией железной дороги — там, у моста, был разъезд. Мартынов перечеркнул мост крестом, карандаш сломался. Грифель отскочил в сторону и скатился на пол.

— У, черт, — выругался Мартынов.

— Смотри, — сказал Шмелев, — на левом берегу насыпь, а на правом насыпи нет. Значит, правый берег с обрывом.

— Если насыпь, значит быки высокие. — Мартынов принялся чинить карандаш финским ножом.

— Зачем тебе быки? — спросил Шмелев.

— Если подорвем быки, то это трое суток, не меньше. Даже если они ремонтный поезд вызовут. А мне задано двое.

— Двое суток? Почему двое? Говори.

Мартынов посмотрел на Шмелева и пропустил его слова мимо ушей.

Шмелев сложил карту, передал ее Мартынову. Джабаров подошел к столу, поставил дымящуюся сковороду, потом принес два стакана.

— Задабриваешь? — Мартынов налил в стаканы. — За твоего Александра Невского. Чтоб не последний.

— Спасибо за добрую весть.

— Ты в блиндаже сидишь, — сказал Мартынов, — и орден у тебя уже в кармане. А мне твою работу делать. Справедливо?

— Нет, — Шмелев вдруг не выдержал. — Несправедливо. Ты пришел сюда на готовенькое, а потом сделаешь свое дело и опять уйдешь на тот берег. А нам дорогу держать, пока здесь хоть один человек останется.

— Кто тебе сказал? — Мартынов быстро посмотрел на Джабарова. — Разве я тебе что-нибудь говорил?

— Нет. Я сам все знаю.

— С самого начала знал?

— Нет. На льду, ночью, перед последней атакой

узнал. И тогда понял, что нам отсюда не уйти — надо брать.

— Ох и силен, — сказал Мартынов, ставя стакан. — Где раздобыл?

— Французский коньяк «Камю», — сказал Джабаров, — наш капитан немецкого не любит.

— Не знаю только — когда и где? — сказал Шмелев.

Мартынов снова посмотрел на Джабарова.

— При нем можно. Говори, — сказал Шмелев.

— А я и сам не знаю. — Мартынов опрокинул стакан в рот и принялся хватать куски мяса со сковороды. — Знал, да забыл. Я к немцу в зубы иду. И память потерял: когда, где, сколько дивизий — ничего не помню. Хоть убей — не помню. Всю память отшибло.

— Тогда я скажу. Завтра утром. На севере. Там будет главный удар. А наша задача — отвлекать силы...

Мартынов усмехнулся:

— Недаром тебе «Александра Невского» дали. Полководцем сразу заделался. А мне теперь твои грехи замаливать. — Мартынов посмотрел на часы. — Десять. Мои ребята ждут.

Мартынов встал, поправляя ремень на поясе, взял с кровати автомат. Он был свежий, чисто выбритый, подтянутый — полный сил и весь готовый к тому делу, на которое шел. Он уже не шутил, глаза стали узкими, злыми.

— Желаю оставаться, — сказал он, пристально глядя на Шмелева.

— Желаю и тебе.

Мартынов шагнул к двери и толкнул ее ногой. Мелькнула черная, непроглядная темь. Дверь глухо захлопнулась. Лампочка над столом качнулась, тени забегали по стенам. Вот так, один за другим, нескончаемой чередой уходят живые. И надо только заглянуть в последний раз в их отрешенные глаза, чтобы увидеть там то, куда они ушли. Они уходят и уносят с собой свои мечты и печали, ожидание и верность, гордость и страх — все, что было с ними, пока они не ушли. А потом дверь захлопывается. Ушла лодка, упал снаряд, просвистела пуля — и дверь захлопнулась. Те, что вышли в эту дверь, не

возвращаются назад — дверь захлопнулась плотно и навсегда. Человек ушел.

Шмелев подошел к двери. Кто-то сильно рванул дверь из рук. На пороге стоял Обушенко, за ним Стайкин.

— Фу ты! Напугал, — лениво сказал Шмелев, почесывая поясницу.

Джабаров достал из мешка новую бутылку, и они выпили, стоя у стола. Шмелев подошел к кровати и сел.

— Как немец?

— Тихо. Ракеты бросает. А снаряды экономит.

— Тишина на войне — это непорядок, — сказал Шмелев. — Надо усилить берег. Перебрось туда еще один взвод. К Войновскому. На правый фланг.

— Ложись, не волнуйся. Мне все равно наградные писать. А ты спи.

— Дай магазин.

Джабаров подал магазин, и Шмелев стал набивать его патронами. Он вставил магазин в автомат, перевел затвор на предохранитель и повесил его в изголовье. Потом вытащил из-под кровати ящик с гранатами, положил несколько гранат на табурет, встал. Подошел к печке, взял портянки, валенки, сел на кровать, намотал портянки, надел валенки, снова встал, потопал ногами, проверяя, хорошо ли легли портянки, застегнул телогрейку, затянул потуже пояс, поправил пистолет на поясе, положил рядом с гранатами шапку, каску, лег на кровать.

— Хорошо, — сказал он и закрыл глаза.

Джабаров и Стайкин смотрели, как Шмелев укладывается спать. Обушенко сел за стол, разложил бумаги.

Джабаров и Стайкин зарядили автоматы, приготовили гранаты, повесили автоматы на грудь и тоже легли на полу у дверей, ногами к печке.

Старший лейтенант Обушенко сидел за столом. Он писал наградные листы, глаза слипались, и строчки расползались в стороны.

Измученные контратаками, оглушенные бомбежками, солдаты спали в блиндажах. А тишина над берегом стояла глухая, настороженная, такая тишина, какая бывает перед взрывом. Если бы Шмелев

или Обушенко услышали эту тишину, они тотчас почуяли бы недоброе, но бодрствовали только часовые на постах и связисты у телефонов, и они радовались, что кругом тихо и спокойно.

Капитан Мартынов и его подрывники прошли через боевые порядки, попрощались с Яшкиным и направились по замерзшему руслу Псижи к железнодорожному мосту, который они должны были взорвать.

Капитан Шмелев крепко спал. Рука лежала на пистолете.

глава VII

Лейтенант Войновский давно проснулся и лежал на нарах, не двигаясь, слушая, что происходит в блиндаже. Голова трещала, во рту пересохло, но он боялся пошевелиться и тем более попросить воды. «Как стыдно, — думал он, — боже мой, как стыдно! На столе лампа, и кругом тихо. Наверное, сейчас ночь, а ведь тогда было утро, мы только что пришли на берег. Я напился в разгар боевых действий, как это стыдно». Он вспомнил склад, капитана Шмелева и как он говорил: «от чистого сердца». Вдруг он вспомнил, что получил пять суток ареста. «Наверно, я под арестом, — подумал он, — и часовые охраняют меня, как это ужасно».

Громко хлопнула дверь, волна холодного воздуха дошла до угла, где лежал Войновский. Вошедшие громко затопали ногами.

— Смена пришла! — крикнул Маслюк.

— Насилу выстояли, — сказал Шестаков.

Войновский обрадовался, услышав знакомые голоса, но в ту же минуту вспомнил, что с ним, и глухо застонал от стыда и боли.

— Никак проснулся? — спросил Шестаков.

— Спит, как малое дитя, — ответил связист.

— Крепко его укачало, — сказал Шестаков. — Непривычный еще для такого дела.

Войновский затаенно молчал. Несколько солдат оделись и вышли из блиндажа. Дверь хлопнула, холод снова окатил Войновского.

Никто не ответил Шестакову. Стало тихо. Мас-

люк возился у пулемета, набивая ленту, и было слышно, как постукивают патроны.

— У каждого солдата свое место, — сказал Шестаков, садясь на нары, — одеяльце с номерком. Вишь, номерок пришит, чтобы не перепутать — Ганс ты или Фриц. И нары березовые. Специально из березы сделали, чтобы вши не заводились. Культурная нация. С горшками воюют. Приближают войну к нормальной жизни, только это неправильно.

— Ложись лучше, — сказал Маслюк.

— Все равно уж, — печально сказал Шестаков. — Нам ту дорогу, говорят, брать надо. А мы не возьмем.

— Почему же?

— Не дойдем. Все здесь поляжем.

— Туда подрывники пошли, — сказал связист. — Специальный отряд из штаба армии. Будут мост подрывать на той дороге, у разъезда.

— Никто не дойдет. — Шестаков тяжко вздохнул.

Войновский неожиданно сел на нарах и сделал грозное лицо:

— Шестаков, почему вы ведете пораженческие разговоры? Приказываю немедленно замолчать.

Шестаков быстро встал и пошел к Войновскому, оглядываясь по сторонам. В руках у него была фляга.

— Проснулись, товарищ лейтенант? Желаете опохмелиться?

— Подай воды.

Шестаков зачерпнул котелком из ведра. Войновский долго пил не отрываясь, потом зачерпнул сам и выпил еще полкотелка.

— Легче? — спросил Шестаков.

— Чтобы я больше не слышал подобных разговоров. Ясно? — Войновский отяжелел и часто дышал.

Шестаков посмотрел на Войновского долгим печальным взглядом. Глаза у него запали, лицо было усталым, в резких морщинах.

Ночь была темная, тихая. Далеко в стороне, за домами, за купами садов взлетали ракеты, потом опять опускалась темь.

Капитан Шмелев крепко спал в блиндаже. Он лежал на спине, раскинув руки, и часто дышал. Ему снились рельсы, бегущие под колесами электропоезда, широкий, залитый солнцем луг, на лугу паслись коровы и бегали, взметая гривы, лошади.

Обушенко испуганно вскинул голову над столом и схватился за автомат: ему показалось, будто на улице стреляют. Обушенко обзвонил все посты, и отовсюду ему доложили, что кругом тихо. Обушенко успокоился и снова взялся за наградные.

Маслюк набил патронами запасную ленту и лег спать. Ему снилось пепелище родного дома — на всей земле у Маслюка не осталось места более родного и близкого, чем это пепелище.

Шестаков выпросил у дежурного телефониста карандаш, сел за тумбу перед пулеметом и при свете плошки, припасенной с утра, стал писать письмо на родину. Каким-то неведомым чутьем он почувствовал свою близкую гибель; ему чудилось — смерть тихо и осторожно крадется за ним, и он не знал, куда деться от нее. Это необычное состояние охватило его вечером, как только наступила тишина. Шестаков сначала не понимал, в чем дело, а потом понял и смирился и потому спешил закончить свои земные дела.

На верхней площадке колокольни сидел наблюдатель и время от времени пускал ракеты. Ветер продувал колокольню, наблюдатель прятался за колокол, где ветер был слабее, потом подходил к карнизу, пускал ракету, осматривал прибрежную линию и снова прятался за колокол.

Немецкие цепи двигались по льду, и до берега им оставалось не более двух километров. Капитан Хуммель выслал вперед дозор. Черные тени вышли, крадучись, из цепи и скрылись в темноте.

Войновский шагал по окопу. Ночная предрассветная тишина казалась ему удивительной и непонятной. Нога его ткнулась во что-то твердое. На дне окопа лежал замерзший немецкий солдат. Войновский поднял его, перевалил через бруствер. Тело с шумом покатилось под обрыв. Войновский выпустил ракету, чтобы посмотреть, куда упал немец, и зашагал дальше, высматривая, где лучше спуститься, потом спрыгнул с невысокого уступа в мяг-

кий снег и пошел вдоль берега низом. Он без труда нашел снежную нору, где они сидели с Шестаковым. Нора осыпалась, блиндаж над обрывом был разбит прямым попаданием. Толстые бревна косо торчали над краем уступа. Войновский подошел к валуну и улыбнулся, ощутив рукой шершавую поверхность камня, выщербленную пулями. Он услышал негромкий приглушенный звук губной гармошки, и мысли его прервались. Играли будто за стеной. Мелодия была точно такой же, как в прошлую ночь, протяжной и скорбной.

— Кто там? — громко крикнул Войновский; гармошка тотчас смолкла, сколько он ни прислушивался.

Он поправил ракетницу за поясом, пошел от обрыва. Снег под ногами был мягкий, глубокий, потом стал тверже и перестал скрипеть — он вышел на лед.

Бездонная черная глубина озера звала и втягивала его. Там на льду остались лежать его товарищи, он не видел их, но знал, что они лежат там и ждут его. Темнота плотно опутывала его, а немецкая цепь была уже в четырехстах метрах от берега. Немцы ползли по льду на корточках, выставив автоматы, держа начеку гранаты, но Войновский ничего не мог знать о немцах, он шагал легко и свободно. Можно было идти по льду, не опасаясь пулеметов. Можно было повернуть обратно, подойти к берегу, подняться по обрыву — никто не будет стрелять: кругом тишина, и берег в наших руках.

Лед звонко хрустнул. Войновский замер, отступил назад. Воронка была затянута тонким свежим льдом. Он лег ничком, жадно пил ледяную воду, пока не заныли зубы. Войновский оторвался от воды и услышал близкий хрустящий шорох. Приник ко льду ухом, щекой, как тогда, когда лежал под пулеметами, и услышал чужой шорох, чужие шаги, чужие стуки. Лед, на котором он лежал, который он согревал теплом своего тела, сказал ему об этом. Кругом темнота, и ничего не видно в ней, но что-то чужое, страшное надвигалось оттуда. Войновский испугался темноты, выхватил ракетницу и выстрелил.

Немцы шли цепью, во весь рост. Черные тени за-

прыгали позади них по льду. Не понимая, что он делает, Войновский перевалился на бок и выпустил весь магазин в черные прыгающие тени. Ракета упала, раздался чужой крик, сотни огненных вспышек зажглись в темноте. Не помня себя, Войновский вскочил и побежал к берегу, успев на бегу выпустить еще две ракеты. Немцы с криком бежали за ним.

Он уже карабкался по откосу, когда на берегу заработали сразу два пулемета. Справа и слева взлетели ракеты.

Маслюк стоял за тумбой, пригнувшись в коленях, обхватив пулемет руками. Плечи и руки его судорожно тряслись, словно от рыданий. Черная, освещаемая ракетами цепь бежала на пулемет, и Маслюк видел в прорезь прицела, как они нелепо взмахивают руками, подпрыгивают, крутятся, падают, проваливаются в черные ямы.

Маслюк бил в них и выкрикивал что-то бессвязное и грозное. Шестаков стоял боком. Глаза у него были зажмурены, губы беззвучно творили молитву, а руки сами собой подавали ленту и пулемет.

Войновский остолбенело смотрел на трясущиеся плечи Маслюка.

Пулемет умолк. Стало слышно мелкую частую трескотню на улице. Войновский удивился, почему Маслюк перестал стрелять.

Из дверей дыхнуло холодом. Войновский обернулся. В блиндаж ввалилось множество людей. Впереди шагал старший лейтенант Обушенко, за ним Сергей Шмелев, потом старшина Кашаров, связные. От них пахло свежим порохом и морозным воздухом. Маслюк мельком глянул на вошедших и снова прильнул к амбразуре. Войновский повернулся и стал смирно.

— Здесь будет КП, — разгоряченно говорил Обушенко. — Начинайте пристрелку. Давайте связь. Вызвать к телефону политруков. Всем лишним покинуть помещение. — Обушенко увидел Войновского. — Ты почему здесь? Где твои солдаты?

— Я только что...

— В блиндаже отсиживаться? — кричал Обушенко. — Еще пять суток захотел?

Шестаков отошел от пулемета и встал перед Войновским, закрывая его своим телом.

— Разрешите сообщить, — решительно сказал Шестаков. — Наш лейтенант на льду находились. Он немцев увидел, сигнал дал. И мы огонь открыли. Так я говорю, Маслюк?

— Это так? — спросил Шмелев.

— Да, товарищ капитан, — торопливо говорил Войновский. — Получилось совершенно случайно. Я спустился на лед, чтобы... Я хотел посмотреть, как там наши... И вдруг увидел немцев... Сразу две цепи... Со мной ракетница... Я успел...

— Хорошо, — перебил Шмелев. Он понял, о чем хотел сказать Войновский. — Идите к своим солдатам. Снимаю с вас взыскание.

В дверях показалась лохматая голова Стайкина:

— Братья славяне, подбросьте ракет. Опять захватчики лезут.

Шмелев махнул рукой и побежал. Войновский оглянулся еще раз на Маслюка и выбежал вместе со всеми.

— Идите, милые, идите, — ласково и нетерпеливо приговаривал Маслюк, приникнув к амбразуре. — Ближе, мои милые, ближе, мои хорошие, идите ко мне, идите ближе... — Лента дернулась и задвигалась, всасываясь в пулемет, плечи Маслюка судорожно затряслись. Он бил в освещенные круги на льду, черные тени опрокидывались и падали, а когда ракеты угасали, он бил по вспышкам автоматов, нечеловечьим чутьем угадывая, что бить надо именно туда. Он бил и кричал, и только грохот пулемета мог заглушить этот крик.

глава VIII

На рассвете выпал снег. Он ровно покрыл ледяную поверхность озера, берег, крыши домов, кладбище. Снег запорошил мертвых, лежавших на льду, и не успел замести немцев, которые были убиты недавно, в двух последних атаках.

С колокольни отчетливо было видно, как русские и немцы лежали вдоль всего берега вперемежку друг с другом; немцев легко можно было отличить по серым шинелям.

Позади цепи мертвых лежали немцы. Они не хотели уходить и готовились к новой атаке. Пулеметы на берегу били резкими быстрыми очередями. Пугливо оглядываясь, немцы постепенно пятились и отползали назад. «Все как позавчера, — подумал Сергей Шмелев, опуская бинокль, — и все наоборот, потому что мы в земле, а на льду лежат враги. Впрочем, на войне все наоборот».

Несильный ветер дул от берега, холодил спину. Шмелев поежился и посмотрел вдаль. Он ждал: ветер переменится — тогда он услышит, что происходит там, на северной оконечности озера. Ветер не менялся.

Внизу раздавались резкие одиночные выстрелы. Шмелев постучал прикладом автомата по камням. Выстрелы прекратились.

— Дай послушать! — крикнул Шмелев.

Держа в руках трофейную снайперскую винтовку, Джабаров вылез на площадку, присел у колокола. Севастьянов сидел в углу с телефонной трубкой в руках. Джабаров на корточках пробрался к Севастьянову.

— А почему немцы двумя цепями в атаку идут? Знаешь?

— Первая цепь прикрывает вторую. Когда-то легионеры прикрывали себя рабами. Потом люди поняли, что еще лучше можно прикрыть свое тело щитом. А теперь нет ни рабов, ни щитов. Армии сделались столь многочисленными, что щитов для всех не хватает. Так родилась тактика двух цепей.

— Сила! — сказал Джабаров.

«Живые прикрывают живых, — думал Сергей Шмелев. — Мертвые делают это лучше. Живые могут сделать это один раз, а мертвые до тех пор, пока надо живым. Они сделали свое дело и остались на льду, они лежат вместе со своими врагами, и им все равно. Надо стать мертвым, чтобы враг перестал быть врагом».

Неожиданная мысль пришла ему в голову: «А что, если немцы сделают точно так же и пойдут в атаку вместе с мертвыми? Постой, постой, это надо обдумать. Если так могли сделать мы, могут, следовательно, и они. И тогда наши пулеметы не

остановят их? Нет, они не сделают этого, не сделают хотя бы потому, что у них просто не хватит мертвых, а тех, которые лежат у берега, мы не отдадим, это наши мертвые, и они не станут служить врагу».

Шмелев вызвал Обушенко и на всякий случай сказал:

— Предупреди всех офицеров: если немцы начнут новую атаку и дойдут до берега, пойдем в штыковую. Обзвони всех — быть готовым к штыковой.

— Кишка у них тонка, — сказал Обушенко.

— Понимаешь, вдруг они пойдут в атаку, как и мы шли, с ними... ведь это психологический фактор...

— Я на психологию ноль внимания, — ответил Обушенко.

— Все равно предупреди. — Шмелев передал трубку Севастьянову и посмотрел вниз.

Снег запорошил шоссе, и сверху было видно, как оно ровной белой лентой уходило в обе стороны от Устрикова, еще более светлое и чистое, чем снег на полях.

Внизу, в деревне снег был взбит и исчеркан полосами следов, полозьями саней. Три солдата катили по шоссе пушку. У склада на площади стояли лошади в упряже. На краю деревни горел крестьянский дом, и было видно, как солдаты собрались там у огня, распахнув полушубки и грея животы. Дом только начинал разгораться, и солдаты тянулись к нему со всех сторон. Они истосковались по теплу, им приятно стоять у огня и греться.

Шмелев приподнялся, зацепил каской за колокол. Раздалось низкое протяжное гуденье. Он увидел на нижнем срезе колокола старославянскую вязь, влитую в медь. Строчки шли в два ряда. Шмелев медленно обошел вокруг и прочел: «Благовестуй, землѣ радость велію. Во всю землю изыде вещание ихъ — лета 7075 апреля в 25 день во имя творца вытек из огнъ, а подписалъ сей колоколъ Митя Ивановъ».

Шмелев дернул язык с толстым кругляшом, и колокол запел над землей. Солдаты у горящего дома подняли головы и смотрели на церковь.

Шмелев подошел к другому краю площадки.

Узкая белая лента шоссе выходила за деревней к берегу, делала плавный поворот и шла через поле в Куликово, а за Куликовом — вдоль берега, еще дальше вокруг озера. Белая запорошенная снегом лента обрывалась перед Куликовом — дальше шоссе опять становилось черным. Вся деревня была забита машинами, у каждой избы стояли грузовики.

Шмелев поднял бинокль, чтобы получше рассмотреть, чем гружены машины, и сначала не понял, что происходит. Машины, словно по команде, пришли в движение, выползали на шоссе, выстраивались в колонну и, быстро набирая скорость, одна за другой мчались из Куликова на север.

— Уходят! — порывисто закричал Севастьянов. — Немцы уходят. Смотрите.

Немцы на льду тоже начинали отход. Они перебегали вдоль цепи, собирая раненых, потом над цепью взлетела бледная зеленая ракета, немцы разом поднялись и пошли прочь от берега. Пулеметы часто забили вслед. Немцы припустились бегом.

Ветер переменился и подул со стороны озера. И вместе с ветром Шмелев услышал далекий, едва различимый гул — словно гром прогремел далеко в горах. Гул быстро нарастал — из облаков вынырнул самолет и пошел низко над озером к маяку. Мотор самолета затих. Далекий гром прокатился снова, еще явственней. Теперь можно было даже определить, что он гремит именно на том берегу озера, в самом дальнем его, северном конце.

В третий раз прогремел далекий гром — слушать его было радостно и жутко. Шмелев снова вспомнил железную дорогу, которую они должны были взять и не взяли. Опять дорога оказалась на его пути. Грохочут встречные поезда, рельсы покорно ложатся под колеса, мост звенит, качаются вагоны, и там, на лавке у окна, сидит его судьба. Видно, вся его жизнь навечно переплелась с дорогой. Далекое воспоминание навалилось на него, захолодило сердце. Он удивился: ему казалось, он навсегда забыл об этом.

Отец всю жизнь провел на колесах. Он и жил в старом товарном вагончике, стоявшем в тупике за водокачкой. Из этого вагона я ушел с мешком

за спиной, он даже не вышел проводить меня, а мать стояла у вросшего в землю колеса и вытирала глаза платком. Он сильно бил ее, она умерла весной от воспаления легких. Я даже не знал об этом. Соседка написала мне, и я приехал, когда все было кончено. Я долго бродил по баракам, искал отца: он уже перевелся в Березники, монтажником на стройку. У отца были золотые руки, его везде охотно принимали, только сам он нигде не мог прижиться, все гонялся за длинным рублем и никак не мог догнать его. Он сидел в неубранной комнате с бутылкой и смотрел в стену. «Уезжаю», — сказал он. «Сколько можно?» — сказал я. «Поживи с мое — узнаешь». Утром я посидел на могиле: «Мама, мама!» Потом пошел прямо на станцию. Спустя две недели отец делал пересадку в Москве, я провожал его на Ярославском. Мы стояли на открытом перроне, отец был угрюмый, небритый. Он все-таки любил мать, и я видел, как ему худо. Ему было худо, и он сердился на меня. «Никудышную ты работу выбрал, — говорил он. — Шел бы в торговлю, всегда при хлебе». — «Не хочу в торговлю». Тут он начал юродствовать: «Тогда иди в акушеры. Аборты запретили. А в столице разврата много. Вот и будешь делать тайные аборты, деньгу заколачивать». — «Что же ты сам в акушеры не пошел?» — спросил я, и он пошел заноситься: «У меня руки есть, им работа нужна. А ты белоручкой растешь, все полегче норовишь прожить. Не в меня пошел, не в нашу фамилию. Вот я — смотри! Еду в Кузбасс на домну по личному вызову наркома. Я нужен! А ты белоручкой захотел стать. Стихи учишь. Попробуй проживи жизнь как я прожил — тогда дерзи». — «От себя все равно никуда не уедешь», — сказал я. «Эх, Полина, Полина», — он принялся размазывать дождь по щекам. Я не мог его утешать и упрекать не стал — было бесполезно с ним разговаривать. Он уехал, и я ушел не оглянувшись. Я знал, что это конец, и оглядываться было ни к чему. Он ни разу не написал мне: видно, когда отцы строят домны, им не до сыновей.

Немцы на льду тоже услышали далекий гул и прибавили шагу. Они шли двумя жидкими цепочка-

ми, за ними тянулись по льду полосы взбитого снега.

Шмелев опустил бинокль. Джабаров уже не доставал до немцев, но продолжал стрелять. Шмелев перешел на другую сторону площадки, чтобы посмотреть, что делают немцы, отрезанные в Борискине.

Пронзительно просвистев, снаряд разорвался в ограде, взметнул вверх железные колья. Осколки застучали по крыше церкви.

Шмелев разглядывал в бинокль окраину Борискина, пытаясь найти место, откуда бьет немецкая пушка. На третьем выстреле он увидел вспышку и тонкий длинный ствол, торчавший среди ветвей старой яблони. Ствол почему-то был довольно высоко над землей. Вдруг ствол задвигался, яблоня завалилась, плетень тоже, и черный танк выполз в поле, покачивая тонким черным стволом.

Теперь и без бинокля было видно, что танков было пять. Два двигались по шоссе, а три других шли по полю, оставляя за собой широкие полосатые следы. За танками высыпала немецкая пехота.

Шмелев передал Обушенко все необходимые приказания: срочно перебросить с берега на окраину Устрикова взвод Войновского, приготовить пушки. Он говорил, не отрывая от глаз бинокля, а Севастьянов торопливо повторял его слова в телефон.

Танки двигались, ведя редкий беспорядочный огонь. Снаряды рвались на краю деревни или не долетали и падали в поле. Все танки были одинаковые, типа «пантеры», с пушкой и пулеметом; Шмелев знал, что три танка у немцев еще в запасе: позавчера, когда приезжал Славин, по шоссе прошли восемь танков. Теперь, отрезанные от главных сил, они пытались пробиться на север, где шумел далекий бой.

Примерно посредине между Борискином и Устриковом по полю наперерез шоссе тянулась неширокая лощина — шоссе пересекало лощину по насыпи. Один за другим танки нырнули в лощину, только самый первый остался на шоссе, потом на гребень выполз второй, и оба танка повели беглый

огонь, выжидая, когда заговорят наши пушки, чтобы засечь их. Немецкая пехота, шедшая за танками, сосредоточивалась в лощине.

Цепочка солдат двигалась внизу вдоль церковной ограды. Пересекла шоссе, повернула вдоль домов. Солдаты бежали, пригибая головы, припадая к земле, когда снаряды рвались поблизости. Впереди бежал Войновский, подбадривая солдат взмахами руки. Они пробежали мимо горящей избы и свернули в сад. Фигуры солдат замелькали среди деревьев.

В танке, который стоял на шоссе, открылся люк. Серия зеленых ракет поднялась над полем. Снаряды посыпались на Устриково, воздушные волны то и дело проходили через колокольню, осколки стучали по куполам.

— Высоко, как в раю, — усмехнулся Джабаров. — Ни один осколок не достает.

— Боюсь, что слишком высоко, — сказал Шмелев и покачал головой: ему хотелось быть ближе к земле.

— Лейтенант Войновский докладывает, что занял позицию, — сказал Севастьянов.

Шмелев услышал в трубке возбужденный голос Войновского.

— Товарищ капитан, вижу танки противника.

— Сколько?

— Два, товарищ капитан.

— Учти, их пять. Три пока в лощине. Ты их увидишь потом.

— Хорошо, товарищ капитан. Пять еще лучше, чем два. — Войновский говорил счастливым голосом и часто дышал в трубку.

— Юрий, — сказал Шмелев, — слушай меня внимательно.

— Да, я слушаю.

— Юра... — Шмелев замолчал. Он хотел бы о многом сказать сейчас, о самых сокровенных своих мыслях: о земле и что она значит не только для солдат, но и для всех людей, о любимой, которая солдата ждет и тоскует, как брошенная земля, о том, как дождь шуршит по листьям в лесу, как лед звенит весной на реке и поют мельничные колеса — обо всем хотел бы сказать Шмелев, потому

что на всей земле у него не было сейчас человека более близкого, чем этот юный лейтенант, и потому что он знал, что ожидает его в ближайшие полчаса. Но танки шли, и не было времени, чтобы сказать все это. И Шмелев сказал коротко:

— Юрий, танки не должны пройти.

— Мы не пропустим их, товарищ капитан, ни за что не пропустим.

— Учти, Юрий, у меня больше нет резервов. Если ты пропустишь их, останавливать будет нечем.

— Я сделаю, товарищ капитан. Я сделаю, честное комсомольское.

— Подпусти их ближе — и бей!

— Товарищ капитан, — Войновский чуть замялся, а потом выпалил одним духом: — Прошу вас, если что случится, напишите обо мне Наташе.

— Какой Наташе? — Шмелев похолодел, услышав это имя.

— Наташе Волковой, девушке, не получающей писем с фронта. Которая полюбила меня. Ее адрес у меня в сумке.

— Хорошо, Юра, я запомню. Смотри за ними...

Танки выползли из лощины, развернулись в цепь. Немецкая пехота поднялась и побежала за ними. Рваные розовые вспышки на мгновенье возникали на черных башнях, черные кусты то и дело вырастали в садах и в поле перед деревней.

Шмелев обошел вокруг колокола, чтобы посмотреть, что делается с другой стороны. Машины сплошной вереницей тянулись из Куликова по дороге, ведущей вокруг озера на север. Оттуда, из Куликова, никто не шел на них, никто не стрелял. Немцы атаковали только с юга, с той стороны, где они были отрезаны. Немцы пробивались на север.

Тяжелый «юнкерс» разорвал облака и прошел низко над деревней, потом развернулся и взял направление на север, прямо через озеро. Шмелев проводил самолет глазами и вернулся на прежнее место.

Танки были ближе и стреляли чаще. Заработали две наши пушки, прикрывающие шоссе. Снаряды рвались между танками, не причиняя им вреда, танки шли по полю, набирая скорость.

— Какого черта! — закричал Шмелев. — На пятьсот метров...

— Нервы, — сказал Джабаров.

— Прекратить огонь. Немедленно.

— Прекратить огонь, — повторил Севастьянов, и на лице его появилось отчаянье. — Резеда, почему молчишь? Резеда, где ты? — Севастьянов посмотрел умоляющим взглядом на Шмелева и сказал: — Порыв.

Одна из наших пушек замолчала, но Шмелев не мог разглядеть за деревьями, что с ней. Потом там заговорило противотанковое ружье, и передний танк на шоссе встал с перебитой гусеницей, а четыре других продолжали идти, часто стреляя из пушек: черные башни тяжело качались на ходу, пыльные снежные хвосты тянулись за танками.

Второй танк на шоссе прошел мимо первого, немцы пробежали следом по кюветам, и танк с перебитой гусеницей вдруг ожил, открыл огонь и заставил замолчать еще одну пушку. Теперь только две пушки могли бить по танкам, а танков было четыре и пятый подбитый, но еще живой.

Шмелев поднял бинокль, чтобы посмотреть, что с пушками, и вдруг почувствовал, как спине стало холодно. Среди деревьев замелькали фигуры солдат. Размахивая руками, солдаты выбегали к шоссе и бежали к центру деревни, прячась за избами и по кюветам.

Кто-то выскочил из дома наперерез бегущим, замахал автоматом, а потом увидел танк на шоссе и побежал вместе со всеми, часто оглядываясь назад.

Шмелев нырнул ногами в черный люк, и темнота колокольни оглушила его — не стало ни света, ни танков, ни снежного поля. Он бежал вниз, прыгая через ступеньки, цепляясь руками за скользкие холодные камни, а лестница казалась бесконечной.

глава IX

Войновский стоял в небольшом окопе, вырытом неподалеку от шоссе. Бруствер окопа был прикрыт двумя толстыми бревнами, а бревна присыпаны

снегом. Войновский смотрел поверх бревен, как танки идут на них. Он видел два танка на шоссе и один в поле; четвертый и пятый были закрыты высоким сугробом, торчавшим справа, но Войновский слышал, как они стреляют.

— Там еще пять штук идут, — сказал Шестаков, дергая Войновского за рукав халата.

— Молчи. Давай гранаты.

Шестаков подал гранаты, и Войновский положил их на бруствер перед бревнами.

Снаряд ударил в плетень за окопом, подняв густую снежную тучу. Шестаков прижался к Войновскому и потянул его на дно окопа.

— Вот он, смертный час наш пришел, — горячо прошептал Шестаков; он все время озирался и смотрел по сторонам.

— Чего ноешь? И без тебя тошно, — выругался Проскуров; он был третьим в окопе, а дальше вдоль плетня шли другие окопы, в них по двое, по трое сидели солдаты. Ближе к шоссе, за плетнем стояла полковая пушка, замаскированная снежными ветвями.

Войновский отодвинулся от Шестакова.

— Молчи. У нас же пушка есть. Мы их не пропустим. Пусти меня. — Войновский протиснулся к краю окопа и весело закричал: — Эй, пушка, бог войны. Почему не открываете огня? Танки идут.

— Вижу. Приказ был не открывать.

— Я лейтенант Войновский. Меня послал капитан. Приказываю немедленно открыть огонь. До танков триста метров.

На самом деле до танков оставалось еще не менее пятисот метров, но Войновский не знал этого, как не знал и того, что полковая пушка даже на расстоянии в триста метров не могла пробить лобовую броню среднего немецкого танка; следовало подпустить танки как можно ближе и бить их в упор.

Войновский увидел, как солдаты за плетнем задвигались, и закричал:

— Вот так-то веселее. Огонь!

Пушка сделала выстрел, и снег осыпался с веток, прикрывавших ее.

— Огонь по фашистским гадам! — звонко кричал Войновский.

А через минуту пушка за плетнем лежала на боку, и ствол ее уткнулся в землю. Артиллеристы разбежались и попрыгали в окопы. Из-за плетня просунулось тонкое жало противотанкового ружья.

Войновский не понимал, почему так случилось, и продолжал кричать в исступлении: «Огонь, огонь!» Противотанковое ружье сделало три выстрела и разбило гусеницу танка, шедшего по шоссе, второй танк метким выстрелом смел ружье и часть плетня.

— Приготовить гранаты! — Войновский обернулся и увидел, что в окопе никого нет. Шестаков торопливо бежал по саду, перебегая от дерева к дереву, и все время озирался по сторонам. Проскуров уже вылез из окопа и полз по заваленному плетню, а потом тоже вскочил и побежал. Солдаты в соседних окопах выскакивали на снег и прыгали через плетень.

— Назад! Приказываю назад! — кричал Войновский, но никто не слышал. На лице Юрия появилось недоумевающее выражение — он никак не мог понять, отчего солдаты не слушаются его.

— Товарищи, куда же вы? Вернитесь, родные, вернитесь, милые. Вернитесь скорее.

Фигуры солдат мелькали среди деревьев, исчезая за плетнями. Никто не отозвался. Войновский выпрыгнул из окопа, чтобы побежать за солдатами, догнать их, вернуть, но тут увидел колокольню, вспомнил капитана Шмелева и спрыгнул обратно в окоп. Он понял, что должен остаться. Трясущимися от волнения руками связал гранаты ремнем, перевалился через бруствер и побежал вдоль плетня к шоссе. Он прыгнул в кювет и увидел, как солдаты убегают вдоль домов. «Милые мои, родные», — прошептал он, лег в снег и пополз по кювету навстречу танку. Юрий полз, закрыв глаза, держа гранаты в вытянутой руке, и думал: «Я один, я сам, ведь мне совсем не страшно, я один сделаю, сам». Немецкий пулеметчик выпустил длинную очередь вдоль кювета, но ни одна пуля не задела его, он пополз еще быстрее, чувствуя, как снег обжигает щеки. Он услышал надвигающийся грохот,

на мгновенье открыл глаза, увидел огромную черную груду металла, черные фигурки немцев, перебегающие по полю. Он вспомнил Наташу Волкову, девушку, не получающую писем с фронта, хотел было достать ее фотографию, которая лежала в кармане гимнастерки, но понял, что не успеет и никогда уже не увидит ее. Он вспомнил свою любимую и тут же забыл — на свете были вещи важнее, а он любил всего-навсегда фотографию и никогда не видел своей любимой, не слышал ее голоса, смеха, не знал ее походки, движений ее рук и тела, запаха губ и всего остального, что знают те, кто любит. Он увидел белое ровное поле вокруг себя, над собой и внизу и понял вдруг, что это и есть Родина — самое важное на земле. Поле было ледяное, бесконечное, черный танк на нем казался совсем крошечным. В поле пробилась дыра, черная вода беззвучно заплескалась в воронке. Он глянул в черную воду, как тогда, на льду, и увидел там не свое отражение, а чье-то чужое лицо. «Кто же это был? Кто?» — мучительно подумал он. Лицо переменилось, сделалось страшно знакомым, и он узнал застывшее горестное лицо матери, каким оно станет на долгие годы после той минуты, когда мать получит весть о смерти сына. Слезы набежали на глаза, и тут он увидел огромную черную гусеницу — ему показалось удивительным, что гусеница неподвижно лежит в снегу, а танк ползет вперед, и снег пластами отваливается от трапов. «Что я делаю? Зачем?» — с ужасом подумал он и тут же выпрыгнул из кювета, распрямился и неудобно лег на спину перед самой гусеницей, все еще продолжая плакать по матери и изо всех сил прижимая гранаты к груди. Черная стальная плита надвинулась, вдавила гранаты в сердце. Сердце не выдержало этой стальной тяжести и разорвалось.

Сергей Шмелев бежал вдоль домов, стреляя из автомата над головами бегущих. Прямо впереди, на шоссе возникла мгновенная ослепительная вспышка; взрыв оглушительно прокатился над полем. Шмелев увидел, как окутанный дымом танк накренился и косо встал поперек шоссе. Кто-то отчаян-

но закричал, бегущие остановились. Шмелев врезался в них, рассек надвое и побежал дальше, слыша за собой топот и крики.

Они добежали до края деревни, рассыпались по полю. Позади звонко заухали минометы. В поле горел еще один танк, самый правый, а два других развернулись и уходили. Немцы бежали впереди них.

Шмелев спрыгнул в окоп. Кто-то, стоя наверху, сильно швырнул в поле две гранаты и прыгнул в окоп.

— Фу, мамочки! Чуть до самого Берлина не добежал. Еле остановился.

— Кто тебя послал? — спросил Шмелев.

— Обушенко, — ответил Стайкин. — Десять человек наскребли.

— Зачем гранаты зря швыряешь?

— Обратно лень нести.

— А почему ты решил, что пойдешь обратно в штаб? — Шмелев смотрел на шоссе, где стоял подорванный танк. Дым рассеялся. Стал виден черный бок танка с полосатым крестом и толстым цилиндром над гусеницей.

Стайкин тоже смотрел на танк, потом встретился взглядом со Шмелевым и кивнул.

Самые быстроногие немцы уже добежали до лощины и скрывались в ней. Второй подбитый танк продолжал гореть, внутри танка рвались снаряды, и он был совершенно бесполезен для того дела, которое задумал Сергей Шмелев.

— С пушкой умеешь обращаться? — спросил он.

— Зачем вы обижаете меня, товарищ капитан? Два раза горел. А потом плюнул на это дело. В пехоте веселее показалось.

— Иди, Стайкин.

— Один? — только и спросил Стайкин.

— Идите вдвоем. Бери кого хочешь.

Джабаров стоял в углу окопа. Он повернулся и молча стал отстегивать от пояса гранаты и диски.

— Возьми. Флягу дать?

— Оставь себе. На поминках пригодится. — Стайкин повертел головой, высматривая солдат

в соседних окопах. — Эй, Проскуров, собирайся. Пойдешь со мной.

— Куда, товарищ старший сержант?

— На тот свет. Не забудь захватить котелок и ложку.

— Есть собираться, — отозвался Проскуров. — Я мигом. Только ремешок к каске подвяжу.

— Опять убежишь? — не то спросил, не то пригрозил Джабаров.

— От меня не убежит.

— Я никуда не бегал, — торопливо говорил Проскуров, подползая к окопу, — истинно говорю. Меня лейтенант с донесением послали: иди, говорят, донеси самому капитану, что я погибаю смертью героя, вину свою вчерашнюю искупаю. Так он сам говорил, ей-богу.

— Молчать, Проскуров! — бросил Шмелев.

— Эх, лейтенант, — Стайкин покачал головой. — Погиб в расцвете лет.

— Я готов, старший сержант. — Проскуров надел каску и привстал на колени. — Давай гранатки поднесу.

По саду бежал Севастьянов с катушкой в руках и с телефонным аппаратом на ремне. Он присел у окопа и тотчас затвердил: «Резеда, Резеда».

— Возьмите связь, — сказал Шмелев, и Проскуров повесил катушку через плечо.

— Если что — Эдуард Стайкин на проводе. — Стайкин вылез из окопа и посмотрел на Севастьянова. — Прощай, Севастьяныч. Храни мои заветы.— Стайкин неопределенно махнул рукой и побежал к шоссе. Через минуту Шмелев увидел, как он ползет по кювету в сторону взорванного танка. Проскуров полз следом, катушка темным горбом качалась и раскручивалась на его спине.

Вражеская пехота готовилась к новой атаке. Оставшиеся танки вернулись к лощине и открыли огонь по центру Устрикова, нащупывая минометные батареи.

Стайкин залез в башню немецкого танка и наблюдал в смотровую щель за немцами. Проскуров сидел на месте пулеметчика и возился с телефонным аппаратом.

Сергей Шмелев перескочил через плетень и по-

шел по саду на правый фланг, к Комягину. Он шагал, ступая по чужим следам, пока не увидел на снегу свежую кровь. Красная полоса извилисто тянулась по саду, заворачивала за угол старой покосившейся бани, и там, где полоса кончалась, сидел на снегу Шестаков, привалившись спиной к двери. Нижняя часть тела залита кровью, красное пятно расползалось по снегу.

— Шестаков, — позвал Шмелев.

— Я тут, — спокойно и внятно ответил Шестаков. — Подойди ко мне.

Шмелев подошел к Шестакову. Тот поднял голову и посмотрел мутными невидящими глазами.

— Я здесь, Шестаков. Ты слышишь меня? — спросил Шмелев и опустился на колени.

— Вот как получилось. Не сердись на меня, я, видишь, сам через это пострадал. Ты не сердись, Юрий Сергеевич, я тебе неправду тогда высказал, — Шестаков говорил медленно и спокойно, глаза смотрели мимо Шмелева.

— Бредит, — сказал Джабаров.

— Я не брежу, — сказал Шестаков, а глаза у него становились все более мутными. — Я все помню. Хорошо, что ты пришел. Неправду я тебе сказал ночью той. Не жена она мне была. А теперь всю правду скажу, но ты ей не говори. Ты ей скажи, что я умер смертью храбрых. У меня письмо написано, ты возьми, отправь ей. Она как родила третью девочку, неспособная стала со мной жить. Вот я и баловался на стороне. Мы ведь отходники, все время по селам ходим, а я мужчина видный. Та ядреная была, любила баловаться. Я избу ей поправил. А деньги все в дом приносил. Я неправды не держу в себе. Ты не сердишься теперь? Как на духу говорю. Ты письмо... Вот здесь... Они там без меня... Сиротки... — Шестаков говорил все медленнее и тише. Он хотел поднять руку и не смог, рука проползла по снегу и застыла, схватив горсть красного снега. Голова упала на грудь. Шестаков умер от двух ранений, полученных в спину: первый осколок перебил позвоночник, а второй попал в бедро и вышел через пах.

Шмелев поднял его лицо за подбородок, посмотрел в глаза и убрал руку.

— Я возьму, товарищ капитан.

— Я сам. — Шмелев расстегнул полушубок, телогрейку и вытащил из кармана старый, потертый на сгибах бумажник и снял с груди ордена и медали.

— Он вас за своего лейтенанта принял, — говорил Джабаров. — Он ведь ординарцем был у Войновского. Они всю ночь под обрывом лежали. И померли вместе, в один час. — Джабаров говорил быстрым шепотом, стараясь не смотреть на Шестакова.

В бумажнике лежали сложенное треугольником письмо и две сторублевые облигации трудового займа третьей пятилетки. Во внутреннем кармане бумажника хранилось еще несколько бумаг. Шмелев развернул большой лист с синими водяными знаками — полис по страхованию на случай смерти и инвалидности. Страховой полис удостоверял, что Госстрах обязуется уплатить Шестаковой Дарье Кузьминичне десять тысяч рублей в случае смерти застрахованного Шестакова Федора Ивановича, если смерть наступит до 18 сентября 1949 года.

Шмелев положил письмо и облигации в бумажник и стал читать страховой полис. Особый параграф предусматривал различные варианты смертей и несчастных случаев. Каких только смертей здесь не было: «взрыв, ожог, солнечный удар, обмораживание, наводнение, утопление, удушение, отравление пищей или газами, падение с высоты какого-либо предмета или самого застрахованного, повреждение или болезнь внутренних органов, нападение злоумышленников или животных, действие электрического тока, удар молнии, трамвая, автомобиля и других средств сообщения или при их крушении, при пользовании машинами, механизмами, огнестрельным и холодным оружием и всякого рода инструментами...» — список казался бесконечным, и тот, кто составлял его, видно, здорово разбирался в человеческих смертях.

— Танки идут, — сказал Джабаров.

Шмелев ничего не слышал. Он перевернул страницу и прочел: «§ 11. Госстрах освобождается от выплаты страховой суммы в следующих случаях: если смерть застрахованного произойдет при совер-

шении им преступления или вследствие умысла лица, назначенного для получения страховой суммы, или в результате боевых действий».

— Танки идут, товарищ капитан, — повторил Джабаров громче.

Шмелев сунул бумажник в планшет. Он хотел было прочесть письмо, но не успел: танковые атаки пошли одна за другой. Шмелев спрятал бумажник и побежал навстречу танкам.

А через две недели в далекое село пришло письмо:

«Дорогая Дарья Кузьминишна, пишет тебе убиенный раб божий Шестаков, и письмо мое от мертвого, и пошлют его тебе мои товарищи-бойцы. Но ты обо мне не плачь и не убивай себя, потому что я погиб смертью храбрых, спасая свою родную свободную Отчизну, и сражался с проклятыми тварями на земле и на воде и в других случаях, так что ты не плачь, на то и есть закон природы и дважды жив не будешь. А ты живи и помни, что остаешься единственная надежда у наших дочек, которые теперь сиротки. Там, под полом, в углу где бочка с капустой стоит, горшок зарыл в землю, и в том горшке три тысячи шестьсот рублей, все красненькими. Ты деньги те возьми и дочек выучи, особенно Зиночку, пусть растут на славу Родины. А еще тебе назначат за меня пенсию, ты теперь солдатская вдова, а я был ефрейтор в пехоте, потому что в другом месте устроиться не удалось, за что и погибаю. А получишь мои документы и страховку, похлопочи за нее, должны дать, хоть два с половиной года не плачено по случаю военных действий. И будут тебе платить каждый месяц за мой орден Славы, нам замполит объяснял, ты узнай в райсобесе. Ты теперь должна растить наших дочек, чтобы стали настоящими людьми и грамотными. Благодарю тебя за все твое бывшее, за заботы твои, и за хворость твою зла не имею, а насчет Раисы ты не верь, люди зря говорили, никакого баловства не было, и прав у нее нет, перед смертью говорю. И дочкам нашим расскажи, что отец их был герой, кавалер Славы и Георгия, и портрет мой повесь на стене рядом с отцом моим, и сама не убивайся, и тогда мне легче умирать, ко-

гда буду знать, что ты выполнила мои слова, для того и пишу тебе. А в дом пусти постояльцев, и белье и сапоги мои не береги, а продай, тоже доход будет. Остаюсь любящий и верный муж твой Федор Шестаков.

Дочки мои, Маша, Вера и Зиночка, ваш отец бился до последней капли крови, до полного уничтожения фашизма. И знайте, мои дорогие, что вам за меня краснеть не придется, я воевал, как этого требует весь наш советский народ, и вы за меня смело в глаза людям глядите. Я вам это заверяю, мои дороги Маша, Вера и Зиночка. А может, и свидимся еще, если война кончится раньше, чем убьют меня, и очень хочется пережить войну и дожить до светлого часа, чтобы увидеть, что наши смерти были не напрасными. Прощайте, родные, не забывайте вашего отца-героя и учитесь на культурных людей. Писано вашим дорогим отцом перед смертью в деревне, которую мы освободили от фашистских тварей».

глава X

Сержант Маслюк взял в плен немца.

Блиндаж сотрясался от близких частых разрывов, окошко под потолком то светлело, то вновь застилалось мутно-серой пеленой.

Маслюк вошел и встал у двери, ожидая, когда Обушенко закончит разговор по телефону.

— Комягин, — сиплым голосом кричал Обушенко, — следи за левым флангом! Выбрось туда пушку! Сейчас последние пойдут. Четыре последних. Больше у них нету. Не пускай их, бери пример с Войновского.

Два связиста сидели в углу за коммутатором и слушали, как рвутся снаряды на улице. Кровати за ширмой были сдвинуты, на них лежали три солдата. Радист сидел на ящике. Толстые резиновые наушники вздувались на его голове. Два пожилых солдата у печки ели из одного котелка, поочередно опуская ложки.

Обушенко бросил трубку и во все глаза уставился на Маслюка.

— Почему оставил позицию? По трибуналу соскучился?

— Разрешите доложить, товарищ комиссар, сержант Маслюк взял в плен немца. — Маслюк сделал шаг в сторону, за ним стоял тщедушный немец в оборванной шинели. Увидев за столом Обушенко, немец поднял руку, сложил пальцы пистолетиком, прицелился в Обушенко и зацокал языком.

— Feuer! * — прохрипел немец.

В блиндаже стало тихо. Солдаты у печки опустили ложки и повернули головы в сторону немца. Спящие проснулись и сели, протирая глаза. Радист раскрыл рот от удивления.

А немец быстро, звонко цокал языком, приговаривая:

— Feuer!

Обушенко хлопнул по столу и засмеялся:

— Ай да фриц! А вот мы тебе сделаем пиф-паф, хочешь?

Немец стрельнул в Обушенко маслянистыми глазками и понимающе подмигнул ему. Потом сделал что-то руками, закрыл ладонями нижнюю часть лица и быстро-быстро задергал головой. Немец играл на губной гармошке: «Wenn die Soldaten durch die Stadt marschieren»**. Никто из присутствующих не знал этой песни, с которой немцы обошли полмира, но солдаты сразу поняли, что это песня врага, и лица их стали строгими и задумчивыми, как на похоронах.

— Тронутый он, товарищ старший лейтенант, — сказал Маслюк. — Я его в заваленном блиндаже откопал. У пулемета. На гармошке тоже играл. Пулеметчик он немецкий, в нас стрелял, вот и сошел с ума от пулемета.

— Der Krieg ist die allerschönste Zeit ***. — Немец захихикал скрипучим смехом.

Никто не понял, что он сказал. Солдаты смотрели на него и сожалеючи качали головами.

---

* Огонь! *(нем.)*.

** «Когда солдаты по городу маршируют» — фашистская строевая песня.

*** Лучшее время — это война *(нем.)*.

Обушенко поднял телефонную трубку, принялся трясти ею в воздухе.

— Уберите этого идиота. Немцы со всех сторон лезут, а этот идиот тут хихикает. В погреб его, под замок!

Два солдата поднялись и увели немца. Обушенко увидел Маслюка и накинулся на него.

— Чего стоишь? Почему оставил позицию?

— Товарищ старший лейтенант, пустите меня с пулеметом наверх, на колокольню. Там хорошо видно...

— Та-ак, — протянул Обушенко. — Один думал или с фрицем на пару? — Он перегнулся пополам, пошарил в тумбочке и выпрямился, держа в руке начатую бутылку. — Глотни-ка.

Они выпили по очереди, и Маслюк отправился устанавливать пулемет на колокольню.

Солдаты у печи покончили с котелком, закурили трофейные сигареты.

— Со всех сторон идут, — сказал первый солдат.

— Останемся, — сказал второй. — Все здесь останемся.

— А тебе-то что? Читал в газетах — победа будет за нами.

— Какая же это победа, если никого на свете не останется. Ничего себе победа. — Солдат весело засмеялся на сытый желудок. — Вот так победа: салют сверкает, музыка гремит, а людей ни одного нет — все на войне остались.

— Останутся и после солдат люди.

— Кто же?

— Младенцы да вожди останутся, вот кто.

— Загнул... Вожди-то потом помрут. А младенцы вырастут.

— Красивая жизнь...

В углу связист с жаром рассказывал товарищу:

— Я в блиндаж вбегаю, а он там с автоматом сидит: «Хенде хох!» А я ногой как по автомату дам: хенде хох, чтоб ты сдох. Он лапки сразу кверху поднял, лопочет по-своему: «Данке шон». Данке шон — дам еще! Хочешь? Так мы с ним пошпрехались, и я его кокнул.

— Говори, Сергей, говори! — кричал Обушенко в телефон. — Я слушаю.

— Пошли, — сказал Шмелев. — Все четыре идут. Четыре последних. Перебрось-ка сюда одну пушку от Яшкина.

Обушенко не успел ответить. Дальний угол блиндажа задвигался, развергся; там вспыхнуло жаркое пламя — гром, треск, огонь, — расщепился металл, обуглилось дерево, тело стало безвольным, мягким и выплеснулось за черту жизни. Еще огонь сверкает, гром стоит, бревна валятся, но уже рождается запах, какого не встретишь ни в дремучем лесу, ни на берегу моря, ни в поле, ни в тесной людской толпе на улице, — самый тяжелый, самый безотрадный запах, какой бывает только в жирном сыром черноземе через секунду после того, как разорвался снаряд.

Постепенно все вывернулось, улеглось, рассеялось и приняло застывший хаотический вид разрушения, снова вернулись запахи живой земли... И слабый голос плакал среди разваленных бревен: «Мама, мамочка моя-я...»

— Гриша, Гришка! — отчаянно выкрикивал Шмелев, а в трубке страшный треск и ничего больше.

— Хана, — сказал голос Стайкина. — Не хотел бы я быть на их месте...

Держа трубку в руках, Сергей Шмелев приподнялся. Танки двигались по полю, и не было ни секунды, чтобы склонить голову или хотя бы подумать о тех, кто ушел, вспомнить их лица, голоса — даже это право было отнято у него: танки шли не останавливаясь.

Сергей вдруг вспомнил: «Когда я убиваю, я живу. Я живу, когда убиваю». Где он сказал это? На том берегу? Как далеко... А теперь он не живет, потому что не убивает.

Шмелев вспомнил Обушенко и тут же забыл о нем. Снаряд взорвался, обдав окоп гарью.

— Стайкин, ты живой? — спросил Шмелев в трубку.

— Собственной персоной, — отозвался Стай-

кин. — Нахожусь в номере «люкс». Охраняю собственный гемоглобин.

— Ты зарядил?

— За кого вы меня принимаете, товарищ капитан? — Стайкин был обижен. — Учтите, товарищ капитан, что я не хочу умирать по целому ряду причин.

— Ну, желаю, Стайкин.

Танки шли в том же порядке, что и утром: два по шоссе и два напрямик через поле. Пушек против них уже не осталось. Стайкин сидел в башне немецкого танка, и у него была единственная пушка, одна на всех. Четыре танка стояли подбитые на поле, а четыре живых шли в атаку. За танками двигалась немецкая пехота, ее стало меньше, чем утром, и немцы шли одной редкой цепью.

Танк на шоссе остановился и выпустил через люк серию зеленых ракет. Шмелев вспомнил о Яшкине: немцы давали сигнал тем, которые наступали на Устриково с другой стороны.

— Иди, Джабар, — сказал Шмелев.

— Туда?

— Сначала к Яшкину. А потом туда, к Обушенко. Забери у Яшкина пушку. Скажи ему: в случае прорыва отходить к церкви. Сигнал отхода — серия желтых ракет.

А танки все ближе, и некогда подумать о чем-то очень важном, может быть, самом важном из того, о чем вообще может думать человек. Неужто так вот и выглядит конец света: серенькое небо с темными размазанными полосами, развороченное разбитое поле, — облака разорвутся вдруг, и небо вспыхнет огнем, земля тяжко вздыбится к небу, снег расплавится и вскипит паром. О небо, чистое небо, неужто ты раскроешься передо мной лишь для того, чтобы я увидел черную смерть земли? Ты породило землю, многострадальную и великую, грешную и прекрасную, — так зачем же ты, небо, хочешь ее погубить и зажечь, не убивай ее, не посылай на нее смертоносный огонь и черные столбы смерти. Пусть только солнце сверкает в небе, тогда не будет угасших глаз, не будет слез, и люди не будут бояться неба. О небо, чистое небо, сохрани нас.

Снаряды рвались не переставая, и люди припадали к земле при каждом близком разрыве, вжимались в нее руками, грудью, сердцем, они будто становились землею; потом осколки проходили поверху, они отрывались от земли и опять становились людьми.

Шмелев смотрел на поле боя, а Севастьянов сидел в углу окопа и немигающими глазами смотрел на своего капитана. Связь осталась только со Стайкиным и Комягиным — все у́же становился круг жизни.

И снова в землю вонзался острый вой.

Сергей Шмелев чувствовал, как он опять становится землею, и знал, что пока он земля, он живет, ибо только земля бессмертна. На дне окопа лежал большой ком мерзлой глины, и каждый раз, когда Шмелев был землею, ком больно впивался в щеку, а потом Сергей поднимался и забывал его выбросить, и острый мерзлый ком опять входил в него.

Кто-то пробежал по полю и шлепнулся в окоп, перепрыгнув через Шмелева. Сергей обернулся. В углу сидел маленький сержант с испуганными глазами, ноздри его раздувались от бега.

Шмелев почувствовал спиной, что в поле что-то не так. Он обернулся и увидел, как ближний танк замедлил ход, черная башня стала медленно поворачиваться, выискивая цель. Ствол прошел мимо плетня, наполз на стог сена — мимо, наткнулся на расщепленный столб — мимо, ближе, ближе — ствол все укорачивался, пока не превратился в черное бездонное кольцо и замер. Черное кольцо, холодный зрачок внутри, нацеленный в лоб. Как завороженный, Шмелев смотрел в этот зрачок и не имел силы пошевелиться. Зрачок вдруг вспыхнул, и в нем зародился огонь.

Тело стало мягким, чужим. Никогда не знал он такого тела. О, не оставляй меня, мое тело, не уходи от меня, моя жизнь! Ты дала мне его, так оставь же его у меня. Пусть всегда оно будет — чтобы было оно моим. Не выбрасывай из этой ямы, не отнимай у воздуха, у снега — я хочу быть землею; хочешь, глаза закрою и уши заткну, хочешь, распластаюсь ниц, хочешь, спину согну, на колени

встану — только оставь на земле мое тело, только не отнимай, не отнимай его, ведь нет у меня ничего другого, только оно и есть у меня!

Шмелев вскочил на бруствер, тело снова стало знакомым и послушным. Граната сама собой оказалась в руке, он замахнулся и в тот же момент услышал два взрыва: один сильный, второй слабее, словно эхо. Он открыл глаза и увидел, как под танком вспыхнул огонь, еще более яркий, чем в черном стволе; танк косо приподнялся, а потом осел на бок. Черное кольцо ствола блеснуло и угасло, снаряд прошел поверху и улетел вдаль.

Дым рассеялся, земля, поднятая взрывом, опала. Шмелев опять увидел небо, низкое, в темных размазанных полосах, и вздыбленную землю под этим небом. Три других танка продолжали идти, солдаты в соседних окопах стреляли в немецкую пехоту — все вокруг осталось по-прежнему. И вместе с тем что-то изменилось в мире и в нем самом.

Шмелев спрыгнул в окоп, осторожно положил гранату на бруствер, воровато оглянулся по сторонам: не заметил ли кто, как командир батальона собирался швырять гранату, хотя до танка оставалось не меньше ста метров. Солдат в соседнем окопе вылез на бруствер и недоумевающе смотрел на Шмелева.

— Никак в рукопашную команда была? — спросил солдат.

— Нет еще, — весело ответил Шмелев. — Сиди пока.

— Уходит, уходит, — закричал маленький сержант, ловко разворачивая ствол ручного пулемета.

Второй танк в поле остановился, попятился и пополз в сторону, обходя взорванный танк. Два других на шоссе продолжали идти. Первый уже подходил к Стайкину.

— Постой, постой. — Шмелев положил руку на плечо маленького сержанта, тот испуганно пригнулся. — Зачем в поле бегал?

— Пять штук поставил, товарищ капитан. Фрицевские, круглые такие, как караваи, знаете? Действуют справно. А второй заметил вот...

Первый танк на шоссе прошел мимо танка, в котором сидел Стайкин, один танк на секунду

закрыл другой. Что же ты медлишь, Стайкин? Что же ты медлишь? Пора...

— Стайкин, — позвал Шмелев, не оборачиваясь.

Севастьянов нажал кнопку зуммера.

— Севастьянов, это ты? Живой? — торопливо говорил Стайкин. — Дай трубочку капитану — сказать два слова.

— Товарищ капитан. Стайкин хочет сказать вам два слова.

— Чего он там придумал? — Шмелев не отрываясь следил за танком, который шел по полю в ту сторону, где находился Комягин и его солдаты. — Отсекай, отсекай, — говорил он маленькому сержанту, стоявшему за пулеметом.

— Севастьянов, друг, — захлебываясь, кричал Стайкин, потому что у него тоже не было времени, — передай капитану, что Стайкин не умирает!

Шмелев обернулся, увидел, как Стайкин пропустил немецкий танк и в упор, первым же снарядом начисто снес его башню. Немецкая пехота шарахнулась в сторону, а нижний пулемет, где сидел Проскуров, забил по немцам.

— Товарищ капитан, Стайкин просил передать вам... — Севастьянов не успел кончить: голова поникла, прижалась к стенке окопа. Шмелев схватил Севастьянова за плечи, принялся трясти.

— Что он сказал? Что он просил передать? Говори! Быстро!

Голова Севастьянова качалась, как резиновая, глаза были закрыты, а по виску расползалось темное пятно.

Шмелев услышал частые выстрелы. Второй танк на шоссе с ходу выстрелил по Стайкину и промахнулся. Стайкин стремительно развернул башню, выпустил снаряд — и тоже промахнулся. Они расстреливали друг друга почти в упор; первым загорелся Стайкин, а потом — немец. Плотный дым окутал оба танка, немецкая пехота бросилась вперед. Тогда в открывшемся люке выросла фигура с раскинутыми руками, и гранаты полетели в немцев. Внутри танка звонко ухнуло, огонь ослепительно взвился к небу, и фигура человека растворилась в нем.

Севастьянов сидел на дне окопа, спокойно положив голову на грудь, и никто теперь не узнает последних слов, которые сказал Стайкин; может, это были самые главные слова?

— Товарищ капитан, товарищ капитан — маленький сержант показывал рукой в поле, дергал Шмелева за халат.

Прямо на них полз танк, тот самый, последний, который пошел было на правый фланг, а потом, увидев поединок на шоссе, повернул обратно. Немцы поняли, что у русских нет больше пушек, и танк неторопливо и спокойно двигался вдоль окопов, расстреливая их из пулемета.

— Ты что задумал, сержант?

— Товарищ капитан, сержант Кудрявчиков я, из саперного взвода. Запомните, товарищ капитан, Кудрявчиков фамилия моя. Кудрявчиков Василий из города Канска. Так и передайте всем людям, что я Кудрявчиков Василий. Вася. — Сержант шмыгнул носом, посмотрел просительно и сказал еще: — Прощай, Вася! Прощайте, товарищ капитан! Помните меня. — Он неловко перевалился через бруствер и пополз навстречу танку, прижимая гранату к бедру и быстро загребая снег свободной рукой.

Пулеметная очередь прорезала воздух. Кудрявчиков вздрогнул, замер на снегу с выброшенной вперед рукой.

Сержант Кудрявчиков из саперного взвода. Василий Кудрявчиков из города Канска. Никто не учил его умирать, а он пошел и умер. И если б можно было умереть и раз, и два, и пять, он снова пошел бы и снова умер — и с каждым разом он умирал бы все лучше, все красивее. А теперь он лежит на снегу — одинокий, неловкий, и умереть должен другой, потому что танк идет. Прощай, Кудрявчиков Василий, я расскажу...

Танк осторожно объехал тело Кудрявчикова, а потом двинулся на окопы и принялся утюжить их и мять. Шмелев сильно бросил гранату, но она разорвалась, не долетев. Танк остановился, пустил длинную очередь. Шмелев присел, пропуская пули, а когда оторвался от земли, танк шел уже по саду, расчищая дорогу снарядами.

Шмелев схватил последнюю гранату, бросился в сад. Он догнал танк за третьим или четвертым плетнем, замахнулся всем телом, упал в снег. Он видел, как граната летит, перевертываясь, и понял, что опять промахнулся. Танк сердито взревел, разворачиваясь и нащупывая его стволом пулемета. Шмелев лежал за старой яблоней и слушал, как пули идут по снегу справа налево и ищут его, — тогда никто не узнает о том, что сказали перед смертью живые. Но ведь невозможно, чтобы люди не узнали об этом. Ведь слово мертвых священно, а помнить дано лишь живым.

Пронзительно взвизгивая, пули ушли и затихли. Танк наехал на плетень, пополз дальше, покачивая широким приземистым задом и подминая под себя яблони. Разбитые, поверженные ветви все больше закрывали танк.

Он вскочил, побежал, прыгая через плетни, через ямы, по сваленным стволам, сквозь кусты. Ему казалось, что теперь всю жизнь он будет гнаться за черным танком. Споткнулся, услышал хруст веток. Прижимая палец к губам, прямо перед ним стоял Джабаров. На поясе Джабарова висела противотанковая граната, нетронутая, в пятнах масла, только что из ящика. Шмелев рванулся.

— Скорее!

— Тсс... Там фрицы, — прошептал Джабаров и показал глазами в кусты за плетнем. Шмелев увидел вход в блиндаж. Ступени расчищены от снега, дверь неслышно покачивается на петлях, чьи-то тени двигаются внутри. Он подкрался к блиндажу, пустил длинную очередь в дверь, прыгнул, толкнул дверь ногой. Тягучий запах ладана пахнул в лицо.

Яркая лампочка качалась на шнурке, освещая длинный черный гроб и немецкого офицера, лежавшего в гробу.

Лицо мертвеца было надменным и властным. Восковые руки с тонкими холеными пальцами лежали на груди, массивное обручальное кольцо блестело на пальце. Сквозь петлицы черного кителя были продеты полосатые муаровые нашивки —

боевые награды майора Шнабеля. На полу у ножки стола валялось брошенное распятие, четыре стеариновых бугра расплылись на столе, по углам гроба.

Шмелев стоял, выставив автомат — палец на спуске. Джабаров часто дышал за спиной. Еще мгновение, и он нажал бы спуск, чтобы разорвать мертвую тишину. Он пришел в себя, оттолкнул Джабарова, выбежал из блиндажа. Ветви вишен больно хлестнули по лицу.

Ведь это было уже со мною, я думал, что больше не вернется, но оно возвращается снова и снова. Опять встает передо мною лес, тот самый. Я иду по нему и ничего не узнаю: снаряды искромсали лес, ни одного дерева не осталось в живых. Вершины сосен снесены, сучья побиты — всюду торчат черные расщепленные стволы. А те, которым удалось уцелеть, засохли и стоят, равнодушно взирая на поверженных. Я иду, и сердце заходится от крика — ведь это же наш лес, тот самый, где мы узнали любовь. Вот сосна — только пень торчит расщепленный. Я иду, в лесу темнеет, тучи опустились. Впереди горит огонь, я бегу, натыкаясь на острые стволы, бегу туда, где светит огонь. Передо мной вырастает камень, я падаю обессиленный, а за камнем черное ущелье, доверху заваленное солдатскими касками, сучьями, пнями, — все, что было живого в лесу, навалено сюда. Огонь горит над ущельем, стволы сосен становятся красными, а на том берегу такой же поваленный лес и такие же красные стволы. Огонь горит, но я не чувствую тепла, от огня исходит холод, лес горит ледяным огнем. Холод проникает в тело, я хочу убежать от ущелья, от камня, но как только делаю шаг, передо мной падает снаряд и черное дерево ложится наземь, преграждая дорогу, а ветви, стволы летят мимо, в ущелье и вспыхивают там ледяным огнем. Огромные окровавленные бабочки кружатся надо мной. Я понимаю — обратно нет пути. Холод огня передается мне, я тоже становлюсь холодным и жду своего снаряда.

Неужто это правда, и никто не придет назад?

Волна взрыва толкнула Шмелева. Дым стлался над вишнями, внизу зиял широкий черный провал. Джабаров обогнал Шмелева и побежал по тропинке, ведущей к шоссе. Они добежали до плетня и присели, высматривая танк.

— Ты что, с ума сошел?

Джабаров спокойно выдержал взгляд Шмелева.

— Где граната?

Усмешка прорезала тонкие губы Джабарова:

— Похоронил. Разлегся там. Наши на льду лежат, а он в гробу разлегся...

— Последняя граната. Дурак. — Шмелев перескочил через плетень и побежал вдоль домов. Танк проломил угол амбара, выполз на шоссе и повернул к церкви, стреляя на ходу по избам и вдоль шоссе. На краю деревни слышалась частая трескотня, и это стало единственным, на что еще можно было надеяться, ведь на войне стрельба — признак жизни.

Отчаянно, упрямо Сергей Шмелев стремился к цели. Снаряды вставали на пути, пулеметные очереди преграждали дорогу, но он шел вперед. Столько было утрат и потерь, что он уже не мог вместить всего и должен был во что бы то ни стало рассказать об этом. Сейчас он скажет им такое, чего еще никто никогда не говорил. Сейчас он скажет. Лишь бы добраться...

На том месте, где был штаб, он увидел развороченный блиндаж и побежал еще быстрее. Цепляясь за перекошенные рельсы, съехал вниз, полез под бревна. Стало темно. Он пробирался, ощупывая бревна руками. Впереди что-то зашипело, незнакомый сердитый голос крикнул:

— Куда прешь, Сергей? Куда полез, не видишь?

Это только прибавило силы Шмелеву, он полез вперед еще решительнее. Он бился о бревна, ломая ногти, вцеплялся в них, отбрасывал в сторону мертвые тела. А чужой нездешний голос звал и вел его в темноте:

— Сергей, бери влево, теперь на себя, делай иммельман. Так, Сережа, так, еще, еще. Ах, Серго, ах, какой молодчина. Серега, Серега, не увлекайся, следи за хвостом. Серж, ответь, Сержик, Сережень-

ка, Сергунчик, Серенький, что же ты? Эх, Серый...

Шмелев наконец добрался до радиостанции, стащил толстые резиновые наушники с чьей-то мертвой головы и повернул ручку, чтобы не слышать больше этого голоса, звучавшего из-за облаков, где шел воздушный бой. Он выполз с радиостанцией из-под бревен, расправил погнутый стержень антенны и стал вызывать Марс.

И столько отчаянья и силы было в его голосе, что почти сразу пришел ответ.

— Почему так долго молчали? Слышу вас хорошо. Я Марс, прием.

— Запомните: Кудрявчиков Василий!.. — выкрикнул Шмелев.

Он оборвал себя и перевел дух, чтобы сосредоточиться. Он должен сказать сразу обо всем, а времени в обрез, и он не знал, как начать. Как рассказать о том, что он увидел и узнал? Как рассказать о земле, которая измучена огнем и металлом? Как рассказать о сердце своем, которое прикоснулось к другим сердцам и каждое прикосновение оставило на нем болезненный рубец? Он вспомнил все, что было, перед ним возникли мутные потухшие глаза — он уже не помнил, чьи они. И черный огненный гриб вонзается в мягкое тело земли — ведь это было уже? Или только будет? И какие слова нужны для того, чтобы этого не стало больше на земле?

— Луна, что случилось? Почему ты замолчал? Какой Кудрявчиков? Где он? Не понял тебя. Как слышишь? Ответь. Я Марс, прием.

Шмелев набрал побольше воздуха в грудь и заговорил. Голос был сухой, бесстрастный. Он думал только о том, что может не успеть.

— Внимание, передаю боевое донесение. Противник силами до двух батальонов при поддержке восьми танков беспрерывно атакует Устриково. Отражены четыре атаки. Уничтожено семь танков. Лейтенант Войновский, Юрий Войновский бросился под танк с гранатой и погиб. Он просил написать Наташе Волковой из города Горького. Повторяю, Наташа Волкова из Горького, девушка, не получающая писем с фронта. Напишите ей, он просил перед смертью. Сержант Кудрявчиков из саперного

взвода подорвал на мине вражеский танк и погиб. Запомните: Василий Кудрявчиков из города Канска. Старший сержант Эдуард Стайкин из Ростова подбил прямой наводкой два танка. Стайкин погиб. Старший лейтенант Обушенко погиб. Рядовой Севастьянов погиб, Проскуров погиб, Шестаков погиб — запишите их имена. Передаю обстановку. Немецкий танк ворвался в деревню. Отходим к берегу в район церкви. Будем драться до последнего. Прощайте, товарищи!

Рядом шлепнулся камушек. Джабаров стоял на корточках на краю воронки и манил Шмелева пальцем. У ног Джабарова лежали две новые гранаты.

— Луна, я Марс, понял тебя хорошо. Сообщи, где Шмелев? Где находится Шмелев? Прием.

— Шмелев ушел на танк. Некогда. Прощайте. Иду. — Шмелев выключил рацию и полез наверх, цепляясь за рельсы.

Танк стоял у церковной ограды и расстреливал пушку, которую катили по шоссе солдаты из роты Яшкина. Маленькие фигурки сновали у пушки, разворачивая ее, а танк послал туда меткий снаряд и все перемешал. Немецкий пулеметчик выпустил длинную очередь в Шмелева, но Шмелев даже не пригнул головы. Все осталось позади, впереди был танк, огромный, черный, жестокий. Шмелев шагал во весь рот, и танк попятился от него, а потом развернулся и выпустил снаряд.

Сергей размахнулся, швырнул гранату. Водитель дал задний ход, танк неуклюже отполз, и граната упала на то место, где он стоял. Шмелев лег за большой серый камень у шоссе, примериваясь для нового броска. Вторая граната перебила гусеницу танка, и тогда снаряд ударил в камень, легкая волна приподняла Шмелева, дернула за уши, он опрокинулся, распластался на снегу, чувствуя, как боль вонзается в тело и плотная липкая тишина обволакивает землю.

Танк стоял на шоссе. Верхний люк бесшумно откинулся, там показалась рука, и пять красных ракет одна за другой поднялись к небу.

Боль все сильнее сдавливала тело, сомкнулась над головой. Шмелев закрыл глаза, потому что смотреть стало больно.

Он уже не видел и не слышал, как на верхней площадке колокольни высунулся ствол пулемета, простучала длинная очередь: Маслюк всадил двадцать пять пуль в раскрытый люк башни.

Рука с ракетницей упала, внутри раздались частые гулкие взрывы, черный дым, клубясь и завиваясь, вырвался из башни.

Падающий на излете осколочный снаряд задел колокольню. Верхняя площадка окуталась белым дымом, часть стены рухнула вниз. Крест на самом верху заколебался, половина его отвалилась. Колокола закачались, печальный протяжный звон поплыл над берегом.

Шмелев лежал на снегу, раскинув руки. Он не слышал ни пулемета, ни взрывов — все заглушала боль и безмолвная песня набата.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

ВОЙНЕ ВСЕГО НУЖНЕЕ
ЛЮДИ.
ВОЙНА ПОГИБНЕТ
БЕЗ ЛЮДЕЙ.

Б. БРЕХТ

глава I

Командующий посмотрел на часы и поднял руку. От высокой с кузовом в форме ящика машины отделился командир радиовзвода и, придерживая рукой планшет, потрусил к столу, за которым стоял командующий.

— Передайте, пожалуйста, полковнику Приходько, что я был бы страшно рад услышать его голос. — Игорь Владимирович снова посмотрел на часы и сказал: — Пусть ответит живой или мертвый, черт возьми.

— Приходько верен себе, — сказал полковник Славин. Он стоял рядом с командующим и держал здоровой рукой раскрытый блокнот. Левая рука висела на ослепительно белой перевязи.

За темной полосой леса шумел недальний бой. В небе, скрытые за облаками, гудели самолеты, раздавался сухой пулеметный треск. Один пулемет захлебнулся и смолк, самолет пробил облака, на мгновение повис над озером. Тяжелый дымный хвост тянулся за самолетом. Все повернули головы в сторону озера. Адъютант поднял бинокль. Самолет не удержался, прочертил в воздухе косую линию и рухнул на лед, выплеснув высокий пенистый столб.

— Наш, — сказал адъютант, опуская бинокль. — Смирновского полка.

Игорь Владимирович ничего не сказал и тяжело оперся руками о стол, стоявший прямо на снегу.

— Рубежи, — коротко бросил он.

Полковник Славин поднял блокнот:

— Тринадцать ноль-ноль. Чесноков: Новые ручьи — Сутоки; Саркисян: Дубрава — Луговое; Приходько: Фарафоново — Борки. Четырнадцать ноль-ноль. Чесноков: станция Вилково; Саркисян:

продвижения нет. Приходько: сведений не поступало. Даю правое крыло, — Славин перевернул страницу и продолжал читать, а командующий отмечал взятые населенные пункты на карте.

Окопы шли вдоль берега несколькими извилистыми линиями, перед ними тянулись ряды проволочных заграждений. Все это было выворочено, перепахано, и весь берег представлял собой сплошную воронку, сделанную тысячами снарядов.

От берега поперек окопов шла широкая наезженная дорога. Окопы в этом месте были завалены землей, а подъем со льда выложен бревнами и обшит досками. Натужно гудя, машины поднимались по настилу и проезжали по дороге мимо стола, у которого стоял командующий. На льду под обрывом видны аэросани.

Колонна грузовиков прошла; снова стал слышен гул за лесом и треск пулеметов в небе.

По ту сторону дороги у развороченного блиндажа стояли три открытых «виллиса», выкрашенных белой краской. У дальнего «виллиса» собралась группа офицеров в новых светлых полушубках. Один из них, высокий и длинноногий, сказал что-то своим, поправил папаху, с решительным видом зашагал к столу. Командующий внимательно разглядывал карту. Длинноногий подошел, щелкнул каблуками. На нем были погоны генерал-майора.

— Товарищ командарм, разрешите обратиться.

Игорь Владимирович прочертил на карте жирную красную стрелу и кивнул. Длинноногий генерал незаметно покосился на стрелу:

— Товарищ командующий, разрешите мне войти в прорыв. Полки рвутся в бой.

Из машины радиовзвода вышел полковник Славин с раскрытым блокнотом в руке. Увидев Славина, командующий резко выпрямился. Глаза его сделались холодными. Длинноногий генерал встал по струнке и, не мигая, смотрел на командующего.

— Командиру сто семьдесят пятой генералу Горелову. Приказываю войти в прорыв и начать преследование противника...

Славин подошел к столу и остановился, слушая приказ. Командующий сделал паузу. Славин быстро сказал:

— Разрешите доложить. Приходько вышел к Белюшам.

— Попробовал бы не выйти, — бросил Игорь Владимирович. — Имейте в виду, генерал. На вашем левом фланге действует особая опергруппа Фриснера. Следите за левым флангом, Фриснер непременно будет контратаковать вас, я имею точные сведения. Пошлите к Приходько толкового офицера для связи. Приходько выполнил задачу и будет теперь прикрывать вас слева. Докладывайте каждый час о ходе продвижения. Связь, связь и еще раз связь. Желаю успеха. — Командующий взял со стола пакет с сургучными печатями и передал его командиру сто семьдесят пятой.

Тот отдал честь и побежал через дорогу, на бегу ломая сургучные печати. Один из «виллисов» тотчас выскочил на дорогу и проехал мимо стола командующего к озеру. Офицеры, сидевшие в машине, отдали честь.

Второй «виллис» загудел, выскочил на дорогу и покатился в ту сторону, где шумел бой. Третий «виллис» остался стоять у блиндажа. Горелов сидел на заднем сиденье, читая приказ и делая пометки на карте. Над «виллисом» вырос тонкий кустик антенны, и тоскующий девичий голос стал звать:

— Земля, Земля, я Венера, даю настройку. Как слышишь?..

Тяжелый снаряд глухо шлепнулся в стороне, взметнув облако снега и обломки бревен. Голос девушки оборвался на полуслове, потом зазвучал опять. Командующий посмотрел на часы.

— Пора, — сказал он и зашагал к машине радиовзвода.

Спустя четверть часа, переговорив с Приходько и другими командирами дивизий, командующий спустился с берега на лед и подошел к аэросаням. Два автоматчика встали на лыжи передних саней и ухватились за железные стойки.

Игорь Владимирович сел рядом с капитаном Дерябиным. Полковник Славин протиснулся меж кресел и сел на деревянный ящик. Четвертым в кабине был радист с радиостанцией.

— В штаб? — спросил Дерябин.

— Маяк Железный.

Славин удивленно поднял брови:

— А как же пресс-конференция?

— Неужели вы не понимаете? — терпеливо сказал Игорь Владимирович. — Мне нужна железная дорога. Горелов перережет ее в своем секторе только завтра утром. Если она работает сегодня, это будет стоить мне дивизии.

Полковник Славин понял и склонил голову.

Дерябин включил мотор, и сани пришли в движение, набирая разгон по льду. Вдали показалась голова колонны, пересекающей озеро. Игорь Владимирович сделал знак Дерябину, и сани заскользили навстречу колонне.

Шла 175-я механизированная... Впереди неторопливо катился «виллис», за ним в затылок четыре «доджа», потом огромные «студебеккеры», закрытые брезентовыми полотнищами. Дерябин сбавил обороты, шум идущих грузовиков донесся сквозь гуденье винтов. Машины шли неторопливо, с ровными интервалами. Солдаты в касках со строгими лицами сидят в машинах, автоматы ровно висят на груди. Машины идут одна за другой, и хвост колонны уходит до горизонта. Шестнадцать огромных «студебеккеров» с пехотой, потом четыре «доджа» с пушками, потом один «додж» с командиром батальона и радиостанцией, опять шестнадцать «студебеккеров» и четыре «доджа», еще шестнадцать, еще четыре, один за другим, неторопливо, ровно, безостанозочно, бесконечно, передние колеса надвигаются, придавливая снег, глаза водителя устремлены вперед, брезентовый кузов, солдатские лица, колеса, кузов, лица, машина, интервал, машина, еще четыре, еще шестнадцать — и в каждой машине полным-полно солдат, а в кабине сидит офицер с картой, передки пушек набиты снарядами, в ящиках — гранаты и мины, в солдатских сумках — патроны. Все рассчитано на семьдесят два часа непрерывного боя. Семьдесят два часа грохота и огня, крови и пепла. И оттого лица солдат окаменели и фигуры их неподвижны. 175-я входит в прорыв.

— Красиво идут, — сказал Дерябин. — Сила.

— Обратите внимание, Игорь Владимирович, — сказал Славин. — Дивизия развернулась на марш

за тридцать минут. А техника, какая техника! Какая мощь!..

— Американская техника.

— А кровь будет русская...

Солдаты, сидевшие в «студебеккерах», видели, как аэросани у дороги набрали скорость, развернулись и стали удаляться в глубь Елань-озера. Саней было трое, они шли друг за другом, и на передних санях, ухватившись за тонкие стойки, стояли два автоматчика.

Полковник Рясной подал командующему радиограмму, полученную час назад от Шмелева. Игорь Владимирович прочитал радиограмму и передал ее Славину.

— Что с дорогой? Как Мартынов? — спросил командующий.

— Утром передали, что Мартынов не вернулся.

— Хм, — сказал командующий. — Это становится загадочным. Когда будет связь с ними?

— Тишина, — ответил Рясной. — Вот уже целый час абсолютная тишина.

— Куда это, Игорь Владимирович? — спросил полковник Славин, показывая радиограмму Шмелева, которую он все еще держал в руке.

— Это все, что от них осталось, — сказал Рясной. Он лежал, запрокинув голову, глядя невидящими глазами в потолок.

— Это донесение достойно быть в музее, — с чувством сказал Игорь Владимирович.

В избе остро пахло лекарствами: батарея пузырьков стояла на столе рядом с котелком. За печкой скрипело перо, и кто-то говорил вполголоса, с паузами: «Маслюк Игнат Тарасович... Молочков Григорий Степанович...»

— Все, — сказал Рясной и замолчал. Лицо у него стало известковым, кожа на скулах натянулась и утоньшилась, на виске чуть вздрагивала тонкая синяя жилка. Командующий посмотрел на Рясного и сказал:

— Сегодня на рассвете армейские соединения прорвали фронт противника по двум сходящимся направлениям, южнее и севернее Старгорода. Ширина прорыва — до пятнадцати километров. Войска про-

тивника окружены в лесах западнее Старгорода и уничтожаются. В прорыв входят свежие части. Только что я выпустил сто семьдесят пятую.

— Поздравляю вас, — сказал Рясной чуть слышно. — Это замечательный успех.

— Теперь вы понимаете, почему я не мог дать вам подкрепления? Ваши батальоны сделали больше, чем они могли сделать. Я представляю вас к ордену.

Игорь Владимирович вышел из избы.

Озеро лежало у ног командующего. Дорога отходила от берега, тянулась по льду, прямая как стрела. Солдаты проложили эту дорогу, но они уже прошли и не вернутся назад, а утром свежий снег заметет следы, но следы еще будут храниться под снегом, а весной растает лед, и тогда уж ничто не напомнит о том, что здесь прошли солдаты.

Командующий достал бинокль. Дорога была пустынной и вдалеке делалась неразличимой, сливаясь с ровной ледяной поверхностью.

— Когда была отправлена радиограмма? — спросил Игорь Владимирович.

— Полтора часа назад, — ответил Славин.

— Что вы посоветуете?

— Надо ехать туда, Игорь Владимирович. Разрешите мне. Я своими глазами...

— Но ваша рука?

— Рука в гипсе. С ней ничего не случится.

— Я восхищен вашим мужеством, полковник.

— Я служу Родине, товарищ генерал. — Славин поправил перевязь и решительно зашагал к саням.

глава II

Черная низкая машина генерала Буля стремительно проехала по деревне, свернула к зданию школы. В окнах показались несколько любопытных голов — и тут же исчезли. Дежурный офицер прошмыгнул по коридору в свою комнату.

Буль неторопливо шел от машины. Длиннополая шинель висела на спине складками, а ниже таза колыхалась в такт шагам генерала.

Адъютант распахнул двери. Расстегивая на ходу шинель, генерал прошел в кабинет.

— Никого не зовите. Кофе!

Буль любил заниматься войной в полном одиночестве. На столе лежали развернутые карты. Буль взял из раковины остро заточенный карандаш, задумался на мгновенье — и вдруг решительно прочертил на карте стрелу, с востока на запад.

— Нет! — сказал он вслух и прочертил на карте новую стрелу, с юга на север. Карандаш соскользнул, и стрела получилась неровной. Буль не обратил на это внимания, провел третью стрелу — через всю карту. Стрелы чем-то не понравились Булю, он дернул карту, та, колыхаясь, полетела на пол.

Под первой картой лежала другая, точно такая же. Буль подумал немного, поводил носом по карте — быстро, резко принялся рисовать стрелы. Отодвинулся, разглядывая карту. Теперь все стрелы, выходя из разных мест, сходились в одной точке. Буль склонился над столом, прочитал название деревни:

— Воронино.

Дверь неслышно раскрылась, на пороге стоял адъютант с подносом.

— Воронино, — повторил Буль и повернулся к адъютанту. — Соедините меня, пожалуйста, с Фриснером.

Машина радиовзвода стояла у длинного сарая, сложенного из больших серых валунов. Следы колес тянулись через поляну и выходили на дорогу — там то и дело проносились грузовики.

В кузове слышался усталый голос, повторявший: «Венера, Венера...»

Дверь сарая раскрылась. Командир радиовзвода прошел вдоль стены и остановился у машины, заглядывая в кузов.

— Передали? — спросил он.

— Передашь тут. Где она? — сердито ответил голос из кузова.

Лейтенант потоптался у машины, зашагал обратно в сарай. Через минуту он вышел вместе с полковником Славиным. Левая рука Славина висит на бело-

снежной перевязи, на лбу приклеена ослепительная полоска пластыря, Славин очень красив в таком виде. Он подошел к машине и спросил:

— Почему не передаете шифровку?

— Товарищ полковник, Венера не отвечает. Зовем изо всех сил.

— Ну-ка, попробуйте сами, — сказал Славин.

Лейтенант поднялся в кузов, и было слышно, как он зовет срывающимся голосом: «Венера! Венера!» Славин послушал немного, потом повернулся и пошел в сарай. Спустя некоторое время из сарая вышел командующий армией, Славин — за ним.

Они подошли к машине. Игорь Владимирович спросил:

— Почему не даете связь?

— Товарищ генерал-лейтенант, разрешите доложить. Венера не отвечает.

— Когда была связь?

— Ровно два часа назад. — Командир радиовзвода выпрыгнул из кузова и стоял перед генералом. — Ответили, что слышат, и внезапно замолчали.

Командующий и Славин переглянулись. Игорь Владимирович покачал головой.

— Включите резервную станцию, — сказал Славин. — Вызывайте на запасном диапазоне.

На поляну выскочил грязно-серый «додж». Быстро покатился к сараю, подпрыгивая и качаясь на кочках. Стал. Из машины выпрыгнул сутулый капитан, перетянутый ремнями и обвешанный сумками. Он бежал к сараю, сумки болтались на нем и били по бокам.

— Машина сто семьдесят пятой, — сказал Славин.

— Немцы! — закричал капитан, подбегая.

Игорь Владимирович с любопытством осмотрел капитана с головы до ног.

— Может быть, вы все-таки обратитесь по форме? — сказал он.

— Поправьте погон, — сказал Славин.

Капитан поспешно поправлял погон на полушубке.

— Завяжите уши, — сказал Игорь Владимирович.

— Застегните пуговицу, — сказал Славин.

Капитан растерянно крутил головой, путался в ремнях и сумках.

— Теперь можете докладывать.

— Товарищ генерал-лейтенант, разрешите обратиться. Был обстрелян немцами в деревне Воронино.

— И что же? — спросил Игорь Владимирович. — Разве вы не знаете о том, что на войне иногда стреляют?

— Ваша должность, капитан? Почему не докладываете о своей должности? — сказал Славин.

— Начальник связи сто семьдесят пятой дивизии капитан Ястребов, — сказал капитан, вытягиваясь.

— Ого. Вас-то мне и надо, — с угрозой сказал Игорь Владимирович.

— Где Венера? Почему она молчит? — спросил Славин.

Капитан беззвучно шлепал губами.

— Слушайте внимательно, капитан, — жестко сказал Игорь Владимирович. — Сейчас одиннадцать часов сорок минут. Ваша станция не отвечает. Если она не ответит еще через два часа, вы пойдете под трибунал. Займитесь с ним, полковник. — Игорь Владимирович резко повернулся, зашагал к сараю.

— Венера, Венера, — звал радист.

Игорь Владимирович прошел за ширму, сделанную из высоких фанерных щитов, устало облокотился на карту, расстеленную на столе. В дальнем углу сарая прерывисто трещала пишущая машинка. Густой бас говорил в телефон: «А ты вырви у них и пошли вдогонку».

Игорь Владимирович вскинул голову:

— Где Саркисян?

— Говорил с ним полчаса назад, — сказал адъютант с женственным голосом. — Он уже заканчивает свои дела. Большие трофеи. Пять тысяч пленных. Сорок три килограмма золота.

Славин прошел за ширму, бросил на стол раскрытый блокнот.

— Оказывается, этот кретин с переметными сумками везет в дивизию питание для раций. Вчера

не успели получить на складе. А теперь немцы захватили Воронино, значит, Горелов отрезан.

— Не так страшно. У Горелова с собой два боекомплекта. Нет аккумуляторов, зато есть снаряды.

Игорю Владимировичу казалось, что он думает о 175-й дивизии, а на самом деле он думал о батальонах, ушедших в Устриково и оставшихся там. 175-я дивизия пришла в армию три дня назад, командующий не успел ни узнать, ни полюбить ее, она была для него просто номером, семь тысяч или сколько там осталось штыков, не более того. С батальонами же 122-й бригады Игорь Владимирович воевал под Ленинградом, окружал немцев в Демянском котле, он штурмовал с ними высоты, форсировал реки, стоял в обороне. Он приходил к ним, и его поили чаем, кормили щами, он вспоминал с офицерами то, что ему хотелось вспомнить: там был его дом. Теперь этого дома не стало. 175-я была, наверное, лучше и сильнее, чем его батальоны, но она была и осталась чужой — даже если бы с ней случилось самое нехорошее из того, что может случиться на войне, Игорь Владимирович принял бы такой удар спокойно и мужественно, как подобает генералу, который знает, на что он посылает свои войска. Он знал, что ожидало его батальоны в Устрикове, но только такие, свои батальоны и мог послать туда. Тем горше была утрата, и он никак не хотел примириться с нею, не верил, что батальоны погибли, несмотря на неожиданные вести, привезенные вчера Славиным.

Аэросани медленно съехали с берега на лед озера, и тогда Игорь Владимирович снова вспомнил о батальонах; безжизненное, запрокинутое на подушке лицо Рясного встало перед глазами.

Сани быстро набирали скорость, белая равнина однообразно раскручивалась по сторонам. Снег был свежим, винты моторов отбрасывали назад длинные белые хвосты, которые долго висели в воздухе. Неожиданно первые аэросани легли в глубокий вираж, белый хвост прогнулся и повис широкой дугой, вторые сани повторили маневр, второй снежный хвост прочертил в воздухе дугу, потом снова стал прямым.

Сани легли на новый курс и пошли еще скорее. Игорь Владимирович, застыв в кресле, смотрел пря-

мо перед собой в далекую невидимую точку за горизонтом. Капитан Дерябин покосился на командующего и увидел его глаз, застывший и холодный. Дерябин до предела нажал газ, стрелка спидометра вздрогнула и подползла к цифре «сто». Далекий глянцевый горизонт разорвался в одной точке; там стала расти прозрачная ледяная сосулька, вскоре рядом с ней возникла сплющенная луковица с крестом. Дерябин поправил направление, церковь с колокольней чуть сдвинулась и стала прямо по курсу, а по обе стороны от нее проросли сквозь лед темные макушки деревьев.

На льду начали попадаться воронки. Дерябин сбросил обороты. Игорь Владимирович поднял руку, сани проехали по инерции еще несколько сот метров и остановились. Неровный разорванный силуэт Устрикова чернел впереди.

— Выехали тютелька в тютельку, — сказал Дерябин.

До берега было полтора километра, и он зловеще молчал. Раскрыв дверцу кабины, Игорь Владимирович медленно вел биноклем: избы, сады, сараи, разбитые блиндажи, засыпанные окопы, снова сады, изгороди, постройки — все безмолвное, мертвое. Командующий чуть опустил бинокль и повел его обратно, рассматривая пространство перед берегом. Не обнаружив признаков жизни, он хотел увидеть хотя бы следы смерти. Но ледяное поле тоже было пустым. Некоторые воронки не успели затянуться льдом, и было видно, как темная вода дымилась и плескалась в них: это было аккуратно убранное поле боя.

Под крутым обнаженным обрывом виднелись темные длинные кучи. Игорь Владимирович не сразу понял, что это, а когда понял, опустил бинокль и сказал:

— К берегу.

Сани приблизились к обрыву и остановились в ста метрах от темных куч.

Игорь Владимирович зашагал по тропинке, которая была протоптана в снегу и вела прямо к темным кучам. Автоматчики шли перед ним, защищая командующего от смерти.

Это были длинные штабеля, сложенные из че-

ловеческих тел. Мертвые лежали в несколько рядов, на них были грязные маскировочные халаты и серые мышиные шинели. Они лежали вперемежку друг с другом. Они были одинаково мертвые и оттого перестали быть врагами и лежали, тесно сплетясь телами, прижимаясь друг к другу лицами, спинами, — живые положили их рядом со своими, потому что и для живых мертвые перестали быть врагами. Верхние ряды мертвых были запорошены снегом, однако с одной стороны лежало несколько трупов в серых шинелях, положенные после того, как прошел снег.

Живые подошли к мертвым и остановились. Они еще не видели ни бесконечных рвов Освенцима, ни жарких печей Равенсбрюка, ни черных грибов смерти, встающих над городами, и стояли перед штабелями мертвых завороженные и затихшие. Пройдет еще много лет, прежде чем живые осознают, чем может им грозить все это, — тогда люди содрогнутся, и отчаянный крик вырвется из их груди.

Тропинка проходила мимо штабелей и косо поднималась по берегу. Они поднялись по откосу, вышли к окопам.

— Halt! * — закричал автоматчик, идущий впереди.

Игорь Владимирович услышал тоскливую протяжную мелодию и увидел немца, сидевшего среди развороченных бревен.

— Отставить, — сказал Игорь Владимирович.

Немец был без шапки, дико выпученные глаза его жарко смотрели на русских. Он судорожно дергал лицом, водя губами по гармошке.

— Achtung! Stillgestanden **, — громко сказал Игорь Владимирович.

Немец вскочил, вытянул руки по швам.

— Где твоя часть?

В глазах немца появилось что-то живое. Он заговорил быстро, сбивчиво, часто озираясь, словно боялся, что его оборвут. Игорь Владимирович с трудом понимал его дикую речь, вылавливая обрывки фраз.

---

* Стой! *(нем.)*.

** Внимание! Смирно! *(нем.)*.

— Мертвые, мертвые... Не должен думать... Мертвые пошли, убили нас... Новая война — война мертвецов... всюду мертвые... Отдайте мой пулемет...

— Смирно! — резко крикнул Игорь Владимирович.

Немец вытянулся еще больше и преданными собачьими глазами уставился на генерала.

— Направо! Налево! Кругом! Налево! Кругом! Направо! — Немец послушно исполнял команду, и глаза его заблестели от удовольствия.

— Запомни. Мертвые не умеют воевать. Где русские? Говори правду!

Глаза у немца все время менялись. Он прищурился, вытянул руку, стрельнул пальцами в Игоря Владимировича. Один из автоматчиков ударил немца по руке, он отскочил в сторону и торжественно закричал, как кричат, произнося лозунги:

— Es lebe der Krig! Der Krieg ist die allerschönste Ziet! *

— Почему война лучше? Отвечай.

— После войны всегда следует мир. А мир всегда кончается войной. Война — лучше. — Немец сказал это быстро и четко, глаза его на миг осветились мыслью и тут же погасли.

— Пустой номер, — сказал Игорь Владимирович. — Немецкий пулеметчик. Сошел с ума. — Он повернулся и зашагал в сторону деревни.

На площади перед церковью стоял на шоссе черный обгорелый танк с крестом. Снег запорошил гусеницы, покрыл ровную ленту шоссе. И мертвая тишина кругом, и ни единого следа на снегу. Лишь над домом на той стороне шоссе тянулась струйка дыма. Игорь Владимирович обогнул танк и зашагал туда.

Из дома вышел толстый низенький человек в окровавленном халате, с кудлатой головой, в очках. Толстяк снял очки и, часто моргая глазами, принялся протирать стекла полой халата. Игорь Владимирович кашлянул. Человек в окровавленном халате обернулся и принялся кричать, размахивая руками:

---

* Да здравствует война! Война — самое лучшее время! *(нем.)*.

— Это форменное безобразие! Я буду жаловаться на вас члену Военного Совета. Вы мне ответите за это.

Игорь Владимирович подошел ближе. Толстяк в окровавленном халате надел очки и, щурясь, разглядывал командующего.

— Где Шмелев? Где батальон? Он жив? — спросил Игорь Владимирович, делая жест рукой, чтобы остановить толстяка.

— Откуда мне знать? — раздраженно ответил толстяк. — У меня тридцать семь человек, и среди них нет никакого Шмелева. Тридцать семь раненых, из них пять весьма тяжелых. А я один. Где мои сани? Зачем же вы явились сюда, если вы не можете мне помочь? Я целые сутки работал на льду...

— Вы забываетесь, — сказал адъютант. — Вы говорите с командующим армией.

— Для меня не существует ни командующих, ни рядовых. Под моим ножом все равны. И все требуют сострадания. А что я могу им дать?

— Объясните же наконец. Куда они ушли? Где они сейчас?

— Вам лучше знать, куда вы посылали их. Что должны делать солдаты, как не выполнять приказ. И они ушли выполнять его. — Толстяк махнул рукой куда-то в сторону от озера.

В проулке послышалось гуденье моторов. Аэросани тяжело выползли на площадь и остановились у танка. От моторов поднимался пар. Винты прокрутились на холостых оборотах и остановились. Стало тихо.

Далекая пулеметная очередь прорезала тишину. Донеслись глухие разрывы мин, снова частая пулеметная дробь.

— Слышите? — сердито сказал толстяк. — Опять они берутся за свое. Скоро опять привезут ко мне раненых. Они знают, что делают.

глава III

Осень стояла в тот год потрясающая, и солнце все время сверкало над нами. Было не жарко, и мы шагали с утра до вечера. В деревне девочка в белом платье подбежала ко мне, я подхватил ее на руки,

в глазах ребенка не было страха от того, что она смотрела в лицо солдата. Мы ушли далеко, а она все махала рукой, мы шли по шоссе, и впереди, над рощами, над убранными полями маячил острый готический шпиль костела. Мы шагали к нему весь день, шпиль бродил по горизонту, потом встал прямо надо мной, и я вошел внутрь. Служба уже кончалась, женщины в белых платках сидели на скамейках, слушая орга́н и хор. Лучи солнца проходили сквозь высокие стрельчатые окна, внизу было сумрачно, прохладно, и музыка, слитая с женскими голосами, поднималась к солнцу. Девушка пела в церковном хоре о всех усталых в чужом краю, о всех кораблях, ушедших в море, о всех забывших радость свою. Так пел ее голос, летящий в купол, и луч сиял на белом плече, и каждый из мрака смотрел и слушал, как белое платье пело в луче. И всем казалось, что радость будет, что в тихой заводи все корабли, что на чужбине усталые люди светлую жизнь себе обрели. И голос был сладок, и луч был тонок, и только высоко, у царских врат, причастный тайнам, плакал ребенок о том, что никто не придет назад, — я стоял и шептал стихи, как молитву, потом музыка кончилась, и я побежал догонять своих. Я не поверил этой молитве, мы уже не раз возвращались оттуда и снова вернемся, я знаю — вернемся потому, что я слышу, как любимая плачет и зовет меня. Ведь так не бывает, чтобы никто не пришел назад, всегда кто-нибудь возвращается. На берегу будут стоять женщины и ждать тех, кто вернется, и моя любимая ждет на берегу, корабль подходит, уже видны их лица, ищущие взгляды и улыбки, и девочка в белом платье машет рукой, и бабочки пестро порхают над толпой — это мы возвращаемся. Мы придем, непременно придем, измученные, седые, все тело в глубоких шрамах, пустой рукав заткнут за пояс, и костыли гремят по мостовой, а города лежат в развалинах, дом порушен, на витринах — мешки с песком, хлеб дают по карточкам, но мы все равно вернемся, и не будет ничего прекраснее, чем то, что мы вернулись, потому что пушки перестали стрелять, огни зажглись в окнах, пахарь выходит в поле и надо начинать жизнь сначала.

Шмелев поднял руку, давая сигнал. Позади сухо захлопали минометы. Первые мины не долетели до деревни, а потом стали рваться за оградой, забрасывая в стороны острые железные колья и темные тучи земли и снега.

Солдаты медленно ползли по полю. Немецкие пулеметы за оградой замолчали.

— Дай. — Шмелев взял из рук Джабарова флягу, сделал несколько глотков. Ром был тягучим и огненным, он утишал боль в голове, и казалось, что раненое плечо болит слабее. Шмелев отдал флягу, захватил зубами снег, чтобы остудить рот.

Мины часто рвались за оградой, и было видно, как немцы поднялись и побежали, волоча за собой пулемет. Они скрылись за клубом, потом показались с другой стороны, выбежали в ворота и побежали вдоль домов. Через минуту немцы показались в поле за деревней. Их было около взвода. Они бежали по дороге и часто оглядывались. Двое с пулеметом сильно отстали и тащились позади. Второго пулемета с ними не было.

Минометы дали еще несколько залпов, потом солдаты поднялись и пошли через поле к деревне.

Это была уже четвертая деревня, которую они занимали с утра. Четвертая — и последняя перед железной дорогой.

Шмелев прошел вдоль ограды и вышел на улицу. Разбитый пулемет валялся на снегу за развороченной стеной, от пулемета шел широкий кровавый след, и в конце этого следа лежал мертвый немец в распахнутой шинели. Все окна в клубе были выбиты.

Солдаты молча сидели и лежали на снегу прямо у дороги. Трое копошились у колодца. На срубе стояла широкая заледенелая бадья, и солдаты поочередно пили, жадно прижимаясь губами к воде. Шмелев прошел мимо, и солдаты неспешно поднимались, вскидывали на плечи мешки и автоматы.

На развилке дорог в конце деревни Шмелев остановился и раскрыл планшет. Раненое плечо ныло, но он уже притерпелся к боли и старался только не шевелить рукой.

— Яшкин, — бросил он.

Яшкин встал перед ним.

— Пойдешь со своими по левой дороге в обход. Маршрут — русло Псижи, до насыпи железной дороги. Там будет мост и разъезд Псижа. Пройдешь от моста к разъезду и ударишь по гадам во фланг. Задача ясна?

Яшкин повторил приказание.

— Действуй.

Яшкин побежал. Шмелев сделал знак рукой — солдаты пошли по правой дороге.

За деревней началось снежное поле. Яшкин уходил влево, поторапливая солдат взмахами руки, Комягин со своей группой шел впереди. Боже мой, как мало стало их, три крошечные группы, из которых не соберешь и полроты. Солдаты идут, тяжко опустив головы, и ноги у них свинцовые. Они идут и смотрят под ноги, а если дать команду на привал, они тут же лягут в снег и будут молча лежать, потому что познали такое, для чего не существует слов ни на каком языке. Одежда на них изорвалась, висит клочьями, они измучены и голодны, но все равно идут вперед. На лицах темнеют бурые пятна и язвы, оставленные огнем и морозом, многие ранены, но им сейчас не до этого, потому что они идут вперед по родной земле, сбивая с нее врага.

А впереди — долгий путь, и солдаты идут неторопко и ровно, не спеша и не отставая, как раз так, как надо идти, чтобы пройти весь путь до конца.

Где-то далеко работала артиллерия — снаряды изредка прилетали оттуда и ложились в поле. Один снаряд разорвался вблизи, выбросив столб снега и земли. Солдаты полежали в снегу, отдыхая, а когда осколки прошуршали над головами, поднялись, пошли дальше. Снег на поле был глубокий, мягкий, в нем хорошо прятаться от смерти, а под снегом земля, там тоже можно спрятаться — еще надежней и верней. Солдаты шли вперед, готовые в любую минуту закопаться в землю.

Еще три снаряда один за другим прилетели оттуда же. Солдаты чутко услышали их и легли, быстро работая лопатками. Снег взорвался тремя столбами с землей, косо осел по полю. Солдаты подождали, не будет ли еще снарядов, а потом поднялись, кроме одного, который лежал ближе к ворон-

ке. Двое подошли к нему, убедились, что он мертв, подтащили за ноги к дороге и оставили на обочине. Они не стали закапывать его, потому что надо идти вперед и у живых нет времени и сил и потому что мертвому все равно где лежать, а солдат закапывается в землю, чтобы жить. Они оставили тело на снегу и пошли вперед, ни разу не оглянувшись. Теперь их стало еще меньше. Но одним мертвым больше сделалось на родной земле.

Шмелев прошел мимо убитого и узнал пулеметчика Игната Маслюка. Тот лежал, раскинув руки, рот раскрыт в беззвучном крике.

— Дай, — сказал Шмелев.

Джабаров отстегнул флягу. Шмелев сделал два глотка и пристегнул флягу к своему поясу.

Теперь осталось совсем немного — кустарник, за ним железнодорожная насыпь. У немцев всего один пулемет. Еще немного — они возьмут дорогу и выполнят приказ, но это ровным счетом ничего не значит — за этим приказом последует новый, за лесом — другой лес, за высотой — другая высота, за берегом — другой берег, и сколько бы ни идти, всегда впереди будет расстилаться новый берег, которого надо достигнуть, и сколько бы высот ни брать, всегда будет новая высота, которую надо завоевывать. А они уже устали и обессилели...

Кустарник оказался недолгим, он начал редеть, и впереди опять стали видны солдаты. Они шли полусогнувшись и выставив автоматы.

Насыпь ровно и прямо шла через поле. За насыпью виднелся дальний горизонт и темная, в прогалинах полоса леса. По эту сторону насыпи шли столбы, левее был мост. Тонкие железные перильца, присыпанные снегом, поблескивали и просвечивали. Мост был цел. Подрывники капитана Мартынова так и не добрались сюда.

Дорога выходила из кустарника, поворачивала и шла к переезду. Там стояла крохотная будка в одно окно. Полосатый шлагбаум косо торчал над будкой. Между переездом и мостом, ближе к мосту стоял семафор с опущенным сигналом. Правее будки начинался разъезд, там видны товарные вагоны, странно покосившиеся и кривые.

Немецкий пулемет заработал неподалеку от

будки. Солдаты легли в снег и стали отдыхать, постреливая из автоматов.

Солдаты Яшкина показались у моста — было видно, как они подсаживают друг друга, вылезают на берег и по одному перебегают к насыпи. Потом пошли гуськом вдоль полотна. Немцы не видели их: земля скрывала солдат. Шмелев пустил ракету, и солдаты поползли по полю к насыпи. Немецкий пулеметчик бил короткими, экономными очередями.

Яшкин уже подходил к переезду. У основания насыпи снег был глубоким, Яшкину стало жарко, он расстегнул полушубок и то и дело прикладывал к щеке холодную гранату. Он видел полосатую крышу будки, слышал, как почти прямо над головой бьет пулемет за насыпью. Яшкин сорвал предохранитель, поднял руку. Солдаты враз бросили гранаты. Пулемет захлебнулся; разрывы гранат передались через насыпь, земля под ногами заколебалась. Яшкин выскочил на насыпь и увидел убегающих немцев. Немцы изредка оборачивались, били из автоматов. Пули просвистели поверху, Яшкин упал на полотно, ощутил под снегом твердые шпалы. Посмотрел вдоль насыпи и не увидел ничего, кроме ровного, заметенного снегом полотна. Он понял: случилась страшная ошибка, вскочил, закричал, размахивая руками, спотыкаясь на шпалах, побежал к будке. Дверь поддалась не сразу, он с силой рванул ее, и навстречу хлынул огонь.

Будка поднялась и взлетела над насыпью, окутанная грязной тучей снега. На высоте взорвалась вторая мина, и Шмелев увидел, как будка стала переворачиваться и рассыпалась в воздухе. Крыша и часть стены отвалились в сторону, и все это стало медленно оседать на землю. Напуганные взрывом солдаты сбегали с насыпи и ложились в снег.

— Гады, — Шмелев встал на колени, глядя на насыпь.

— Товарищ капитан, а вы знаете, почему он так побежал? — спросил Джабаров. — Смотрите.

Дым и снежная пыль медленно оседали. Вокруг будки валялись дымовые шашки, разбросанные взрывом. Одна из шашек начала медленно дымиться.

Черная рваная выемка зияла в насыпи. Ветер с той стороны сдувал с краев воронки мелкую снежную пыль, расщепленная шпала зловеще торчала из черной глубины земли.

— Помните, товарищ капитан, он вам первый доложил. Про блиндажи с рельсами. Помните?

— Не сходи с ума, — сказал Шмелев и быстро, не разбирая дороги, зашагал к насыпи. В голове у него звонко гудело.

— Товарищ капитан.

Шмелев обернулся и увидел, как над кустарником быстро движется белая остроносая кабина и за ней мерцает зыбкий полукруг.

— Пойди узнай, — сказал Шмелев. Сам он уже понял все.

глава IV

Аэросани проехали кустарник, и стала видна насыпь железной дороги, идущая поперек поля. Солдаты медленно двигались по полю к насыпи, и у Игоря Владимировича сжалось сердце, когда он увидел редкие фигурки, озябшие, съежившиеся, с тяжко опущенными головами. За цепью шел офицер со связным. Офицер услышал шум мотора и остановился. Потом сказал что-то связному, тот побежал к насыпи, а офицер зашагал навстречу саням.

Сани подъехали ближе, а Игорь Владимирович все еще не узнавал офицера, хотя фигура и походка были страшно знакомыми. На груди офицера висел автомат, на поясе — две гранаты и фляга. Он на ходу отстегнул флягу и выпил из нее, потом, тоже на ходу, пригнулся, схватил горсть снега и сунул снег в рот. Рукавицы заткнуты за пояс.

Сани замедлили ход и стали. Игорь Владимирович толкнул дверцу. Офицер подошел ближе, увидел командующего, но ничто не отразилось на его лице.

— Товарищ генерал, разрешите доложить. Боевой приказ выполнен. Батальон перерезал железную дорогу. Противник отходит. Докладывает капитан Шмелев. — Он стоял в снегу, положив руки на автомат, и смотрел на командующего. Он говорил с трудом, часто останавливался, голос был стылым. Лицо ничего не выражало, кроме беспредельной

усталости, — такие лица встречались на военных дорогах сорок первого года и, бывает, встречаются на старых русских иконах. Глубоко запавшие глаза были недвижны и печальны, в них вспыхивало что-то пронзительное и темное.

Игорь Владимирович хотел и не мог отвести взгляда от этих глаз, которые, казалось, видели все, что могут видеть глаза человека. Он сделал усилие и отвернулся, почувствовав, как по телу пролился холодный озноб. Теперь командующий смотрел прямо перед собой. Наконец он сказал:

— Майор Шмелев, поздравляю вас с присвоением очередного звания.

— Слушаюсь, товарищ генерал, — сказал Шмелев, и лицо его не изменилось.

— Капитан Дерябин, — сказал Игорь Владимирович, не оборачиваясь, — что скажете вы?

Дерябин откинул ветровое стекло и высунулся из кабины:

— Слушай-ка, майор. Это ты обстрелял вчера вечером мои сани с берега?

— Я был на берегу. Уже стемнело. Я слышал мотор. Дал три ракеты. Сани прошли правее. На Куликово. Там был противник. Пулемет работал из Куликова. — Шмелев говорил монотонно и равнодушно, глядя вдаль, поверх насыпи.

— Ну и живуч, — с восхищением сказал Дерябин.

— Капитан Дерябин, накажите своего водителя.

— Товарищ командир, — взмолился Дерябин, — в машине находился полковник Славин. Он указывал...

— Приказываю наказать водителя своей властью. В противном случае берегитесь моей.

Дерябин послушно нырнул в кабину.

— Товарищ генерал, разрешите продолжить преследование противника? — спросил Шмелев и повернулся всем телом, чтобы посмотреть, что происходит на насыпи. Солдаты уже прошли поле, нестройно поднимались на насыпь и садились там отдыхать. Джабаров бежал по дороге от переезда.

— Много ли его осталось на вашу долю? — спросил Игорь Владимирович. Он уже полностью овладел собой, холод на спине прошел. Он легко

выпрыгнул из саней, положил руку на плечо Шмелева. — Вы не ранены, майор?

— В голове что-то гудит, — ответил Шмелев. — Землей вчера присыпало.

Игорь Владимирович повернулся к саням:

— Дайте связь. Вызовите все станции.

Шмелев зашагал по дороге к насыпи. Командующий догнал его.

— Нехорошо, майор. Ваш генерал гоняется за вами, а вы никак не реагируете.

Шмелев ничего не ответил, будто не слышал.

Джабаров подбежал к ним и остановился в пяти шагах.

— Товарищ генерал-лейтенант, разрешите обратиться к капитану Шмелеву.

— К майору Шмелеву. Запомните.

— Так точно, товарищ генерал-лейтенант, разрешите обратиться к майору Шмелеву?

И опять:

— Товарищ майор, разрешите обратиться?

И еще раз:

— Товарищ майор, разрешите доложить. Дороги нет. Докладывает сержант Джабаров. — Он стоял не шевелясь и не сводил глаз со Шмелева.

Игорь Владимирович натянуто улыбнулся:

— У вашего связного несколько странная манера докладывать. О какой дороге идет речь? Вон же дорога. И вагоны стоят.

— Он говорит о железной дороге, — бесстрастно сказал Шмелев.

Игорь Владимирович нервно поправил папаху, посмотрел на адъютанта и быстро зашагал к разъезду.

— Отчего же вы не доложили об этом раньше? — бросил он на ходу.

— Я не мог знать точно.

— Вы же видели, что блиндажи на берегу перекрыты рельсами.

— Я писал о рельсах в донесении. Не мне делать выводы. Я выполнял приказ.

— Что за дьявольщина, — сказал Игорь Владимирович.

Полотно дороги разбегалось в обе стороны. Оно было ослепительно белым и ровным, только в тех

местах, где шпалы не были сняты, снег лежал неглубокими волнами, и ветер сдувал его с насыпи, отчего казалось, будто снежные волны шевелятся и убегают вдаль. Старые товарные вагоны стояли на разъезде прямо на шпалах. Снег замел колеса.

Игорь Владимирович расковырял ногой железный костыль и поднял его. Костыль был погнутый и ржавый. Солдаты стояли строем по обе стороны насыпи и тоже глядели на костыль. Солдаты видели снизу ровную насыпь дороги, закрытый семафор, столбы с проводами, мост над рекой, вагоны на разъезде — если смотреть снизу, все на этой дороге было как полагается.

Игорь Владимирович швырнул костыль в сторону и посмотрел сверху на солдат.

— Товарищи офицеры, сержанты, солдаты! — торжественно сказал он. — Поздравляю вас с успешным выполнением боевого приказа. Рад сообщить вам, что войска армии прорвали фронт противника и гонят поганых фрицев с родной земли. Освобожден древний русский город Старгород. Взяты сотни населенных пунктов, захвачены тысячи пленных, перерезаны важнейшие коммуникации врага. Вы были первыми в этом бою и приняли на себя самый тяжелый удар. Родина никогда не забудет вашего ратного подвига. Выношу вам благодарность.

Батальон ответил нестройно:

— Служим Советскому Союзу!

Шмелев объявил привал и спустился следом за командующим с насыпи. Солдаты сходились к переезду, через минуту там уже трещал костер, сложенный из досок подорванной будки. Солдаты держали над огнем котелки со снегом. Двое часовых с автоматами ходили взад-вперед по насыпи.

Игорь Владимирович быстро шагал к саням. Радист включил радиостанцию, и командующий взял трубку.

— Внимание. Сообщаю открытым текстом. Нахожусь на железной дороге в районе разъезда Псижа. Рядом со мной Шмелев. Противник начал отход по всему фронту, оставляя мелкие заслоны. Всем, всем — немедленно начать преследование противника. Где Венера? Прием.

— Товарищ Первый, разрешите доложить, — быстро говорил в приемнике Славин. — Венера ответила десять минут назад. Там находится Булавенко. Повторяю: Венера ответила, Венера нашлась. Докладывает Славин. Как поняли? Прием.

— Я понял, что вы не выполнили моего приказа. Повторяю всем. Полчаса назад полковник Славин отстранен мной от должности. Его распоряжения считаются недействительными. Прием.

— Понял вас, — ответил Славин и замолчал.

— Я Булавенко. Нашел Венеру, нахожусь на Венере. Рад за вас, товарищи. Привет Шмелеву. У нас тут не густо. Как вы?

— Внимание. Говорит Марс, перебиваю. Москва передает приказ товарища Сталина.

— Понял вас. Спасибо. Переключаюсь на московскую волну. Отбой.

...Они стояли в снегу вокруг саней и слушали отдаленный приподнятый голос Москвы. Приказ уже передавался, и они слушали не с начала.

— ...произвести салют двадцатью залпами из ста двадцати четырех орудий. Вечная слава героям, павшим в боях... — Далекий торжественный голос печально умолк, а они все стояли в снегу.

Над полем была тишина, лица солдат были темными и усталыми. Сергей Шмелев снял шапку, Игорь Владимирович увидел вдруг его седые, плотно слежавшиеся волосы. Лицо его было по-прежнему застывшим, губы плотно сжаты, а глаза устремлены в поле, поверх насыпи.

Одинокий снаряд гулко разорвался у моста, и снежная туча косо поплыла над полем. Игорь Владимирович подошел к Шмелеву:

— Ты совсем седой, Шмелев.

— В пророки хочу записаться, — ответил Шмелев, не меняя выражения лица, и спокойно натянул шапку на голову.

— Заводите, Дерябин.

Шмелев повернулся всем телом:

— Товарищ генерал, разрешите продолжить преследование противника.

— Ни в коем случае. Приказываю вашему батальону немедленно возвращаться в Устриково. Ве-

чером за вами придут машины. А потом вы сдадите батальон и явитесь ко мне. Назначаю вас начальником оперативного отдела штаба армии. Примете дела у Славина.

— Ого! — сказал Дерябин из саней.

Губы Сергея Шмелева дрогнули, он перестал смотреть вдаль и посмотрел на командующего, может быть, впервые с момента их встречи.

— Я не могу сдать батальон, товарищ генерал. Не могу. Это мой батальон. — Он был сильно взволнован.

— Хорошо, майор. Мы поговорим об этом. Можно будет взять их в комендантскую роту. А теперь кругом и шагом марш. — Командующий приложил руку к папахе и повернулся к саням.

Мотор взревел. Шмелев даже не услышал снаряда. Снаряд разорвался неподалеку, опрокинув Джабарова в сугроб. Шмелев присел. Игорь Владимирович замер, поднял руки и начал медленно заваливаться назад.

Он лежал на снегу, прижавшись к земле щекой. Снег под ним стал красным, лицо было спокойным и безмятежным. Открытые глаза смотрели на насыпь, и Шмелев с горечью подумал, что командующий армией погиб на острие стрелы, которую сам прочертил на карте.

Они сделали все, что полагается делать на войне с убитым генералом. Солдаты отдали салют. Шмелев вызвал по радио штаб армии и доложил о гибели командующего армией. Булавенко распорядился доставить тело в штаб.

Автоматчики втиснули большое тяжелое тело в кабину аэросаней. Шмелев отдал честь мертвому генералу и зашагал к солдатам.

Солдаты на дороге выстраивались в походную колонну, вскидывали мешки, гремели котелками. Он дал команду, пропустил колонну мимо и пошел замыкающим.

Сани описали широкий круг по полю и снова выехали на дорогу, набирая скорость. Рука Игоря Владимировича вывалилась из кабины и болталась, указывая на насыпь.

Шмелев тревожно обернулся к насыпи и ничего не увидел там. Догорал солдатский костер. Дымо-

вая шашка слегка дымилась. Закрытый семафор стоял у моста. За насыпью виднелось далекое поле. Он потер виски, вспоминая. Тяжелая, гнетущая боль гнездилась в голове и никак не проходила, оттого он и старался смотреть как можно дальше, чтобы уйти от боли. Смутное, все время ускользающее чувство давило его, словно он позабыл что-то очень важное — и не мог вспомнить что. И вдруг он вспомнил. Письмо. Да, письмо. Конечно, письмо. Как же я мог не вспомнить об этом? Письмо — и на конверте ее почерк, а я ведь даже не знаю ее почерка, все знаю о ней, кроме почерка. Письмо — и на конверте обратный адрес, не забывайте написать на конверте адрес отправителя; боже мой, как давно было это, две жизни назад было это, двадцать тысяч лет назад было это, на другой планете было это. Берега были разъединены, а потом лед соединил оба берега, и мы пошли вперед, чтобы еще крепче соединить их своей жизнью. Мы шли тогда по другой планете, темная ледяная пустыня простиралась вокруг нас, потому что мы пришли на ту планету, когда там был ледниковый период; все покрыто льдом и снегом; кругом — долгий мрак, ни одна звезда, ни одно солнце не освещали ее своим светом, не давали ей своего тепла, и мы пошли и легли на лед, чтобы согреть его теплом своих тел. Но холода вокруг оказалось больше, чем человеческого тепла; берег ощетинился железом, во мраке рождались вспышки, гремел ледяной гром, и холод смерти подступал все ближе. Тогда пришло отчаяние, я вспомнил землю, озаренную светом, и стал молить небо, чтобы оно не отнимало меня у земли, потому что на земле жизнь и все так прекрасно и просто: вода, воздух, хлеб, трава — все просто и доступно, все-все, кроме жизни, оттого что кругом мрак и холод. И тогда мы поняли самое главное: надо, чтобы растаял лед, чтобы солнце снова зажглось, чтобы жизнь стала доступной для всех живых. Человек имеет право на жизнь, это его первое право, и он должен завоевать его, если ему не дают его просто так. Мы встали и пошли. Нас оставалось все меньше, и мертвые передали нам свою ярость и силу, а ведь они уже никогда не вернутся на землю, никогда не увидят прекрасного солнца

земли, не услышат пения земных птиц, криков земных детей, шороха земных трав. И мы станем последними земными тварями, если забудем о них. Они лежат на льду, велят идти вперед. Мы должны идти, потому что нет у нас другого исхода: только идти, идти, идти, несмотря ни на что, несмотря на посулы и угрозы, — и тогда мы придем к самому далекому берегу, родившему всех живых.

— Товарищ майор, — позвал его Джабаров. Шмелев не сразу понял, что зовут его.

— Что тебе? — спросил он, не оборачиваясь.

— Товарищ майор, может, Яшкина с собой возьмем?

Шмелев вдруг сообразил, в чем дело.

— Капитан, — тихо и спокойно сказал он. — Учти, Джабар. Я — капитан. Ты ничего не слышал. Ничего не знаешь.

— Так точно, товарищ капитан, — отозвался Джабаров, умудрившись передать служебными словами все, что он понимал и чувствовал.

И Шмелев услышал свой голос, чужой и страстный, разнесшийся над полем:

— Батальон, сто-ой!

Сани уже скрылись в кустарнике, гул моторов затих в отдалении. Солдаты медленно останавливались, задние подступали к передним. В голове у него перестало гудеть, мысли стали ясными и простыми: он вспомнил самое важное.

Он остановился, не доходя до солдат, и снова крикнул, как бы исполняя последнюю волю командующего:

— Кру-гом! Шагом ма-арш! — Голос его возвысился, пролетел над полем. Он повернулся и пошел обратно. Теперь он был в голове колонны. Джабаров обогнал его и зашагал впереди.

Солдаты послушно исполнили команду. Походка их переменилась — шаг замедлился, стал тяжелей и размеренней: впереди лежал долгий путь, и солдаты знали это.

Шмелев прошел мимо догорающего костра, поднялся по дороге на насыпь, прошагал по шпалам мимо взорванной будки, где клубилась шашка, спустился с насыпи, а там началось другое поле, и он пошел по нему не оглядываясь.

ОБ АВТОРАХ

АРИФ ВАСИЛЬЕВИЧ САПАРОВ всей своей жизнью и творческой деятельностью связан с Ленинградом. Родился он в 1912 году в г. Луге, в нескольких часах езды от Ленинграда. Четырнадцатилетним пареньком вступил в комсомол, а осенью 1929 года в период коллективизации по путевке комсомола уехал организовывать первые в стране колхозы. Время коллективизации, когда резче и ярче обозначились классовые противоречия на деревне, выдвигало на первый план горячих, убежденных и преданных людей. Таким и был семнадцатилетний председатель сельхозартели «9 января» в Оредежском районе А. Сапаров.

Борьба за хлеб, кулацкие обрезы, полная тревог и беспокойства жизнь только закаляли характер молодого председателя: все, что проходило перед глазами, превращалось в очерки, рассказы, зарисовки для комсомольской печати. Так началась вторая жизнь, связанная с газетами, куда А. Сапаров начал писать еще в пионерском возрасте.

Призвание одерживает верх, и в 1930 году писатель навсегда связывает себя с журналистикой — работает очеркистом «Ленинградской правды». Рабочие ленинградских заводов, судостроители, научные работники, старые большевики, заводские комсомольцы — из жизненного фактического материала вырисовывались контуры будущих очерковых книг.

Главной темой он навсегда избирает рождение и становление нового мира. Это можно увидеть по таким книгам, как «Волховские были», «В море и на суше», «Камень опасности» и др.

В 1940 году А. Сапаров вступил в партию. С первого дня войны редактировал армейскую газету «Знамя победы». И опять писатель — рядом со своими героями. Вчерашние сталевары, токари, агрономы, кузнецы, взявшие в руки оружие, чтобы отстоять родную землю, стали героями его новых очерков, новых книг, написанных, как правило, на документальной основе.

Все девятьсот дней блокады Ленинграда писатель провел на Ленинградском фронте. Поэтому со страниц его книг, таких, как «Дорога жизни», «Четыре тетради», «Январь сорок второго» встает героическая жизнь мужественных ленинградцев, наполненная драматическими событиями, населенная людьми, преданными родной земле до последней капли крови.

От осажденного Ленинграда до Праги — таков военный путь А. Сапарова, который был награжден орденами Отечественной войны I и II степени, орденом Красной Звезды, медалью «За отвагу» и др.

«Хроника одного заговора» — одна из повестей, созданных писателем в последнее время.

Не многим известно, что военному разгрому Юденича под Петроградом предшествовала и в немалой мере способствовала победа молодого Советского государства на незримом фронте, когда молодая советская разведка скрестила оружие с грозной «Интеллидженс сервис», имевшей огромный опыт международных диверсий и многолетнюю практику международного шпионажа. Трудность еще заключалась и в том, что шпионажем в пользу «Джона Буля» — давняя кличка английского империализма — был пронизан сверху донизу николаевский государственный аппарат. Не мудрено, что один из законсервированных на многие годы агентов проник даже в Петроградскую ЧК.

Благодаря сплоченности и бдительности населения северной столицы, которое помогало чекистам, а также мужеству самих

работников ЧК молодое Советское государство вышло победителем в этой сложной игре не на жизнь, а на смерть.

Сейчас А. Сапаров работает над новой документальной повестью о чекистах.

АНАТОЛИЙ ПАВЛОВИЧ ЗЛОБИН относится к той плеяде советских писателей, чья юность совпала с началом Великой Отечественной войны.

Он родился 10 ноября 1923 года в семье служащего, коренного уральца. Детство и школьные годы писателя прошли в Москве, куда переехали его родители. В июне 1941 года, в самый канун войны, он окончил десятилетку и семнадцати с половиной лет надел защитную форму курсанта Камышловского военно-пехотного училища. А в девятнадцать лет Анатолий Злобин был лейтенантом и командиром огневого взвода минометной батареи. В конце 1942 года лейтенант Злобин уже воюет с фашистами на Северо-Западном фронте под Старой Руссой в составе 137-й отдельной стрелковой бригады. В 1943 году он вступает в партию.

Военный путь будущего писателя — славный путь многих, воевавших на том направлении. С боями он прошел Старую Руссу — Дно — Порхов — Остров — Алуксне — Тарту — Эльбин — Данциг — Штеттин — Померанию — устье Одера. Дважды был ранен, награжден орденом Красной Звезды и четырьмя медалями. В той боевой операции, которая легла в основу романа «Самый далекий берег», Анатолий Злобин принимал самое непосредственное участие как командир взвода управления командующего артиллерией бригады. Его взвод обеспечивал артиллерийскую разведку, связь, корректировку огня. Многие из героев романа — образы не вымышленные, а живые участники боев, сражавшиеся бок о бок с автором. Однако путь к созданию романа был не близкий, ибо в те годы Анатолий Павлович Злобин себя писателем еще не считал.

По окончании войны двадцатидвухлетний ветеран сразу же поступает в Литературный институт имени Горького: как и многие его сверстники, он спешит наверстать украденное войной время. В те годы аудитории дома Герцена принимали студентов в защитных гимнастерках.

Анатолию Злобину повезло: он попал в семинар прозы, руководил которым Константин Георгиевич Паустовский. С тех пор он считает его своим учителем.

Первое крупное произведение, написанное Злобиным и замеченное критикой, появилось в журнале «Новый мир» в 1951 году. Очерк назывался «Шагающий гигант» и представлял собой документальный рассказ о том, как проектировался и строился первый большой шагающий экскаватор. Несмотря на то, что работа была замечена в десятках критических отзывов, сам автор позже выражал неудовлетворение ею. По его мнению, «этот очерк рассказывал скорее о машине, нежели о людях. Люди проявлялись в нем лишь постольку, поскольку они имели отношение к машине»...

Десять напряженных лет ушли у писателя на накопление жизненного материала. Можно сказать, что одновременно был завершен первый этап постижения писательского опыта. Пришла пора осмыслить увиденное и узнанное, посмотреть на пройденный путь взглядом художника и, отбросив мелкое и незначительное, сесть за настоящую большую работу. Естественно, что первой такой работой стал роман «Самый далекий берег», поскольку война не ушла еще из памяти писателя да и, по всей вероятности, окончательно не уйдет никогда.

Работу над романом Анатолий Павлович Злобин начал в 1959 году, а последнюю точку поставил в 1962-м. В 1963 году роман печатался в февральском и мартовском номерах журнала «Молодая гвардия». А несколько позже вышел отдельной книгой в издательстве «Советская Россия».

Вот что пишет критик А. Бочаров в своей статье «Истоки победы», опубликованной в журнале «Знамя» № 5, 1965:

«Сознательный героизм — это очень важно для А. Злобина в том вопросе, который волнует, как мы видим, и К. Симонова: бесценна жизнь человека, и все-таки бывает час, когда приходится, нужно ею жертвовать. А. Злобин пишет как бы с позиции тех, кому приходилось жертвовать, с позиции командиров, поставленных перед этой необходимостью неумолимой логикой войны, законами сражения. Это очень важно, ибо некоторые произведения последних лет, как известно, ослабили пафос

утверждения высокой, хотя и жестокой, необходимости отдать свою жизнь во имя победы.

Роман А. Злобина активно противостоит сентиментальности, подменяющей жалостливостью истинный гуманизм, и поднимается порой до большого пафосного обобщения, столь необходимого, когда речь идет о жизни и смерти... То и дело при чтении романа подступает к горлу горестный комок. Но суровая правда — если она п р а в д а — еще никогда не принижала подвига народа...»

Сейчас Анатолий Павлович Злобин активно работает над новыми произведениями. Писатель задумал 10—12 рассказов, две повести. Одновременно он начал работу над большим романом. «Однако, — сказал нам Злобин, — вряд ли есть необходимость говорить о задуманном, но еще не написанном. Можно сказать лишь то, что это будут произведения о наших современниках. Некоторые из них связаны с военной темой».

СОДЕРЖАНИЕ

Ответственные за выпуск:
О. М. ПОПЦОВ, В. И. ТОКМАНЬ

Приложение к журналу «Сельская молодежь», том I Р2

М. «Молодая гаардия», 1969.

Редактор-состаантель *Р. Винонен*
Оформленне *А. Шипова*
Художественный редактор *Н. Михайлов*
Технический редактор *Л Коноплева*

Сдано в набор 28/V 1969 г. Подписано к печати 16/IX 1969 г. А01196. Формат 84×108 1/32 Бумага № 1. Печ. л. 12 (усл. 20,16) Уч.-изд. л. 19,5. Тираж 580 000 экз. Цена 64 коп. Заказ 609.

Типография издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Москва, А-30, Сущевская, 21.

